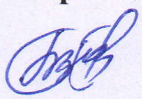
НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКИСТАНА
ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
ИМЕНИ АКАДЕМИКА Б. ИСКАНДАРОВА

На правах рукописи



БЕХРОНШО ДЖУМА САИДЯХЁ

НАСИРХУСРАВОВЕДЕНИЕ В ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (ТАДЖИКИСТАН И РОССИЯ): ИСТОРИОГРАФИЯ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ИНСТРУМЕНТАРИИ

Специальность:
5.9.2 – Литература народов мира (персидско-таджикская литература)

Диссертация
на соискание учёной степени
доктора филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук
Каландаров Хоким Сафарбекович

Душанбе – 2025

Содержание

Введение ……

Глава 1. Проблема создания биографии Насира Хусрава в советский период

1. Биографический метод в советском литературоведении: теоретико-методологические подходы……..
2. Биография писателя как литературоведческая проблема: особенности осмысления в советском контексте……..
3. Биографико-литературный анализ наследия Насира Хусрава: цели и принципы **…….**

Глава 2. Насир Хусрав в контексте персидско-таджикской и мировой литературной традиции……..

1. Изучение жизни и творчества Насира Хусрава в историко-литературном аспекте……
2. Ранний этап научного осмысления поэтического и прозаического наследия Насира Хусрава……
3. Ключевые научно-литературные исследования о творчестве Насира Хусрава ……

3.1. Исследования биографии и литературного наследия Насира Хусрава

3.1.1. Насир Хусрав как философ: исследовательские интерпретации

3.1.2. Насир Хусрав как поэт: жанрово-стилистические особенности Поэзии……..

3.1.3. Насир Хусрав как прозаик: тематика и структура прозаических Произведений……..

3.1.4. Насир Хусрав как религиозный мыслитель и пропагандист: идеологические аспекты творчества……

3.2. Художественная рецепция Насира Хусрава в литературе……

Глава 3. Осмысление биографии и литературного наследия Насира Хусрава в советской литературоведческой традиции

1. Периодизация творчества Насира Хусрава: подходы и интерпретации в советской науке……
2. Трансформация подходов к изучению литературного наследия Насира Хусрава в советский период……
3. Религиозно-философская составляющая творчества Насира Хусрава в оценке советских учёных……

Глава 4. Этапы и направления насирхусравоведения в постсоветский период: опыт Республики Таджикистан

1. Изучение классического литературного наследия в научно-культурной политике независимого Таджикистана……..
2. Проблемы текстологии и современные издания Насира Хусрава: достижения и перспективы……..
3. Актуальные исследования о Насире Хусраве в таджикской науке периода независимости……..
4. Образ Насира Хусрава в современной художественной литературе Таджикистана…….

Заключение…….

Библиография…….

ВВЕДЕНИЕ

Хаким Насир Хусрав Кубодиани одна из наиболее выдающихся и символически значимых фигур в истории персидско-таджикской литературы и философской мысли XI века. Его многогранное, насыщенное оригинальными идеями и глубокими философскими размышлениями литературное наследие занимает особое место не только в культурной истории Ирана и Центральной Азии, но и в контексте мировой интеллектуальной традиции. Поэтическое творчество Насира Хусрава отличается выразительной идейной направленностью, внутренней логикой философского дискурса и ярко выраженной индивидуальностью поэтической формы. Эти особенности выгодно выделяют его произведения на фоне как предшествующей, так и последующей поэтической традиции. Уникальность наследия Насира Хусрава проявляется прежде всего в оригинальности художественно-философского выражения, а также в тематической насыщенности и концептуальной глубине его произведений, в которых поэзия выступает как форма постижения истины и инструмент духовно-нравственного воспитания.

Актуальность темы. Изучение интеллектуального наследия Насира Хусрава, выдающегося персидскоязычного мыслителя XI века, продолжает оставаться важным направлением в рамках востоковедения, исламоведения и иранистики. Насир Хусрав (1004-1088), будучи не только поэтом и философом, но и путешественником, богословом и теологом, занимает особое место в духовной истории исламского Востока. Его труды, философские трактаты, поэзия и знаменитая «Сафарнаме» («Книга странствий») представляют собой уникальное явление в культуре средневекового Ирана, Центральной Азии и шире, мусульманского мира.

В этом контексте насирхусравоведение, как специализированная область исследований, охватывающая разные аспекты жизни и творчества Насира Хусрава, приобрело значительное развитие и научную традицию на территории бывшего Советского Союза. Данная традиция включает в себя

как филологические и текстологические исследования, так и философские, религиоведческие, историко-культурные и переводческие работы. В условиях советской и постсоветской научной среды интерес к Насиру Хусраву был обусловлен как научной ценностью его наследия, так и его культурно-историческим значением для народов Средней Азии, в частности для таджикского и афганского регионов.

Особую значимость Насир Хусрав имеет для Памира и Бадахшана, где он почитается как просветитель, философ и религиозный наставник. На постсоветском пространстве Насир Хусрав воспринимается не только как культурно-историческая фигура исламского Востока, но и как символ региональной идентичности, связующей религиозное и культурное наследие с современными формами самосознания народов региона. В советский период его творчество было адаптировано и исследовано с учётом светских идеологических установок, что создало особую парадигму научного подхода, зачастую с акцентом на гуманистические и философские аспекты его произведений, в то время как богословская составляющая подвергалась маргинализации.

После распада Советского Союза, в условиях религиозного и национального возрождения, интерес к фигуре Насира Хусрава заметно усилился. В новых условиях исследователи получили возможность изучать и публиковать труды мыслителя без прежних идеологических ограничений, что позволило обратиться к более полному и глубокому осмыслению как его философских воззрений, так и религиозных учений, в том числе связанных с исмаилитской традицией. Это особенно актуально в свете современной динамики исламского мира, роста интереса к духовным основам идентичности и поиска альтернативных моделей этического мышления в условиях глобализации и социальных трансформаций.

Актуальность темы диссертационного исследования определяется также и недостаточной степенью систематизации работ, выполненных в рамках насирхусравоведения на территории бывшего СССР. Имеются

отдельные труды, переводы, статьи и монографии, выполненные в Таджикистане, России, Узбекистане и других республиках, однако до настоящего времени отсутствует обобщающий научный труд, посвящённый именно анализу становления, развития и современного состояния этой дисциплины в постсоветском пространстве. Между тем, такой анализ является важным как с точки зрения истории науки, так и в свете текущих процессов культурной интеграции, диалога традиций и транснационального научного взаимодействия.

Данное исследование имеет многогранную актуальность: научную, в силу важности систематизации и анализа накопленного корпуса работ; культурную, учитывая значение Насира Хусрава в национальных и региональных идентичностях Центральной Азии; историко-философскую, в контексте изучения интеллектуальной традиции исламского Востока; религиоведческую, с учётом интереса к разнообразию внутри исламских школ и направлений.

Комплексный подход к исследованию насирхусравоведения в рамках бывшего Советского Союза позволит не только выявить основные этапы и особенности развития данной научной дисциплины, но и внести вклад в её дальнейшее развитие, укрепление межкультурных научных связей и углубление понимания духовных оснований исламской цивилизации.

Степень изученности проблемы. Насир Хусрав один из гениальных представителей своей эпохи, чьё богатое творческое наследие условно можно разделить на три основные научные области.

Во-первых, он предстает как выдающийся философ своего времени, выдвинувший ряд значимых философских концепций и разработок, подтверждённых аргументированными доказательствами, что находит отражение в его фундаментальных произведениях: «Зад-уль-мусофирин», «Хон-уль-ихвон», «Джомеъ-уль-хикматайн», «Кушоиш ва рахоиш» и других, в которых освещаются ключевые вопросы философии.

Во-вторых, Насир Хусрав внёс заметный вклад в развитие исламского богословия, особенно в рамках исмаилитского течения. Выступая как теоретик исмаилизма, он разработал ряд значимых теологических произведений, отразивших базовые положения идеологии данной религиозной школы. К числу таких сочинений относятся трактат «Вадж-и дин» и поэма «Равшанойнома», в которых поднимаются глубокие вопросы религиозного и конфессионального характера.

В-третьих, важное место в творчестве мыслителя занимает литературно-художественное наследие, в котором он проявил себя как новатор в области поэзии и литературы. Насир Хусрав, наряду с Рудаки, Фирдоуси, Омаром Хайямом и Джалалуддином Руми, входит в число крупнейших представителей классической таджикской литературы.

К числу основных литературных произведений поэта относятся «Диван», «Сафарнома» и «Саодатнома», где охватываются разнообразные научные, религиозные и философские темы. Как отметил исследователь Рахим Мусулмониён, «важно помнить, что Насир Хусрав был не просто поэтом, а прежде всего ученым, более того, ученым, выразившим себя через поэзию. Каждый его стих это результат глубокого размышления, опирающийся на жизненный опыт и логическое обоснование» [175,113]. Согласно исследованиям современных таджикских учёных, в его поэтическом наследии насчитывается около 200 различных тем и сюжетов.

Научное осмысление наследия Насира Хусрава в XX и начале XXI века можно условно разделить на три исторических периода:

1. Период до 1930-х годов, в который входит деятельность зарубежных иранских и западноевропейских востоковедов, как Эдварда Брауна, Германа Этте, Ян Рипки, Анри Корбена, Тагизаде, Сайида Хасана Таги, Махди Мухаккика и др.
2. Период с 1930-х по 1980-е годы, когда в СССР систематизировалось изучение наследия Насира Хусрава. Среди российских и отечественных исследователей следует выделить таких авторов, как В.Иванов, Е.Э.Бертельс,

А.Е. Бертельс, С. Айни, Л. Бузургзода, А. Богоутдинов, Б. Гафуров, К.Айни, Х.Додихудоев и др.

3. Период независимости Таджикистана, с 1991 года по настоящее время, ознаменовавшийся углублением научного интереса и расширением тематики исследований, особенно в области литературоведения. Особое внимание в это время уделено публикации полного текста «Дивана» поэта и его критическому анализу.

Вопросы, связанные с жизнью, творчеством и философско-эстетическим наследием Насира Хусрава, на протяжении XX и XXI веков становились объектом пристального внимания как российских, так и таджикских востоковедов, литературоведов и философов. Исследования в этом направлении охватывают широкий спектр проблем: от текстологического анализа и филологической интерпретации его поэтического и прозаического наследия до историко-философского осмысления его мировоззрения и культурной миссии.

Среди русскоязычных исследователей значительный вклад в формирование и развитие насирхусравоведения внесли такие крупные учёные, как И.Э. Бертельс, Е.Э. Бертельс, И.С. Брагинский, В.В. Иванов, А.А. Семенов, А. Эдельман, В.Б. Никитина, М.Л. Рейснер, Т.Г. Корнеева, а также Л.Р. Додихудоева, чьи работы отличаются высоким уровнем текстологической культуры, филологической строгости и культурно-исторической контекстуализации. Их труды создали теоретико-методологическую базу для дальнейших исследований творчества Насира Хусрава в советском и постсоветском научном пространстве.

Таджикская школа насирхусравоведения представлена широким кругом авторитетных специалистов, среди которых следует особо выделить А. Алимардонова, Н. Арабзоду, Г. Ашурова, Л. Бузургзоду, М. Диноршоева, Х. Додихудоева, Р. Мусулмониёна, Т. Муродову, С. Джонбобоева, Р. Назариева, Т. Мардони, Х. Шарифова, А. Маниёзова, А. Сатторзода, Х. Мирзозода, Ш. Рахмонова, А. Шохуморова, А. Девонакулова и других,

внёсших значительный вклад в изучение различных аспектов литературного, философского и культурного наследия Насира Хусрава.

В последние десятилетия наблюдается активизация научных изысканий, направленных на комплексное осмысление личности и наследия Насира Хусрава. Среди современных таджикских исследователей плодотворно работают в этом направлении такие учёные, как Н. Саркоров, Ш. Карамхудоев, В.Д. Охонниёзов, Х.С. Каландаров, Ш. Бандалиева, Ш. Саидиброхимов, С. Аъзамзод, Д. Фозилов, Ш. Назарамонов, Дж. Саидзода, Саидиброимов Ш. С. и другие. Их труды посвящены как источниковедческому анализу, так и современным интерпретациям идей Насира Хусрава в контексте национального культурного наследия.

Таким образом, корпус научных работ, посвящённых Насиру Хусраву, отличается как глубиной теоретического подхода, так и широтой охвата. Несмотря на значительное количество исследований, комплексная история становления и развития насирхусравоведения на территории бывшего Советского Союза как самостоятельной дисциплинарной области до настоящего времени остаётся недостаточно систематизированной и требует дальнейшего академического осмысления. Настоящая диссертация направлена на восполнение данного пробела.

Объектом исследования является процесс формирования, развития и трансформации насирхусравоведения как научного направления на территории бывшего Советского Союза, включая его философско-литературные, религиозные и текстологические аспекты в советский и постсоветский периоды.

Предметом исследования выступают конкретные научные, литературоведческие и художественные интерпретации биографии и творчества Насира Хусрава в трудах исследователей советской и постсоветской эпох, особенности их методологических подходов, а также влияние идеологических и культурных факторов на развитие насирхусравоведения в странах бывшего СССР, в частности в Таджикистане.

Теоретическая и методологическая база исследования. Методологическая основа исследования базируется на принципах историко-литературного, философского и филологического анализа. В процессе исследования были учтены и проанализированы работы как российских, так и зарубежных учёных, включая А. Валевского, М.М. Бахтина, С.С. Аверинцева, Ю.М. Лотмана, А. Эдельмана, В. Иванова, И. Петрушевского, М. Занда, А. Семёнова, О. Крымского, М. Мухаккика, С. Айни, Р. Мусулмониёна, Х. Додихудоева, Х. Шарифзоду, А. Сатторзоду и других исследователей, чьи труды оказали значительное влияние на формирование теоретической и методологической базы настоящей работы.

Цель и задачи исследования. Цель настоящего исследования заключается в комплексном анализе становления, развития и трансформации насирхусравоведения на территории бывшего Советского Союза, с акцентом на биографические, литературоведческие, философско-религиозные и текстологические аспекты изучения личности и наследия Насира Хусрава в советский и постсоветский периоды.

Для достижения поставленной цели в диссертации решаются следующие **задачи**:

1. Выявить особенности и проблемы создания биографии Насира Хусрава в советское время, а также определить подходы к биографическим исследованиям в контексте литературной теории.
2. Проанализировать принципы и задачи советского литературоведения в изучении творчества Насира Хусрава, с учётом идеологических рамок эпохи.
3. Исследовать место Насира Хусрава в персидско-таджикской и мировой литературе на основании ключевых этапов изучения его биографии и творчества.
4. Рассмотреть начало научного интереса к поэзии и прозе Насира Хусрава в научной традиции стран бывшего СССР.
5. Провести классификацию и анализ значимых научно-литературных

трудов о Насире Хусраве, в том числе: как философе, как поэте и писателе, как религиозном мыслителе и пропагандисте.

6. Изучить образ Насира Хусрава в художественной литературе XX-XXI веков на постсоветском пространстве.

7. Дать периодизацию творчества Насира Хусрава, принятую в советском литературоведении, и оценить эволюцию научных подходов к его наследию.

8. Проанализировать взгляды советских и постсоветских исследователей на духовность, религиозность и исмаилизм в философии Насира Хусрава.

9. Оценить развитие насирхусравоведения в период независимости Республики Таджикистан, включая текстологические работы и публикации.

10. Изучить современные научные и художественные труды, посвящённые Насиру Хусраву, с целью выявления новых интерпретаций его личности и наследия.

Научная новизна исследования. Научная новизна настоящей диссертации заключается в том, что в ней впервые предпринимается целенаправленное и системное исследование становления, развития и трансформации насирхусравоведения на территории бывшего Советского Союза в междисциплинарном контексте, с привлечением литературоведческих, философско-религиозных, текстологических и культурологических подходов. Таким образом, диссертация представляет собой новый вклад в изучение интеллектуального наследия Насира Хусрава как в научном, так и в культурно-историческом контексте постсоветского пространства, и может служить основой для дальнейших исследований в области иранистики, востоковедения, религиоведения и истории литературы.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Теоретическая значимость диссертации состоит в углублении и систематизации научных представлений о развитии насирхусравоведения в рамках советской и постсоветской научной традиции. На основе междисциплинарного подхода, с привлечением литературоведческого,

философского, религиоведческого и культурологического анализа работа расширяет существующие представления:

- о специфике формирования биографического образа Насира Хусрава в условиях идеологического контроля советской науки;
- о принципах и методах интерпретации его творчества в контексте историко-философского и религиозного дискурса;
- о месте Насира Хусрава в персидско-таджикской и мировой литературной традиции.

Выявленные в работе этапы, тенденции и подходы к изучению личности и наследия Насира Хусрава позволяют по-новому взглянуть на вопросы взаимодействия науки, идеологии и культурной памяти. Кроме того, предлагаемый анализ служит основой для дальнейших сравнительных исследований в области востоковедения, религиоведения и истории философии исламского мира.

Практическая значимость диссертационного исследования определяется возможностью использования его материалов:

- в учебных курсах по истории таджикской, персидской и исламской литературы, истории философии и религии Востока, культурологии и востоковедению в целом;
- в подготовке и обновлении образовательных программ для вузов Таджикистана, а также других стран постсоветского пространства, где изучаются персидско-таджикская литература и исламская мысль;
- в научно-исследовательской и издательской деятельности, связанной с текстологией и переводами произведений Насира Хусрава;
- в развитии гуманитарной и культурной политики, ориентированной на сохранение и переосмысление духовного наследия народов Центральной Азии;
- в практической культурной работе и межконфессиональном диалоге, как пример обращения к наследию, способному объединять философскую, литературную и религиозную традиции.

Результаты диссертации могут служить основой для дальнейших научных разработок, а также представляют интерес для специалистов в области иранистики, исламоведения, философии, литературы и истории идей.

Методология и методы исследования. Методологической основой настоящего исследования выступает комплексный, междисциплинарный подход, сочетающий методы литературоведения, философского анализа, религиоведения, текстологии и культурной истории. Такой подход позволяет всесторонне охватить процесс становления и развития насирхусравоведения в контексте историко-культурной специфики советской и постсоветской эпох.

В работе применяются следующие **методы исследования**:

1. Историко-филологический метод используется для анализа первоисточников, биографических данных, философских и поэтических текстов Насира Хусрава в контексте времени их создания и интерпретации в разные исторические периоды.
2. Историко-культурный метод позволяет исследовать влияние политико-идеологических и культурных факторов (особенно в советскую эпоху) на формирование научных подходов к изучению Насира Хусрава.
3. Сравнительно-аналитический метод применяется для сопоставления различных научных и художественных трактовок личности и наследия Насира Хусрава в советской и постсоветской научной традиции.
4. Контекстуальный анализ используется при рассмотрении биографии, мировоззрения и религиозной позиции Насира Хусрава в рамках исламской философской мысли и исмаилизма.
5. Текстологический метод применяется при изучении изданий трудов Насира Хусрава в советский и постсоветский периоды, с акцентом на проблемы публикации, перевода, комментирования и адаптации текстов.
6. Метод литературной герменевтики позволяет глубже интерпретировать

поэтические, философские и богословские тексты Насира Хусрава, включая их символику, образы и идеи.

7. Историографический анализ используется для систематизации и оценки научной литературы, посвящённой Насиру Хусраву, выявления этапов и направлений развития насирхусравоведения на территории бывшего СССР.

Применение этих методов обеспечило целостность и научную обоснованность исследования, позволило выявить внутреннюю логику развития насирхусравоведения, определить его особенности, проблемы и перспективы в современных условиях.

Теоретическая база и источники исследования. Теоретическую основу диссертации составляют труды отечественных и зарубежных учёных в области литературоведения, востоковедения, исламской философии, религиоведения и культурологии, а также методологические подходы к изучению классического литературного и философского наследия Востока.

Источниковую базу исследования составляют:

1. Произведения самого Насира Хусрава, как в оригинале (персидский язык), так и в переводах на таджикский и русский языки: «Сафарнаме» («Книга странствий»); «Диван» (сборник поэзии); философско-богословские трактаты: *«Кушайиш ва рахайиш»*, *«Зад-ул-мусофирин»*, *«Рошанойи-нама»*, *«Хон-ул-ихван», «Ваджи дин»* и др.

2. Советская и постсоветская научная литература, посвящённая биографии и творчеству Насира Хусрава, в том числе статьи, монографии, диссертации, сборники конференций и юбилейные издания, опубликованные в Таджикистане, Узбекистане, России и других странах СНГ.

3. Художественные произведения XX-XXI вв., в которых Насир Хусрав представлен как литературный персонаж (романы, поэмы, драматургия, кинематографические сценарии), отражающие современные интерпретации его личности и наследия.

4. Архивные и библиографические источники, в том числе публикации

Центральной научной библиотеки Национальной академии наук Таджикистана, архивные материалы Института востоковедения, а также фонды Национальной библиотеки Республики Таджикистан.

5. Текстологические и критико-издательские издания трудов Насира Хусрава, осуществлённые в советский и постсоветский периоды как академические, так и массовые (переиздания, антологии, учебные сборники).

Таким образом, исследование базируется как на первичных источниках оригинальных текстах Насира Хусрава, так и на широком круге вторичной литературы, отражающей научную и культурную рецепцию его наследия в разные исторические периоды на постсоветском пространстве.

Положения, выносимые на защиту. К числу основных положений, отражающих научную новизну работы и выносимые на защиту относятся следующие:

1. Выявлены особенности формирования биографического образа Насира Хусрава в условиях советской научной и идеологической парадигмы, в том числе с точки зрения литературно-теоретического осмысления биографии как жанра и инструмента историко-культурной реконструкции.

2. Проведён комплексный анализ принципов и задач советского литературоведения в интерпретации творчества Насира Хусрава, что позволило уточнить специфику подходов, обусловленных идеологическими установками времени.

3. Установлено место Насира Хусрава в структуре персидско-таджикской и мировой литературы, с опорой на развитие научного интереса к его наследию в русле востоковедения на постсоветском пространстве.

4. Впервые осуществлена систематизация и сравнительный анализ научных и художественных работ, посвящённых Насиру Хусраву в XX-XXI веках, с разделением по основным направлениям: философ, поэт, писатель, богослов и пропагандист.

5. Предложена оригинальная периодизация советского этапа изучения

творчества Насира Хусрава, что позволило наглядно проследить эволюцию научных подходов от светского марксистского осмысления к современному комплексному и междисциплинарному анализу.

6. Выявлены ключевые тенденции в интерпретации духовного и религиозного мировоззрения Насира Хусрава, включая взгляды на исмаилизм, в трудах советских и постсоветских исследователей.

7. Обоснована особая роль Таджикистана в развитии насирхусравоведения в постсоветский период, в том числе через текстологические публикации, издание новых переводов и художественных произведений, переосмысляющих наследие мыслителя.

8. Насирхусравоведение это специальная область гуманитарного знания, посвящённая всестороннему изучению жизни, творчества, философии, религиозных взглядов и литературного наследия Насир Хусрава, выдающегося персидско-таджикского поэта, мыслителя, философа и теолога XI века. Эта дисциплина имеет важное научное, культурное и историко-философское значение.

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты диссертационного исследования были апробированы в виде научных докладов на ежегодных научно-практических и научно-теоретических конференциях различного уровня. По теме диссертации автором опубликованы одна монография и 34 статьи в научных изданиях. Ключевые выводы работы нашли отражение в 23 научных статьях, опубликованных в рецензируемых изданиях, входящих в перечень ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

Структура и объём работы. Диссертационное исследование состоит из введения, четырёх тематических глав, заключения и списка использованных источников и литературы. Основное содержание работы структурировано по разделам и подразделам в соответствии с логикой научного анализа и последовательностью изложения исследуемой проблематики.

Общий объём диссертации составляет 349 страниц машинописного текста, включая сноски и библиографические описания.

ГЛАВА I

ПРОБЛЕМА СОЗДАНИЯ БИОГРАФИИ НАСИРА ХУСРАВА В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

1.1. Биографический метод в советском литературоведении: теоретико-методологические подходы

Биографический метод в литературоведении традиционно рассматривается как один из фундаментальных инструментов анализа творчества писателя. Однако в советский период его развитие приобрело специфический характер, обусловленный идеологической доминантой марксистско-ленинской методологии. С конца 1920-х годов традиционный интерес к личности автора и его жизненному опыту был объявлен буржуазным пережитком, а само изучение биографии подчинено задачам классового анализа и политической пропаганды. Тем не менее, в течение XX века отношение к биографическому методу в СССР постепенно менялось: от резкого неприятия к частичной реабилитации в условиях «оттепели» и последующего методологического плюрализма позднесоветского периода. Биографические исследования в литературоведении представляют собой одно из важнейших направлений литературного анализа, сосредоточенного на изучении жизни писателя и её влияния на его творчество. Основной задачей подобного рода исследований является постижение творческого процесса, социально-культурного контекста, личностных мотиваций и мировоззренческих установок автора.

Биографический подход в литературоведении заключается в исследовании жизни писателя, его личностных качеств, историко-социальных обстоятельств, а также в установлении связи между этими факторами и содержанием, стилем и идейной направленностью художественных произведений. Они осуществляются на основе научных критериев и могут охватывать следующие аспекты: хронология жизни писателя (дата рождения, образование, семейная среда, творческая деятельность); социально-политический контекст (влияние исторических

событий на автора и его творчество); психологические и личностные аспекты (анализ внутреннего мира писателя на основе писем, мемуаров, интервью); а также интерпретация литературного наследия с биографических позиций (поиск автобиографических мотивов в тексте, таких как детские впечатления, любовные переживания, личные трагедии и т.п.).

В советском литературоведении биографический метод находился в состоянии идеологического подчинения: его применение строго регулировалось в соответствии с марксистско-ленинской методологией, что трансформировало научное исследование биографии писателя в средство политико-идеологической интерпретации литературного творчества. В современной науке о литературе биографический анализ рассматривается как один из научных и аналитических методов, направленных на изучение внешних факторов, повлиявших на создание литературного текста.

Для проведения комплексного и углублённого исследования автору необходимо опираться на широкий круг источников: личная переписка и мемуары писателя, интервью и воспоминания его современников и близких, официальные документы (свидетельства, учебные записи, деловая переписка), его собственные художественные произведения, а также литературно-культурная среда эпохи и научные, литературные и исторические работы, посвящённые биографии и творчеству исследуемого автора.

К выдающимся образцам биографических исследований в области мировой филологии относятся труды таких исследователей, как Илья Эренбург [308, 302] и другие.

Биографический метод представляет собой один из ключевых инструментов для глубокого постижения сущности литературного произведения. Он позволяет выявить тесную взаимосвязь между личной жизнью писателя и его художественным миром. Вместе с тем, биографический подход должен рассматриваться в комплексе с другими

методами литературного анализа, чтобы избежать одностороннего истолкования текста.

Во времена бывшего Советского Союза биографические исследования, или жанр жизнеописания, были нормативной и повсеместно распространённой формой литературоведческого анализа. В постсоветский период, особенно с началом процесса переосмысления личностной и национальной идентичности, обращение к изучению и популяризации выдающихся исторических и культурных личностей приобрело ещё большую актуальность. В частности, активизировалась работа по созданию биографий известных литературных фигур от Устода Рудаки до Лоика Шерали и Бозора Собира.

Актуальность данной проблематики нашла своё выражение и в государственной культурной политике. Так, сам Глава государства выступил автором книги «Великие личности» («Чеҳраҳои мондагор»), в которой изложены размышления о значимых событиях жизни тридцати выдающихся деятелей истории, литературы и религии. В книге рассматриваются их рождение, жизненные обстоятельства, образование, достижения, мировоззрение, вклад в культуру и влияние на современное общество.

Автор книги, по-видимому, наиболее полно выразил значимость создания ярких образов выдающихся исторических, религиозных, научных и литературных деятелей в следующих строках из предисловия: «Те, кто не знает истории своего народа, лишаются радости национальной гордости и легко подпадают под влияние чуждых культур. История доказала: захватчики стремятся не только к присвоению материальных ценностей, но и к разрушению важнейших основ существования нации - языка, культуры, в том числе материальной, подрывая духовные устои государственности» [215, 3].

Из приведённой мысли следует, что биографии выдающихся личностей становятся не только средством возрождения многовековой истории, но и мощным источником национального самосознания. Они способствуют

укреплению исторической памяти, формируют чувство гордости за культурное наследие и стимулируют стремление к защите духовных и культурных ценностей нации.

Очевидно, что написание жизнеописания - это процесс, требующий особой тщательности и научной ответственности. Автор биографии должен обладать доступом ко всем возможным источникам, как документальным, так и интерпретативным: архивные материалы, личная переписка, официальные документы, мемуары, интервью. Помимо этого, необходимо учесть социально-экономическую обстановку эпохи, что позволит точнее реконструировать условия формирования личности.

Основной целью биографического жанра является не только представление конкретной личности, но и сохранение исторической памяти, формирование у современников ощущения преемственности культурных традиций. В этом контексте особенно важно, чтобы исследователь стремился к объективности и соблюдению принципов научного беспристрастия. При изложении жизненного пути героя недопустимы проявления личной, религиозной или региональной предвзятости. Крайне уместно в данном случае вновь обратиться к словам Президента Эмомали Рахмона, который подчёркивает: «Уважение к истории прошлого для нас никогда не означает претензии на исключительную роль нашего народа в развитии человеческой цивилизации или стремления к изоляции от созидательных глобальных процессов и культур прогрессивных народов мира. Напротив, мы стремимся, опираясь на изучение истории своей нации и богатейшего культурного наследия, активнее осваивать общечеловеческие ценности, развивать интеграционные процессы с развитыми странами мира и одновременно сохранять, и демонстрировать своё национальное лицо на международной арене» [215, 4].

Если мы ставим перед собой задачу исследовать такую тематику, как насирхусравоведение, то, несомненно, в первую очередь возникает необходимость обращения к биографии поэта. Жанр жизнеописания (или

биографии) входит в число разновидностей литературных форм и создаётся писателями или осведомлёнными лицами о том или ином деятеле с определёнными целями и установками. Следует отметить, что данный вид сочинений может быть посвящён не только прославленным личностям, но и малоизвестным фигурам. Он охватывает аспекты жизни политических, культурных, научных и литературных деятелей, тех, чья биография обладает самостоятельной историко-культурной ценностью, кто оказывал влияние на социополитический ландшафт своего времени и без кого история осталась бы незаполненной страницей.

Таким образом, полное и всестороннее изложение жизни, особенно жизни значимой фигуры, формирует канон жанра биографии, задаёт вектор литературного процесса и служит основой исторического повествования. Из этого следует, что при соблюдении научных критериев, использовании достоверных источников, исторических, литературных, архивных, биографический труд представляет собой ценный материал как для литературоведов, так и для историков. Как отмечает исследовательница Хабиба Джафариён, «биография есть мост между литературой и историей» [279, 36], что особенно важно для понимания природы литературного творчества как формы индивидуальной реакции на историческую реальность. Биография писателя позволяет связать художественный текст с конкретными социально-культурными обстоятельствами, в которых он был создан, а также пролить свет на внутренние мотивации автора, его мировоззрение и жизненный опыт. Таким образом, биографический метод служит не только инструментом интерпретации литературного произведения, но и средством исторического осмысления культуры, позволяя рассматривать автора как носителя и участника исторического процесса.

Формулировка «биография как мост» содержит в себе значимый методологический потенциал, позволяющий по-новому осмыслить роль биографического подхода в гуманитарных науках, прежде всего в литературоведении. Данная метафора акцентирует на соединительной

функции биографии, связывающей индивидуальную судьбу автора с более широкими историко-культурными процессами, а также позволяющей интегрировать личностное измерение в исследование художественного текста.

Во-первых, биография писателя, будучи точкой пересечения личного и исторического, представляет собой отражение его жизни в координатах времени, социальной реальности и культурной среды. Через биографический материал становится возможным проследить, каким образом макроисторические процессы, революции, войны, смена идеологических парадигм, влияли на мировоззрение и поэтику автора. Одновременно с этим биография позволяет выявить, как субъективный опыт писателя - личные травмы, переживания, внутренние конфликты, трансформируется в тематическую структуру, мотивную организацию и образную систему произведения. В этом контексте биография выступает как персонифицированная форма исторического сознания, обеспечивающая доступ к пониманию эпохи через призму индивидуального опыта.

Во-вторых, биография в качестве аналитического инструмента открывает дополнительные возможности для интерпретации литературного текста. Литература при этом рассматривается не только как продукт эстетической деятельности, но и как форма рефлексии над исторической и социальной реальностью. Однако данная рефлексия всегда опосредована личностным восприятием автора, его ценностными установками и внутренними мотивациями. Именно поэтому обращение к биографии позволяет точнее реконструировать авторскую интенцию, выявить причины выбора определённых жанровых форм, тематических акцентов и характеров, а также раскрыть глубинные смысловые пласты, связанные с мировоззренческой позицией писателя.

В-третьих, литература и история, будучи дисциплинами, изучающими как структуру событий, так и их индивидуальное восприятие, обнаруживают точку методологического сопряжения именно в биографии. С данной точки

зрения биографический метод позволяет рассматривать художественный текст не как автономное эстетическое образование, а как часть исторического дискурса, в рамках которого писатель выступает одновременно и свидетелем, и интерпретатором событий, и хранителем культурной памяти. Это придаёт литературному произведению дополнительный пласт значений, укоренённых в конкретных исторических обстоятельствах.

Особую значимость биографический подход приобретает в контексте советской культурной парадигмы, где литература традиционно рассматривалась как инструмент идеологического влияния. В условиях жёстко нормативизированного подхода к фигуре автора, где писатель часто превращался в символический конструкт, обслуживающий официальную идеологию, биография могла выполнять двойственную функцию. С одной стороны, она служила инструментом идеологического давления, подчиняясь требованиям цензуры и формируя образ «правильного» писателя. С другой стороны, в случае более глубокого и подлинного биографического анализа, она становилась способом сопротивления идеологическим штампам, раскрывая многослойность личности, внутренние противоречия и сложность творческой индивидуальности.

В истории как науке реконструкция социально-политического и культурного состояния эпохи нередко осуществляется через изучение жизни конкретных личностей, являющихся представителями определённого народа, сословия или интеллектуального круга. В этом контексте анализ взаимодействия личности и среды, а также отражение этих связей в биографии, выводит данный жанр на уровень предмета социокультурного и историософского значения.

Несмотря на то, что на Западе традиция жизнеописания как литературного жанра имеет более длительную историю, истоки биографической прозы прослеживаются и в персидско-таджикской литературе. Одним из классических образцов автобиографии можно считать «Жизнеописание» Авиценны (Абу Али ибн Сина), продолженное его

учеником Абу Убайдом Джузджани. В такого рода автобиографиях автор сам рассказывает о своей жизни полностью или частично, что придаёт произведению сходство с жанром мемуаров [33, 127].

Автобиографии, написанные самими авторами, являются наиболее достоверными и информативными источниками. Хотя основой таких сочинений служат реальные события, нередко в текст включаются вымышленные персонажи или эпизоды, что обогащает повествование художественными средствами и делает его более интересным и увлекательным для читателя. Уже в античности, во II веке, Плутарх создал жизнеописания знаменитых греков и римлян («Сравнительные жизнеописания»), подчёркивая, что он пишет не историю, а именно биографии, стремясь представить читателю величайших деятелей прошлого [33, 5].

В таджикско-персидской литературной традиции также существуют различные биографические тексты, как в стихах, так и в прозе, отличающиеся по содержанию и структуре. Примерами могут служить знаменитая касыда Рудаки «Все зубы выпали у меня…» [4, 3] или стихотворение Кисои Марвази «Пятьдесят лет и сожаление о юности» [33, 76], содержащие элементы автобиографического характера.

В подобного рода произведениях авторы описывают воспоминания о прошлом, выражают недовольство современностью, делятся духовными и материальными тревогами, мечтами и надеждами. Однако детальное и систематическое освещение всех сторон жизни личности здесь, как правило, отсутствует.

Антологии, или тазкира, традиционные собрания жизнеописаний поэтов, писателей и учёных в исламской и персидско-таджикской литературной культуре, могут быть обоснованно рассмотрены в качестве жанровых предшественников биографии. Их структура, направленность на сохранение памяти о выдающихся личностях, а также сочетание фактографического материала с литературной интерпретацией делают

тазкиры важным источником для историко-биографического анализа и формирования представлений о личности в контексте культурной традиции. Жанровые особенности тазкира заключаются в том, что они представляют собой гибридный жанр, сочетающий элементы хроники, жизнеописания, и литературной критики, а стиль изложения часто ориентирован на дидактические и морально-воспитательные цели, что сближает их с агиографией. В отличие от современной биографии, тазкиры редко стремятся к объективной полноте: они отражают мировоззренческую установку автора и ценностные ориентиры эпохи.

Таким образом, тазкиры формировали не только историко-культурную память, но и представление о социальной миссии поэта и учёного, предвосхищая тем самым многие функции биографического жанра в более поздней литературной традиции. Биограф должен обладать литературным даром, знанием жанровых особенностей и навыками повествования. Без полного понимания жизненных обстоятельств личности, а также без соблюдения принципов объективности, достоверности и беспристрастности, создать научно и литературно ценную биографию невозможно. Согласно традиционной классификации, различают несколько типов биографий: художественные, научные, популярные и академические, в зависимости от целей, преследуемых автором.

Художественные или романизированные биографии насыщены элементами художественного вымысла и потому находятся на стыке между фактом и вымыслом. Они не являются строго документальными, так как допускают авторскую интерпретацию и вымышленное обрамление. Такие биографии представляют собой одну из форм повествовательной прозы и заняли значительное место в истории литературы. Примером такого типа можно считать книгу «Историю Байхаки». Это монументальный исторический труд, созданный в XI веке выдающимся персидским историографом Абу-ль-Фадлем Мухаммадом ибн Хусейном Байхаки. Данная работа по своему содержанию произведение выходит за рамки правления

одного монарха, охватывая широкий спектр событий политической, социальной, экономической и культурной жизни не только эпохи Газневидов, но и предшествующих исторических периодов. Текст отличается высокой степенью нарративной детализации, литературной обработанностью и представляет собой ценный источник по истории средневекового Ирана, Хорасана и сопредельных регионов.

Научные биографии строятся на основе критического анализа достоверных фактов, архивных документов, осмысления исторического контекста и раскрытия основных мотиваций и творческой эволюции писателя. Иногда под термином «научная биография» понимается исследование научных взглядов конкретного мыслителя или учёного.

Даже в тех случаях, когда речь идёт об авторе-художнике, понимание его научной и философской позиции также необходимо для воссоздания целостного образа. В определениях понятия «биография» встречаются некоторые вариации, но все они, по сути, сводятся к тому, что биография это повествование о жизни, основанное на реальных фактах, документах, свидетельствах и воспоминаниях.

Из этого можно заключить, что биографические исследования представляют собой специфическую разновидность истории личности, возникающую в тесной связи с исторической наукой.

Так, российский исследователь А. А. Демченко определяет научную биографию как «наиболее широкое документально-научное исследование жизни изучаемой личности» [92, 53]. Более развёрнутое и точное определение даёт В. Я. Лакшин, по которому «научная биография писателя основывается на критически обработанных фактах, документальном анализе, хронологическом изучении его жизни сквозь призму творческих устремлений и идейно-художественных трансформаций его наследия» [142, 3]. Из анализа позиции учёного следует, что научная биография должна строиться не на умозрительных домыслах, эмоционально окрашенных оценках или апологетических нарративах, а на основе строго проверенных,

критически осмысленных и документально подтверждённых фактов. В этом определении научная биография предстает как жанр, объединяющий принципы исторической точности, текстологического анализа и художественно-интеллектуальной реконструкции творческого пути автора. Ключевым методологическим элементом, на который указывает Лакшин, является хронологическое изучение жизни писателя, однако эта хронология не является самоцелью, она рассматривается сквозь призму творческих устремлений субъекта, что предполагает включение в анализ как внешних, историко-культурных обстоятельств, так и внутренних импульсов писательской личности. Такой подход позволяет избежать редукции творчества к биографическим фактам (биографизм в узком смысле), сохраняя при этом неразрывную связь между жизнью и литературным наследием автора. Особое внимание Лакшин уделяет идейно-художественным трансформациям, то есть эволюции эстетических взглядов, мировоззренческих установок и формальных решений писателя на разных этапах его творчества. Это делает биографию не только повествованием о жизни, но и интерпретативным исследованием, раскрывающим, как личностный опыт, исторический контекст и внутренние духовные искания отразились в художественной структуре произведений.

Таким образом, в трактовке В. Я. Лакшина научная биография писателя занимает междисциплинарное положение, соединяя в себе элементы историографии, литературной критики, культурологии и герменевтики. Она требует от исследователя высокой степени ответственности, методологической строгости и умения различать границы между фактом, интерпретацией и художественным воображением.

В таджикском литературоведении теоретические аспекты научной биографии до сих пор остаются малоизученными и недостаточно систематизированными. В большинстве случаев тема затрагивается лишь опосредованно, в разделах, посвящённых жизнеописанию и творческой деятельности того или иного писателя, и не рассматривается как

самостоятельный объект теоретического анализа. Из характера изложения в этих работах видно, что литературная составляющая биографий преобладает над их историческим содержанием.

Между тем биографические исследования являются неотъемлемой частью науки о литературе, поскольку история создания каждого произведения тесно связана с жизненным путем его автора. Биографии опираются на источники, документы и факты, и даже если эти факты противоречат субъективным представлениям исследователя о конкретной личности, его профессиональный и нравственный долг заключается в объективном анализе и всестороннем рассмотрении всех доступных материалов. Основной особенностью биографии является исследование как сильных, так и слабых сторон человеческой натуры.

Традиция биографического письма в истории таджикской культуры и литературы имеет древние корни. Так, повествовательное произведение «Худойномак», созданное на пехлевийском языке и посвящённое легендарной и исторической хронике иранских царей, может рассматриваться как один из ранних образцов биографического жанра в древности. Из античного наследия можно отметить «Сравнительные жизнеописания» Плутарха, в которых содержится глубокий психологический и этический анализ выдающихся личностей [209, 16].

Подобно тому, как Плутарх создавал биографии выдающихся греков и римлян в воспитательных целях, чтобы предложить образцы поведения для государственных деятелей своего времени, а Аристотель написал «Никомахову этику» как предисловие к своему труду «Политика», жизнеописания Насир Хусрава и других выдающихся деятелей литературы могут служить основой для развития насирхусравоведения как научного направления в таджикской филологии и как важного раздела литературной критики и истории литературы [209, 34].

В советском и постсоветском таджикском литературоведении в течение последнего столетия было предпринято большое количество попыток

воссоздать духовный облик Насира Хусрава и проанализировать его литературное наследие. По своему объёму и научной значимости эти исследования заметно превосходят работы, посвящённые другим авторам. Насир Хусрав фигура комплексного историко-культурного масштаба. Биографические исследования, посвящённые его личности, важны не только для понимания его литературных произведений, но и для осмысления культурной атмосферы XI века, религиозных и политических конфликтов эпохи. Его биография является ярким примером слияния личности и литературного творчества, что делает биографический подход ключевым инструментом в изучении его наследия.

Биография Насир Хусрава представляет собой одну из центральных тем таджикского и иранского литературоведения. Его фигура важна не только в контексте литературной истории, но и в философии, исламоведении и политической истории. Его жизнь тесно связана с религиозными, социальными, политическими и философскими вопросами, что отчётливо проявляется в его произведениях.

Как уже упоминалось, в советский период биографические исследования были включены в устойчивый методологический каркас, становясь обязательным и рутинным элементом литературоведческих работ. Этот процесс часто носил идеологический характер и использовался в качестве средства пропаганды господствующих партийных ценностей. Тем не менее, несмотря на политические и идеологические ограничения, эти исследования играли важную роль в сохранении исторической и культурной памяти народов.

С обретением государственной независимости и началом процесса национального самосознания, в Таджикистане возрос интерес к изучению исторических и культурных личностей, особенно выдающихся представителей национальной литературы. Эта тенденция была обусловлена объективной исторической необходимостью, восстановлением исторической

памяти таджикского народа и укреплением национального самосознания в новых культурно-политических условиях постсоветского периода.

Согласно современным теориям историографии и идентичности, биография и мемуаристика являются действенными инструментами формирования национального самосознания. Известный культуролог Бенедикт Андерсон в своей теории «воображаемых сообществ» подчёркивает, что общая интерпретация историко-культурных фигур и сохранение их памяти способствует созданию чувства принадлежности к единому народу [93, 36]. Из этого мнения исследователя следует, что он акцентирует внимание на том, что процесс коллективного восприятия и интерпретации историко-культурных деятелей играет ключевую роль в формировании национального самосознания. Согласно Андерсону, сохранение и репрезентация памяти об этих фигурах служит механизмом, посредством которого создаётся и поддерживается чувство общности среди членов нации. При этом он подчёркивает, что нация это воображаемое сообщество, поскольку её члены не знают лично друг друга, но объединены общей исторической и культурной идентичностью, консолидируемой через коллективную память о значимых личностях и событиях. Таким образом, культурная реконструкция и мифологизация историко-культурных образов становятся инструментами символической интеграции, способствующими укреплению национальной сплочённости и формированию чувства принадлежности к единому народу.

С этой точки зрения биография исторических личностей представляет собой не только изложение их частной жизни и профессионального пути, но и своего рода культурно-политический и нравственный паспорт нации. Жизнеописания тех деятелей, которые внесли весомый вклад в развитие литературы, науки, религии и культуры, выполняют функцию возрождения различных ветвей национального культурного наследия.

Изучение и системное изложение обстоятельств рождения, социально-политической среды, в которой происходило становление личности, этапов

её образования, профессионального развития, формирования мировоззрения, а также вклада в интеллектуальное и духовное развитие нации представляют собой фундаментально значимый аспект биографического дискурса. Подобный подход позволяет не только реконструировать индивидуальную судьбу в её историко-культурном контексте, но и выявить те факторы, которые обусловили становление личности как субъекта национальной культуры.

Биография в таком понимании приобретает не только познавательную функцию, направленную на передачу исторически достоверной информации будущим поколениям, но и исполняет воспитательную и ценностно-ориентирующую роль. Представленные в научно осмысленной форме жизненные примеры деятелей науки, культуры, литературы и политики становятся своего рода символическими ресурсами, способными выполнять функцию культурной трансмиссии, передачи идеалов, моделей поведения и мировоззренческих установок, актуальных для национального самосознания.

Таким образом, биографический нарратив, построенный на основе документальной достоверности и аналитической интерпретации, служит важным инструментом укрепления гражданской идентичности, патриотизма и культурной преемственности, особенно в контексте постколониальных, транснациональных или модернизационных процессов, в которых национальные нарративы подвержены переосмыслению и реконфигурации.

Следовательно, написание и публикация биографий выдающихся деятелей науки, литературы, истории и религии представляет собой важнейший инструмент сохранения исторической памяти, пробуждения национальной гордости и укрепления духовных основ государства и нации. В условиях глобализации ценностей и угрозы утраты национальных культур, подобные инициативы являются не просто полезными, но жизненно необходимыми. Именно поэтому следует стремиться к тому, чтобы память о великих личностях и их духовное наследие не были забыты, а напротив,

служили путеводной звездой для формирования и укрепления национальной идентичности.

1.2. Биография писателя как литературоведческая проблема: особенности осмысления в советском контексте

Изучение биографии писателя представляет собой первоочередную предпосылку для понимания его мировоззрения и является необходимым условием осмысления художественного мира его произведений. Знакомство с ключевыми фактами из жизни автора позволяет по-новому взглянуть на взаимосвязь личности и среды, проследить корреляцию между мироощущением писателя и содержанием его творческого наследия. Духовное и нравственное становление, физическое развитие, социально-культурная среда воспитания и образования, круг общения, стремления и цели, усилия и борьба, убеждения и верования писателя, всё это претерпевает трансформации в течение его жизни и, безусловно, оказывает влияние на идейное и тематическое наполнение его произведений. Осмысление данного тезиса в советском литературоведческом контексте требует учёта специфики идеологической установки, методологических ориентиров и официальной позиции по отношению к биографическому методу. В советском литературоведении биография писателя рассматривалась не как автономный предмет исследования, а как функция, подчинённая социально-классовому анализу. Мировоззрение писателя интерпретировалось прежде всего через его классовую принадлежность, влияние социально-исторических условий и степень соответствия идеологии социалистического реализма. Поэтому изложенные в тексте категории. духовное развитие, круг общения, убеждения, борьба, в советской традиции подвергались жёсткой идеологической селекции, где внимание уделялось, прежде всего, тем фактам биографии, которые подтверждали «правильность» авторской позиции.

Советская критика, как правило, стремилась не столько к целостному пониманию личности автора, сколько к моделированию его как представителя своей эпохи, класса или идеологии. Индивидуальность

зачастую нивелировалась, подменялась типологизированным образом: «революционный писатель», «трибун пролетариата», «воспитатель масс» и т.д. Следовательно, изложенные в тексте аспекты, такие как «нравственное становление», «борьба», «убеждения», в советском контексте трактовались через призму общественной полезности и служения социалистической идее.

Биография писателя в советской науке и публицистике нередко превращалась в элемент мифологизированного нарратива, особенно в отношении признанных классиков советской и русской литературы. Их жизненный путь интерпретировался как предсказуемое и закономерное движение к “правильному” мировоззрению, что вступает в противоречие с идеей личностной трансформации, подчёркнутой в приведённом вами тексте.

Советская литературная наука допускала корреляцию между жизнью и творчеством автора, но в строго определённых границах. Такая связь использовалась для подтверждения марксистского анализа произведения, но игнорировались или искажались элементы, которые выходили за рамки официальной идеологии (например, религиозный опыт, индивидуализм, трагизм внутреннего поиска). Это ограничивало потенциал полноценно осмысленного биографического подхода.

Начиная с 1960-х годов, особенно в 1969-1980-е, происходит осторожная реабилитация биографического подхода. Исследователи начинают рассматривать личность писателя более многомерно, появляются работы о внутреннем мире автора, личностных драмах, этических выборах, духовной эволюции. В этом контексте положения данного тезиса начинают получать более адекватную методологическую реализацию, например, в трудах Лакшина В.Я. и Островского А.Н. [142, 156] и др.

Биография (или жизнеописание) представляет собой одну из традиционных и устойчивых форм как художественной, так и научной прозы, обладающую длительной историко-культурной генеалогией. В её основе лежит стремление зафиксировать, интерпретировать и репрезентировать жизненный путь конкретного человека, рассматривая его в

социальном, историческом, культурном и мировоззренческом контексте. При этом биография не сводится исключительно к фиксации фактов: она структурирует индивидуальный опыт, наделяя его смыслом и ценностью с точки зрения определённой культурной или идеологической парадигмы.

В рамках литературоведческого дискурса биография писателя занимает особое место, так как она одновременно выполняет информационную, интерпретативную и герменевтическую функцию. С одной стороны, она предоставляет достоверные сведения о жизни автора, служащие опорой для историко-литературного и текстологического анализа. С другой стороны, она сама по себе является предметом исследования, поскольку вбирает в себя черты различных жанров (мемуаристики, эссеистики, исторического нарратива, литературного портрета), что делает её пограничным и синтетическим жанром на стыке литературы, истории, философии и культурологии.

Важно подчеркнуть, что биография писателя не просто справочно-энциклопедический или хронологический документ, а форма художественного и концептуального осмысления личности в контексте эпохи, с её социальными конфликтами, мировоззренческими коллизиями, культурными доминантами и исторической динамикой. Автор биографического текста, как правило, не только фиксирует жизнь субъекта, но и предлагает определённую интерпретацию этой жизни, задавая акценты, реконструируя внутренний мир личности, выявляя корреляции между биографическими обстоятельствами и творческой эволюцией.

Отсюда следует, что биография в литературоведении представляет собой не только вспомогательный инструмент анализа, но и самостоятельную теоретико-литературную проблему, связанную с вопросами авторства, идентичности, исторической памяти и культурного мифотворчества.

Советский и российский литературовед Лотман Юрий Михайлович в своих работах затрагивает вопросы биографии, личности автора, связи между

жизнью и творчеством, а также интерпретации культурного поведения, то есть аспекты, напрямую связанные с биографическим подходом в литературоведении. Данный исследователь рассматривает биографию не как совокупность «жизненных фактов», а как семиотически организованный текст, отражающий культурную модель эпохи. Он подчёркивает, что биография создаётся как особая форма памяти, и зачастую, постфактум, с учетом культурных кодов времени [145].

В общем смысле биография отражает жизненный путь и деятельность конкретного лица, будь то писатель, учёный, политик или иная значимая фигура. Однако в литературоведческом контексте, в особенности применительно к писателям, жанр выходит за рамки официальной информации и охватывает более глубокий анализ творческой индивидуальности, взаимосвязи жизненных реалий с художественным миром произведений, влияния социокультурной среды и исторического времени на формирование мировоззрения и эстетики автора. Вот детально отредактированный и расширенный общий обзор данного текста:

В работе И. Ф. Петровской «Биографика. Введение в науку и обозрение источников биографических сведений о деятелях России 1801-1917 гг.» представлена значимая и основополагающая монография в области биографических исследований. Данное издание успешно сочетает теоретический анализ и практические рекомендации, раскрывая биографику как самостоятельную научную дисциплину.

Автор подробно рассматривает методологические основы биографики, формулируя ключевые принципы и критерии для критического и всестороннего анализа биографического материала. Особое внимание уделяется систематизации и классификации разнообразных источников биографической информации, что позволяет создать эффективный инструментальный аппарат для исследователей, работающих с биографиями российских деятелей XIX и начала XX века.

Кроме того, Петровская акцентирует важность комплексного подхода, который учитывает как исторический контекст, так и индивидуальные особенности личности, способствуя более глубокому пониманию взаимоотношений между жизненным путем исследуемого субъекта и эпохой, в которой он жил и творил [217].

Одной из ключевых проблем при составлении биографии является соотношение между фактом и художественным вымыслом. Некоторые исследователи придерживаются мнения, что биография должна быть строго документальной, тогда как другие настаивают на необходимости использования художественных средств для более глубокого раскрытия внутреннего мира личности. Каждый писатель, независимо от принадлежности к той или иной литературной школе или направлению, неизбежно отражает личный жизненный опыт в своём творчестве. Следовательно, построение биографии должно сопровождаться глубоким изучением литературных произведений. Нередко именно посредством анализа текстов удаётся выявить малоизвестные или замалчиваемые факты из жизни писателя.

Жанр биографии выдающихся личностей в настоящее время относится к числу востребованных и динамично развивающихся. Современное общество, в котором индивидуальность и личный опыт приобретают всё большую культурную ценность, проявляет устойчивую потребность в осмыслении жизней влиятельных и образцовых фигур. Биография становится не только источником информации, но и инструментом самопознания, культурного анализа и личностного воспитания.

В западных странах, особенно в США и Великобритании, жанр биографии получил высокую степень институционального признания, о чём свидетельствует учреждение престижных литературных наград, таких как National Book Critics Circle Award и The Plutarch Award за лучшую биографию года. Более того, тиражи некоторых биографических произведений сопоставимы с тиражами художественных бестселлеров, а

подчас и превосходят их, что указывает на устойчивый читательский интерес к жизнеописаниям исторических, культурных, политических и научных деятелей как к источникам вдохновения и жизненных уроков.

Жанр биографии имеет древние корни, проходя в течение веков этапы эволюции и отражая изменения в общественном сознании и культурных традициях. Его истоки восходят к античности, когда первые биографические труды создавались в рамках историко-философских сочинений. В Средние века жанр приобрёл религиозную направленность, сосредотачиваясь на жизнеописаниях святых. В эпоху Возрождения и Нового времени биография становится важным средством познания личности и её роли в истории и культуре. Развитие книгопечатания способствовало широкому распространению биографических текстов, а современная литературная теория рассматривает биографию как сложный литературно-научный феномен, объединяющий историческую достоверность и художественный анализ. В этом смысле изучение истории жанра биографии позволяет проследить изменения восприятия личности и её места в обществе.

Плутарх, античный греческий историк и философ I-II веков н. э., считается одним из родоначальников жанра биографии. Его знаменитое сочинение «Сравнительные жизнеописания» представляет собой парные биографии выдающихся греческих и римских деятелей, которые сопоставляются с целью выявления общих черт характера, добродетелей и недостатков. Плутарх рассматривал биографию не только как исторический жанр, но и как средство нравственного воспитания, стремясь через примеры великих личностей побудить читателя к размышлению о добродетели и морали. Его сочинения стали важным источником по античной истории и культуре и оказали значительное влияние на развитие биографического жанра в европейской литературе [209].

Повышенный интерес к биографии как культурному феномену оказал влияние и на гуманитарные науки, литературоведение, историографию и социологию. Сегодня биография рассматривается как междисциплинарное

явление, находящееся на стыке литературы, истории, философии и психологии. Данный тезис отражает ключевую тенденцию гуманитарного знания конца XX и начала XXI века, связанную с переосмыслением биографии не только как жанра, но и как методологического инструмента исследования личности, времени и культуры. Биография утрачивает статус вторичного, вспомогательного жанра (лишь сопровождающего историческое или литературное повествование) и приобретает значение самостоятельного феномена со сложной теоретической структурой. Современное понимание биографии выходит далеко за пределы традиционного «жизнеописания». Биография трактуется как способ репрезентации субъекта в культуре, форма исторической и художественной интерпретации, а также механизм конструирования идентичности. Через биографию общество осмысляет значимые фигуры прошлого, конструирует образ героя, мученика, мыслителя, формируя коллективную память и культурные архетипы.

Следовательно, биография сегодня рассматривается не просто как объект, но как инструмент исследования личности в её многоаспектной связи с социумом, культурой и историческим контекстом.

Однако, несмотря на интенсивное развитие жанра, остаётся нерешённой одна из его важнейших теоретических проблем, отсутствие чёткого, общепринятого и универсального определения биографии. Хотя жанр имеет тысячелетнюю историю, восходящую к античности, до сих пор не существует единого критерия, способного точно очертить его границы. Чаще всего приводится буквальное толкование греческого термина *biographia* (от *bios* - жизнь и *grapho* - писать), однако, как справедливо указывает исследователь А. А. Холиков, «как показывает практика, данное общее определение нуждается в углублённой интерпретации» [260, 21].

Анализ определений, представленных в двух литературных энциклопедиях, принадлежащих к разным временным периодам, показывает, что в течение менее чем полувека представление о жанре «биография» претерпело значительные изменения. Если ранее внимание акцентировалось

на связи личности с социальной средой и объективными историческими обстоятельствами, то в более поздних исследованиях акцент смещён в сторону изучения внутренних факторов личности и процессов её индивидуального становления [260, 90–91].

А. А. Холиков предлагает рассматривать биографию как «средство познания и реконструкции личности в её этапах становления и развития». По его мнению, ключевой жанровой характеристикой биографии является «попытка третьего лица посредством словесных средств воссоздать полный процесс формирования, развития и деятельности исторической личности» [260, 77]. Это определение, наряду с хронологическими и информативными аспектами, включает также обращение к внутреннему миру личности и освещает духовный опыт человека как объект осмысления.

Несмотря на активное развитие жанра биографии в литературной и гуманитарной практике, не все исследователи склонны рассматривать её как полноценный литературный жанр. Так, И. Я. Лосиевский, указывая на невозможность выработки универсального жанрового признака, охватывающего всё многообразие биографических форм, предлагает вместо термина «жанр» использовать определение «биографическое письмо» [144, 56]. Согласно этой концепции, биография трактуется не как замкнутая жанровая форма, а как тип письменной практики, обусловленный культурным контекстом и индивидуальным стилем автора, при этом форма выражения не отделяется от жанрового содержания.

Сходный, но более методологически выверенный подход предлагает российский литературовед А. Л. Валевский, который вводит в научный обиход термин «биографика» как дисциплину гуманитарного цикла, позволяющую рассматривать биографию как реконструкцию истории индивидуальности, применимую как в рамках литературного жанра, так и в границах культурологических, исторических и психоаналитических исследований [80, 79].

Хотя в литературоведении существуют различные системы жанровой классификации, будь то по форме изложения, по содержанию или в рамках деления на основные роды литературы (эпос, лирика, драма), биография как жанр не заняла в них чётко обозначенного и устойчивого положения. Чаще всего она рассматривается как второстепенный публицистический жанр или как гибридная форма, сочетающая элементы художественного и документального дискурса. Тем не менее, полное отрицание существования биографии как сформировавшегося литературного жанра в современной науке представляется редким и методологически необоснованным.

На практике, независимо от её неустойчивого места в жанровых классификациях, биография в современной литературе приобрела статус одного из наиболее потребляемых, вариативных и функционально значимых жанров, активно используемого не только в массовой литературе, но и в научно-популярной, образовательной и междисциплинарной среде.

В условиях настоящего времени наблюдается устойчивый рост интереса к написанию и чтению биографических текстов в большинстве стран мира. Эта тенденция обусловлена не только культурной потребностью в осмыслении личности и индивидуального опыта, но и стремлением современного общества к реконструкции человеческой субъектности и личной истории на фоне усиливающейся социальной и ценностной неопределённости. Биография в современной литературной практике утрачивает свой традиционный, монотонный облик и превращается в сложное, многослойное явление. Жанровая оболочка биографического нарратива подвергается глубинным трансформациям, что обусловлено изменением подходов к репрезентации индивидуального жизненного опыта. Эти трансформации выражаются в появлении новых форм и моделей повествования, которые выходят за рамки классической биографии и отражают разнообразные методологические и эстетические установки современной литературной и гуманитарной мысли. Ключевые типы таких новых форм включают:

- Роман-биография, жанровая форма, в которой достоверные фактические сведения о жизни личности органично интегрируются с элементами художественного вымысла, что позволяет создать более эмоционально насыщенный и психологически глубокий образ героя.

- Метабиография, жанровое направление, характеризующееся рефлексией над самим процессом создания биографического текста, осмыслением проблем репрезентации и авторского вмешательства, что приводит к осознанию конструктивной природы биографического дискурса.

- Антибиография, деконструктивистская форма биографии, направленная на разрушение традиционных канонов жизнеописания, размывание привычных границ между фактом и вымыслом, а также критический пересмотр биографического жанра в целом.

- Документальная проза, форма биографического повествования, опирающаяся на первичные источники (архивные материалы, письма, воспоминания, интервью), что обеспечивает высокий уровень документальности и объективности в изложении жизненного пути личности.

- Интерпретативная биография, жанр, ориентированный на глубокий внутренний анализ личности, её духовного и психологического мира, где повествование строится на интерпретации мотивов, поступков и жизненных смыслов героя.

- Биокритика, комплексный подход, объединяющий исследование жизни и творчества личности в едином контексте, позволяющий выявить взаимовлияние биографических факторов и творческих процессов.

- Автобиофикция, гибридная форма, сочетающая элементы автобиографии с художественным вымыслом, что позволяет автору создавать субъективные, многозначные и неоднозначные нарративы собственного опыта.

Соответственно, модернизация жанровой оболочки биографического нарратива отражает расширение методов и форм исследования жизни личности, интеграцию различных жанровых и теоретических подходов, что

способствует более многогранному и дифференцированному осмыслению человеческой индивидуальности.

С учетом этого, биография в современном гуманитарном пространстве перестаёт быть исключительно формой повествования о фактах. Она трансформируется в интерпретативную и аналитическую форму, в которой органично переплетаются документальность, нарративность, философская рефлексия и этическое осмысление. Эти новые формы позволяют читателю проникнуть не только в хронологические события жизни героя, но и в его внутренний мир, ценностные установки, культурную позицию.

Следует особо подчеркнуть, что современный интерес к биографии как к жанру не случайное и не спонтанное явление, а результат длительного исторического процесса. На протяжении веков стремление к познанию жизни выдающихся личностей, правителей, философов, учёных, писателей, религиозных деятелей, героев и выдающихся умов, имело не просто информационный характер, но носило глубокую нравственную и культурную мотивацию. Биография как жанр и как форма культурной памяти постоянно присутствовала в литературной традиции, отвечая на устойчивый духовный запрос человечества.

На рубеже XIX-XX веков, в контексте роста массового просвещения и расширения системы образования, жанр биографии переживает новый этап расцвета. Одним из наиболее значимых проектов этого периода стала издательская серия «Жизнь замечательных людей», организованная известным российским просветителем Флорентием Фёдоровичем Павленковым (1839-1900). В период с 1890 по 1907 год в рамках данной серии было опубликовано 198 биографий выдающихся личностей. Этот проект стал первым примером общедоступной библиотечной серии биографий, сочетающей научную достоверность, художественную выразительность и просветительскую направленность. Влияние данной серии на советскую и постсоветскую биографистику трудно переоценить: она

заложила жанровую модель, в которой органично соединились элементы научности, художественности и массовой доступности.

Традиция Павленкова была возрождена в 1933 году по инициативе Максима Горького, одного из крупнейших писателей и мыслителей советской эпохи. Под тем же названием - «Жизнь замечательных людей», серия получила новое развитие и приобрела устойчивый статус культурно-просветительского проекта, в рамках которого к 2011 году было издано более 1490 наименований. На сегодняшний день серия продолжает выходить в издательстве «Молодая гвардия» и остаётся уникальным примером долговечности и эволюции биографического жанра в течение более чем столетия.

Максим Горький придавал большое значение просветительской и нравственно-воспитательной функции биографии, считая, что примеры жизни великих людей способны формировать мировоззрение, развивать личность и укреплять нравственные ориентиры. Под его влиянием серия приобрела черты самостоятельного биографико-художественного жанра, в котором сплетаются научные, исторические и литературные подходы. Язык изложения делает книги понятными и привлекательными для широкой аудитории, а авторами выступают как учёные и исследователи, так и опытные журналисты и писатели. В серии представлены не только российские и советские деятели, но и выдающиеся фигуры мировой истории и культуры. как Микеланджело, Ньютон, Бах, Моцарт, Ганди, Шекспир и многие другие. Устойчивость серии в советский, постсоветский и новейший периоды свидетельствует о постоянной культурной потребности в знакомстве с судьбами выдающихся личностей [80, 106].

Продолжение данной инициативы вплоть до настоящего времени подтверждает, что жанр биографии обладает высокой адаптивностью к духовным, историческим и образовательным запросам общества. С одной стороны, он выполняет функцию репрезентации значимых исторических и культурных фигур, с другой, предоставляет читателю возможность извлекать

из жизненного опыта успешных и влиятельных личностей жизненные уроки, моральные ориентиры и примеры для подражания.

Следует отметить, что в последние десятилетия наблюдается заметный рост научного интереса к жанру биографии. Это проявляется не только в рамках литературоведения, но и в различных областях гуманитарного знания. Биография занимает устойчивое место в современной гуманитарной науке как полифункциональный и междисциплинарный феномен.

В трудах ведущих российских исследователей, таких как М. М. Бахтина, Лотман, Аверинцев, Гинзбург [32, 60, 85, 86, 145] и других жанр биографии анализируется как форма многообразного смыслового и структурного осмысления человеческой жизни и деятельности. Эти исследователи рассматривают ключевые проблемы жанра, касающиеся его функций, структуры, механизмов художественного воссоздания, а также этапов исторического развития. Их работы охватывают широкий спектр социальных, культурных, психологических и философских аспектов биографии, тем самым закрепляя её место в пространстве как национальной, так и мировой культуры.

Научный интерес к жанру биографии нашёл отражение и в широком спектре диссертационных исследований, в рамках которых всесторонне рассматриваются вопросы становления и эволюции жанра. Среди ключевых направлений художественная специфика репрезентации творческой личности в биографическом нарративе, типология историко-биографических романов, механизмы интерпретации жизненных событий в литературном дискурсе, роль литературного портрета в формировании образа личности, специфика образа художника в беллетристической биографии, жанровые особенности автобиографической и мемуарной прозы, а также взаимодействие биографических и художественных компонентов как один из центральных объектов анализа.

Следует особо отметить, что изучение жанра биографии не ограничивается рамками литературоведения. Весомый вклад в разработку

этой проблематики вносят и представители других гуманитарных дисциплин, как лингвисты, историки, культурологи, философы, социологи и др. Это свидетельствует о междисциплинарной природе биографии, её значимости как культурного, социального и гуманитарного феномена в современной научной парадигме. В этом контексте дальнейшие исследования в области биографии обладают не только литературоведческой, но и широкой культурно-аналитической и стратегической значимостью для понимания социокультурных трансформаций.

На сегодняшний день ведущую роль в научной разработке биографического жанра играют англоязычные и немецкоязычные исследовательские школы. Интерес к биографии выходит за рамки деятельности отдельных учёных и получает институциональное оформление в форме научных групп, междисциплинарных проектов и исследовательских центров. Учреждение специализированных институтов, фокусирующихся на изучении истории и теории биографии, является ярким подтверждением институционализации жанра в научной сфере.

Так, в 2005 году в Вене (Австрия) был основан Институт истории и теории биографии имени Людвига Больцмана (*Ludwig Boltzmann Institut für Geschichte und Theorie der Biographie*), который функционирует как крупный исследовательский центр, ориентированный на комплексное изучение биографического жанра. Руководителем института является профессор, доктор Вильгельм Хемекер, признанный эксперт в области биографики.

В том же году в городе Хаген (Германия) был учреждён Институт истории и биографии (*Institut für Geschichte und Biographie*), который также вносит весомый вклад в теоретическое осмысление и историко-культурный анализ биографического жанра.

Создание и функционирование подобных научных учреждений подтверждает тот факт, что биография в настоящее время находится в фокусе повышенного академического и общественного внимания. Помимо писателей и читателей, активное участие в исследовании жанра принимают

специалисты из различных областей гуманитарного знания: филологи, историки, культурологи, философы, исследователи междисциплинарных направлений.

Повышенный интерес к жанру биографии связан с универсальной и глубоко укоренённой в человеке потребностью осмыслять роль индивидуальной личности в исторических и социальных процессах. Этот интерес основан на стремлении человека к познанию другого, как сходного с ним, так и радикально отличающегося. Таким образом, биография, выступая в качестве научной и литературной формы, становится важнейшим инструментом реконструкции жизни и деятельности личности в контексте истории и культуры.

Совокупность современных биографических исследований и наличие специализированных научных центров указывает на то, что данный жанр, помимо литературной ценности, обладает высоким теоретическим, методологическим и прикладным потенциалом. Он способствует более глубокому пониманию взаимоотношений личности и общества в разные исторические эпохи.

На материале реальных фактов биография раскрывает жизненный путь конкретного человека и демонстрирует динамику его личностного становления в рамках социального контекста своей эпохи. С одной стороны, она служит средством анализа этапов формирования личности, её направленности, характерологических особенностей и форм проявления в творческой и общественной сфере; с другой, выполняет идеологическую функцию, формируя коллективное сознание посредством примера жизни, как правило, выдающихся личностей.

Вместе с тем, несмотря на активизацию интереса, теоретическая проработка жанра биографии в научной литературе остаётся фрагментарной и недостаточно систематизированной. До настоящего времени не существует полноценного библиографического справочника, способного удовлетворить запросы исследователей в этой области. Единственными

библиографическими указателями остаются работы Н. А. Рыбникова и Н. К. Пиксанова [225, 214] составленные ещё в первой четверти XX века. Уже тогда эти справочники воспринимались как неполные, а сегодня они в ещё меньшей степени соответствуют научным требованиям.

На протяжении десятилетий в советском литературоведении доминировала позиция, выраженная В. В. Ждановым: «К сожалению, у нас до сих пор отсутствуют теоретические принципы современной биографии, и даже попыток обобщения накопленного и ценного опыта не наблюдается». Несмотря на определённые подвижки в последние десятилетия, число публикаций по данной тематике по-прежнему остаётся недостаточным [106, 45].

Жанр биографии имеет давнюю историю в литературе различных народов. В традициях Востока биографическое повествование, как правило, носило воспитательно-нравственный характер, служа средством морального наставления и идеологического воздействия. В то же время в западной культуре, начиная с эпохи Возрождения, биография всё в большей степени приобретала функцию индивидуалистского самопознания и осмысления личности как уникального субъекта исторического процесса.

В таджикско-персидской литературе, как и в других литературных традициях, биография не всегда представляет собой исключительно документальное воспроизведение действительности. Под влиянием культурных, политических и духовных запросов времени, она приобретала повествовательную, а порой и художественно-метафорическую форму. Жанр биографии здесь тесно связан с нарративными практиками, включая элементы повествования и стихотворной речи, что придаёт текстам ярко выраженную литературную окраску.

Биографии поэтов и учёных в таджикской литературе нередко оформлялись в форме рассказа, насыщенного образностью и стилистической выразительностью. Так, например, жизнеописания Джами или Низами Ганджеви представляют собой не только набор биографических сведений, но

и поэтичные повествования, отражающие общественные и культурные представления своего времени. Таким образом, в таджикской литературе биографические тексты функционировали не только как хроники жизни, но и как культурно-идентификационные документы, формирующие духовный и символический облик писателя или поэта.

Биографии таких выдающихся деятелей, как Рудаки или Лоик Шерали, выходят далеко за рамки простого изложения фактов: они выражают национальное и культурное самосознание, воплощая коллективную память народа. Изучение биографии становится важным инструментом для глубокого анализа художественного наследия писателей. Например, знание жизненных реалий и социальной среды Саади Ширази способствует более полному пониманию таких произведений, как *«Гулистан»* и *«Бустон»*.

Биографический жанр в таджикско-персидской литературе не только историко-документальный жанр, но и литературный нарратив, в котором действительность переплетается с воображением, философским осмыслением и культурной интерпретацией. Его исследование в литературоведческом и теоретическом контексте необходимо для комплексного осмысления литературы, анализа личности автора и выявления структурных и жанровых особенностей литературного текста.

Истоки и элементы биографического жанра можно проследить во многих памятниках таджикско-персидской литературы. Среди них «Сафарнома» Насира Хусрава, «Бадоеъ-ул-вакоеъ» Зайниддина Махмуда Васифи, «Ёддоштхо» Садриддина Айни, а также литературные тазкире и другие источники. Эти произведения не только передают сведения о жизни авторов и их современников, но и воссоздают социально-политическую и культурную среду своего времени.

«Сафарнома» Насира Хусрава является выдающимся памятником классической таджикско-персидской литературы и одновременно важнейшим источником для изучения личной биографии автора. Это произведение написано в автобиографической манере и представляет собой

субъективный отчёт о жизненном опыте. Автор подробно описывает свои путешествия в Мекку и другие святые места, участвует в исторических событиях, анализирует социальные и культурные явления. Помимо фактического материала, «Сафарнома» содержит философские и религиозные размышления, что делает его не только автобиографическим, но и духовно-культурным текстом. Таким образом, оно представляет собой сложный синтез нарратива, биографии и культурной рефлексии. «Сафарнома» демонстрирует, что биография может служить не только средством фиксации личных событий, но и формой выражения мировоззрения автора. Этот текст совмещает в себе повествовательную структуру с теоретическим и философским содержанием, что позволяет рассматривать его как образец зрелого биографического жанра, основанного на подлинности и достоверности описаний. В рамках таджикско-персидской литературной традиции «Сафарнома» занимает особое место как пример жанрово оформленного и стилистически выверенного биографического произведения.

Другим значимым примером является «Бадоеъ-ул-вакоеъ» Зайниддина Махмуда Васифи, произведение, сочетающее в себе черты исторического хроникального труда и биографического нарратива. В нём представлены жизнеописания правителей, поэтов, учёных и других выдающихся личностей, через которые раскрываются исторические события. Такой подход, при котором внимание сосредоточено на личности и её жизненном пути как проводнике истории, сближает текст с биографическим жанром.

Несмотря на то, что «Бадоеъ-ул-вакоеъ» традиционно классифицируется как историческое произведение, его стилистическая и структурная организация включает элементы художественного повествования, что приближает его к литературной биографии. В тексте присутствуют как документальные факты, так и интерпретации, размышления о значении личности в истории. Таким образом, произведение можно рассматривать как образец биографического жанра в классической

таджикско-персидской литературе, в котором история подаётся через призму индивидуальных судеб. Это произведение представляет собой важнейший источник для понимания жизни и мировоззрения исторических деятелей, раскрывая не только факты их биографии, но и более широкие социальные, интеллектуальные и культурные контексты. Используя повествовательные и аналитические приёмы, текст обретает значимость как литературно-биографическое произведение, необходимое для исследования как исторических процессов, так и литературной традиции.

Тазкире как особый жанр биографической прозы занимают важное место в классической таджикско-персидской литературе. Эти произведения, посвящённые жизнеописанию поэтов, учёных и выдающихся личностей, представляют собой не только собрание документальных сведений о персоналиях, но и содержат элементы повествовательной, поэтической и описательной стилистики, отражающие литературный дух и культурные представления эпохи.

Изучение тазкире как высокоразвитой формы биографического текста имеет ключевое значение для понимания истории литературы, социально-культурных связей и индивидуальных особенностей исторических личностей. Жанровая структура тазкире предполагает сочетание биографического изложения, цитирования произведений, описания ключевых жизненных событий, характеристик нравственных и личностных качеств и всё это представлено в литературной, аналитической и репрезентативной форме.

Тазкире оказывали значительное влияние на развитие исторического, литературного и культурного сознания, формируя уникальную текстовую традицию. Будучи нарративными по форме, они содержат биографические рассказы о жизни и творчестве поэтов, мыслителей и других выдающихся деятелей. Внимание уделяется не только событиям их биографии, но и анализу их интеллектуального наследия и художественного мира. Благодаря

высокому описательному и образному стилю, тазкире приобретают художественную выразительность, выходя за рамки сухого жизнеописания.

Таким образом, тазкире представляют собой не просто источники биографической информации, но и значимые свидетельства социальной, культурной и интеллектуальной атмосферы своей эпохи. Помимо описания конкретных судеб, в них находят отражение исторические события, общественные отношения, эстетические вкусы и моральные ориентиры. Как важнейшая форма литературной биографии, тазкире закладывают основу для дальнейшего литературоведческого и теоретического анализа. Их изучение открывает возможности для междисциплинарных исследований на стыке истории, литературоведения и культурологии, особенно в контексте жанровой эволюции биографического дискурса.

В истории современной таджикской литературы особое значение имеет автобиографическое произведение «Ёддоштҳо» («Воспоминания»), знаковый текст XX века, принадлежащий перу Садриддина Айни. Эта работа, написанная в жанре автобиографии, представляет собой как личную хронику жизни автора, так и художественно оформленную биографическую прозу, признанную одной из вершин жанра в таджикско-персидской литературе.

«Воспоминания» демонстрируют типологически зрелую форму биографического письма, где личный опыт автора соотнесён с более широким социально-политическим контекстом. Айни подробно описывает ключевые эпизоды своей жизни, делая акцент на субъективном восприятии и рефлексии. Через эти рассказы раскрывается повседневность и мировоззрение таджикского общества начала XX века, что превращает личную биографию в коллективное свидетельство эпохи. Произведение несёт в себе не только документальную ценность, но и культурно-познавательное значение, позволяя реконструировать социокультурную динамику и психологический климат времени. Таким образом, «Воспоминания» могут быть интерпретированы не только как индивидуальная биография, но и как хроника общественной жизни и выражение исторического самосознания. Это

произведение представляют собой не просто автобиографию в традиционном понимании, но и ценнейший источник для изучения исторического, культурного и литературного развития региона. Оно стало модельным примером современного таджикского биографического жанра и актуальным объектом научного анализа при исследовании литературных образов личности.

На протяжении долгого времени биография автора рассматривалась в литературоведении преимущественно как вспомогательное средство, способствующее интерпретации художественного текста. Однако в рамках современных гуманитарных исследований биографический подход обретает самостоятельный исследовательский статус. Вопрос о значении личности автора при интерпретации литературного произведения остаётся предметом активных теоретических дискуссий между сторонниками биографического метода и представителями структуралистских, постструктуралистских и нарратологических школ.

В XIX веке биографическая критика получила активное развитие в рамках романтической и реалистической традиций. Исследователи стремились раскрыть внутренний мир автора, рассматривая литературное произведение как непосредственное отражение его жизненного опыта и психологического состояния. Такой подход укрепил представление о писателе как о ключевом субъекте художественного высказывания.

1.3. Биографико-литературный анализ наследия Насира Хусрава: цели и принципы

Насир Хусрав является одним из выдающихся деятелей таджикско-персидской литературы, чье творческое наследие занимает уникальное место в истории и обладает ярко выраженными индивидуальными чертами. Биография поэта, насыщенная трагедиями и периодами нестабильности, служит важнейшим источником для анализа его произведений, которые

отражают многоплановые темы и одновременно воплощают социально-культурное и интеллектуальное сопротивление эпохи.

С XI века и по настоящее время творчество Насир Хусрав сохраняет высокий статус в среде многочисленных почитателей, однако, ввиду культурно-политических особенностей различных эпох, его произведения неизменно выступают как своеобразный резонатор конфликтов и противоречий своего времени. Тематика его текстов, направленная в основном против турецкого и арабского культурного влияния, борьбы с религиозным лицемерием, поддержки мудрости, философии и знания, а также твердого следования исмаилитскому мазхабу, неизменно вызывала многочисленных противников и становилась источником острых общественных и культурных дискуссий.

Исходя из вышеизложенного, можно констатировать, что несмотря на то, что жизнь и творчество Насир Хусрав на протяжении долгого времени являлись предметом регулярного анализа в научной и литературной среде, объективный и беспристрастный взгляд на его наследие зачастую затруднён под воздействием различных факторов, в том числе политических, религиозных и культурных. Следовательно, оценки и интерпретации его произведений демонстрируют значительную полярность и даже противоречия.

В связи с этим в настоящем разделе на основе теоретических положений ведущих международных исследователей предпринимается попытка определить методологические основы и фундаментальные принципы изучения литературного наследия и творчества классических авторов. Такой подход позволяет чётко сформулировать конкретные задачи и цели исследования произведений Насир Хусрав, а также открыть новые перспективы для дальнейших научных изысканий.

При анализе существующих исследований, касающихся биографии, литературных, философских и религиозных аспектов творчества данного поэта, становится очевидным, что комплексное и системное изучение его

наследия, основанное на классических теоретических принципах, до сих пор не завершено и требует углублённого рассмотрения.

Изучение творчества классических авторов, как важнейшего направления гуманитарных наук, играет ключевую роль в исследовании развития литературы, познании культуры и укреплении национального самосознания. Литературоведение и культурология через анализ художественных произведений и социальных, политических и исторических процессов способствуют глубокому пониманию литературного наследия.

В современном литературоведении особое внимание уделяется не только анализу текстов, но и выбору адекватных методологических основ, обеспечивающих глубину и объективность исследования. При изучении наследия таких многогранных фигур, как Насир Хусрав, необходим научный подход, сочетающий различные исследовательские принципы и методы. Это обусловлено как сложностью содержания его произведений, так и многослойностью их философского и культурного контекста. В данном контексте особое значение приобретают разнообразные исследовательские методы, в том числе исторический, комплексный, системный, а также методы, учитывающие как объективные факторы, так и субъективный опыт автора. Применение этих методологических подходов к изучению творчества Насира Хусрава, выдающегося поэта, философа и мистика таджикско-персидского мира, является необходимым и актуальным.

Таким образом, изучение произведений национальных классиков, включая Насир Хусрав, является одним из ключевых направлений гуманитарных наук, в частности литературоведения и культурологии, играющих важную роль в осмыслении историко-культурных процессов, художественных особенностей текстов и формировании национальной идентичности. Этот процесс включает не только понимание художественного произведения, но и осмысление мировоззренческих основ эпохи, социально-культурного ландшафта и духовного образа нации.

Для глубокого изучения литературного наследия необходимое применение аналитических методов, среди которых наиболее значимыми являются исторический метод, комплексный метод, системный метод и субъективно-объективный метод. Каждый из этих подходов с точки зрения современных гуманитарных наук, в частности сравнительного литературоведения, обладает высоким потенциалом развития и оценки.

1. Исторический метод. Исторический метод является одним из фундаментальных подходов в литературоведении, который подчёркивает необходимость рассмотрения произведений в их историко-культурном контексте. Применительно к творчеству Насира Хусрава этот метод предполагает всесторонний анализ его поэзии и философских трудов с учётом социально-политических, экономических и культурных условий эпохи XI века, времени, когда происходили важные процессы формирования таджикско-персидской литературной традиции и мировоззренческих концепций. Использование исторического метода позволяет не только восстановить окружающую автора реальность, но и выявить влияние конкретных исторических событий и общественных тенденций на тематику, стиль и идеологическую направленность его произведений. В частности, анализ текстов Насира Хусрава показывает, что его творчество отражало не просто эстетические идеалы языка и формы, но и было своеобразным зеркалом социальной напряжённости, религиозно-философских исканий и интеллектуальных дискуссий своего времени. Таким образом, исторический подход помогает определить степень исторической обусловленности поэзии Насира Хусрава, раскрыть её общественную роль и значимость в формировании культурного и духовного наследия таджикско-персидского мира. Кроме того, он способствует более глубокому пониманию взаимоотношений между текстом и эпохой, что является ключевым для интерпретации и оценки литературного наследия великого поэта и мыслителя.
2. Комплексный (или интегративный) метод представляет собой

многогранный подход, направленный на всесторонний анализ литературного произведения, включающий изучение всех его ключевых аспектов: содержания, языка, стиля, жанра, а также культурного и исторического контекста. Этот метод позволяет избежать одностороннего взгляда и обеспечивает глубокое понимание произведения в его целостности и внутренней взаимосвязи элементов. В применении к творчеству Насира Хусрава комплексный метод требует учёта не только литературных особенностей его поэзии, но и философско-религиозных идей, эстетических норм и культурных традиций того времени. Например, изучая его произведения, необходимо одновременно анализировать влияние исмаилизма, софистической мысли, классических персидских литературных традиций и языковых особенностей таджикско-персидского ареала. Подобно тому, как при исследовании творчества Хафиза нельзя игнорировать философию суфизма и символику исламской культуры, в случае Насира Хусрава важно рассматривать его поэзию как интегральное явление, отражающее и религиозно-философские концепции, и социальные, культурные реалии эпохи. Такой подход способствует формированию целостной картины, раскрывающей многомерность творчества поэта, его художественную уникальность и значение для таджикско-персидской литературы и культуры.

Следовательно, комплексный метод обеспечивает всесторонний анализ, позволяющий выявить взаимосвязь между различными компонентами творчества Насира Хусрава и лучше понять его место в литературном и культурном наследии региона.

3. Системный метод. Системный метод представляет собой целостный подход к изучению литературного наследия, в котором произведения рассматриваются не как разрозненные и изолированные тексты, а как компоненты единой, упорядоченной духовно-художественной системы. В современной литературоведческой парадигме системность означает взаимосвязанность элементов литературного корпуса, где каждое

произведение, будь то поэма, философский трактат или прозаический фрагмент, является частью общего комплекса идей, образов и художественных приёмов. Применительно к творчеству Насира Хусрава системный метод подразумевает анализ его поэзии и философских текстов как органической части единой концептуальной структуры. Исследователь должен рассматривать его произведения в контексте целостной мировоззренческой системы, которая включает религиозно-философские убеждения, эстетические принципы и культурно-исторические влияния. Без понимания этой системы невозможно полноценно интерпретировать отдельные тексты Насира Хусрава, поскольку они функционируют как взаимодополняющие элементы одного большого культурного и интеллектуального комплекса. Системный подход к Насиру Хусраву позволяет раскрыть взаимосвязь между различными аспектами его творчества - лирическим, философским, религиозным, и понять, как они формируют уникальную духовно-художественную целостность. Поэтому системный метод способствует более глубокому осмыслению творчества Насира Хусрава как интегрального культурного феномена, что позволяет выделить его значимость в контексте таджикско-персидской литературной традиции и мировой культуры.

4. Субъективно-объективный метод. Субъективно-объективный метод является одним из ключевых современных подходов в литературоведении, особенно востребованным в областях биографизма и литературной психологии. Этот метод предполагает комплексный анализ, который учитывает как объективные внешние факторы - исторические реалии, социально-культурную среду, политическую обстановку, так и субъективный внутренний мир автора: его мышление, эмоциональное состояние, мировоззрение и творческие переживания. В контексте исследования творчества Насира Хусрава субъективно-объективный подход позволяет рассмотреть поэзию и философские труды не только как отражение времени и общественных условий XI века, но и как выражение уникальной

личностной позиции поэта. Для глубокого понимания Насира Хусрава важно исследовать не только историко-культурный фон его жизни, включая его знаменитые путешествия и социально-политические события эпохи, но и его интеллектуальный и духовный портрет как мистика, философа и политического мыслителя. Данный метод обеспечивает сбалансированное восприятие произведений, позволяя учитывать как внешние обстоятельства, формировавшие творчество автора, так и внутренние мотивы и переживания, лежащие в основе его поэтического и философского самовыражения. Благодаря этому подходу исследователь получает возможность реконструировать более полную и многогранную картину личности Насира Хусрава, понять глубину его мировоззренческих исканий и объяснить особенности художественного стиля. Таким образом, субъективно-объективный метод способствует не только историческому и культурному анализу, но и психологическому проникновению в творческое сознание поэта, что делает его незаменимым инструментом при изучении сложных личностей и многомерных литературных явлений.

5. Сравнительный метод. Сравнительный метод является одним из центральных и наиболее продуктивных подходов в современной литературоведческой практике. Он предоставляет исследователю возможность рассматривать литературное творчество в широком культурном и идейном контексте, выявляя взаимосвязи, сходства и различия между авторами, а также исследуя влияние литературных традиций и культурных парадигм. Применительно к изучению Насира Хусрава сравнительный метод позволяет сопоставлять его поэзию и философские взгляды с творчеством других выдающихся представителей таджикско-персидской и более широкой исламской литературной традиции. Например, сопоставление Насира Хусрава с Джалалуддином Руми позволяет выявить как общие черты в философских и суфийских мотивах, вопросы свободы мысли, отношения к религиозным источникам и мистическому познанию, так и отличительные особенности, обусловленные историко-культурным и личностным

контекстом каждого автора. Аналогично, сравнение Насира Хусрава с представителями современной литературы, такими как Лоик Шерали или Расул Гамзатов, даёт возможность проследить трансформацию литературных тем, языковых средств и культурных кодов, выявить элементы национальной самобытности и специфику творческого мировосприятия. Сопоставительный анализ помогает не только выявить общие тенденции и взаимовлияния, но и подчеркнуть уникальность литературного наследия каждого автора в рамках национальной и мировой литературы. Кроме того, сравнительный метод может выступать в роли метамодели, которая интегрирует и адаптирует другие методологические подходы, таких как исторический, комплексный, системный и субъективно-объективный, в зависимости от конкретных исследовательских задач и особенностей изучаемого материала. Это делает сравнительный подход универсальным инструментом для глубокого и многоаспектного анализа литературных явлений и способствует более полноценной интерпретации творчества Насира Хусрава в его культурном и историческом многообразии.

Таким образом, анализ литературного наследия не может ограничиваться применением единственного метода. Только синтез исторического, комплексного, системного и субъективно-объективного подходов, дополненный сравнительным анализом, обеспечивает глубокое и всестороннее понимание произведения, раскрывает его социальное, философское и культурное значение. Такой подход способствует развитию литературного самосознания и укреплению национальной культуры.

Изучение творчества и биографии автора с использованием перечисленных методов позволяет лучше понять источники вдохновения и содержание произведений. Это содействует познанию выдающихся литературных личностей и культурных ценностей. Анализ творчества помогает осознать глубокий смысл художественных текстов и выявить их социальные, философские и эстетические послания. Одной из важных задач литературного исследования является также анализ стиля и жанровых

особенностей, что способствует более точному пониманию влияния и роли произведения. Изучение литературы необходимо для сохранения культурного наследия и продолжения литературных традиций, что, в свою очередь, способствует формированию национального самосознания и развитию культуры.

Применение исторического, комплексного, системного и субъективно-объективного подходов в изучении литературного наследия даёт возможность не только глубоко анализировать произведения, но и осознавать их культурную и социальную значимость. Данная методология охватывает широкий спектр задач, от познания личности автора до укрепления культурных и литературных традиций, и составляет важнейшую часть гуманитарных исследований.

Насир Хусрав Кубадияни один из крупнейших поэтов, философов и мыслителей классической таджикско-персидской литературы, чьё творчество занимает уникальное место в истории таджикской литературы. Его произведения отличаются не только высоким художественным уровнем, но и глубиной содержания, насыщенностью духовными ценностями. Опираясь на упомянутые методы исследования, следует изучать творчество Насир Хусрав в историко-культурном контексте, поскольку политико-социальная и духовная среда его времени оказала значительное влияние на смысловое наполнение его произведений.

Историко-биографический анализ жизни и путешествий Насир Хусрава, подробно отражённых в «Сафарнома» и других его произведениях, является важнейшим условием глубокого понимания тематического и идейного содержания его творчества. Исследование психического состояния и жизненного контекста поэта способствует более точному анализу духовности и ирфана в его стихах. Биографический метод выступает одним из ключевых подходов в изучении творчества литераторов, поскольку через него возможно соотнесение личной истории и жизненного опыта автора с

глубинным смыслом и концептуальным содержанием литературных произведений.

Изучение внутреннего мира, места и условий жизни Насир Хусрава направлено на анализ духовных и мистических аспектов его поэзии, позволяя читателю раскрыть более глубокие уровни содержания и понять связь автора с культурно-историческим контекстом. По мнению исследователей, применение биографического принципа важный инструмент для постижения сложных понятий и духовных символов в творчестве Хусрава, которые без учёта его жизненного пути трудно адекватно интерпретировать.

Учитывая наличие многочисленных рукописных вариантов произведений Насир Хусрава, редакционно-критическое изучение различных списков способствует точной филологической реконструкции текста. Кроме того, сопоставление его творчества с произведениями современников и предшественников играет важную роль в определении места поэта в классической литературе. Творчество Насир Хусрава, насыщенное глубокими философскими, этическими и религиозными концепциями, должно рассматриваться с учётом исследования духовных и религиозных аспектов, направленных на выявление гуманистических и духовных целей автора. Изучение творчества конкретного поэта является значимым направлением литературоведения, охватывающим эстетические, культурные и исторические аспекты. Основные задачи этого процесса являются полное понимание поэтического наследия, определение художественных ценностей, а также исследование взаимосвязи индивидуального стиля автора с литературным, философским и социальным контекстом эпохи.

В первую очередь важным считается текстологический анализ, включающий изучение аутентичных текстов, редакций, авторских исправлений и установление подлинности произведений. Как отмечает В. Е. Хализев, «текст это не просто материал для анализа, а форма существования смысла» [258, 55].

Вторая ключевая задача, поэтика и стилистика, предполагающие анализ индивидуальной изобразительной системы, особенностей ритма, интонации, метафор и символов, что позволяет выявить, каким образом поэт формирует собственное эстетическое пространство. Ю. М. Лотман подчёркивает: «Художественный текст - это особый механизм смыслообразования» [145. 14].

Третье направление, историко-литературный и сравнительный анализ, в рамках которого творчество поэта рассматривается в специфическом историческом контексте с учётом влияния предшественников и современников, а также в сопоставлении с общими тенденциями развития литературы. Данный анализ способствует выявлению особенностей индивидуального голоса автора и уровня его воздействия на последующую литературную традицию.

Не менее значимо толкование мировоззренческих и философских пластов творчества. Анализ системы ценностей, идеалов и идейных позиций поэта позволяет глубже понять не только личность автора, но и эпоху, которую он представляет. В этом отношении произведения М. М. Бахтина, касающиеся полилогичности художественного текста, оказываются весьма полезными [60, 45].

Тем самым, исследование поэтического наследия требует междисциплинарного подхода, объединяющего методы текстологии, поэтики, философии, культурологии и истории. Только комплексный и многоплановый анализ позволяет объективно оценить роль того или иного поэта в рамках национальной или мировой литературной традиции.

Реализация основных задач изучения литературного наследия открывает возможность всестороннего рассмотрения жизни и творческой деятельности Насир Хусрава. Для понимания процессов творчества и духовного содержания его произведений необходимо всестороннее изучение биографии с учётом всех подробностей. Это способствует более точному выявлению влияния социального и исторического окружения на его

творчество. Редакция стихотворных и прозаических текстов Насир Хусрава с привлечением всех рукописных вариантов и различных собраний имеет важное значение для создания научного и полного текста. Изучение ключевых тем, таких как справедливость, истина, духовность и счастье человека в произведениях Насир Хусрава, является важной исследовательской задачей.

В заключение, изучение творчества Насир Хусрава как литературно-теоретической и биографической проблемы должно осуществляться комплексно и многогранно - историко-биографически, текстологически и философски. Только при таком подходе возможно глубокое и всестороннее понимание литературного наследия великого поэта и духовного мыслителя, а также сохранение его мирового значения для будущих поколений.

Биографические исследования в насирхусравоведение направлены не только на изучение автобиографии и жизненного пути поэта, но и на раскрытие глубокого смысла его творчества в свете времени и личной жизни. С литературоведческой точки зрения биография является важным инструментом для понимания содержания и особенностей творчества любого поэта или прозаика. В случае Насир Хусрава исследование биографии позволяет установить связь его стихов с историческими событиями, философскими и религиозными воззрениями.

Следует отметить, что труды учёных таджикской и персидскоязычной филологии, посвящённые жизни и творчеству Насир Хусрава, заслуженно признаны значительным и важным вкладом. Учёт и анализ всех достижений таджикского литературоведения в этой области, а также конкретизация оставшихся проблем является сложной задачей. Наглядным примером служат продолжающиеся научные дискуссии по вопросам аутентичности текста и авторства произведений Насир Хусрава, которые касаются текстологии, историчности и мировоззренческих аспектов. Поэтому большое количество исследований и первоисточников, собранных и

проанализированных за долгие годы, создают надёжную основу для дальнейших исследований.

Исследователи в области насирхусравоведения уделяют особое внимание сбору данных о различных этапах жизни и творчества поэта. Эти исследования позволяют глубже понять социальную, культурную, религиозную и политическую среду его времени с более реалистичной картиной. Насирхусравоведение занимается не только изучением биографии, но и анализом социального, культурного и религиозного окружения, непосредственно влияющего на творчество Насир Хусрава.

В целом, насирхусравоведение как биографическое исследование с привлечением различных источников и теоретического анализа может раскрыть глубокий смысл произведений Насир Хусрава и полностью понять взаимосвязь между жизнью и творчеством поэта. Таким образом, биографические исследования в литературоведении Насир Хусрава предоставляют возможность всесторонне и без предвзятости взглянуть на литературное, социальное и культурное наследие этого великого поэта.

ГЛАВА II
НАСИР ХУСРАВ В КОНТЕКТЕ ПЕРСИДСКО-ТАДЖИКСКОЙ И МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

1. Изучение жизни и творчества Насира Хусрава в историко-литературном аспекте

Период жизни и литературной деятельности Насира Хусрава приходится на одну из наиболее сложных и динамичных эпох в истории средневекового Центрального Востока, которая характеризуется глубокими политическими и социальными трансформациями, а также многочисленными конфликтами за власть на территории Мавераннахра и Хорасана. В это время регионами правили влиятельные тюркские династии - Газневиды, Караханиды и Сельджукиды, что создало сложный и многослойный политический контекст для культурного и интеллектуального развития.

Значимым событием этого периода стала распад великая национальная таджикская держава Саманидов, что привело к коренным изменениям во всех сферах общественной жизни, в том числе в политике, экономике и культуре. Эти процессы оказали непосредственное влияние на формирование мировоззрения и творческого наследия Насира Хусрава, сделав его произведения отражением не только эстетических и философских исканий, но и сложных исторических обстоятельств своей эпохи.

Историко-политический фон эпохи Насира Хусрава хорошо изучен благодаря многочисленным фундаментальным работам и редким письменным источникам. Среди важнейших трудов, освещающих этот период, можно выделить классические исторические хроники и исследования, такие как «Зайн-ул-ахбар» Мухаммада Гардези и «История Байхаки» Мухаммада Байхаки, а также фундаментальные работы современных ученых, таких как Забихуллоха Сафо «История литературы в Иране», Эдварда Брауна «История литературы Ирана», Эдуарда Бертельса «История персидской литературы», Иосиф Брагинского «Из истории персидской и таджикской литературы» и Бободжона Гафурова «Таджики».

Эти и другие источники предоставляют детальные и всесторонние сведения о политической структуре и культурных процессах, происходивших в эпоху Газневидов и Сельджукидов.

Учитывая обширность и глубину уже проведённых исследований, в рамках данного диссертационного исследования целесообразно ограничиться кратким, но при этом содержательным обзором историко-культурного контекста, в котором жил и творил Насир Хусрав. Такой подход позволит более чётко выявить взаимосвязь между историческими событиями, социально-политической обстановкой и литературной деятельностью поэта, что, в свою очередь, создаст необходимую основу для дальнейшего анализа его творчества с учётом всех важных факторов эпохи.

В начале XI века династии Газневидов и Караханидов пришли к власти и разделили между собой территорию распавшегося государства Саманидов. Газневиды утвердились в юго-западном Афганистане, сделав столицей город Газни, а Караханиды в Мавераннахре, объявив столицей Самарканд. Таким образом, южные провинции Саманидов, в том числе Хорасан, перешли под власть Газневидов, а северные области Мавераннахра под контроль Караханидов.

Основателем династии Газневидов считается Сабуктегин (958-998 гг.), выдающийся военный и политический деятель, который заложил основы будущего могущественного государства на территории Мавераннахра и Хорасана. Его деятельностью была заложена прочная база для формирования централизованной власти и создания стабильного политического режима. После смерти Сабуктегина власть перешла к его сыну, султану Махмуду Газневи (998-1030 гг.), чье правление стало ключевым этапом в истории династии и всего региона.

В период правления султана Махмуда Газневи политическая и религиозная борьба приобрела интенсивный характер. Он проводил активную экспансионистскую политику, направленную на расширение территорий своего государства и усиление политического влияния в

исламском мире. В рамках своей стратегии султан Махмуд инициировал многочисленные военные походы и завоевания, которые позволили Газневидам значительно увеличить свои владения. Под его руководством Газневидское государство трансформировалось в одну из самых могущественных исламских держав своего времени, занимавшую обширные территории, простиравшиеся от северо-западных границ Индии на востоке до Хорезма на западе. Более того, государство охватывало земли, расположенные в пределах современных иранских границ, включая такие культурные и экономические центры, как Исфахан и Рей. Эта масштабная территория обеспечивала Газневидам значительный политический, экономический и культурный потенциал.

Кроме того, период правления Махмуда Газневи отличался активным покровительством науки, культуры и религии, что способствовало развитию исламской цивилизации и формированию уникальной культурной традиции в регионе. Его правление ознаменовалось не только военными успехами, но и укреплением государственной идеологии, ориентированной на поддержку ислама и борьбу с политическими и религиозными оппонентами. Таким образом, эпоха Махмуда Газневи стала ключевым этапом в формировании средневекового мусульманского государства, оказавшего значительное влияние на политический и культурный ландшафт Центральной и Южной Азии.

Первый поход султана Махмуда на индийский Мултан состоялся в 1005 году и, согласно источникам, считается одним из наиболее жестоких завоевательных походов периода его правления. Российский востоковед Э.И. Бертельс описывает это событие следующим образом: «Огромные войска Махмуда, под предлогом распространения ислама и джихада против «неверных», ворвались в богатейшие северо-западные провинции Индии, устраивая повсеместные убийства и грабежи, уничтожая всё на своём пути и увозя с собой многочисленных рабов и богатства» [69, 93].

Кроме того, для увеличения доходов султан Махмуд прибегал к усилению налогового гнета и насильственному изъятию земель у угнетённого населения. Сельские жители, чтобы избежать налогов, теряли свои наделы и попадали в крепостное положение. Об этом Бертельс пишет: «Налоговая система стала тяжёлым бременем для народа. В XI веке крестьяне лишались своих земель и попадали в различные формы рабства» [69, 43].

Историк Б. Гафуров также отмечает, что завоевательные походы султана Махмуда, особенно войны в Индии, которые составляли основу богатства султана, гвардии и армии, одновременно вели к нищете и лишениям угнетённых масс. Перед каждым походом у местного населения изымались большие налоги» [88, 395].

Все историки, как отечественные, так и зарубежные, подробно освещают жестокость и жестокие методы султана Махмуда. Единственным заметным достижением султана было создание литературных центров в Газни, Самарканде и Герате, где собирались поэты и учёные, а также строительство великолепных зданий в Газни и создание условий для поддержки литераторов: «Султан Махмуд был великим полководцем и храбрым правителем. Он заботился о внешнем величии государства, строил прекрасные здания, поддерживал поэтов и учёных при дворе, но не предпринял никаких усилий для развития сельского хозяйства» [88, 397].

Во времена султана Махмуда государство Газневидов стало одним из ключевых центров исламского мира, находясь под покровительством Аббасидов и в политике опираясь преимущественно на халифа в Багдаде. В своих действиях он руководствовался религиозным фанатизмом, стремясь подавить феодальные противоречия и бороться с иными религиями и сектами. Представители других вероисповеданий подвергались жестоким репрессиям. Таджикский исследователь Нозир Арабзода отмечает: «Махмуд Газневи в своей завоевательной политике поддерживался халифом Багдада, поскольку придерживался религиозного фанатизма и под лозунгом джихада

боролся против еретических движений, таких как карматии, исмаилиты, шииты и другие, жестоко их подавляя» [42, 12].

В «Зайн-ул-ахбар» Мухаммад Гардези повествует: «В 225 году хиджры Махмуд отправился из Газни в Мултан, захватил его полностью, уничтожил многих карамитов и подверг их разным наказаниям» [2, 180].

Кроме того, Газневиды нанесли серьёзный урон культурному наследию. Так, крупные библиотеки, построенные Саманидами в Бухаре и Рее, были разрушены. Гардези сообщает о библиотеке в Рее: «Я видел эту библиотеку и её каталог, состоящий из десяти томов. Когда султан Махмуд вошёл в Рей, ему сообщили, что в ней хранятся книги рафизитов и мулхадов (еретиков). Он приказал отделить религиозные книги и сжечь остальные» [2, 137].

Известно, что в этот период различным религиям и сектам оказывались преследования, которые начались ещё при султане Махмуде. Он стал первым правителем, применявшим систематические репрессии против религиозных оппонентов, особенно шиитов и исмаилитов. Фатимидский халифат, который в эпоху Саманидов охватывал почти все восточные территории, был поставлен под жёсткое давление со стороны туркских династий. По словам Саида Нафиси: «Даже династия Саманидов во времена Насра I Ахмада Самани с поддержкой даи исмаилитов, Ибни Наршахи, перешла в исмаилитство, однако с приходом туркских династий влияние этого халифата ослабло, и исмаилиты были вынуждены бежать в горы для спасения» [194, 235].

По мнению академика Бободжона Гафурова, «Махмуд Газневи под лозунгом джихада прикрывал свои завоевательные походы и получал поддержку халифа Багдада, собирая вокруг себя фанатичных мусульман — «джихадалабов». Он провозглашал себя сторонником суннитского мазхаба, доминировавшего тогда в исламе, и боролся с противниками феодального строя карматиями, исмаилитами, шиитами и другими сектами, конфисковывая имущество их сторонников и тем самым увеличивая своё

богатство. Таким образом, преданность Махмуда суннитскому мазхабу была способом укрепления власти и обогащения» [88, 398].

Гордость и высокомерие султана Махмуда достигли такой степени, что он, захватывая соседние государства, требовал от их правителей за взятки или силой провозглашать его имя в хутбах в мечетях. Российский исследователь Бертельс отмечает: «В 1015 году Махмуд выдал замуж свою сестру за хорезмшаха Абулаббаса Ма'муна и потребовал, чтобы в мечетях хорезмского государства читалась хутба с его именем, признавая Хорезм вассалом Газневидов. Хорезмшах, опасаясь серьёзных угроз, выполнил эту просьбу» [69, 80].

Развитие науки и литературы в эпоху Сельджукидов по сравнению с Газневидами было более ограниченным. Сельджуки, придерживавшиеся традиционного племенного образа жизни и привыкшие к нему, уделяли меньше внимания развитию науки и культуры. В первые десятилетия своего правления они, погружённые в многочисленные племенные конфликты, не могли создать централизованного государства. По этим причинам развитие науки и литературы в этот период замедлялось. Однако позднее, укрепив свои позиции, они постепенно создавали научные центры, которые, тем не менее, носили преимущественно религиозный характер.

Научно-литературная ситуация того времени столкнулась с новыми изменениями. Как известно, в начале XI века персидская поэзия таджиков всё ещё находилась под влиянием стиля эпохи Газневидов, однако поэты и учёные, пришедшие на литературную арену, продолжали возрождать стиль эпохи Саманидов. Одним из тех, кто развивал хоросанский стиль в этот период, был Насир Хусрав из Кубодиёна, чья поэзия по своему смыслу и стилю напоминает произведения поэтов конца X века. Следуя стилю саманидского периода, он внёс в свою поэзию философские и мудрые темы, предложил новые идеи и мысли, тем самым создав уникальный стиль и метод в поэтическом творчестве.

По данным таджикского учёного Холика Мирзозоды, литературные направления персидско-таджикской литературы того времени можно разделить на две ветви: первая, содержание и различные факторы, влияющие на персидско-таджикскую литературу, в том числе её тематические особенности; вторая, обсуждение формы и содержания, то есть традиционный анализ стихов и эволюции различных литературных жанров [157, 156].

В целом, несмотря на нестабильную политическую обстановку и жестокость Газневидов и Сельджукидов, великие учёные и поэты не прекращали творить, а напротив, способствовали развитию науки и литературы. Можно утверждать, что все жанры поэзии совершенствовались, а поэты и писатели вносили вклад во все сферы жизненных тем. Известно, что в этот период особое значение имела касида, через которую поднимались наиболее актуальные социально-политические вопросы.

Этот культурный и научный прогресс происходил не только под покровительством и поощрением Сельджукидов, но и при участии других племён, таких как Газневиды и Гуриды, а также Хорезмийские шахи, которые были в той или иной степени союзниками Сельджукидов. Таким образом, наука, литература и культура Ирана развивались, отражая актуальные проблемы времени и закладывая основу для будущих поколений. Ведь формирование науки и знаний во многом зависит от социально-политической ситуации и развивается пропорционально её прогрессу. Несмотря на нестабильность общества в тот период, это оказывало влияние на все сферы жизни, в том числе на формирование науки и культуры, создавая значительные трудности.

Одной из крупнейших и выдающихся личностей в истории науки и литературы, которая способствовала развитию науки, культуры и цивилизации таджиков в самый сложный период их истории, был Хаким Насир Хусрав из Кубодиёна. Этот великий учёный и поэт занимал высокие государственные посты более 15 лет, однако по невыясненным и до сих пор

обсуждаемым причинам оставил государственную службу и посвятил себя развитию таджикской науки и культуры.

Имя и личность Насир Хусрава, как учёного, поэта, проповедника и крупного мирового путешественника XI века, уже тысячу лет привлекают внимание исследователей и литераторов. О его жизни, деятельности и творчестве на протяжении истории написано множество научных и литературных исследований.

Ещё в 1092 году Абулмаоли, писатель конца XI - начала XII века, оставил о нём сведения, хотя и предвзятые и враждебные, тем не менее ценные как редкий источник. В своём произведении «Баён-уль-адён» Абулмаоли называет Насир Хусрава «великим проклятым» [57, 149]. По словам Бертельса: «Абулмаоли выражает к Насир Хусраву ненависть и называл его «великим проклятым». Другие авторы, позднее описывавшие его жизнь, часто искажают факты под влиянием религиозной предвзятости, превращая его биографию и взгляды в мифы и легенды» [57, 149].

В «Баён-уль-адён» сказано: «Хотя Насир Хусрав Худжатом Хуросона, славился и жил в Юмгане, он отвратил людей от правильного пути и вводил в заблуждение» [57, 44].

Поэт и известный мистик XII века Аттор Нишапури упоминает Насир Хусрава, приведя в конце своего труда «Лисан-уль-гайб» следующие строки:

Насир Хусрав, что в Юмгане селился,
Его воздыхание пронзило вселенную.
В уединении он обрел приют,
Услышал слова пророка здесь.
Был сыном посланника тот религиозный муж,
Боролся с сектантами и врагами веры.
Не был он человеком с собачьей душой,
Поэтому скрывался как рубин в Бадахшане.
Укрылся в уголке Юмгана у гор,
Чтоб не видеть злых людей вокруг.

Я, как султан, взял себе уголок,

И смысл жизни дал он нам покой[1] [1, 87].

Из анализа источников видно, что все представители науки и литературы, включая летописцев и учёных средневековья, проявляли большой интерес к жизни и творчеству Насир Хусрава. Например, в историческом труде Кози Байзови «Низам-ут-таварих», написанном в 1275 году, говорится: «Многие легенды о Насир Хусраве ходят среди народа, одни считают его праведным, другие обвиняют в безбожии и ереси. Он писал диван в 30 000 стихов, наполненных мудростью и наставлениями» [57, 47].

Кози Байзови был первым историком, назвавшим Насир Хусрава колдуном, а это мнение впоследствии было принято монгольскими династиями.

Историк XIII века Рашид ад-Дин Фазлуллах в своём труде «Джами-ут-таварих» отмечает: «По слухам, Насир Хусрав прибыл из Хорасана в Египет по приглашению Мустансира (халифа Фатимидов), жил там семь лет, совершал ежегодные паломничества и возвращался через Басру. Позже он поселился в Балхе, призывал алавитов Египта, но был вынужден скрываться на горе Юмган и жил там около двадцати лет, довольствуясь водой и травами» [57, 217]. Многие исследователи считают эти сведения более достоверными по сравнению с другими источниками. В частности, ежегодные паломничества и возвращение через Басру соответствуют действительности, в то время как пребывание в Египте семь лет, скорее ошибка. Американский учёный Алис С. Хонсбергер пишет: «За исключением некоторых мелких неточностей, этот отчёт является одним из наиболее точных и сбалансированных описаний автора» [264, 49].

В XV веке поэт и мыслитель Абдурахмон Джами в седьмой главе книги «Бахористон», посвящённой «Повести о птицах, искусных в рифмовке и словесном мастерстве», упоминает Насир Хусрава следующим образом: «В поэтическом мастерстве он был искусен, в науках мудрости совершенен, но

[1] Смысловой перевод поэзии Носира Хусрава выполнен автором.

обвинялся в склонности к ереси и безверию. Его «Сафарнома» описывает многочисленные путешествия, беседы с учёными и содержит стихи, из которых Айнулькузат в книге “Зубдат-уль-хакаик” критиковал некоторые. Это один из его стихотворных отрывков:

Вся моя беда от булгарцев происходит,
Которую мне всё время приходится терпеть.
Но и булгарцы не без греха,
Скажи, если сможешь, послушать меня:
Боже, это бедствие и смута от Тебя,
Но никто не умеет его предотвратить.
Булгары постоянно приводят турок,
Чтобы прорвать народные завесы.
Губы и зубы у этих красавцев, словно луна,
Такой красоты не следовало бы создавать,
Кто влюблён в их уста и зубы -
Тот должен прикусить губу своими зубами [29, 138].

Из мысли Абдурахмана Джами ясно и очевидно, что он был знаком с «Сафарнома» Хакима Насир Хусрава и другими произведениями поэта, однако не может предоставить полную информацию о его творчестве. Он лишь отмечает поэтическое мастерство Насир Хусрава «он был искусен в поэтическом искусстве и совершенен в науках мудрости» [29, 138], а также его глубокие знания в области философии и мудрости.

Во времена Абдурахмана Джами, Амир Давлатшаха Самарканди, автора одной из наиболее известных и совершенных тазкир под названием «Тазкират-уш-шуаро», в отношении Насир Хусрава говорится следующее: «Происхождение его из Исфахана, и о нем сказано много слов; некоторые называли его монотеистом и мистиком, а некоторые обвиняли в том, что он был натуралистом и дехристиянином, исповедующим доктрину трансмиграции душ…» [5, 234]. Эта информация Давлатшаха также далека от истины и является лишь слухом.

Примерно через столетие известный поэт XVI века Зикрии Коши в своей тазкире «Хулосат-ул-ашъор ва зубдат-ул-афкор» перевел с арабского на персидский язык трактат под названием «Рисолат-ун-надома фи зол-ул-киёма» и отметил: «Насир Хусрав, являвшийся беглецом и жертвой дворцового переворота Фатимидов, покинул Египет. Он и его брат Абусаид нашли убежище в Багдаде при халифе Каиме» [57, 53]. В указанной поэме уделено значительное внимание Насир Хусраву, однако здесь приведена лишь выдержка. Преимущество данной тазкиры состоит в том, что в ней годы пребывания поэта в Юмгоне представлены достаточно достоверно, то есть отмечается, что Насир Хусрав провел там около 25 лет или даже более.

Одновременно с Джами и его учеником, Мир Алишером Навои, в своем ответном труде «Маджолис-ун-нафоис» продолжает высказывать аналогичное мнение и в довольно резкой форме относится к великому мудрецу: «Насир Хусрав проявлял крайнюю нетерпимость в мазхабе рафз (это термин, используемый, как правило, в суннитской литературе для обозначения радикальных шиитов, особенно тех, кто отвергает первых трёх халифов. Иногда термин носит негативную окраску - Б.Дж.) и считал эту ложную секту истинной, а ложная секта объявляла его слова религиозным доводом. Книга «Равшаноинома» состоит из его стихов, и, поскольку он был искусен в поэзии, он также был искусен в мудрости, которая известна своим еретическим и скептическим характером…» [57, 31].

В известном историческом произведении XVI века «Хабиб-ус-сияр» Хондамира также приводится информация о Насир Хусраве. В частности, отмечается о скудной пище и пропитании Насир Хусрава, о семилетнем пребывании его в Египте, а также приводятся иные детали: «Он был одним из выдающихся поэтов, современником халифа Мустансира из Хорасана, родился в 969 году. Достигнув возраста зрелости, услышав славу о благочестии исмаилитов, в эпоху Мустансира поспешил из Хорасана в Египет» [57, 34]. Вместе с тем, Хондамир распространяет провокационные и

разжигающие рознь высказывания, например: «Некоторые враги ахлуальбейта замышляли покушение на мира Хусрава» [57, 55].

Известный историк и географ XVII века Амин Ахмади Рози, автор знаменитой тазкиры «Хафт иклим», в которой описывает около тысячи пятисот поэтов, писателей, мистиков и эмиров, также приводит большое количество недостоверных сведений о Насир Хусраве. На основе его данных в Бадахшане создан и известен труд «Сафарномаи машрик», представляющий собой полную адаптацию тазкиры Амина Ахмади Рози. Мысли автора содержат множество повторов и подражаний предыдущим работам, а также включают необоснованные утверждения, которые не соответствуют научным стандартам. В связи с большим количеством фальсификаций, содержащихся в этом труде, мы ограничимся рассмотрением лишь некоторых аспектов:

Во-первых, автор относит Насир Хусрава к потомкам Хазрата Али ибн Абу Талиба, тогда как сам поэт утверждает своё происхождение от рода Кубодиён и ни в одном из своих произведений не упоминает о принадлежности к семейству ахльульбейт:

Я постоянно связываю род свой с Юмгоном,

Поскольку происходил от рода Кубодиён» [10, 56].

Другой спорный аспект данной тазкиры заключается в том, что Амин Ахмади Рози утверждает, будто Насир Хусрав «исследовал различные пути и охватывал знания многих земель, а три года своей жизни провел в землях Греции и Вавилона» [57, 40], тогда как в своем «Сафарнома» поэт вовсе не упоминает эти города и регионы. При этом в каждом городе, куда он приезжал, он подробно описывает исторические места и значимые объекты, как мечети, дома и дворцы.

Еще одной провокационной и спорной деталью тазкиры является утверждение: «Насир Хусрав ночью бежал из Египта вместе со своим братом и направился в Багдад, то есть бежал от халифа Египта, которого он в своих стихах неимоверно превозносил, и искал убежища при аббасидском халифе,

у которого был на него донос» [57, 41]. Таким образом, в тазкире встречается множество спорных и далеких от действительности утверждений.

В XVIII веке придворный поэт Сефевидов Лутфалибек Азар собрал антологию стихов под названием «Оташкадаи Азар», где перевел стихи классиков на более мягкий и понятный стиль. Он причисляет Насир Хусрава к выдающимся ранним поэтам и повторяет мнения прежних авторов, таких как Заки и другие, одновременно вводя множество новых сюжетных элементов. Например, он приводит такой эпизод: «Однажды, проходя через базар, меня узнал некий человек из Египта. Он подошел и спросил: “Разве ты не Насир Хусрав, и разве это не твой брат Абусаид?” От страха я схватил его за руку, отвлек разговором и пригласил к себе домой и сказал ему: “Сто тысяч мискалов золота, и не раскрывай эту тайну.” Тот согласился, я сразу же позвал духовенство, чтобы создать ему алиби, и выдворил из дома...» [57, 65].

Несмотря на критику, значение и влияние этой тазкиры нельзя недооценивать, поскольку именно на основе подобных сборников были построены первые исследования Насир Хусрава, проведенные такими учеными, как Этте, Шифер и др. Однако эти исследования остаются фрагментарными и спорными.

Во второй половине XVII и начале XIX веков в рамках устойчивой традиции составления тазкират (биобиблиографических сборников о поэтах) появляются многочисленные труды, играющие важную роль в сохранении и передаче литературного наследия персидскоязычного мира. Среди наиболее значимых из них можно выделить такие произведения, как «Нештари ишқ» Хасанкулихана Азимободи, «Сафинат-уш-шуаро» Сулеймана, «Маджмаъ-ул-фусахо» Ризакулихана Хидоят, «Риёз-ул-орифин» Офтоброя Лакхани, а также «Чароги анджуман» Ахмада Гулчина. Эти сочинения, представляющие собой не только литературные справочники, но и образцы историко-критической мысли своего времени, содержат сведения о сотнях поэтов, мыслителей и представителей духовной элиты.

Особое значение в данном контексте имеет тот факт, что в ряде из этих тазкират нашёл своё отражение и Насир Хусрав, как выдающийся представитель классической поэзии и философской мысли таджикско-персидской традиции. Его упоминание в этих источниках свидетельствует не только о долговечности влияния его творчества, но и о признании его духовного и литературного авторитета последующими поколениями. Таким образом, тазкиры XVII-XIX вв. служат важным звеном в процессе исторической памяти и репрезентации фигуры Насира Хусрава в контексте культурного самосознания восточного мира.

В конце XIX века два выдающихся литератора эпохи Каджар, Ризакулихан Ҳидоят и Зайнулобиддин Хуросони, известный под литературным псевдонимом Фонӣ, представили существенно более подробные и достоверные сведения о творчестве и жизни Насира Хусрава. В своём фундаментальном труде «Маджмаъ-ул-фусахо» Ризакулихан Хидоят предлагает краткий, но содержательный очерк биографии поэта, одновременно обращая внимание на богатство его литературного наследия. Автор указывает, что ему удалось собрать почти двенадцать тысяч байтов (двустиший) из дивана Насира Хусрава, что свидетельствует о значительном объёме и разнообразии поэтического корпуса.

Кроме того, в исследовании отмечается наличие нескольких важных рукописей, среди которых «Зод-ул-мусофирин», «Дастур-ул-аъзам», «Саодатнома» и маснави «Равшаноинома». Следует подчеркнуть, что Насир Хусрав обладал двумя диванами - на арабском и персидском языках, что отражает его полилингвальное литературное мастерство и глубокое владение классическими традициями Востока. Его кунья - Абу Муин, а одним из наиболее часто используемых литературных псевдонимов является Худжат, под которым он подписывается в большинстве своих стихотворных произведений. Рукописи «Зод-ул-мусофирин» и «Равшаноинома» также находятся в распоряжении исследователей, что позволяет более тщательно

анализировать его наследие и вносит значительный вклад в филологические и литературоведческие исследования [57, 93].

Данный вклад Ризакулихана Ҳидоят и Зайнулобиддина Фонӣ имеет неоценимое значение для изучения Насира Хусрава, так как именно их работы способствовали систематизации и сохранению богатого наследия поэта, открывая новые горизонты для последующих исследований в области таджикско-персидской литературы и философии.

Информация, представленная Зайнулобиддином Хуросони, не встречается в других источниках и даже в доступных нам рукописях «Сафарнома» Насир Хусрава. Он пишет: «Насир Хусрав аль-Алави прибыл из Хорасана в Египет, чтобы служить имаму своего времени - Мустансиру биллах, и ежегодно совершал паломничество в Мекку, после чего возвращался в Египет. Он находился там около полугода, искал сведения повсюду, но успеха не имел, пока не подружился с одним из духовенства исмаилитов. После нескольких бесед Насир Хусрав выразил свою позицию: он долго искал возможности увидеть Владыку времени и не мог это осуществить, поскольку считал, что истинный имам должен находиться именно в этих краях, и что он, посетив множество земель, не встретил никого, кроме правителя Египта, достойного имамата. Он просил помощи у своего собеседника. Тот ответил, что надежда есть, ибо сам Мавлана каждую неделю покидает Каир и посещает места, где собираются подданные и вельможи различных земель, и не каждый может увидеть его. В день Навруза Мавлана Хоким Биамриллах устраивает гуляния на берегу Нила и пребывает там около недели, в эти дни открываются врата милосердия и прощения для всех, особенно для бедных, сирот и вдов» [57, 46].

Согласно мнению выдающихся учёных, таких как Э.И. Бертельс, Ян Рипко, Г. Этте, А. Семёнов и ряда других исследователей, если бы действительно существовали подобные сведения, не возникало бы сомнений в том, что до нашего времени сохранилась бы полная и цельная версия «Сафарнома» Насира Хусрава. Однако, как указывает Зайнулобиддин, в

своих источниках он приводит детальную информацию о встрече Насира Хусрава с халифом Фатимидов в Египте - Мустансиром Биллахом, сведения о которой отсутствуют в других известных нам письменных памятниках.

Этот факт свидетельствует о том, что некоторые уникальные и ценные данные, сохранившиеся в трудах Зайнулобиддина, не представлены в иных исторических источниках, что придаёт особую значимость его свидетельству и подчёркивает существование пробелов и фрагментарности в нашем современном понимании и изучении «Сафарнома». Таким образом, отсутствие полной редакции «Сафарнома» до настоящего времени остаётся одним из важных вызовов для исследователей, требующих дальнейшего поиска и анализа источников с целью воссоздания историко-литературного контекста и биографических подробностей жизни великого поэта и мыслителя Насира Хусрава.

Хотя данные и содержат некоторые пробелы и неточности, они частично принимаются учеными как достоверные и служат основой для выводов. По словам русского исследователя Бертельса: «Возникновение целой цепочки легенд о Насир Хусраве не случайно и безусловно связано с глубоким интересом его современников и последующих поколений к его личности. Описание реальной жизни Насир Хусрава даже в сравнении с биографиями таких сложных фигур, как Ибн Сина, Саади, Масуди Саад и других, представляется весьма ясным» [69, 13].

Несмотря на наличие ряда сведений, в том числе и спорных, для воссоздания биографии и творческого наследия Насира Хусрава использовались исключительно источники, признанные в научном сообществе надёжными и авторитетными. Именно на основе анализа этих источников исследователи сформировали свои систематизированные и аргументированные научные позиции, позволяющие раскрыть глубину и многоаспектность творчества великого поэта, философа и мыслителя.

Однако перед тем, как приступить к критическому рассмотрению и анализу мнений различных исследователей о произведениях Насира Хусрава,

представляется необходимым сделать ряд методологических и концептуальных замечаний, касающихся характера и достоверности упомянутых источников. Это позволит не только чётче определить границы возможных интерпретаций, но и уточнить критерии отбора информации, на которую опираются современные научные дискуссии.

Важность таких замечаний обусловлена как исторической фрагментарностью сохранившихся материалов, так и неоднородностью их интерпретаций в разных научных традициях, что требует осторожного и критического подхода к использованию источников при формировании целостного и объективного представления о жизни и творчестве Насира Хусрава.

Прежде всего, следует отметить, что на протяжении многих столетий внимание представителей науки и литературы было сосредоточено на этой выдающейся личности - путешественнике, философствующем поэте и влиятельном проповеднике, и всё это требует детального и всестороннего научного осмысления. В литературно-исторических источниках можно проследить две основные линии восприятия его образа: одна позитивная, другая негативная.

Более того, некоторые из представленных концепций способны не столько раскрыть реальный образ Насир Хусрава, сколько создать вокруг него мифологизированный, почти легендарный образ. Так, согласно наблюдению Алиса Хонсбергера: «В течение веков в различных описаниях жизни Насир Хусрава он то представал царём, то безбожником, верящим в переселение душ, то лидером секты, носящей его имя [насирия], то волшебником, возводящим дворцы и сады с помощью магии, живущим на вершине горы и питающимся раз в двадцать пять дней, и, якобы, исключительно ароматами пищи» [264, 43].

Литературно-исторические источники, такие как «Баён-ул-адйан» Абумаали, «Ятимат-ад-дахр» Ас-Саалаби, «Зайн-ул-ахбар» Гардези, «Фарханги талмехот» С. Шамисо и другие труды, также содержат отдельные,

порой фрагментарные сведения о политической ситуации эпохи Насир Хусрава и его роли в общественно-религиозной жизни того времени.

Однако, наряду с фрагментарными и зачастую неясными упоминаниями о поэте, существует и значительный корпус сведений, обладающих характером достоверных и верифицированных исторических свидетельств. В частности, автор одного из наиболее авторитетных тазкира - Давлатшах Самарканди сообщает, что объём поэтического наследия поэта достигает приблизительно тридцати тысяч байтов. Помимо этого, он указывает на продолжительное пребывание поэта в Египте, а также на совершённый им хадж. Все эти сведения подтверждаются рядом независимых источников и в совокупности составляют надёжную основу для реконструкции ключевых этапов его биографии.

Причины возникновения противоречий и мифологизированных представлений о Насир Хусраве могут быть различны. Одной из них востоковед Е.Э. Бертельс считал религиозную вражду и недостаточную осведомлённость о научном значении его трудов: «Официальные хронисты не могли полностью предать забвению его жизнь, деятельность и сочинения, поскольку его книги получили широкую известность и распространились повсеместно. Однако некоторые из его идей, которые были им неприемлемы, подверглись искажениям. На протяжении восьми столетий фанатично настроенные богословы, не способные осмыслить его философские труды, превращали их в якобы «эзотерические» тексты, полные таинств и символов, недоступных для понимания простого человека» [69, 149].

Как отмечает Бертельс, «легенды, окружавшие фигуру Насир Хусрава, которые немецкий востоковед Г. Этте сравнивал с образом Фауста, с одной стороны, помогли сохранить память о великом человеке в сердцах поколений, а с другой, затушевали его подлинный облик» [69, 13].

К числу первых учёных, обративших внимание на вымышленные и легендарные элементы, приписываемые биографии Насир Хусрава, принадлежит выдающийся таджикский литературовед Лутфулло Бузургзода.

Он писал: «Для искреннего и страстного человека, каким был Насир Хусрав, который честно и бесстрашно боролся с подлостью духовенства и глупостью и продажностью властей, не может быть более тяжкого наказания, чем такие несправедливые приписывания» [76, 24].

Наиболее достоверным, непреходяще ценным и аутентичным источником, на основе которого с конца XIX века началась систематическая научная разработка наследия Насира Хусрава, остаются, безусловно, его собственные произведения. Именно в его поэтическом и прозаическом корпусе заключён уникальный пласт интеллектуальной, философской и культурной мысли, позволяющий реконструировать не только индивидуальный духовный путь автора, но и широкий контекст эпохи. Однако на протяжении длительного времени доступ к этим текстам был существенно ограничен, как в силу объективных причин - труднодоступности рукописей, недостаточной каталогизации, языковых барьеров, так и вследствие субъективных факторов, включая предвзятые представления, религиозно-политические установки и общую инерцию академического интереса. Даже те исследователи, кто знал о существовании сочинений Хусрава, по причинам, изложенным выше (а также, возможно, и по иным, менее зафиксированным в историографии), не предпринимали целенаправленных усилий по их всестороннему и систематическому изучению. Следует особо подчеркнуть, что начиная с середины XIX века наблюдается существенное усиление интереса западноевропейских ориенталистов к литературному и культурному наследию Востока. В этот период складываются основы научного востоковедения как автономной дисциплины, формируются академические школы, расширяется круг публикаций, и в этом контексте труды Насира Хусрава постепенно начинают входить в поле зрения европейских учёных. Активизация востоковедческих исследований способствовала не только введению его произведений в научный оборот, но и формированию более взвешенного и методологически обоснованного подхода к их интерпретации.

2. Ранний этап научного осмысления поэтического и прозаического наследия Насира Хусрава

Изучение и научное осмысление творчества Насир Хусрава начались ещё в конце XIX века и на протяжении последующих десятилетий оставались в центре внимания как отечественных, так и зарубежных исследователей. Это устойчивое внимание объясняется не только философской и религиозной значимостью его наследия, но и его уникальным вкладом в персидскую литературу, как по содержательному богатству, так и по формальному новаторству.

С точки зрения теории литературы, произведения Насир Хусрава представляют собой сложное явление, находящееся на пересечении религиозно-философского дискурса и художественного текста. Его творчество требует комплексного литературоведческого подхода, включающего элементы герменевтики, интертекстуального анализа, историко-культурной реконструкции и поэтики. Именно поэтому начиная с конца XIX века к изучению его наследия активно подключились как западные ориенталисты (Г. Этте, Э. Браун, Ч. Шеффер и др.), так и представители отечественной научной школы (А. А. Семёнов, Е. Э. Бертельс, В. Крачковский, И. С. Брагинский и др.). Они анализировали как философские аспекты текстов Хусрава, так и их поэтическую структуру, символику, жанровую специфику и идейную направленность.

Современные литературоведческие подходы рассматривают творчество Насир Хусрава в контексте диалога культур, обращая внимание на полифонию его текстов, философскую глубину образов, религиозную мотивацию повествования и синтез суфийской и исмаилитской традиций. Исследователи, включая таких авторов, как Али Дашти, Махди Мухаккик, Мужтаба Минави, Сейид Хасан Тагизаде и другие, пытались реконструировать как исторический контекст жизни поэта, так и его внутренний мир - сложный, метафизический, обращённый к поиску истины через поэзию.

Таким образом, теоретико-методологическое осмысление наследия Насир Хусрава охватывает широкое поле, от текстологического и сравнительно-литературного анализа до философской герменевтики и культурологического моделирования. Подобный подход позволяет раскрыть не только смысловое богатство текстов, но и глубину их воздействия на восточную и мировую литературу.

Научную литературу, посвящённую исследованию жизни, творчества и интеллектуального наследия Насир Хусрава, с учётом жанрово-тематического и методологического многообразия, целесообразно классифицировать по нескольким основным направлениям. Эта условная типология позволяет выявить ключевые исследовательские парадигмы, сложившиеся в различных научных традициях - западной, российской и восточной (в первую очередь иранской и афганской).

1. Исследования западных авторов**.** К числу значимых трудов, выполненных западными ориенталистами и специалистами по персидской литературе, относятся работы, переведённые и опубликованные на английском, немецком и французском языках. Среди них особо выделяются исследования таких авторов, как Ш. Шеффер, Г. Этте, Ян Рипка, Эдвард Браун, а также Алис С. Хансбергер. В своих работах данные исследователи продемонстрировали комплексный подход к изучению как философско-теологического наследия Насир Хусрава, так и его поэтической практики. Методологической основой их исследований выступают принципы компаративного литературоведения, элементы историко-философского анализа, а также герменевтическая интерпретация текстов. Важным достижением этих авторов стало представление Насир Хусрава в более широком контексте исламской интеллектуальной традиции, а также введение его творчества в сферу межкультурного диалога Востока и Запада. Благодаря переводу и публикации этих трудов на европейских языках, литературное и философское наследие Насир Хусрава стало доступно международному академическому сообществу и заинтересованной широкой аудитории.

2. Научные исследования российских востоковедов. Российская научная школа внесла значительный вклад в изучение биографии и творческого наследия Насир Хусрава, начиная с публикаций В. А. Жуковского в 1915 году и вплоть до работ позднесоветского и постсоветского периодов. Исследования А. А. Семёнова, В. А. Иванова, Е. Э. Бертельса, В. Б. Никитиной, А. Эдельмана, А. Крымского, М. Л. Рейснера и других авторов представляют собой широкий спектр ориенталистской науки, включающей как филологический и текстологический анализ, так и историко-культурное осмысление произведений Насир Хусрава. В методологическом плане российские востоковеды преимущественно опирались на принципы историко-филологической школы, уделяя особое внимание текстуальной критике, анализу рукописных источников, реконструкции биографических сведений и контекстуализации произведений в рамках исламской культуры и персидской литературной традиции. Их работы сыграли ключевую роль в формировании научной базы, необходимой для дальнейших исследований и сравнительного анализа творчества Насир Хусрава в широком историко-культурном контексте.

3. Исследования иранских и афганских учёных. Наиболее обширным и многослойным пластом научной литературы являются работы, выполненные исследователями Ирана и Афганистана, которые на протяжении более века последовательно обращаются к различным аспектам наследия Насир Хусрава. Эти исследования охватывают философско-религиозные воззрения поэта, анализ его поэтического языка, тематику этики и морали, вопросы идеологии и социального устройства, отражённые в его произведениях. Среди выдающихся представителей этого направления можно выделить Али Дашти, Насруллу Тагави, Сейида Хасана Тагизаде, Джафара Шиора, Саида Джафара Шахиди, Мухаммада Дабири Саяки, Шерзамона Фируз, Махди Мухаккика, Манучехра Аташи, Гулам-Резу, Халилуллоха Халили, Абдулгани Барзинмехра, Джаовида Ахмада и других. Методологическая специфика этих работ характеризуется синтезом классической исламской теологии,

философской интерпретации и филологического анализа. Многие исследователи активно используют концептуальный аппарат традиционной исламской науки о слове, а также современные литературоведческие и философские подходы, в том числе элементы семиотики, экзегетики и психоанализа, адаптированные к специфике персидской средневековой литературы. Исследования этого круга отличаются глубиной культурной и духовной интенции, поскольку основаны на живом знании исламской традиции, языковой тонкости оригинальных текстов и внутренней связи с историко-религиозным контекстом Хорасана XI века.

Таким образом, классификация научной литературы по обозначенным направлениям не только позволяет систематизировать имеющийся объём исследований, но и подчёркивает многообразие исследовательских стратегий, отражающих как междисциплинарность, так и культурную специфику академических подходов к осмыслению наследия Насир Хусрава. Эти три исследовательских вектора, западный, российский и восточный, в совокупности образуют сложную и многомерную картину научной рецепции творчества этого выдающегося поэта, мыслителя и религиозного философа исламского мира.

Особое место занимает деятельность видного российского востоковеда В. А. Жуковского, одного из первых исследователей, обратившихся к изучению наследия Насир Хусрава. Им был издан сборник избранных сочинений поэта на персидском языке с параллельным русским переводом в серии «Записки Восточного отделения». В 1915 году историк и востоковед А. Крымский в своём труде «История персов, их литературы и пантеизма дервишей» кратко охарактеризовал жизнь и творчество Насир Хусрава, ссылаясь на работы Жуковского. В частности, Крымский указывает: «В 1890 году проф. В. А. Жуковский опубликовал поэзию Насир Хусрава в сборнике «Стихотворения Насир Хусрава», и приводит, в числе прочего, следующий тарджеъбанд (повторяющийся рефрен):

О, радость солнечного царства сердца,

Свет познания — луна, озаряющая душу [107, 89].

Однако эта строфа выражает суфийское мировоззрение, и принадлежность её Насир Хусраву вызывает споры. В той же статье приведён перевод фрагментов из «Сафарнаме», маснави «Равшаноинаме» и «Саодатнаме», но отрывки из дивана, составляющего значительную часть наследия поэта, отсутствуют. Также автор ошибочно утверждает, что Насир Хусрав был внуком седьмого шиитского имама и учеником Ибн Сины, утверждение, не имеющее научного подтверждения.

Эдвард Браун, один из первых исследователей персидско-таджикской литературы, также внёс весомый вклад в изучение классических поэтов, включив Насир Хусрава в свою фундаментальную работу «История персидской литературы», где уделил его наследию особое внимание.

Иранский исследователь Сейид Хасан Тагизаде, автор одного из наиболее глубоких исследований, посвящённых Насир Хусраву. Помимо подготовки дивана поэта к печати, он издал в 1379 г. хиджры (соответствует 1959 г.) специальный труд под названием «Исследование о жизни Насир Хусрава Кубадиани», в котором представлена развернутая биография поэта. В сокращённой форме этот труд был использован в качестве предисловия к берлинскому изданию Дивана. Хотя биография в книге раскрыта детально, характеристика его литературного наследия представлена лишь схематично. Тем не менее, работа была высоко оценена видным иранским учёным Махди Мухаккиком.

Следует особо отметить, что изучение прозаических произведений Хакима Насир Хусрава и поиск его рукописей начались уже во второй половине XIX века. Первое документально подтверждённое обнаружение оригинального текста одного из прозаических произведений поэта датируется 1881 годом [23, 3]. В ходе археографических экспедиций и поисков, проведённых в Бадахшане в конце XIX - начале XX века, была найдена значительная коллекция рукописей, в том числе труды самого Насир Хусрава. Среди этих уникальных материалов особо выделяется рукопись

«Сафарнаме», которая в настоящее время хранится в библиотеке Санкт-Петербургского отделения Института востоковедения Российской академии наук под инвентарным номером А 907. Описание содержания этой рукописи было опубликовано А. А. Семёновым [236, 3].

На основе обнаруженной рукописи востоковед А. А. Семёнов в 1927 году впервые осуществил научную публикацию, содержащую подробный отчёт о данном произведении Насир Хусрава, опираясь на текстологический и историко-филологический анализ источника. Несколько лет спустя, в 1933 году, выдающийся иранист и исследователь персидской литературы Е. Э. Бертельс подготовил научный перевод «Сафарнаме», сопроводив его обстоятельным вступительным исследованием, в котором были обозначены как структура текста, так и основные идейно-композиционные особенности произведения.

Несмотря на значительный прогресс в области выявления и атрибуции наследия Насир Хусрава, определённая часть сочинений, упоминаемых самим автором в сохранившихся текстах, по-прежнему остаётся недоступной исследователям. В частности, до настоящего времени не обнаружены подлинники ряда его сочинений, включая так называемую «восточную Сафарнаме».

Следует особо отметить, что среди ряда архивных рукописей, обнаруженных в Бадахшане, имеется текст, озаглавленный «Восточная Сафарнаме», авторство которого традиционно приписывалось Насир Хусраву. Однако, как убедительно показали современные текстологические и источниковедческие исследования, основанные на сравнительном анализе стиля, терминологии и историко-культурного контекста, данный текст с высокой степенью вероятности не может быть отнесён к подлинному корпусу произведений Насир Хусрава [236, 234].

Исследовательский интерес к философскому и поэтическому наследию Насир Хусрава в течение более чем столетия проявлялся в рамках различных научных направлений, что обусловило возникновение ряда устойчивых

методологических подходов к осмыслению его интеллектуального вклада. Условно всех исследователей, обращавшихся к анализу его наследия, можно разделить на две крупные категории, отличающиеся как по предмету анализа, так и по акценту в интерпретации текстов.

К первой группе относятся учёные, основной исследовательский интерес которых сосредоточен на поэтическом, литературно-художественном и культурно-эстетическом аспектах творчества Насир Хусрава. Представители этого направления стремились рассмотреть фигуру мыслителя в контексте персидской литературной традиции, анализируя его стилистические особенности, метафорический строй языка, жанровое своеобразие и художественную систему образов. Среди наиболее видных исследователей данной группы следует назвать А. Крымского, Махмуда Ганизоду, Е. Э. Бертельса, Садриддина Айни, И. С. Брагинского, Б. Гафурова, Л. Строеву и Б. Розенфельда. Их труды заложили основы литературоведческого осмысления творчества Насир Хусрава, включающего как анализ формы и структуры поэтического текста, так и интерпретацию его символики и риторических стратегий. Кроме того, в рамках этого направления активно использовались методы сравнительного анализа, ориентированные на выявление связей Насир Хусрава с другими представителями персидской и исламской философской поэзии.

Вторую исследовательскую категорию составляют учёные, сосредоточенные преимущественно на философском и теолого-доктринальном содержании наследия Насир Хусрава. Они стремились к реконструкции его мировоззренческих установок, интерпретации метафизических концептов, гносеологических принципов, а также систематизации его религиозно-философских взглядов в рамках исмаилитской традиции. В числе этих исследователей, А. А. Семёнов, А. Эдельман, А. Е. Бертельс, Г. Ашуров, Х. Мирзозода, Х. Додихудоев, А. Шохуморов, Мусо Диноршоев, Нозир Арабзода, Т. Муродова и другие. Их научный подход отличается высокой степенью аналитичности,

использованием философско-исторического метода, а также привлечением источников из корпуса исмаилитской литературы и исламской философской мысли Средневековья.

Важно подчеркнуть, что в постсоветский период и на международной научной арене интерес к философской составляющей наследия Насир Хусрава не только сохранялся, но и получил дальнейшее развитие. Исследователи как из стран бывшего СССР, так и за его пределами продолжили глубокий анализ идейной системы мыслителя. Это привело к формированию целого направления в иранистике и исламоведении, ориентированного на изучение специфики философского языка Насир Хусрава, его герменевтической традиции, а также на осмысление его вклада в формирование исламской духовной идентичности. Данное условное деление исследователей отражает не только различие в предметной направленности исследований, но и существование двух параллельных, в то же время взаимодополняющих дискурсов, литературоведческого и философско-религиозного, в рамках которых раскрывается многогранное наследие Насир Хусрава как поэта, мыслителя, теолога и культурного деятеля исламского Востока.

Одним из первых и важнейших исследований философского наследия поэта является труд А. А. Семёнова. Известно, что он был знаком с большинством философских сочинений Насир Хусрава. При этом Семёнов опирался, главным образом, на исследования западных и иранских учёных, таких как Шеффер и Махмуд Ганизода. Особое внимание он уделил изданиям «Сафарнаме» и дивана поэта, проводя сравнительный анализ различных публикаций, отдавая предпочтение редакции Ганизоды как более полной. Кроме того, он подверг подробному анализу одно из центральных философских сочинений Насир Хусрава - «Зод-ул-мусофирин» [236, 224] .

Свои теоретические выводы о содержании данного труда А.А. Семёнов основывает на текстах «Кавайани» Шеффера и индийского издания Мухаммада Базул Рахмана, ученика Э. Брауна. Он делает систематический

анализ структуры книги, с особым вниманием к философским спорам Насир Хусрава с восточными мыслителями, включая Мухаммада Закарию ар-Рази, и подчёркивает его принадлежность к исмаилитской школе. В последующих трудах Семёнов представил интересные и ценные сведения и по другим сочинениям автора.

Особое место в ряду исследователей наследия Насир Хусрава занимает В. В. Иванов, один из наиболее видных и продуктивных представителей русской школы востоковедения, внесший значительный вклад в изучение культурной, исторической и литературной традиции персидско-таджикского региона. В своих научных трудах Иванов системно обращался к исследованию ключевых фигур классической персидско-таджикской литературы, среди которых Абу Абдулло Рудаки, Абулкасим Фирдоуси, Насир Хусрав, Саади и ряд других. В контексте изучения Насир Хусрава деятельность В. В. Иванова занимает особое место: он был одним из первых отечественных востоковедов, кто, продолжая традиции В. А. Жуковского, инициировал систематическое издание и комплексный анализ как поэтического, так и прозаического наследия великого мыслителя. Его исследования отличались глубиной филологического анализа, историко-культурной обоснованностью и вниманием к жанрово-стилистическим особенностям текстов, что значительно обогатило отечественную и мировую науку о литературе и философии Средневекового Востока.

В. В. Иванов опубликовал ряд монографий и статей, посвящённых Насир Хусраву. Он подверг критическому анализу произведения, приписываемые поэту, уточняя их подлинность, и провёл научную экспертизу ряда текстов. Одной из важнейших его работ является монография «Насир Хусрав и исмаилизм», где он представил обширный и систематизированный материал о поэте и его творчестве. В восьми главах своей работы Иванов стремится устранить спорные биографические детали и представляет Насир Хусрава как выдающегося поэта и мыслителя. Он, в

частности, категорически отвергает представление о нём как о потомке Али и Сайиде, опираясь на анализ собственных стихотворений автора.

Иванов отмечает: «Удивительно, что вопрос происхождения Насир Хусрава до сих пор вызывает многочисленные споры и не получил окончательного решения. Указание на его родину не отражает реального места его рождения» [110, 410].

Поскольку сам Насир Хусрав в диване называет себя «кубадиёнцем из Мервской области», Иванов считает, что его родиной является Кубадиён в окрестностях Балха. В «Сафарнаме» он представляется как Абумуин Насир ибн Хусрав, и в этом нет сомнений. Однако Иванов подчёркивает, что полное имя поэта до конца не установлено [110, 411].

Иванов также критикует утверждение о том, что Насир Хусрав был сейидом: «Если сказать бадахшанскому или ганжутийскому исмаилиту, что Насир Хусрав не был сейидом, он воспримет это как оскорбление. Они не допускают сомнений в этом и готовы привести документы, подтверждающие данное утверждение. Тагизаде в предисловии к дивану Насир Хусрава приводит стихи, указывающие на то, что Муин (Насир) не был сейидом. Однако он упускает как минимум два важных свидетельства, в которых автор называет себя Алави» [110, 413].

Один из таких стихов:

«Как же случилось, что этот благородный алавит
Оказался в оковах и в этом заточении?» [110, 416].

По мнению Иванова, термин *алави* в данном контексте указывает скорее на идейную принадлежность к семье пророка, а не на прямое родство. Он отмечает: «Ранние исмаилиты называли себя «фатимидами», и, следовательно, утверждений о сейидском происхождении Насир Хусрава не существует, но и достоверно опровергнуть это невозможно. Сам поэт, вероятно, подходил к этому вопросу с определённой религиозной скромностью» [110, 412].

Что касается социального происхождения поэта, аспект, на который также обратили внимание В. В. Иванов и Е. Э. Бертельс, можно отметить, что сам Насир Хусрав называл себя «из благородных и свободных» [69, 47]. Его участие в государственной службе в молодости может указывать на принадлежность к обеспеченному и знатному сословию. Однако Иванов не приводит точных сведений о сроках и характере его службы, ограничиваясь тем, что поэт покинул родину в возрасте 35 лет: «В возрасте 35 лет в жизни поэта произошёл перелом. В 437 г. хиджры (1045 г.) он отправился в путешествие, всё ещё занимая административную должность, однако не входил в число высших государственных чиновников. В «Сафарнаме» он сам характеризует себя как обычного государственного служащего» [110, 413].

С точки зрения Иванова, путешествие Насир Хусрава не было обыденным. Для столь высокопоставленного чиновника такой формат странствия кажется маловероятным. Исследователь описывает поэта как религиозную и отчасти суеверную личность, однако в то же время подчёркивает его философскую и интеллектуальную глубину. Иванов отмечает, что произведения Насир Хусрава обладают высокой научной ценностью.

Во второй главе исследовательской работы В. В. Иванова особое внимание уделяется вопросу религиозной принадлежности Насир Хусрава и его обращению в исмаилизм. В этой связи он пишет: «Общеизвестно мнение, согласно которому Насир Хусрав, будучи суннитом, отправился в хадж в Мекку, но по пути, в Египте, принял исмаилизм» [110, 416].

С этой вводной Иванов подчёркивает, что достоверных данных о принадлежности Насир Хусрава к какой-либо мазхабной традиции до его путешествия не существует. В Диване поэта, где достаточно ясно отражён его социальный статус, отсутствует определённое указание на его мазхабную ориентацию. Хотя в стихах Насир Хусрав с похвалой упоминаются имам аль-Мустансир Биллах, известный исмаилитский деятель Муайядфиддин

Ширази, Кази Нуъман и другие фигуры исмаилитской традиции, представителей иных мазхабов он не упоминает с выражением почтения.

Кроме того, Иванов напоминает, что в X-XI веках на территории Средней Азии, в частности в Хорасане, а также в городах Балх, Самарканд, Мерв и других крупных культурных центрах, шииты подвергались жестоким преследованиям со стороны династий Газневидов и Сельджукидов. Именно в этот период Насир Хусрав достиг возраста 35 лет. Как указывает Иванов, «Насир Хусрав находился в поиске Истины, т.е. подлинного мазхаба» [110, 417], полагая, что истина скрыта в недрах ислама и её необходимо раскрыть.

На основании этих доводов Иванов выдвигает гипотезу, согласно которой Насир Хусрав первоначально принадлежал к течению шиитов-имамитов (двоенадцатников), и предполагает, что переход в исмаилизм не был случайным. В истории шиитской мысли зафиксированы многочисленные случаи перехода из одного течения в другое, что, по мнению Иванова, объясняется внутренней психологией религиозного поиска. Он отмечает: «Насир Хусрав, будучи шиитом, всего лишь сменил одного имама на другого, сохранив приверженность самой идее имамата» [110, 417].

Иванов также ссылается на два источника, указывающих на внутренние основания самого Насир Хусрава для перехода в исмаилизм. Первый, аллегорическое вступление к его «Сафарнаме», в котором описывается вещий сон [110, 3], второй, — касыда №91 из Дивана. При этом исследователь подчёркивает, что путешествие поэта носило не обыденный, а особый, целенаправленный характер: его встречали в пути представители исмаилитской общины, что может свидетельствовать о том, что он вступил в исмаилитскую веру ещё до начала путешествия. Однако место и время этого события точно не установлены.

Интересным моментом, подчёркивающим идеологическую направленность внутреннего преобразования поэта, по мнению Иванова, является отказ от вина и возлияний. Даже во сне, который описывает Насир Хусрав, ему запрещается пить вино, возможно, этот запрет следует понимать

как внутренний психологический механизм, отталкивающий поэта от мирских удовольствий. Иванов пишет: «Насир Хусрав осознаёт вред и разрушительное воздействие винопития, но в его сне запрещающая фигура представлена как пророк или имам, то есть носитель сакрального авторитета, имя которого поэт сознательно не называет из чувства благоговения» [110, 419].

Предположительно, это видение может быть символом внутренней готовности поэта к перемене жизненного пути, связанной с отстранением от мирских удовольствий и подготовкой к духовному странствию. Возможно, ещё занимая пост при дворе, он стремился очистить себя, чтобы вступить на путь истины.

Также Иванов впервые в исследовательской литературе формулирует тезис о «исповедании Насир Хусрава исмаилизма» как самостоятельной и значимой концепции. Он обращается к Дивану, и, в частности, к одной из ключевых касыд, начинающейся со строк: «О ты, кто изучил множество наук и объездил весь мир…», которая, по мнению исследователя, представляет собой духовную автобиографию поэта. Иванов подчёркивает: «Данная касыда, из-за сложности своих аллюзий и философской глубины, до сих пор не получила полноценного перевода на европейские языки и не подвергалась тщательному текстуальному анализу» [110, 420].

Как и многие другие произведения Насир Хусрава, касыда начинается с жалобы на несовершенство мира, постановки философских вопросов, и завершается обращением к Корану как к единственному источнику истины и пути спасения: «Сними замок с сердца и избери Коран себе в наставники, Да откроется тебе путь и врата познания» [175, 18].

Согласно интерпретации Иванова, поэт с руководством Корана и милостью Бога продолжает свой путь и достигает «города», в котором его идеалы воплощаются в действительность:

«Однажды я подошёл к воротам города,
Где служили звёзды и покорялись небеса» [110, 322].

Этот «город» символизирует для поэта царство разума и мудрости, где он, наконец, находит проводника, который говорит ему: «Проси здесь, чего желаешь, и не покидай этого места». Далее в тексте поэт описывает явление *разума*, его проявление, и духовную силу, которую он из него черпает. Несмотря на продолжавшуюся внутреннюю неуверенность, ему говорят:

«Не смотри на слабость тела или внешний вид» [175, 320].

И в этом месте поэт обретает истину. Отныне он клянётся, что никогда более не будет принимать ничего без доказательства:

«Он сказал: «Я дам тебе лекарство с доказательством,
Но положу печать молчания на твои уста».
Я яшма, а он моё солнце,
Чей свет озарил этот тёмный мир» [10, 21].

По мнению Иванова и других советских исследователей, в том числе востоковедов, эта касыда представляет собой один из древнейших образцов таджикско-персидской литературы, а также едва ли не единственное стихотворение Насир Хусрава, датированное с высокой степенью точности. В тексте в завуалированной форме упоминается халиф Фатимидов аль-Мустансир Биллах. Кроме того, эта касыда, по мнению Иванова, обращена к Муайядфиддину Ширази и наполнена глубочайшим уважением к нему, поэт называет его «стражем ворот», то есть «балад аль-амин» (доверенный города). Иванов отмечает: «Если Насир Хусрав действительно был суннитом до своего прибытия в Каир, и перешёл в исмаилизм благодаря влиянию этого человека, то это весьма необычно. Однако Насир Хусрав нигде не упоминает, что кто-либо направил его к балад аль-амин. Поэтому вполне возможно, что он принял исмаилизм ещё на родине, возможно, под влиянием не особенно влиятельного да'и, а уже затем был приглашён в Каир…» [110, 432].

Одной из важнейших концептуальных загадок, по мнению В. В. Иванова, которая привела Насир Хусрава в «тот самый город», место его духовного прозрения, является символ «руки» (*даст*), одного из центральных понятий раннеисмаилитского богословия, обозначающего сущностную,

исключительную связь с потомками Пророка и указывающего на верховную духовную власть в исламе. Эта тема, согласно исследователю, была одной из первых, что глубоко заняли ум Насир Хусрава, о чём свидетельствуют строки из его поэзии:

Однажды я читал аят Бай‘ата из Корана,
Где Всевышний сказал, что рука Пророка есть Его рука.
Те, кто поклялись у дерева, как Джа‘фар, Микдад, Салман и Бузар,
Я спросил: где теперь то древо, где та рука,
Где искать клятву и свидетельство?
Мне ответили: «Ни дерева, ни руки уже нет,
Та община рассеялась, та рука сокрыта.
Все они сподвижники Пророка, и потому спасённые,
Избранные этой клятвой, отделённые от остальных» [10, 322].

После анализа данной касыды В. В. Иванов приступает к рассмотрению её философского содержания, называя это стихотворение одним из глубочайших и значимых произведений XI века. В рассматриваемом фрагменте своего труда Иванов исследует ряд тем в поэзии Насир Хусрава. В частности, он акцентирует внимание на значении науки и знания, которое поэт наделяет религиозно-философским содержанием, заявляя: «Обращение к знанию у синдов, тюрок и прочих это поэтический приём. Знание для Насир Хусрава тождественно знанию Имама в шиитской интерпретации. Он развивает подробные рассуждения об уме, душе, первоматерии и других философских категориях. Несомненно, он заимствовал эти представления из литературы да‘вата своего времени и изложил их на доступном персидском языке для своих учеников, многократно воспроизводя их в своих сочинениях» [110, 432].

Проанализировав как частные, так и обобщающие аспекты творчества поэта, Иванов также обращается к вопросу миссионерской деятельности Насир Хусрава. Он предполагает, что проповедническая работа поэта

началась после его возвращения из семилетнего путешествия, уже на родине. По мнению исследователя, Насир Хусрав, прожив шесть лет в Египте и общаясь с виднейшими богословами, избрал Муайядафиддина Ширази в качестве духовного ориентирующего образа. Однако сведений о его обучении в Египте и обстоятельствах возвращения в родные края практически не сохранилось. Достоверно известно лишь то, что 26-го джумада ас-сани 444 г. х. (1052 г. н. э.) он вернулся в родной край. Период между этим возвращением и написанием «Зад-уль-мусафирин» (1061 г.) длится около девяти лет, но документально подтверждённых сведений об этом времени нет.

Иванов предполагает, что в этот период Насир Хусрав мог посетить Мазендеран, о котором поэт упоминает в своём поэтическом наследии несколько раз. Эту гипотезу поддерживает его современник, автор трактата *«Баён-уль-адьян»* (1092 г.) Абулмаали Мухаммад ибн Абдуллах. Иванов отмечает: «Разумеется, не представляло ничего удивительного в том, что один из да‘и, вернувшийся из Каира, обладая полными знаниями и новыми сведениями, поспешил в отдалённые области для миссионерской работы» [110, 434].

Таким образом, исследователь заключает, что после возвращения из Египта Насир Хусрав какое-то время проживал в Мазендеране, затем вновь оказался в Балхе. Предполагается, что именно в этот период его дом подвергся разрушению со стороны родственников или властей, после чего он был вынужден снова уйти в Мазендеран, где пробыл около двух лет, а затем нашёл убежище в далёкой горной долине Юмган в Хорасане.

Факт проживания Насир Хусрава в Юмгане вызывает у Иванова ряд вопросов, прежде всего, почему именно там он избрал постоянное место жительства. В числе возможных причин он выдвигает следующее: «Возможно, он намеревался уйти ещё дальше, но обстоятельства не позволили ему покинуть территорию Сельджуков и обратиться к Газневидскому двору, с которым он был связан ранее. Таким образом, он

вынужден был бежать в Юмган, где оказался в ловушке, не имея пути к отступлению» [110, 435].

Этот вопрос оставался открытым и для последующих исследователей, которые предлагали различные гипотезы относительно причин пребывания поэта именно в этом отдалённом районе [68, 69, 126, 127, 279] .

Одной из вероятных причин, по мнению Иванова, является то, что Юмган входил в сферу влияния Фатимидов, и существовали веские основания для того, чтобы Насир Хусрав остался именно там. Несмотря на то, что в своих стихах он неоднократно описывает это место как «темницу», «каменную пустыню», «тяжёлую и мучительную жизнь», он всё же сознательно избирает его.

В связи с этим в сознании исследователя возникают новые вопросы: «Был ли он один, или его сопровождала группа учеников? Кто были эти люди? Были ли они местными жителями или пришлыми из других регионов, и приходили ли они учиться у него? Вёл ли он миссионерскую работу по распространению исмаилизма на местном уровне? Каковы были его связи с внешним миром?» [110, 437].

Иванов даёт ответ только на последний из поставленных вопросов: да, Насир Хусрав действительно поддерживал связь с внешним миром, в первую очередь, с Фатимидами. Он получал из Египта книги по вопросам да‘вата, а также денежные средства от единомышленников.

Кроме того, Иванов указывает, что Насир Хусрав занимался исключительно пропагандой исмаилитского вероучения, и существует предположение о его возможных путешествиях в Индию. Однако, по признанию самого исследователя, это предположение основано лишь на слухах; единственный источник, где упоминается данный эпизод, это трактат «Гухаррез» [3, 58].

Обращаясь к населению Юмгана, Иванов высказывает мнение, что большинство его жителей происходили из равнинных регионов и переселились туда, спасаясь от притеснений со стороны тюркских

правителей. При этом он считает нецелесообразным подробно анализировать этот процесс в рамках своего исследования.

В заключение Иванов касается вопроса о дате смерти Насир Хусрава. По его словам, в этом отношении существуют различные версии. Наиболее ранний источник - Диван самого поэта, в котором указывается, что он умер в возрасте около 69 лет. На основании этих данных предполагаемая дата его смерти 1072-1077 годы.

В. В. Иванов, рассуждая о «Статусе Насир Хусрава в иерархии исмаилизма», отмечает, что, хотя он напрямую не анализирует структуру и ступени исмаилитской религиозной иерархии, тем не менее подчёркивает важность титула «Худжжат» (доказательство), которым поэт официально наделяется, согласно множеству источников, включая и его собственные поэтические тексты. В ряде заключительных бейтов его касыд данный титул часто упоминается, и, по свидетельству Иванова, он был присвоен Насир Хусраву в Египте. Исследователь подчёркивает значение этого звания, указывая, что: «Худжжат в миссионерской структуре Фатимидов был носителем одного из глубочайших и закрытых для посвящения уровней, оставшихся непроницаемыми для обычных последователей» [110, 440].

Из его комментариев ясно, что Иванов располагает ограниченными сведениями по данной теме. Однако он указывает, что звание «Худжжат» являлось официальной должностью в фатимидском религиозно-государственном аппарате и вручалось весьма ограниченному числу лиц.

Исследователь с удивлением замечает: «Во времена Сельджукидов регион Хорасана охватывал территорию от современного Хорасана до северного Афганистана. Однако нет достоверной информации о том, что действительно ли Фатимиды назначили Насир Хусрава своим Худжжатом на этот регион или же он проживал в каком-либо конкретном городе» [110, 441].

По его мнению, на момент возвращения Насир Хусрава на родину он представлялся местным властям как относительно недавно обращённый в исмаилизм человек с минимальным опытом. Ввиду отсутствия влиятельной

поддержки и удалённости от политических центров, он оказался в изоляции и малопригоден для исполнения столь высокой миссии. Тем не менее Иванов задаётся вопросом: если Насир Хусрав действительно искал только убежище в отдалённом Юмгане, то почему вокруг него вскоре сформировалась целая община учеников и он занялся активной миссионерской деятельностью? Сам поэт писал:

Каждый год по одной книге и тетради
Я посылаю вокруг всему миру [10, 156].

Следовательно, Юмган мог быть не просто местом укрытия, а вполне осознанно избранной стратегической точкой для распространения исмаилитской доктрины.

Одной из наименее освещённых тем в последующих исследованиях остаётся вопрос взаимоотношений Насир Хусрава с да'и Муайяддином Ширази. Иванов отмечает, что речь идёт о выдающемся богослове, которому удалось заслужить полное доверие фатимидского халифа и чьё философское и автобиографическое наследие по-прежнему вызывает интерес в научных кругах.

Исследователь подчёркивает, что, несмотря на ряд открытых вопросов, касающихся биографии Насир Хусрава, очевидно, что его писательская деятельность начинается уже после его духовного обращения. Сам поэт указывает: «Без одобрения духа Пророка и его потомков я не мог бы ни писать, ни обучать других» [110, 447].

Из этих слов для Иванова неясно, занимался ли Насир Хусрав литературным трудом до своего обращения в исмаилизм, так как все его сохранившиеся произведения датируются периодом после возвращения из Каира. Он считает маловероятным, что хронология написания его сочинений точно соответствует датировкам, указанным в рукописях. Иванов также утверждает, что, даже если Насир Хусрав когда-либо писал любовную лирику, эти тексты не дошли до нас. Всё сохранившееся литературное наследие поэта, по мнению Иванова, было создано под воздействием

исмаилитской теологии, усвоенной в Каире, где он получил доступ к ранее недоступным текстам.

Однако, по замечанию исследователя, произведения Насир Хусрава, несмотря на их теологическую окраску, не были адресованы исключительно исмаилитской аудитории. Многие его труды распространились и за пределами исмаилитских регионов. В Бадахшане, например, сохранились лишь такие трактаты, как «Рушноинома», «Саодатнома», «Шаш фасл» (приписываемое ему произведение), а также «Ваджх-и дин».

Что касается «Шаш фасл», Иванов отмечает: «Эта книга, вероятно ошибочно, приписана Насир Хусраву. Однако исмаилиты Бадахшана высоко её ценят, трактуя как Каломи пир (Слово старца). Этот текст, скорее всего, не старше трёхсот лет и является адаптацией более раннего труда – «Хафт боб» (Семь глав) Абу Исхака» [110, 447].

Одним из старейших произведений поэта Иванов считает «Сафарнаме», и подчёркивает: «Это сочинение, несомненно, написано на основе дневниковых записей, сделанных во время путешествия» [110, 478].

Наиболее ранним поэтическим произведением считается «Рушноинома», текст которого был впервые подготовлен к изданию Г. Этте в Каире в 1049 году. Однако в распоряжении Иванова находилась копия из Читрала, где дата создания указывается как 444 г. х. (1052 г.), что подтверждается и самим автором в предисловии: «Я составил его за одну неделю, в начале шавваля 444 года хиджры» [110, 449].

Особый интерес представляет прозаическая версия «Рушноинома», в Бадахшане известная также под названием «Шаш фасли Сайид Шох Насир Хусрав». В предисловии к ней автор указывает оригинальное название: «И я назвал его «Рушноинома» за то, что он проливает свет на тьму мыслей» [110, 449].

В.В. Иванов с интересом отмечает существование двух разных произведений с идентичным названием, поэтической и прозаической версии «Рушноинома». Он предполагает, что прозаическая могла быть либо

введением к поэтическому тексту, либо самостоятельным произведением. Прозаический трактат состоит из шести разделов, охватывающих темы: божественное слово, всеобщая душа, её движение, происхождение человеческой души и разума, необходимость Пророка и Имама, а также вознаграждение и наказание [110, 2].

Хотя отдельные исследователи приписывали «Рушноинома» одному из учеников Насир Хусрава, Иванов указывает на противоречие этой гипотезы с другим более ранним трудом, «Мифтах ва мисбах», автор которого утверждает, что рассматривал те же темы уже ранее.

Иванов также анализирует другие труды поэта, такие как «Кушоиш ва рахоиш», «Саодатнома», «Хон-ул-ихван», «Ваджх-и дин» и «Зод-ул-мусафирин». Особое внимание уделяется вопросу авторства «Саодатнома», которое исследователь считает спорным и не исключает, что этот текст мог быть составлен одним из учеников поэта.

В отношении трактата «Хон-ул-ихван», Иванов придерживается мнения, что он был написан до «Кушоиш ва рахоиш», так как в последнем явно содержатся ссылки на первый. По его наблюдениям: «Это сочинение состоит из ста глав, называемых ‘саф’, и охватывает всю систему философии и познания Насир Хусрава: сотворение, первичную реальность, душу, воскресение, воздаяние после смерти и прочее. Возможно, этот трактат является ранней версией «Зод-ул-мусафирин» или представляет собой подготовительные материалы к нему» [110, 452].

С точки зрения В. В. Иванова, произведение «Зод-ул-мусафирин» представляет собой сочинение, рассчитанное на широкую аудиторию, написанное на изысканном и выразительном литературном таджикско-персидском языке. Несмотря на наличие отдельных полемических элементов, произведение в целом выдержано в примирительном, нравственном и философском тоне. Следует отметить, что в данном труде автор представляет свою интеллектуальную школу, ссылаясь на более ранние труды, большинство из которых до нашего времени не дошли. В числе упомянутых

сочинений «Мисбах ва мифтох» [110, 20, 117, 230], «Далаил ал-муттахирин» [110, 239], «Кушоиш ва рахоиш» [20, 28, 58], а также «Адаб-ул-котиб» Ибн Кутайбы [110, 57], и труды других ранних мыслителей, таких как Абуйакуб Сиджистани, Ходжа Шахид и др.

По данным В. Иванова, он располагал двумя рукописями «Зод-ул-мусафирин», одна из которых была опубликована в 1922 году усилиями Базлуррахмана под редакцией Э. Брауна в типографии «Коваён» в Берлине. Согласно указанию самого Насир Хусрава [110, 75], сочинение было завершено им в 1061 году в Юмгане. Поэт отмечает: «Невежественные люди обвиняли меня в ереси, напали на меня и изгнали из дома и родины» [110, 402].

На это сочинение он ссылается и в собственном Диване, а по предположению исследователей, оно могло быть написано как ответ на трактат «Рахат ал-‘акл» Хамид ад-Дина Кирмани.

Произведение «Зод-ул-мусафирин» считается одним из наиболее известных философских трудов Насир Хусрава и занимает центральное место в исследованиях Иванова, который рассматривает его прежде прочих. Он указывает, что в тексте отсутствует чёткая систематизация философских понятий, а структура напоминает традиционное наставническое сочинение. Исследователь подчёркивает, что Насир Хусрав в этом трактате выступает с критикой материалистических и натуралистических воззрений средневекового мыслителя Закарии ар-Рази, при этом замечая, что: «Данные полемики следует рассматривать как результат личного осмысления философии Рази, а не как следствие непосредственного знакомства с его сочинениями на арабском языке, поскольку они, вероятно, не были доступны Хусраву в рамках фатимидской традиции» [110, 458].

Следующим предметом анализа Иванова стало произведение «Ваджх-и дин», написанное, по стилю изложения, с привлечением арабской терминологии. Исследователь опирается на две известные рукописи: одна из них была опубликована в 1924 году в типографии «Коваён» в Берлине,

вторая происходит из региона «Большой Бадахшан». По его наблюдению, в тексте отсутствует точная дата написания, однако содержание книги явно базируется на классических исмаилитских трудах фатимидского периода. Иванов подчёркивает: «Несомненно, Насир Хусрав был знаком с важнейшими исмаилитскими источниками, такими как «Да'аим ал-ислам» аль-Кази Ну'мана, «Асас ат-та'виль», «Та'виль аз-закат», а также с сочинениями Мансура аль-Ямани и Муайяддина Ширази, и активно опирался на них в своей работе» [110, 459].

Одним из последних произведений, получивших внимание В. Иванова, является Диван Насир Хусрава. Исследователь поднимает ряд вопросов: «Когда был составлен этот Диван? Кто занимался его компиляцией после смерти поэта? Кто отобрал и систематизировал тексты?» [110, 461].

Хотя информация об этом неполна, сам факт постановки таких вопросов свидетельствует о глубине аналитического подхода. Иванов, один из первых исследователей, обратившихся к наследию Насир Хусрава, также затрагивает проблему подлинности отдельных стихотворений, указывая на возможные фольклорные или апокрифические вставки, особенно те, где выражены еретические или кощунственные идеи. Он также упоминает Тагизаде и его выводы о существовании двух Диванов поэта, приведённые во вступлении к тегеранскому изданию 1929 года, но выражает сомнение: «Я уверен, что в утверждениях Тагизаде содержится ошибка» [110, 460].

Иванов подчёркивает, что ни один известный источник не упоминает арабский Диван Хусрава. По его мнению, если бы у поэта действительно был арабский Диван, то странно, что он не имел второго на персидском, как это характерно для многих персоязычных авторов.

Иванов делает интересное наблюдение: почти каждая касыда Хусрава содержит обращения к Каиру и фатимидскому халифату, что подтверждает его духовную связь с этим центром и, возможно, указывает на намерение отсылать свои стихи именно туда. Исследователь допускает, что Диван был

собран учениками поэта уже после его смерти и, возможно, имел мемориальный характер. Всё это остаётся в сфере предположений.

Он также подвергает критике содержание Дивана, считая, что стихи Хусрава не всегда достигают высокого уровня выразительности, как по тематике, так и по стилю: «Поэзия Насир Хусрава отличается однообразием и может быть сравнена с тяжеловесными и сухими философскими сочинениями» [110, 461].

Под однообразием Иванов понимает повторяющуюся структуру его касыд, которые почти всегда начинаются с лирического ташбиба (обычно о весне, розах и т.п.), затем переходят в жалобу на судьбу и бренность мира, и завершаются дидактическими наставлениями и хвалебными речами в адрес халифа Мустансира Биллаха.

На момент работы Иванова Диван ещё не был полностью отредактирован и издан в полном виде, что создавало для исследователя существенные трудности.

Несмотря на определённые методологические и источниковедческие ограничения, присущие исследовательской деятельности В. В. Иванова, его работы представляют собой одни из первых системных и академически обоснованных попыток осмысления культурного и интеллектуального наследия Насир Хусрава в рамках русскоязычного востоковедения. В эпоху, когда доступ к оригинальным рукописям и критическим изданиям поэта был значительно ограничен, Иванов проявил высокий уровень научной интуиции и методологической зрелости, что позволило ему заложить основы для дальнейших комплексных исследований.

В совокупности с трудами таких выдающихся учёных, как А. А. Семёнов и А. Е. Крымский, а также собственными разработками Иванова, было сформировано целостное научное пространство, способствовавшее развитию отечественной и мировой науки о средневековой персидской литературе и философии. Именно эти первопроходческие исследования создали теоретико-методологическую базу, позволившую последующим

поколениям исследователей проводить более глубокий и всесторонний анализ наследия Насир Хусрава.

Отдельные критические замечания Иванова, особенно касающиеся поэтического корпуса Насир Хусрава, следует рассматривать в контексте объективных ограничений эпохи, в частности, недостаточной доступности источников, ограниченного числа критически проверенных рукописей и отсутствия широкого спектра сопоставительных материалов. В результате, ряд оценок и выводов мог отражать ту степень знания, которая была возможна в то время, что вполне объяснимо с точки зрения истории научной мысли и особенностей востоковедческой практики начала XX века.

Таким образом, вклад В. В. Иванова следует воспринимать как важный этап становления и развития исследовательской традиции, открывшей путь к систематическому и многоплановому изучению наследия Насир Хусрава, в том числе с применением новых методологических подходов и расширением корпусной базы источников.

3. Ключевые научно-литературные исследования о творчестве Насира Хусрава

Творческое и интеллектуальное наследие Хакима Насира Хусрава с середины XIX века становится объектом пристального внимания широкого круга исследователей, что обусловлено многогранностью его личности и уникальным сочетанием поэтического таланта, философской глубины, религиозной миссии и историко-культурной значимости. Интерес к Насиру Хусраву проявился как в востоковедческих, так и в западных научных традициях, что позволило сформировать комплексное и многоаспектное восприятие его наследия. Особое значение в этом контексте имеют работы ряда выдающихся учёных, представителей различных региональных и методологических школ, среди которых можно выделить таких исследователей, как Сайид Хасан Такизаде, В. В. Иванов, Е. Э. Бертельс, Али Дашти, Махди Мухаккик, Мухаммад Дабири Сайёки, Мухаммад Гуломризои

и других. Их научные изыскания охватывают широкий спектр вопросов, включая литературный анализ, философскую интерпретацию, историко-культурный контекст, а также источниковедческую работу, что позволило создать фундамент для дальнейшего всестороннего изучения наследия Насира Хусрава и его места в исламской интеллектуальной традиции и персидско-таджикской литературе.

Среди современных исследователей творчества Насир Хусрава особое место занимает выдающийся иранский филолог, исламовед и литературовед Махди Мухаккик, посвятивший более трёх десятилетий систематическому изучению поэтического и философско-религиозного наследия великого мыслителя. Его исследовательская деятельность отличается методологической строгостью, глубиной филологического анализа и вниманием к теологическим и культурно-историческим аспектам творчества Насир Хусрава.

Одним из важнейших этапов его научной работы стала фундаментальная монография «Исследование Дивана Насир Хусрава», завершённая в 1959 году. Эта работа представляет собой критико-текстологическое исследование дивана поэта, в котором подробно анализируются структура, тематика, язык, религиозная и философская терминология, а также поэтические приёмы. Мухаккик не только систематизировал корпус стихотворений Насир Хусрава, но и предложил обоснованные гипотезы относительно хронологии написания отдельных касид и рубаи.

В 1966 году (1344 г. по хиджре) Мухаккик опубликовал ещё один значительный труд под названием «Анализ поэзии Насир Хусрава: аяты Корана, хадисы и пословицы» который представляет собой уникальное исследование взаимосвязи между поэтическим дискурсом Насир Хусрава и исламской религиозной традицией. Работа структурирована в виде трёх содержательных разделов:

- В первом разделе рассматриваются 269 поэтических строк, содержащих прямые и опосредованные цитаты из Корана. Исследователь подробно анализирует степень интертекстуальности, контексты употребления аятов, а также методы их поэтической адаптации.

- Во втором разделе изучаются мотивы и образы, восходящие к хадисам пророка Мухаммада, арабской поэзии, а также классическим арабо-исламским пословицам, сопоставимым по содержанию с темами, развиваемыми Насир Хусравом в его касидах. Мухаккик демонстрирует, как религиозно-этические конструкции и образы исламской классики интегрируются в поэтическую ткань автора.

- Третий раздел посвящён лексическому анализу арабизмов, используемых в поэзии Насир Хусрава. Здесь выявляется не только функциональное значение арабской лексики, но и её семантическая и эстетическая нагрузка в контексте религиозно-философского содержания стихов.

Отдельным вкладом Махди Мухаккика в науку стало также создание обширного толковательного комментария «Комментарии к тридцати касидам» в котором он представляет подробный текстологический, историко-культурный и религиозно-философский анализ избранных произведений Насир Хусрава. Данное издание не только проливает свет на сложные метафизические идеи и богословские концепты, содержащиеся в поэзии, но и способствует более глубокому пониманию стиля, символики и художественной структуры произведений автора [175, 132].

Таким образом, научное наследие Махди Мухаккика играет важнейшую роль в современном насирхусравоведении. Его труды остаются фундаментальными источниками для дальнейших текстологических, философских, герменевтических и литературоведческих исследований творчества Насир Хусрава как в Иране, так и за его пределами.

Значительный вклад в современное изучение поэтического наследия Насир Хусрава внёс также иранский филолог, текстолог и литературовед

Джа‘фар Шиор, чья работа «Анализ поэзии Насир Хусрава» (опубликованная в 1992 году / 1369 г. по хиджре) представляет собой важное звено в эволюции литературоведческого подхода к интерпретации его поэзии. Исследователь составил и подверг детальному анализу корпус из 45 касид, отобранных из Дивана, основываясь как на тематических, так и на стилистических критериях. Основное внимание в работе сосредоточено на выявлении смысловой структуры каждого стихотворения, что позволило Джа‘фару Шиору реконструировать идеологическую и философскую направленность поэтической мысли Насир Хусрава. Особое внимание автор уделяет присутствию коранических аллюзий и мотивов в поэтическом тексте. Проводя интертекстуальный анализ, он демонстрирует, каким образом коранические образы, концепты и цитаты не только интегрируются в ритмико-стилистическую структуру касид, но и выполняют ключевую семантическую функцию, как маркеры религиозной легитимности, философского авторитета и этического учения. При этом Шиор интерпретирует эти элементы не в отрыве от поэтики, а как неотъемлемую часть художественной ткани произведения, что делает его подход особенно ценным с точки зрения комплексного анализа, на пересечении религиозной герменевтики, литературной критики и филологии. Работа Джа‘фара Шиора представляет собой образец серьёзного академического исследования, в котором традиционные инструменты классической филологии сочетаются с методами современного литературоведения. Его вклад важен не только в плане расширения корпуса исследованной поэзии Насир Хусрава, но и в разработке аналитических моделей, применимых к другим авторам классической персидской литературы, чьё творчество пронизано религиозно-философской проблематикой [175, 23].

Существенным вкладом в развитие насирхусравоведения в Иране стала научно-исследовательская деятельность Мухаммада Гуломризои, который, опираясь на фундаментальные труды таких авторитетных исследователей, как Махди Мухаккик и Мужтаба Минави, подготовил обстоятельное

исследование под заголовком «Тридцать касид Насир Хусрава». Эта работа представляет собой не только текстологическую репрезентацию избранных поэтических произведений мыслителя, но и попытку воссоздания идейно-культурного и философско-религиозного контекста их создания [175, 106].

Не менее значимый вклад в изучение философской составляющей творчества поэта внёс иранский исследователь Шерзамон Фируз, автор работы «Этическая философия Насир Хусрава и её истоки», в которой были детально рассмотрены ключевые аспекты нравственно-философского дискурса мыслителя. Автор систематизирует развитие этической мысли в исламской интеллектуальной традиции, выявляет философские ориентиры Насир Хусрава, а также прослеживает, каким образом его взгляды формировались под влиянием как коранической доктрины, так и идей античных и исламских философов. Особый акцент сделан на анализе нравственной философии в поэтических текстах как формы практического выражения его этической позиции, направленной на воспитание «совершенной души» и восстановление нравственного порядка в соответствии с божественным знанием (*маърифат*). Такой подход позволяет воспринимать поэзию Насир Хусрава не только как художественный феномен, но и как средство философской коммуникации с читателем.

Также заслуживает внимания исследование Али Дашти «Образ Насир Хусрава», представляющее собой литературоведческий анализ ключевых поэтических тем и эстетических приёмов в творчестве поэта. В данной работе Дашти акцентирует внимание на таких аспектах, как специфика стиля Насир Хусрава, мотив природы как символа божественной гармонии, а также тематизация разума (*‘aql*) и мудрости (*хикмат*) как центральных категорий его философско-поэтической системы. Исследование представляет интерес прежде всего с точки зрения поэтики и идеологической структуры поэтического текста, где Дашти выявляет устойчивые семантические поля, концептуальные коды и метафорические конструкции, определяющие авторский стиль Насир Хусрава.

В совокупности перечисленные труды Дж. Шиора, М. Гуломризои, Ш. Фируза и А. Дашти представляют собой значимые этапы в интерпретации наследия Насир Хусрава, демонстрируя как разносторонность подходов (от философско-религиозного до поэтико-стилистического), так и высокий уровень методологической проработанности. Их исследования служат важной основой для дальнейшего развития насирхусравоведческих студий в иранистике, исламоведении и сравнительном литературоведении.

В советский и постсоветский периоды значительный вклад в изучение Насир Хусрава внесли и таджикские учёные. После обретения независимости Таджикистаном внимание к наследию классиков персидско-таджикской литературы, в том числе и к Насир Хусраву, существенно возросло. Исследования, посвящённые его жизни и творчеству, были проведены такими крупными учёными, как Камол Айни, Нозир Арабзода, Гафур Ашуров, Аликул Девонакулов, Худои Шарифов, Абдулгани Маниёзов, Мусо Диноршоев, Амрияздон Алимардонов, Нурмухаммад Амиршохи, Абусаид Шохуморов, Рахим Мусулмониён и другими. Эти исследователи рассмотрели различные аспекты поэтического и философского наследия поэта, подготовили и опубликовали многие из его текстов.

Таким образом, необходимо подчеркнуть, что исследования, посвящённые научному, философскому и литературному наследию Насир Хусрава, охватывают широкий спектр проблем, и значительное количество научных публикаций свидетельствует о глубоком интересе к его личности и мировоззрению как в отечественной, так и в зарубежной иранистике.

3.1. Исследования биографии и литературно-философского наследия Насира Хусрава

3.1.1. Насир Хусрав как философ: исследовательские интерпретации

В условиях современных социокультурных процессов, характеризующихся обострённой потребностью в духовной опоре и культурной самоидентификации, обращение к интеллектуальному и

литературному наследию выдающихся представителей классической таджикской мысли приобретает особую актуальность. Осмысление творчества таких мыслителей, как Хаким Насир Хусрав, не только способствует сохранению культурно-исторической преемственности, но и формирует устойчивые основания для национального самосознания в условиях глобализирующегося мира. Погружение в философско-литературный дискурс его произведений позволяет по-новому переосмыслить такие категории, как духовность, разум, истина, вера, свобода и внутреннее просветление.

Научное изучение наследия Насир Хусрава, будучи неотъемлемой частью таджикского востоковедения и литературоведения, представляет собой важнейший сегмент в формировании интеллектуальной истории Центральной Азии. Исследование его сочинений актуализирует проблемы национальной идентичности, духовного самоопределения личности и этико-философских оснований социума. При этом философская и поэтическая парадигма творчества Насир Хусрава рассматривается как одна из центральных форм выражения духовного опыта таджикского народа, имеющего глубокие корни в исламской интеллектуальной традиции.

Следует отметить, что Насир Хусрав выступает не только как поэт и теолог, но и как системный философ, обладавший глубоким знанием исламской философии, исмаилитской космологии, метафизики, герменевтики и логики. Его труды служат важным свидетельством интеграции рационалистического и эзотерического компонентов в единую мыслительную систему. Особенно значимо то, что его философские идеи не замыкаются в рамках теоретической спекуляции, но тесно связаны с практикой нравственного воспитания, внутреннего очищения и пути к познанию истины через разум (акл) и откровение (вахй).

На протяжении своей жизни Насир Хусрав создал богатый корпус философских и религиозных трактатов, каждый из которых представляет собой образец высокоразвитой логической структуры, интеллектуальной

глубины и литературной утончённости. К числу наиболее известных его философских сочинений относятся: «Зод-ул-мусофирин» («Припас путешественника»), «Вадж-и дин» («Лик веры»), «Кушоиш ва рахоиш» («Открытие и освобождение»), «Джомеъ-ул-хикматайн» («Свод двух мудростей»), «Хон-ул-ихвон» («Трапеза братьев»), «Далел-ул-мутахайирин» («Аргумент для сомневающихся»), «Бустон-ул-уқул» («Сад разума»), «Мифтоҳ ва мисбоҳ» («Ключ и светильник»), «Ихтиёр-ул-имон» («Выбор веры»), «Лисон-ул-олам» («Язык мира»), «Рушноинома» («Книга просветления») и «Саодатнома» («Книга о счастье»).

Несмотря на то, что значительная часть этих сочинений сохранилась в полной форме и была переиздана как в Таджикистане, так и за его пределами, по некоторым текстам существуют лишь отрывочные сведения. Это связано с историческими условиями утраты рукописей, а также с отсутствием полной систематизации его корпуса в средневековой книжной традиции. Тем не менее, его философское наследие продолжает привлекать внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей, предлагая богатый материал для историко-философского, герменевтического и культурологического анализа. Интерпретация Насир Хусрава как философа требует учёта не только идейного содержания его сочинений, но и широкой интеллектуальной и духовной перспективы, в рамках которой его творчество развивалось и функционировало. Его место в истории таджикской и исламской мысли остаётся предметом комплексных научных дискуссий, охватывающих философию, теологию, литературу, язык и культуру в их синтетическом единстве.

Среди философских произведений в прозе особое значение имеет трактат *«Зод-ул-мусофирин»*, написанный в 1061 году на доступном и выразительном таджикско-персидском языке. Сам автор в одном из своих стихов подчёркивает научную значимость этого труда:

«Зод-ул-мусофир» мой духовный клад,
Я истину в словах и рифмах возвестил так» [10. 305].

Тематика и содержание трактата чрезвычайно широки и интересны. В его 27 главах рассматриваются философские, богословские и научные вопросы, от категорий субстанции и акциденции до пространства и времени, движения, души, существования Бога, происхождения мира и др. По мнению исследователя Нозира Арабзода, этот труд представляет собой «своеобразную энциклопедию, охватывающую весь спектр проблем своего времени, от чисто философских до космологических и натурфилософских» [43. 27].

В предисловии к «Зод-ул-мусофирин» Насир Хусрав поясняет, что целью написания книги стало стремление опровергнуть заблуждения и противодействовать упадку подлинного знания, заменить доминирующее в обществе поверхностное понимание религии глубоким философским осмыслением её сути. Он указывает, что подлинных учёных стали называть еретиками, а истинные идеи религии были искажены. В связи с этим он считает своим долгом создать труд, раскрывающий подлинный смысл бытия и веры.

Ещё одно выдающееся философское сочинение «Джомеъ-ул-хикматайн» представляет собой синтез исламской (исмаилитской) и античной (греческой) философии. Согласно различным источникам, книга была написана в 462 году хиджры (1069 г.), хотя сам автор в предисловии указывает дату 462, что соответствует 1080 г. по григорианскому календарю. Поводом к написанию послужил заказ от правителя Бадахшана Али ибн Асад ал-Хариса, для которого автор стремился объяснить содержание сложной философской поэмы Абу-ль-Хусайна Джурджани. В трактате обсуждаются вопросы философии, логики и богословия на основе рационального анализа, а также посредством та‘вила, метода эзотерического толкования Корана и хадисов, присущего исмаилитской традиции.

Книга оформлена в форме диалога между мудрецом и поэтом, ищущим истину, и отражает уникальный метод доказательства, характерный для исмаилитской школы. В частности, автор указывает, что хотя античные

философы и дали разумные объяснения устройству мира, они ограничились физическим, тварным уровнем существования, в то время как в мире религии каждый элемент имеет символическое значение. «Джомеъ-ул-хикматайн» важен не только как философский трактат, но и как источник сведений о ряде других сочинений Насира Хусрава, не дошедших до нас.

«Хон-ул-ихвон» ещё один труд, отличающийся своей ориентацией на широкую аудиторию. Насир Хусрав отказался от сложных терминов и арабизмов, предпочтя ясную и доступную речь, насыщенную народными пословицами, притчами и афоризмами. По структуре книга состоит из 100 глав (саф), в которых затрагиваются как философские, так и нравственные темы: происхождение мира, живая и неживая природа, добро и зло, разум и чувство, наказание и вознаграждение, бессмертие души и др. Особое внимание уделяется роли разума в человеческой жизни. По мнению автора, невежество корень всех моральных пороков: «Если признать, что знание и мудрость в полной мере принадлежат Творцу, то очевидно, что цель Его творения всецелое благо и совершенство, ибо зло и уродство рождаются лишь от неведения и бессилия» [20, 467].

Краткий философский трактат «Кушоиш ва раҳоиш» несмотря на существующие споры о его авторстве, также приписывается Насиру Хусраву. В «Зод-ул-мусофирин» автор сам ссылается на его содержание, что подтверждает принадлежность произведения ему. Многие из тем «Кушоиш ва раҳоиш» перекликаются с «Зод-ул-мусофирин», что позволяет предполагать, что это краткая версия последнего. В книге в форме вопросов и ответов обсуждаются 30 ключевых богословских и философских проблем, таких как: «Как нематериальный Бог может создать материю?» или «Является ли справедливым вечное наказание за предопределённые действия?». Особое внимание уделяется человеческой душе, её природе, отношению к миру и значению в загробной жизни. Автор анализирует, можно ли постичь суть Творца, возможен ли контакт с Божественным и как философия соотносится с религией. Вопросы о творении мира, времени,

материи, субстанции и душе излагаются в диалогической форме, приближенной к жанру философского диспута.

Другим значимым трудом Насир Хусрава является «Ваджх-и дин», предположительно написанный после 1069 года, то есть после создания «Зод-ул-мусофирин», о котором в «Ваджх-и дин» имеется упоминание. В пятидесяти одном разделе этого произведения, именуемого самим автором «гуфтор» (разговор), раскрываются вопросы, касающиеся Корана и ислама, молитвы и поста, исламских и коранических традиций с точки зрения толкования (та’виль). Сам мыслитель формулирует основную цель своего труда следующим образом: «Мы сочли обязательным для себя составить эту книгу, разъясняющую основы шариата, свидетельства, омовение, молитвы, посты, закят, хадж, джихад, вилаят, а также приказ и запрет, и поэтому дали книге название «Лик религии», поскольку через неё люди смогут понять все» [8, 4].

Высказывания Насир Хусрава и содержание «Ваджх-и дин» свидетельствуют о том, что данный труд служит руководством по религиозным и нравственным вопросам для последователей исмаилитского мазхаба и относится к числу значимых мансуров (произведений в прозе) мыслителя.

Сильным аргументом в пользу принадлежности данного произведения Насир Хусраву является ссылка на него в книге «Баён-ул-адён». Некоторые исследователи творчества поэта считают, что в тексте «Ваджх-и дин» имя автора нигде не упоминается, равно как и не указывается место и время создания. Тематика книги значительно отличается от других трудов Насир Хусрава: по их мнению, это преимущественно религиозно-правовой трактат, в котором нормы шариата интерпретируются в специфическом исмаилитском ключе, тогда как философские вопросы практически не затрагиваются [7, 198]. Вместе с тем, третий и четвёртый разделы книги сближаются с темами, присутствующими в других произведениях поэта,

главным образом в аспектах науки и познания, которым уделяется внимание почти во всех его трудах.

Таджикский учёный Абдулгани Мирзоев в статье «Ваджх-и дин» и существующие рукописи» подробно описывает наличие различных списков данного произведения в библиотеках бывшего СССР и за его пределами.

Первым восточным исследователем, занявшимся изучением и публикацией «Ваджх-и дин», был иранский учёный Саид Хасани Тагизода. Он отмечал ценность произведения и писал: «Во время моего пребывания в России в 1301 году хиджры (1923 г. н. э.) я получил фотокопию одной из рукописей [две рукописи «Ваджх-и дин» из Бадахшана, части территориального пространства Таджикистана], которая была передана в библиотеку Музея азиатских культур в России. Я перевёз её в Берлин и при содействии и материальной поддержке покойного профессора Э. Брауна это издание было опубликовано в Берлине» [7, 69].

Исследование и детальный анализ философского мировоззрения Насир Хусрава, особенно его философских теорий, начались главным образом с 1949-х годов. Направление этих исследований в области философских взглядов мыслителя положил академик Аловуддин Баховуддинов, а кандидатская диссертация А. С. Эдельмана стала первым значимым результатом анализа философских концепций великого мыслителя. В данном труде впервые систематически излагаются социально-политические и этические идеи Насир Хусрава и его свободомыслие.

Очевидно, что исследование было осуществлено в эпоху расцвета советской науки, и его анализы обусловлены политическим контекстом того времени. Не случайно А. С. Эдельман отмечал: «Материалистическая тенденция в философии Насир Хусрава, проявлявшаяся в его выступлении против ислама с особой силой, сталкивалась с непреодолимыми препятствиями в попытках подчинить религию закону и обосновать её с философской точки зрения» [300, 13]. Однако эти взгляды отражают лишь требования времени, и известно, что Насир Хусрав занимал идеалистическую

позицию, стоял на позициях исмаилитской теологии, активно сопротивляясь подобным интерпретациям и никогда не стремился освободить философию от религиозного влияния.

В предисловии к труду «Джомеъ-ул-хикматайн» академик Кароматулло Олимов подчёркивает: «Труды Насир Хусрава занимают выдающееся место не только в исмаилитском низорийском сообществе, но и в истории философии и общественной мысли Центральной Азии. Его произведения, помимо влияния на развитие низорийского исмаилизма, способствовали развитию литературы, свободомыслия, философской поэзии и прозы таджикского и иранского народов» [26, 8].

В каждом философском произведении мыслителя затрагиваются различные философские темы. В частности, в его учении особое внимание уделяется вопросам бытия, соотношению возможного и необходимого, теории излучения мира (судур), соотношению души и тела, проблеме бытия, категориям движения, времени и пространства, теории познания, научно-природным взглядам и вопросам этики. Эти темы он тщательно анализирует и рассматривает с опорой на конкретные аргументы и доказательства.

Исследователи философского наследия Насир Хусрава полагают, что теория излучения (эманации) занимает особое место и имеет сходство с философскими школами перипатетиков, суфизма и другими. Главное различие заключается в том, что религиозное учение и структура тела и разума человека у него интерпретируются иначе.

Теория эманации (файз), восходящая к доисламским философским традициям, таким как алхимическая, зороастрийская, неоплатоническая и другие, имеет свои истоки в едином первоисточнике [26, 845]. В анализе этих идей мыслитель рассматривает творца, который по необходимости изначального единства и воли порождает первое сущее, «Общий ум», который философы называли активным умом или «первым умом»: «Активный ум, это первоисточник, созданный Богом. Это сущность обширная и светлая, в которой заключён образ всех вещей» [26, 49].

Философские воззрения Насира Хусрава стали предметом серьёзного научного осмысления как со стороны отечественных, так и зарубежных исследователей. Его философское наследие подверглось всестороннему анализу и глубокому теоретическому осмыслению, что позволило по-новому раскрыть идейно-мировоззренческий облик этого выдающегося мыслителя. Следует отметить, что интерес к его трудам, включая как философские, так и иные научные сочинения, начал проявляться ещё с конца XIX века и продолжал возрастать в течение XX столетия.

В рамках своих исследований, посвящённых общим вопросам восточной философии, культуры и религиозно-философской мысли, исследователи неоднократно обращались к взглядам Насира Хусрава, анализируя как его систематические трактаты, так и поэтические тексты, наполненные глубоким философским содержанием. Их работы сыграли важную роль в формировании научного дискурса о Насире Хусраве и заложили прочный фундамент для дальнейших междисциплинарных исследований, находящихся на стыке философии, литературоведения, богословия и культурологии.

А. А. Семёнов одним из первых обратился к философским вопросам Насир Хусрава, а его научные исследования были опубликованы в журналах «Известия Российской академии наук» (1918), «Бюллетень Средне-Азиатского государственного университета» № 9 (1925), в сборнике статей по Ирану (1927), работе «К догматике персидского исмаилизма» (Ташкент, 1926), а также в «Записках коллегии востоковедов Академии наук СССР» (Ленинград, 1930). В этих публикациях, включающих статьи А. А. Семёнова, посвящённые Насир Хусраву, прежде всего приводятся краткие сведения о жизни и творчестве поэта, а также даются рассуждения относительно его философских идей. Особенно примечательна статья «Противоречия в учении о переселении душ у Памирских исмаилитов и Насир Хусрава» [235, 109] , в которой рассматривается понятие духа и его место в бытии человека с точки зрения великих восточных мыслителей, таких как Умар Хайям, Джалаладдин

Руми и других философов средневековья, а также исмаилитских мыслителей. Семёнов показывает, что, по мнению Насир Хусрава, душа (рух) подробно разъясняется и противопоставляется взглядам других философов, считающих дух переходящим; он рассматривает Насир Хусрава как воспитанника исмаилитской школы и подчёркивает, что согласно ему дух никогда не является переходящим, и эта доктрина присутствует во всех его философских трудах [235, 116].

Кроме того, А. Семёнов исследовал и другие философские вопросы, такие как первичность тела или духа, сущность и форма, существование человеческих душ, понятие человека, а также вопросы тавхида, пророчества и имамата, имеющие значительное место в философских трудах Насир Хусрава [237, 18].

Особая ценность исследований Семёнова состоит в том, что он знакомился с философскими взглядами Насир Хусрава не только по его произведениям, но и на основании личных контактов с исмаилитскими общинами Таджикистана и других регионов, что позволило ему глубже понять содержание философских трудов мыслителя. Однако его анализы носят фрагментарный характер, и полноценное исследование философских идей Насир Хусрава до сих пор не завершено; лишь некоторые темы были рассмотрены исследователем в общих чертах.

В. В. Иванов по праву занимает одно из ключевых мест среди исследователей классического персидско-таджикского наследия, внёсших существенный вклад в изучение философского и поэтического корпуса Насира Хусрава. Его монография «Насир Хусрав и исмаилия» представляет собой важное исследование, в котором автор рассматривает ряд философских концептов, составляющих основу мировоззренческой системы мыслителя.

В частности, Иванов уделяет внимание таким темам, как метафизическое понятие тавхида (единобожия), герменевтический метод та’виля (эзотерического толкования), а также вопросам соразмерности и структурной гармонии, прослеживаемым в трудах Насира Хусрава. В ряде

эпизодов он анализирует его полемику или мировоззренческое расхождение с другими выдающимися интеллектуалами исламской эпохи, такими как Абубакр ар-Рази, Бохира, Абульхайсам и Абуяъкуб Сиджистани.

Тем не менее, интерпретация Иванова не свободна от определённых методологических ограничений. Его характеристика Насира Хусрава как «философа узкого кругозора» [110, 45] вызвала критику со стороны части востоковедов, прежде всего в силу недооценки системности исмаилитского мышления. В частности, Иванов демонстрирует скептическое отношение к апелляции Хусрава к кораническому авторитету, что, по мнению современных исследователей, представляет собой ограниченность рационалистической парадигмы, в которой работает сам Иванов. Такой подход не всегда позволяет в полной мере раскрыть глубину и многослойность философской системы Насира Хусрава, основанной на синтезе разума (*ʻaql*) и откровения (*wahy*), типичного для исмаилитской традиции.

Евгений Эдуардович Бертельс по праву считается одним из выдающихся и авторитетных востоковедов России, и его вклад в изучение персидско-таджикской литературы имеет исключительное значение. Искренняя любовь и глубокая приверженность Бертельса к литературе и культуре народов Ирана и Таджикистана наглядно проявляются в его фундаментальных исследованиях, среди которых особое место занимают два капитальных труда «История иранской и таджикской литературы» и «История современной иранской литературы» [69, 241].

В рамках первого из указанных трудов автор уделяет отдельное внимание философским воззрениям Насира Хусрава, выделив для этого специальный раздел под заглавием «Связи Насира Хусрава с исмаилизмом». В данной главе подвергаются аналитическому рассмотрению ключевые философские положения мыслителя, в частности такие понятия, как «знание», «вера» и необходимость познания в религиозно-философской системе Насира Хусрава.

Согласно выводам Е. Э. Бертельса, «все эти сочинения, без сомнения, принадлежат самому Насиру Хусраву, дошли до нас в более или менее достоверной форме и были написаны им в последние годы жизни в Юмгане. Их сопоставительный анализ свидетельствует о наличии единой темы, последовательно раскрываемой в каждом из произведений, о стилистическом единстве их изложения, о повторяющихся цитатах и ссылках на одни и те же источники и свидетельства, что, в совокупности, позволяет рассматривать эти труды как взаимодополняющие и образующие целостный философско-литературный комплекс» [69, 195].

Согласно Бертельсу, в произведениях Насир Хусрава на первый план выходит «приобретение знания» как противовес политике государства и невежества, окружавшего Хорасан. В частности, подчеркивается, что «передача знания невежественным есть повеление Божие и равносильна справедливости и милосердию» [69, 215]. По мнению исследователя, Насир Хусрав рассматривал науку как главный инструмент познания мира и обоснование для осмысления бытия: «Он считает целью творения достижение человеком совершенства через овладение знанием и возвращение к загробному миру» [69, 221].

Одним из важных вопросов, поднятых Бертельсом, является учение о сотворении мира в философии Насир Хусрава. По мнению учёного, понимание сотворения лежит в основе всей философской системы мыслителя. Особое внимание уделяется полемике Насир Хусрава с Абубакром Рази относительно природы первичной материи (хайюла): если Рази считает первичную материю вечной, то Насир Хусрав отвергает вечность материи, а его взгляды на универсальную природу мира, включающую материальный мир и тонкую субстанцию, являющуюся проявлением всеобщей души, заслуживают серьёзного внимания [69, 240].

Таким образом, Бертельс даёт объективный и взвешенный анализ философии Насир Хусрава, основанный на тщательном изучении

источников, в отличие от В. Иванова, чей анализ содержит сомнения и повторения.

Позднейшие исследователи советского и постсоветского периода широко рассматривали различные философские аспекты творчества Насир Хусрава: вопросы времени и движения, пространства, познания бытия, сущности существования, соотношения материи и формы, статуса человека в иерархии бытия, природы души, роли разума и души, а также этические проблемы.

Как отмечает Нозир Арабзода, систематическое изучение философских и научных идей Насир Хусрава в Таджикистане началось с 1960-х годов под руководством А. М. Багоуддинова, и первым результатом стала кандидатская диссертация Эдельмана [300, 7]. В её работе выделена отдельная глава, посвящённая философским, этическим, религиозным и научным взглядам Насир Хусрава, в которой исследователь анализирует важнейшие философские вопросы, включая идеологические и материалистические тенденции в его философии, указывая, что мыслитель выступает против исламских суеверий и защищает истинный и научный ислам [300, 12]. Из этих выводов следует, что Насир Хусрав поддерживал философскую идеологию, ставя материю на второе место.

В. Г. Ашуров сосредоточился в своих исследованиях на религиозно-философских и гносеологических аспектах, а также на полемике Насир Хусрава с Абубакром Рази по ряду философских вопросов. В частности, в работе «Философские взгляды Насир Хусрава» отмечается: «Определение основных форм сложных философских проблем в сложных исторических условиях, а также методология и анализ идей других мыслителей, включая материалистические и идеалистические теории, чётко прослеживаются в произведениях Насир Хусрава» [49, 39].

Проблемы времени, движения и пространства анализировались такими учёными, как Хаёлбек Додихудоев, Эдельман, Ашуров, Арабзода и Т. Муродова, которые выдвигали различные точки зрения. В частности, Нозир

Арабзода отмечает, что «описание сущности движения и классификация его форм в философии Насир Хусрава непосредственно вытекает из его учения о бытии. При исследовании этой проблемы мыслитель дистанцируется от идей предшествующих философов, особенно перипатетическая школа. Поэтому существенных различий между учением Насир Хусрава и перипатетической концепцией движения не наблюдается» [49, 124].

После всестороннего анализа рассматриваемой темы исследователь, сопоставляя воззрения Насира Хусрава с философскими концепциями античных мыслителей и представителей перипатетической школы, таких как Абу Али ибн Сина и Абу Бакр Рази, выделяет три вида движения в философии Насира Хусрава: естественное, вынужденное и произвольное. В качестве основного вывода подчёркивается следующее: «Насир Хусрав особо акцентирует внимание на том, что источником движения бытия является именно произвольное движение; по его убеждению, движущимися посредством произвольного движения являются живые существа. Произвольное движение, согласно воззрениям мыслителя, рассматривается как первооснова всех других форм движения, предшествуя им и порождая их» [49, 129].

Одним из наиболее авторитетных исследователей философского наследия Насира Хусрава является Нозир Арабзода - учёный, внёсший значительный вклад в осмысление и интерпретацию его идей в контексте исламской и, в частности, исмаилитской философии. Научная деятельность Арабзоды охватывает широкий круг вопросов, что нашло отражение в ряде его фундаментальных трудов, таких как: «Исмаилитская философия Насира Хусрава» (1997), «Мир идей Насира Хусрава» (2003), «Мир идей и размышлений Насира Хусрава» (2003), а также в многочисленных статьях, опубликованных в специализированных научных изданиях.

В своих исследованиях Арабзода уделяет особое внимание таким ключевым аспектам философской системы Насира Хусрава, как онтология, гносеология, философская антропология и этика. В частности, значительное

внимание уделяется рассмотрению категории пространства в философии мыслителя, специфике среды познания, проблематике движения, а также пониманию причинности, времени, смысла бытия и роли человеческого разума в структуре мироздания. Арабзода стремится выявить как оригинальные стороны философского учения Насира Хусрава, так и те элементы, которые перекликаются с античной традицией (Аристотель, Платон), а также с исламскими интерпретациями неоплатонизма и перипатетизма.

Исследовательский подход Арабзоды отличается стремлением к системному анализу и концептуальной реконструкции взглядов Насира Хусрава, что позволяет по-новому оценить глубину и масштаб его философских размышлений в контексте средневековой исламской интеллектуальной традиции. Арабзода отмечает: «Насир Хусрав относится к числу тех выдающихся мыслителей, которые заняли свое место в истории таджикской философии и литературы. Он считается одним из первых философов, в теориях которого религия и мудрость гармонично сочетаются на основе научной теории. Поэтому он признан в истории таджикской литературы создателем религиозно-философских поэм» [42, 3].

Монография Нозира Арабзоды «Исмаилитская философия Насира Хусрава» представляет собой комплексное исследование философской системы одного из наиболее значимых представителей средневековой персо-исламской мысли. Структура труда охватывает пять содержательных глав, каждая из которых посвящена определённым аспектам жизни, мировоззрения и интеллектуального наследия Насира Хусрава.

В первой главе автор обстоятельно рассматривает историко-культурный и интеллектуальный контекст эпохи, в которую жил и творил Насир Хусрав, а также анализирует ключевые этапы его биографии, становление его мировоззрения и формирование философско-теологической позиции. Последующие главы посвящены систематическому анализу его философского наследия. Во второй главе особое внимание уделено вопросам

религиоведения, включая интерпретацию фундаментальных понятий исламской теологии и философии, таких как монотеизм, креационизм, скептицизм, а также проблематика эзотерической герменевтики (таъвил), соотношения зāхир (внешнего) и бāтин (внутреннего) смысла Корана, природы пророчества и института имамата.

В третьей и четвёртой главах монографии предметом исследования становятся онтологические и гносеологические взгляды Насира Хусрава. Здесь Арабзода подробно рассматривает концепции материи, формы и образа, а также систему познания и её градации в философской доктрине мыслителя. Значительное внимание уделяется также вопросам этики и дидактической функции философии, в том числе моральной ответственности человека, роли разума, волевой активности и духовного совершенствования.

Особую значимость данное исследование приобретает в контексте сравнительного анализа с предшествующей научной традицией. В отличие от более ранних работ, где философские идеи Насира Хусрава либо рассматривались фрагментарно, либо упоминались без глубокой систематизации и интерпретации, Арабзода предпринимает попытку целостного философско-аналитического осмысления его наследия. Это делает монографию не только актуальным вкладом в исламоведение и иранистику, но и важным этапом в развитии исследований в области истории философии в целом.

Существенный вклад в изучение философского наследия Насира Хусрава принадлежит таджикскому исследователю Тоджинисо Муродовой, значительная часть научной деятельности которой сосредоточена на интерпретации ключевых положений его философии, в частности трактата *«Джоме-уль-хикматайн»* («Свод двух мудростей»). Монографические и статьевые труды Муродовой посвящены всестороннему анализу категориального аппарата Насира Хусрава и выявлению логико-онтологических оснований его мировоззренческой системы.

Одним из центральных направлений исследований Муродовой является проблема познания, которая рассматривается ею как ядро философской системы Насира Хусрава. Анализируя гносеологические основания учения мыслителя, исследовательница акцентирует внимание на особенностях символического языка, используемого в его сочинениях, а также на взаимосвязи между рациональным и эзотерическим (бāтин) уровнями постижения истины. Важное место в исследованиях Муродовой занимают фундаментальные категории философии - движение, пространство и время, которые в работах Насира Хусрава представлены в тесной связи с метафизикой бытия и божественной волей.

Отдельного внимания заслуживает сопоставление Муродовой понятий «джавхар» (сущность, субстанция) и «араз» (акциденция, случайное), в контексте философских систем как Абу Али ибн Сины (Авиценны), так и Насира Хусрава. Исследовательница показывает, что, несмотря на явное влияние перипатетической философии (в частности, авиценнианской интерпретации аристотелевской метафизики), Насир Хусрав развивает собственное оригинальное толкование этих категорий, в рамках которого «джавхар» интерпретируется не только как субстанциональная основа вещей, но и как проявление первичной божественной креативной силы, в то время как «араз» связывается с феноменологическим измерением реальности, подверженным изменению, многообразию и зависимости от причинности.

Как подчёркивает Муродова, философская концепция Насира Хусрава, в русле традиции исламской средневековой философии, выстраивается на идее упорядоченности мира, обусловленной универсальными принципами необходимости (*зарурӣ*) и возможности (*имкон*), а также на признании центральной роли воли и замысла Бога в акте творения и устойчивости бытия. Исследовательница справедливо отмечает, что: «Философская концепция Насира Хусрава, как и других средневековых восточных философов, подчеркивает правильный порядок вещей и особенности их формирования согласно основному закону, необходимости и возможности, а

также принадлежность их к воле и желанию Бога» [165, 9]. Это положение находит своё отражение как в онтологических, так и в гносеологических построениях философа, где рациональное познание органично сопрягается с метафизическим, раскрывая глубокую внутреннюю логику исламской философской традиции.

Резюмируя изложенное в данном разделе, следует отметить, что, проведённый анализ свидетельствует о том, что философские идеи Насира Хусрава, занимая ключевое место в его творческом наследии, на протяжении различных историко-культурных периодов, как в советское время, так и в эпоху независимости стран постсоветского пространства, стали предметом углублённого и многоаспектного научного изучения. В советский период интерес к философскому мироощущению Насира Хусрава проявлялся преимущественно в рамках обобщающих работ по истории восточной философии и исламской мысли, тогда как в постсоветскую эпоху наблюдается значительное расширение исследовательской парадигмы.

Философское наследие мыслителя стало рассматриваться более дифференцированно: отдельные его трактаты анализируются в контексте их онтологических, гносеологических, этических и космологических содержаний. Повышенное внимание уделяется не только тематической структуре произведений, но и методологии мышления, категориальному аппарату, а также философско-теологическому взаимодействию с другими интеллектуальными традициями (перипатетизмом, неоплатонизмом, исмаилизмом и др.).

Важно подчеркнуть, что изучение философских аспектов творчества Насира Хусрава вышло за пределы национальной исследовательской традиции: к интерпретации его наследия активно подключились как российские, так и европейские, иранские и западные учёные. Расширение междисциплинарных и межкультурных подходов, а также доступ к новым источникам и текстологическим материалам после распада Советского

Союза способствовали формированию более глубокого и комплексного взгляда на философскую систему Насира Хусрава.

Таким образом, философское измерение его творчества по праву занимает важное место не только в истории исламской философии, но и в глобальном интеллектуальном контексте, продолжая вызывать устойчивый интерес как у специалистов, так и у широкой академической аудитории.

3.1.2. Насир Хусрав как поэт: жанрово-стилистические особенности

Насир Хусрав занимает центральное место в истории таджикской и персидской литературы как одна из выдающихся и широко признанных фигур, сочетающих в себе таланты мыслителя, философа и поэта. Его творческое наследие представляет собой уникальный синтез глубоких философских идей и художественно-лирического выражения, что обусловило его исключительную значимость как в национальном, так и в мировом культурно-литературном контексте. С середины XIX века интерес к личности и творчеству Насира Хусрава неизменно привлекает внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей различных гуманитарных дисциплин, что свидетельствует о его многогранном и универсальном влиянии.

Важной особенностью Насира Хусрава является его способность интегрировать философскую проблематику в поэтическую форму, создавая произведения, которые не только отражают глубокие метафизические и этические размышления, но и отличаются высокой художественной выразительностью и эмоциональной насыщенностью. В этом смысле он выступает не просто как автор стихотворений, но и как своего рода комментатор и интерпретатор собственного поэтического текста, что особенно проявляется в эпизодах из его путешествий и автобиографических записках.

Так, в своём знаменитом «Сафарнаме» Насир Хусрав фиксирует интересный момент, иллюстрирующий его роль не только как создателя

поэзии, но и как наставника и толкователя литературных произведений своего времени. Он описывает встречу с поэтом Катроном в Тебризе, который, несмотря на талант и умение писать стихи, испытывал трудности с языковым пониманием персидской классической поэзии. Насир Хусрав не только помогал ему разъяснять сложные места в произведениях Мунджика и Даккики, но и внимательно слушал собственные стихи Катрона, предоставляя комментарии и рекомендации, что свидетельствует о его глубоких познаниях и активном участии в литературной жизни своего времени [23, 78].

Таким образом, данный раздел ставит целью исследовать жанрово-стилистические особенности поэзии Насира Хусрава, выявить специфику его художественного метода и показать, каким образом философское содержание органично вписывается в поэтическую форму, обогащая традиции таджикской и персидской литературы.

Прежде чем обратиться к оценкам исследователей относительно поэзии, положения и статуса стихотворного наследия Насира Хусрава в таджикской литературе, представляется необходимым напомнить содержание его поэтических произведений. Как известно, поэтическое творчество мыслителя представлено в диване стихов, который включает такие жанры, как касида, китъа, четырёхстишия (рубаи) и два маснави. Следует особо отметить, что по собственным свидетельствам самого поэта, им было составлено два дивана, один на арабском языке, другой на персидском (таджикском). Однако, к настоящему времени сведения о содержании и объёме арабского дивана остаются недоступными для исследователей. По указаниям, содержащимся в произведениях Насира Хусрава, можно заключить, что он действительно имел два сборника, как на персидском (таджикском), так и на арабском языках:

Прочти оба моих дивана, чтобы увидеть,
Как один из них переплёлся с поэзией Унсури и Бухтари [10, 6].

Это означает, что один из диванов Насира Хусрава включает в себя произведения, стилистически и тематически взаимосвязанные с творчеством известных поэтов Унсури и Бухтари, что подчёркивает влияние и преемственность литературных традиций. Такой синтез свидетельствует о глубоких литературных знаниях и уважении Насира Хусрава к классикам персидской и арабской поэзии, а также о его стремлении творчески интегрировать их стилистику в собственное творчество.

Или:

«Это моя гордость, что на обоих языках

Я мудрость всегда в диван приводил [10, 161].

Несмотря на наличие подобных свидетельств, большая часть его стихов написана на родном для поэта языке - персидском (таджикском), что является важной особенностью его творческой деятельности и отличает его от многих других учёных и поэтов того времени. Именно это обстоятельство подчёркивает особую роль Насира Хусрава в формировании таджикской литературной традиции и его вклад в развитие поэтического языка и жанров.

«Диван» Насира Хусрава представляет собой одно из наиболее значимых и содержательных произведений персидской поэтической традиции XI века, в котором с предельной выразительностью и концептуальной целостностью отражены религиозные, философские и этические воззрения автора. Являясь не только выдающимся образцом художественного слова, но и манифестацией исмаилитского мировоззрения, «Диван» занимает особое место в наследии восточной литературы как синтез поэтической формы и идейного содержания. Основным жанровым инструментом, посредством которого Насир Хусрав излагает свои убеждения, служит касида, традиционная форма восточной поэзии, отличающаяся монологическим характером, строгой метрической структурой и возможностью сосредоточенного философского дискурса. Через этот жанр поэт не только декларирует свою приверженность исмаилизму, но и развивает темы божественного разума, справедливости,

нравственного совершенствования и истинного знания, противопоставляя их поверхностной догматике и религиозному формализму своего времени.

Вот академический перевод и литературоведческий анализ представленного текста на научном русском языке:

Вопрос о составе и содержании «Дивана» поэта Насира Хусрава на протяжении долгого времени остаётся предметом разноречивых мнений среди исследователей и авторов литературно-исторических источников. Одним из первых документальных свидетельств, в котором упоминается этот поэтический сборник, является историко-литературное сочинение *«Низаму-т-таварих»* Кази Байзави из Шираза. Это произведение было создано в 1275 году, то есть приблизительно через двести лет после жизни самого Насира Хусрава, что делает его ранним и значимым свидетельством рецепции творчества поэта в средневековом Иране.

Согласно Байзави, Насир Хусрав является автором поэтического дивана, включающего около 30 000 байтов (двустиший), содержание которых носит преимущественно философский и дидактический характер: «всё это мудрость и назидание». Такое определение характеризует поэзию Хусрава как носительницу высоких интеллектуальных и этических идеалов, в первую очередь, в русле исмаилитской философии, а также как средство духовного наставления. Байзави, кроме того, упоминает и о других произведениях Насира Хусрава: «Рушноинома» («Книга света») и «Канз-уль-хакаик» («Сокровищница истин»), однако до настоящего времени последний текст остаётся недоступным, что затрудняет полноценную реконструкцию авторского наследия.

Во второй половине XIX века интерес к наследию Насира Хусрава усилился в рамках возрождённого персидского литературоведения, особенно в контексте каджарской эпохи. Выдающимся примером такого интереса является деятельность Ризокулыхона Хидаята (1800-1872), придворного наставника и просветителя при дворе Каджаров, который составил масштабный биобиблиографический сборник под названием «Маджма‘ аль-

фусахо» («Собрание красноречивых»). В этом труде он не только приводит краткую биографическую справку о Насире Хусраве, но и включает подробную антологию его поэтического творчества, отобрав около 12 000 байтов из так называемого почтенного дивана поэта.

Таким образом, «Диван» Насира Хусрава имеет сложную рукописную и текстологическую историю, где данные о числе стихотворений, жанровом составе и философском наполнении варьируются в зависимости от времени и источников. Разнородность этих данных позволяет говорить о многослойной рецепции его поэзии, от средневековых анналов до возрожденческого интереса XIX века, что, в свою очередь, подчеркивает не только долговременное культурное влияние Хусрава, но и трудности, связанные с критическим изданием и интерпретацией его наследия.

Первое печатное издание дивана Насира Хусрава было осуществлено в 1963 году в Тебризе литографическим способом. Этому предшествовала исследовательская деятельность британского ираниста Эдварда Брауна, который, наряду с публикацией первого издания, подготовил и опубликовал в апреле 1905 года первую научную статью, посвящённую творчеству поэта: «Насир Хусрав - поэт и путешественник», напечатанную в журнале «Анжумани Салтанати Асии». В данной работе Браун впервые осуществил аналитическое рассмотрение поэтического мировоззрения Насира Хусрава на основе его литературного наследия.

Второе издание дивана было опубликовано в Тегеране в 1896 году. На основе этого издания, а также сохранившихся рукописей XVI века, иранские учёные Саид Насруллохи Такво, Саид Хасани Тақизода и Алиакбари Деҳхудо подготовили третье критическое издание, вышедшее в 1925 году.

В последующие десятилетия диван Насира Хусрава, включая такие значимые произведения, как маснави «Равшаноинома», «Саодатнома», а также избранные газели, неоднократно переиздавался, в частности, в 1949, 1953, 1954, 1977, 1992, 2000 годах и позднее.

Параллельно с исследованием поэтического наследия началась активная публикация и изучение прозаических трудов Насира Хусрава, что способствовало развитию научного интереса к его творчеству как в западной, так и в иранской и индийской академических традициях.

Одним из наиболее полных и значимых изданий дивана стало издание Саида Насруллои Таквы и его коллег в 1925 году, в котором впервые были собраны все известные рукописи и рукописные источники, что позволило создать максимально полное издание. В этом издании, помимо стихов, подробно исследованы многие словари, составленные Алиакбари Деҳхудо, который также подготовил послесловие к книге. К сожалению, это издание включает лишь около 11 058 бейтов стихов.

Если сравнить заявленные Байзовием 30 000 бейтов с 12 000 бейтами Ризакулихана Хидаята, то около 20 000 бейтов произведений Насир Хусрава были утеряны за шесть веков. В то же время автор тазкира «Ништари ишқ», Хасаниқулихони Ҳайдарободий (рожд. 1780), отмечает: «...в науках философии, хадиса и других наук он был весьма уважаем и многозначителен; некоторых называют муваҳидом, других относят к исмоилиям, отмечая его редкие и странные взгляды. «Равшаноинома» в стихах, «Канзулхакоик» в прозе, а диван из 30 000 бейтов, все это его утончённые труды...» [57, 67].

К сожалению, ныне доступный нам объём дивана составляет около 11 058 байтов. Представленные в диване стихи в основном написаны в форме касид, демонстрируя возвышенные чувства и высокие мысли поэта, исполненные традиционного благородного стиля. Помимо касид, диван включает кыт’ы (малый поэтический жанр в классической персидско-таджикской литературе) и рубаи [9, 31].

Первое упорядочивание дивана осуществил Насруллои Таква, включивший около 11 000 байтов, хотя в других вариантах содержится лишь около 7 490 байтов. Позднее Муджтабо Минави и доктор Махди Мухаккик провели новую редакцию, также насчитывающую около 11 000 байтов [10, 19].

Самая древняя известная рукопись с избранными стихами поэта, к сожалению, неполная, хранится в Лондонской библиотеке под номером 132 в составе сборника с произведениями шести древних персидских поэтов и датируется 714 г. хиджры (1336 г. н.э.), то есть 233 года спустя после смерти Насир Хусрава. Некоторые стихи из этой рукописи, упомянутые доктором Г. Этте, отсутствуют в современных изданиях. Доктор Шиффер в предисловии к переводу «Сафарнамы» также упоминает о стихах, которые нам ныне неизвестны, а доступная нам рукопись насчитывает 11 047 байтов.

Доктор Этте также описывает сохранившуюся рукопись касиды Насир Хусрава, хранящуюся в библиотеке Будлиана (Оксфорд, Англия) [309. 43]. Среди всех известных исследователям рукописных и печатных вариантов, издания Саида Хасани Такизоды считаются наиболее полными. Издание Табриза по подсчётам Э. Брауна содержит всего около 7 425 байтов [75, 56].

Одно из относительно полноценных изданий дивана было опубликовано в 1961 году в Тегеране усилиями Саида Насруллои Таквы и включает маснави «Саодатнома» и «Равшаноинома». Позже в 1375 г. хиджры (примерно 1955 г. н.э.) в Тегеране вышло издание Джахангира Мансура с подробным предисловием Саида Хасани Тақизоды. Кроме того, тексты дивана неоднократно публиковались в Таджикистане, Иране, Пакистане, Афганистане, Индии и в 2009 году в кириллической транскрипции под редакцией покойных Амриязони Алимардона и Нурмухаммади Амиршохи.

Другое полное издание дивана, доступное исследователям, подготовлено усилиями Аккаи Тақизоды и Муджтабо Минави. Оно включает касиды, мукатьято, маснави «Равшаноинома» и «Саодатнома», а также «Рисолаи хикмати». В него входит предисловие, 263 касиды, маснави «Равшаноинома», «Саодатнома» и «Рисолаи хикмати». Общий объём стихов в этом издании составляет около 10 000 байтов.

В отличие от классических форм персидско-таджикской поэзии, в диване Насир Хусрава отсутствуют полностью газели, что объясняется тематическим фокусом этого жанра, т.е., любовными переживаниями,

восхвалением молодости, радостью встречи и грустью разлуки с любимой, которые не характерны для творчества поэта.

Исследователи отмечают, что для Насир Хусрава человеческая жизнь быстротечна, мирские наслаждения, красота и сила тела смертны. Поэтому жизненный путь должен быть посвящён приобретению знаний и духовному совершенствованию, а не восхвалению царей, прославлению любовных песен и мирских удовольствий, которые уносят впустую время. Поэт резко выступает против чрезмерного восхваления и похвалы, а также поклонения мирским наслаждениям. Он гордится тем, что его поэзия свободна от лести и газелей:

Тысяча благодарностей Богу, что я рад,
Моё сердце чуждо лести, хвале и порицаниям.
Хотя я ценю аскезу и добродетели,
Но выше меня никто не стоит, кроме этих двух кибл» [10. 518].

Диван Насира Хусрава относится к третьему, зрелому этапу его жизни и творчества, наступившему после радикального духовного и идеологического поворота, связанного с принятием исмаилизма. Именно в этот период поэт окончательно отказывается от придворной и панегирической поэзии, обращаясь к философско-дидактическому содержанию, в центре которого вопросы веры, познания, этики и разумного служения истине. Стихотворения Дивана пронизаны нравоучениями (*мауиза*), теологическими рассуждениями, рационалистической интерпретацией религиозных концептов и личными духовными прозрениями, что позволяет охарактеризовать поэзию Насира Хусрава как синтез философии и поэтики.

На формирование его поэтического стиля оказало влияние творчество более раннего поэта Каса’и Марвази, одного из первых персидских поэтов, открыто исповедовавших шиитские взгляды. Насир Хусрав не только наследует формальные и содержательные элементы касиды Каса’и, но и

вступает с ним в поэтический диалог, что подтверждается стихами, адресованными или стилистически отсылающими к его предшественнику.

Принятие исмаилитской доктрины, основывающейся на рационалистическом богословии и эзотерической герменевтике, углубило философскую составляющую поэзии Насира Хусрава и способствовало переосмыслению жанра касиды. В его исполнении касида утрачивает традиционные функции придворного восхваления и трансформируется в форму религиозно-философского размышления, насыщенную интеллектуальным содержанием. Исключением являются лишь те случаи, когда восхваление направлено на пророка Мухаммада, членов его семьи (Ахл ал-Байт) и халифов Фатимидской династии, центральных фигур шиитско-исмаилитского мировоззрения. Сам поэт неоднократно подчёркивает, что истинной хвалы достойны лишь пророк и его святое семейство, а не земные правители или меценаты, что свидетельствует о его сознательном отказе от светской поэтики в пользу духовной миссии.

Маснави «Равшаноинома», входящее в диван, написано в метрике хиджази мусаддас махзуф. В издании Тегерана 1305 года хиджры насчитывает 559 байтов, в других изданиях 592 байта. По словам поэта, произведение было создано за неделю и завершено первого числа месяца шавваль 440 г. хиджры (1049 н.э.). Тематически маснави состоит из введения, разделов о единстве Бога, вселенском разуме, сотворении мира, сущности человека, отношении к поэзии и заключения [293, 55].

Другое маснави Насир Хусрава «Саодатнома» содержит около 300 байтов во всех известных изданиях. Автор указывает точное количество стихов в конце маснави:

«Я сказал триста стихов от чистого сердца,
Все творения души и разума,
Природа дала им полный облик,
Мудрость назвала это «Саодатнома» [10, 297].

Точная дата создания «Саодатнома» неизвестна. В нём повторяются некоторые темы из «Равшаноинома», однако отсутствует исмоилийский контекст. Метафорически в произведении прослеживается тема нравственного очищения и личного возрождения. Автор говорит о ценности жизни, разочаровании в мирских удовольствиях, ценности знаний и стремлении к духовной мудрости.

В целом, стихи Насир Хусрава представляют собой гармоничное сочетание философской глубины, нравственной направленности и религиозной убеждённости, что делает его творчество уникальным явлением в персидско-таджикской литературе XI века.

В частности, иранский филолог и исследователь классической литературы Муджтаба Минави придерживается позиции, согласно которой поэтическое произведение «Равшаноинома» представляет собой стихотворную переработку трактата «Шаш фасл», известного также под названием «Равшаноинома» в прозе [110, 26]. Таким образом, он предполагает существование текстовой и содержательной преемственности между двумя формами одного и того же сочинения - прозой и поэзией, что в целом типично для средневековой исламской литературы, в рамках которой нередко встречаются параллельные версии текстов в разных литературных формах.

Подобного мнения придерживается и доктор Мухаммад Гуломризо, который в предисловии к сборнику «Тридцать газелей Насира Хусрава» обращается к вопросу авторства и жанровой идентичности ряда произведений, традиционно приписываемых поэту. Он выделяет вторую группу сочинений, авторство которых вызывает определённые сомнения в научной среде. К ним он относит прозаическое трактатное сочинение «Шаш фасл» (или «Равшаноинома» в прозе), посвящённое вопросам исмаилитской догматики; поэтическую «Равшаноиному», содержащую рассуждения о таухиде (единобожии), природе разума и души, космогонии, субстанции,

четырёх первоэлементах и других философско-космологических темах; а также дидактическое произведение «Саодатнома» [110, 20].

Таким образом, как отмечают исследователи, наличие параллельных поэтических и прозаических версий аналогичного по содержанию текста (в данном случае «Равшаноинома») отражает не только специфику авторского стиля Насира Хусрава, но и более широкий литературный и интеллектуальный контекст эпохи, в котором религиозно-философские идеи активно транслировались как в поэтической, так и в трактатной форме.

Первые исследования поэзии и творчества Насир Хусрава относятся к концу XIX века, когда западные учёные, такие как Шифер, Этте, Ян Рипко и другие, начали заниматься этой темой, а в советский период исследования продолжились. Среди первых советских исследователей поэзии великого поэта и мастера слова были В. Иванов и Э. И. Бертельс. В. Иванов в своём труде «Насир Хусрав и исмоилизм», помимо сведений о поэтических произведениях поэта, таких как диван стихов и его маснави, отмечает следующее относительно поэзии и поэта: «Стихи Насир Хусрава отличаются строгой однородностью и могут быть сравнены с творчеством некоторых современных ему поэтов. Однако его философские произведения мрачны и суровы. Однородность пронизывает все его газели, которые подчинены строгим правилам формального стиля». [69, 261].

Что касается дивана поэта, исследователь высказывает сомнения относительно его составления и наличия в нем некоторых искажённых стихов. Из этих замечаний видно, что В. Иванов не был полностью знаком с творчеством поэта и охарактеризовал его стихи как утомительные и мрачные. Это свидетельствует о том, что Иванов либо не изучил поэтическое наследие Насир Хусрава в полном объёме, либо не понял смысла и содержания его стихов.

Понятие «стих» (араб. «шеър»), традиционно обозначающее рифмованное литературное произведение, на протяжении истории таджикско-персидской литературы рассматривалось в различных

теоретических, философских и эстетических контекстах. В таджикско-персидском литературоведении и филологии термин шеър выполняет не только формально-жанровую функцию, но также отражает представления о природе поэзии, её назначении, социальной роли и духовной миссии.

Во-первых, представители разных интеллектуальных школ и эпох вырабатывали различные концепции поэтического творчества. Так, одни мыслители (например, сторонники религиозно-аскетических течений) воспринимали шеър как опасное средство эмоционального воздействия, способное отвлекать от духовной истины. Другие, напротив, — в том числе представители суфийской и философской традиции — рассматривали стих как форму символической и метафизической коммуникации, инструмент выражения высших смыслов и истины, недоступной прямому дискурсу.

Во-вторых, в течение исторического развития сама форма, тематика, функция и эстетическая цель поэтического текста изменялись, что свидетельствует о глубокой адаптивности жанра к культурным, религиозным и социополитическим условиям. Например, в эпоху классической поэзии (IX–XII вв.) поэзия выполняла преимущественно дидактико-философскую и духовно-эстетическую функцию, тогда как в более поздние периоды усиливаются элементы придворной панегирики или интимной лирики.

В-третьих, значение шеър менялось также в зависимости от позиции самого автора или говорящего в тексте. В поэтике классического Востока субъект поэтической речи часто осознаёт себя как посредника между истиной и читателем, а поэтическое слово как сакрализованный знак, несущий не только эстетическое, но и онтологическое значение. Таким образом, семантическая нагрузка стиха напрямую зависела от его контекста, авторской интенции, а также от жанрово-стилистических рамок, в которых он был создан.

Совокупность этих факторов позволяет рассматривать шеър не как однородную форму, а как многоаспектное культурно-литературное явление,

подлежащее интерпретации на пересечении поэтики, философии, культурологии и религиозной мысли.

Очевидно, что как поэзия размышления (интеллектуальная, философская поэзия), так и поэзия чувства (эмоционально-чувственная лирика) занимают значительное место в истории нашей литературы, каждая из которых прошла длительный путь развития. Литературные критики и теоретики, в зависимости от своего понимания и эстетического вкуса, по-разному оценивали эти два направления: одни отдавали предпочтение первому и отвергали второе, другие, напротив, восхищались поэзией эмоций, критикуя рационально-философскую.

Ещё тысячу лет назад Насир Хусрав обращался к поэтам, воспевающим «кудри с мускусным ароматом» и «дыхание роз», и с упрёком спрашивал: «До каких пор вы будете говорить о янтарных локонах и вдыхать аромат цветов? Настоящая поэзия не в этом. Где же в ваших стихах возвышенное мышление?». Эта трактовка Насира Хусрава представляет собой краткое, но содержательное суждение о двух фундаментальных направлениях в классической таджикско-персидской поэзии - поэзии рационального содержания (шеъри тафаккурӣ) и поэзии чувственной лирики (шеъри эҳсосотӣ). Это разделение имеет глубокие корни в эстетике исламского Востока, где с одной стороны развивалась панегирическая, любовно-лирическая традиция (особенно в рамках газели), а с другой, интеллектуально-назидательная, часто философско-религиозная линия, представляемая такими поэтами, как Насир Хусрав, Санои, Аттор и др. Насир Хусрав, будучи не только поэтом, но и философом и теологом, последовательно отстаивал интеллектуальную природу поэтического слова, рассматривая поэзию как средство донесения божественной истины и инструмент нравственного воспитания. Его критика поэтов, ограничивающихся описанием внешней красоты и чувственных образов, свидетельствует о более глубоком, онтологическом понимании функции поэта. Для него поэт не просто художник, но носитель знания (таълим) и

проводник разума (ақл), тогда как «поэты локонов и роз» лишь убаюкивают сознание. Эта позиция отражает широкую философско-эстетическую дискуссию, ведущуюся на протяжении веков в исламском мире: может ли поэзия служить истине, или она лишь форма удовольствия? Насир Хусрав однозначно выбирает первое.

Очевидно, что отражение сложных мыслительных процессов в поэтическом тексте является задачей более трудоёмкой, нежели создание эмоционально насыщенной лирики. Как правило, при опоре на рациональное осмысление тематика и форма стиха требуют от автора определённой сосредоточенности и интеллектуального напряжения, тогда как при создании поэзии, основанной на чувственном восприятии, поэт проявляет большую свободу самовыражения и вдохновения.

В таджикско-персидской литературной традиции преимущественно доминирует эмоциональная поэзия, в которой веками воспевались локоны, лица и цветы, т.е., мотивы, отражающие стремление народа к радости, красоте и чувственному наслаждению. Эта преобладающая ориентация связана с социальной и культурной потребностью аудитории, испытывающей больший интерес к эстетическому удовольствию, нежели к философским и высокоинтеллектуальным размышлениям.

Вместе с тем, высокая поэзия представляет собой синтез жизненного опыта, природных образов, философских размышлений, эмоциональных переживаний и духовного видения, которые художественно выражаются посредством изысканного и выразительного языка с целью стимулировать мыслительную активность читателя. Такой подход к поэзии отличает творчество Насира Хусрава, который придавал особое значение развитию и пробуждению мысли посредством художественного слова.

Ранние литературоведы, анализируя специфику поэтического творчества и его внутренние законы, фокусировали своё внимание преимущественно на трёх ключевых категориях: стих, поэт и поэзия. Насир Хусрав, следуя этой традиции, трактовал стих как средство коммуникации с

аудиторией и духовными последователями. Поэзия для него это чистое, бескорыстное искусство, свободное от приземлённых интересов и пошлых целей. Поэт же предстает как мыслящий, глубоко размышляющий и образованный индивид, что также находило отражение в взглядах таких классиков, как Низами Арузи, который подчёркивал значение учёности и интеллекта в поэтической деятельности.

Согласно мнению исследователей, в диване Хакима Насир Хусрава понятие стиха выражается такими формулировками, как «хорошее слово», «красивое слово», «доброе слово», «чистое и безупречное слово», «отличное высказывание», «приятная речь». При этом возникает вопрос: что именно поэт вкладывал в понятие «хорошее слово» и на что делал основной упор? С точки зрения исследователей, для Насир Хусрава главным было содержание стиха, а понятие «хорошего слова» включало в себя наставления и советы, мудрость, аскетизм и религиозные размышления:

Или:

Не увидишь ты поэзии, пленяющей сердце,

Если в ней нет украшения мудрости и нравоучения [10, 156].

Или:

Открой дверь речи с советом благим,

Запри газель в объятиях аскетизма строгого [10, 156].

В диване Хакима Насир Хусрава (ред. Джахонгир Мансур, Тегеран, 1375 г. по хиджре) под номером 178 расположена газель, в образах которой отражена мысль учёных-философов о поэзии. [В другой редакции дивана первым словом начала этой газели является «Кумайт» (чёрный конь), что с точки зрения смысла считается более точным]. [12, 78].

Известно, что до 1949-х годов прошлого века сведения о поэзии и творчестве Насир Хусрава были скудными и расплывчатыми, и исследователи в основном имели доступ к философским трактатам поэта. Среди учёных того времени, оценивших стихи Насир Хусрава положительно,

выделяется Е. Е. Бертельс. Он отмечал, что «Насир Хусрав имел лишь потенциал и способности для того, чтобы стать великим поэтом» [69, 23].

Бертельс одним из первых провёл более широкое исследование стихов поэта, уделив внимание его взаимоотношениям с современниками, особенно с поэтами-маддохами, а также классифицировал газели по метрической системе и по рифмам, определяя их принадлежность к определённым арабским стихотворным размерам. Разумеется, его исследования были достаточно краткими и представлены в форме научной статьи, однако они создали прочную основу для дальнейших исследований.

В антологии «Образцы таджикской литературы» Сотим Улуғзода отмечает: «Ряд стихотворений Насир Хусрава, в которых содержатся высказывания против Бога и которые мы частично включили в данный сборник, позволяет предположить, что в последние годы жизни он стал приверженцем дахаризма (материалистического мироощущения, отрицающего загробную жизнь)» [253, 43]. Однако объём представленной в сборнике информации о поэзии Насир Хусрава крайне мал и фрагментарен. При этом следует отметить, что приведённые в антологии стихи с подобным содержанием, скорее всего, не принадлежат самому Насир Хусраву, а лишь приписываются ему. Единственным достоверным стихотворным произведением поэта, приведённым в сборнике, является отрывок «О ремесленниках и земледельцах» из поэмы «Саодатнома» [253, 45].

Данное обстоятельство указывает на то, что на момент подготовки сборника текст поэтического дивана Насир Хусрава не был полностью доступен исследователям, либо, если и был доступен, то ещё не подвергался всестороннему изучению.

Значительный вклад в исследование поэзии Насир Хусрава внесла видный российский востоковед, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова В. Б. Никитина. Ею была защищена кандидатская диссертация, посвящённая поэтическому творчеству этого автора. В рамках своего исследования В. Б. Никитина рассматривает четыре

основные стилистические особенности поэтики Насир Хусрава: «повышенный эмоциональный строй, риторическое построение и декламация, эстетически насыщенные описания, бытовой и дидактический стили, а также повествование о человеческом поведении» [196, 120]. Проанализировав эти черты, исследователь приходит к выводу: «Лирическое содержание поэзии Насир Хусрава в целом формирует её художественные особенности. Поэтому для адекватной оценки его поэтического мастерства недостаточно лишь анализа форм и художественных средств. Необходимо также определить его место в истории литературы, учитывая лирическую специфику его поэзии и сопоставляя её с другими лирическими жанрами. Возможно, именно такие исследования позволят этому выдающемуся мыслителю и поэту Средневековья занять должное и обоснованное научное место в истории таджикской литературы» [196, 121]. Однако сама В. Б. Никитина признаёт, что её исследование далеко от завершённости и требует дальнейшей проработки.

В советский период, особенно в 1930-1960-е гг., большая часть исследований, посвящённых поэзии Насир Хусрава, концентрировалась на таких произведениях, как касида «Худоё, арзу тулӣ оламатро, тавонӣ дар дили мӯре кашидан» [10, 134], а также стихах, посвящённых ремесленникам и крестьянам, и путевых заметках «Сафарнома». Это подтверждается и в таких научных статьях, как: «Некоторые данные о научных и философских взглядах Насира Хусрава», «Поэт и великий мыслитель», «Насир Хусрав», «Некоторые педагогические аспекты в «Саодатнома» и «Равшаноинома» Насир Хусрава», «Насир Хусрав из Кабодиёна» и других [156, 293, 230, 232, 256]. Лишь в отдельных исследованиях этого периода были представлены более полные сведения о поэзии Хусрава. Например, в статье Ш. Хусейнзоды «Насир Хусрав из Кабодиёна» содержатся интересные и заслуживающие внимания размышления: «В касидах Насир Хусрава с точки зрения современной прогрессивной мировоззренческой позиции можно обнаружить определённые противоречия. С одной стороны, он выражает положительные

и полезные идеи, а с другой, допускает негативные и спорные суждения. Так, с одной стороны, поэт выступает с позиций передовых людей своего времени, критикуя невежество, притеснение со стороны двора и социальное неравенство. С другой, он пропагандирует исмаилитскую догматику, которая, как и любая религиозная идеология, представляется ограниченной. Он то обращается к Богу в поисках «истинной веры», то упрекает его, заявляя: «Худоё, если честно, в смутах виновен Ты сам» [271, 137]. Автор статьи рассматривает различные аспекты поэзии Хусрава и подробно анализирует её содержание.

Известный таджикский учёный Камол Айнӣ, один из первых, кто подготовил к изданию поэтическое наследие Насир Хусрава в Таджикистане, охарактеризовал его как «точного мыслителя и красноречивого учёного». Он писал: «Мудрый мыслитель и красноречивый учёный Насир Хусрав в совершенстве слова и глубине мысли является уникальной личностью. Его ритмическая поэзия, охватывающая нравственно-философские дискуссии, отображение реальности жизни и мудрость старца, требует критического осмысления вопросов познания мира» [35, 75].

Поэтическое наследие Насира Хусрава, одного из наиболее ярких представителей интеллектуального и философского течения в таджикско-персидской литературе XI века, находит своё выражение прежде всего в его философско-этическом мировоззрении, которое органично воплощается в художественной форме. Как подчёркивает литературовед Х. Шарифов, поэзия этого мыслителя-философа представляет собой модель рациональной поэтики, в которой содержание и идея преобладают над формальным изяществом, а основное внимание уделяется логике, смысловой строгости и моральному посылу.

Насир Хусрав не просто прибегает к стихотворной форме ради эстетического выражения, но рассматривает её как инструмент духовной и интеллектуальной коммуникации, как способ распространения своей доктринальной и философской позиции. В этом контексте его поэзия это не

просто эмоциональное переживание или художественная игра, а результат размышлений о фундаментальных вопросах бытия, таких как природа человека, структура мироздания, соотношение материи и духа, этические нормы поведения и роль разума в религиозной жизни.

Как отмечает Х. Шарифов, поэтическое мышление Насира Хусрава пронизано цельной системой религиозно-научного познания, в основе которой лежат принципы исмаилитского богословия, опирающегося на разум (*ақл*) как основополагающий метод интерпретации бытия. При этом, несмотря на строго философский тон, его поэтическая речь сохраняет внутреннюю эмоциональную насыщенность, искренность и связь с народной духовностью, что создаёт уникальный баланс между рациональной аргументацией и живым душевным порывом [289, 23].

Особенность поэтического стиля Насира Хусрава заключается в его стремлении к простоте формы, ясности высказывания и отказу от риторической избыточности. Его стихи избегают усложнённых метафор, гипербол, образных построений, характерных для придворной поэзии более позднего времени. Вместо этого он выстраивает аргументативный поэтический дискурс, где каждая строка несёт функциональную смысловую нагрузку. Поэтическое слово у него прежде всего формула смысла, а не декоративный элемент.

В этом же русле рассуждает и известный таджикский литературовед Абдунаби Сатторзода, который характеризует Насира Хусрава как одного из поэтов, глубоко связанных с древней традицией философского осмысления природы поэтического слова. Согласно Сатторзоде, размышления о сущности поэзии, её задачах, функциях и воздействии на читателя представляют собой одну из древнейших линий развития таджикско-персидской литературной мысли, уходящую корнями в X–XI века. Насир Хусрав в этом контексте рассматривается не только как продолжатель, но и как один из наиболее сознательных теоретиков поэтического слова,

придающий ему не развлекательную, а глубоко нравственно-образовательную и философско-познавательную функцию [232, 148].

Упоминаемая «древняя традиция» непосредственно связана с поэтикой Хорасанской школы, к которой принадлежал и сам Насир Хусрав. Эта школа, расцвет которой приходится на эпоху Саманидов (IX–X вв.), сформировала основополагающие принципы классической таджикско-персидской поэзии, в том числе понятие поэта как носителя знания и морали, шеър как средства наставления, а не только художественного выражения. В отличие от более поздней газелевой традиции, ориентированной на любовь, красоту и эмоции, Хорасанская школа утверждала поэзию как форму мышления.

Таким образом, стиль Насира Хусрава можно охарактеризовать как продолжение и развитие рационалистической линии в таджикско-персидской поэзии. Он выступает не просто как поэт, но как духовный наставник и мыслитель, в поэтической форме транслирующий сложные метафизические идеи. Его творчество представляет собой гармоничное единство этики, религии, философии и поэтики, что делает его фигуру уникальной не только в истории восточной литературы, но и в контексте общемировой интеллектуальной культуры.

Формулировка «поэзия разума» отражает базовую характеристику творчества Насира Хусрава как поэта-философа. Этот термин предполагает, что в его поэтической системе доминирует когнитивный, рассудочный элемент, в отличие от чувственной или романтической поэзии. В подобной поэтике поэтическое слово становится средством осмысления мира, а не только эмоционального выражения. Как подчёркивает Шохзамон Рахмон, с первых шагов своего творчества Насир Хусрав выбирает стихотворную форму не ради формы или ритма, а как носитель рационального и духовного содержания. Это говорит о том, что для поэта стих не просто литературный приём, а философская практика. В его понимании поэзия это духовный акт, где разум (ақл) выполняет ведущую роль, освещая как внешний, так и внутренний мир. Ш. Рахмон подчёркивает, что стихи Насира Хусрава это

инструмент духовного воспитания, что соответствует общей функции классической дидактической поэзии исламского Востока. Такой подход восходит к традиции, в которой поэт воспринимается как наставник, мудрец и моралист, а не просто эстет. Поэзия у Насира Хусрава форма да’вата (призыв к истине), стихотворение высказывание с целью наставления и просвещения, а не развлечения, и поэт интеллектуал и духовный лидер, чья задача пробуждение разума в других. Это объясняет, почему поэт критически относится к суевериям, догматизму и слепой вере. В поэтическом выражении он противопоставляет им силу знания, разума и внутренней веры, подкреплённой логикой.

Образ поэзии как «меча» или «оружия», применённый Шохзамоном Рахмоном, отражает полемическую направленность творчества Насира Хусрава. Его касиды часто выступают как открытые идеологические манифесты, направленные: против духовной деградации общества, против подмены истины суетой и лицемерием, против невежественной ортодоксии.

Эта борьба поэта выражена не через лозунги, а через интеллектуально насыщенные тексты, насыщенные философскими понятиями, логическими доказательствами и метафизическими рассуждениями.

Важно также подчеркнуть наблюдение Ш. Рахмона о гиперболической форме выражения истины. В поэзии Насира Хусрава истина существует не только в логическом смысле, но и в эмоционально-экзистенциальной гиперболе, поэтическом преувеличении, которое позволяет приблизиться к абсолютному знанию, выходящему за пределы буквального.

Это указывает на то, что, несмотря на рационализм, поэт не отрицает поэтического образа как такового, но подчиняет его более высокой цели — раскрытию духовной реальности.

Последний тезис Ш. Рахмона, что Насир Хусрав «усилил научную ценность поэтического слова» заслуживает отдельного внимания. Здесь речь идёт о переосмыслении самой природы поэзии: из области художественного она переходит в область эпистемологии, учения о знании. То есть поэзия

становится носителем научного, философского и теологического знания, которое поэт стремится передать обществу доступным и при этом возвышенным языком 212**,** 2).

Таким образом, характеристика поэзии Насира Хусрава как «поэзии разума» указывает на особый тип поэтического мышления, в котором художественная форма строго подчинена содержанию, разум служит путеводителем к истине, поэт выступает как интеллектуальный лидер, а поэтическое слово как форма духовной и философской истины.

В этом отношении Насир Хусрав продолжает традиции Хорасанской школы и одновременно предвосхищает целый пласт интеллектуальной поэзии Востока, где слово это прежде всего мысль

Сам поэт ясно указывает на философско-религиозный и интеллектуальный характер своей поэзии. Он создаёт поэзию, основанную на логике, наполненную внутренним смыслом и нравственными поучениями. Исследователь Лаължуба Мирзохасан отмечает: «Поэзия Насир Хусрава, на наш взгляд, религиозна в своём мирском измерении и мирская в своей религиозности. Если считать его придворным поэтом, то его поэзия склоняется от религиозной к светской тематике, а если не считать его придворным, то, напротив, она сначала светская, затем религиозная» [158, 426].

Из анализа работ современных исследователей становится очевидно, что религиозная составляющая поэзии Насир Хусрава формируется не в отрыве от времени, морали, пространства, добра и зла, а как результат его глубоких размышлений о несовершенстве и противоречиях мира. Исходя из религиозных и культурных норм своего времени, он в своей поэзии стремится найти идеального человека, человека разума, духовности и познания.

Таким образом, поэзия Насир Хусрава представляет собой своего рода расширенное и наглядное выражение его философского мировоззрения. Как подчёркивает таджикский литературовед Худоӣ Шариф: «Поэзия Насир

Хусрава это форма его постижения бытия, отражение его отношения к жизни, основанное на знании и личном опыте. Он соединяет свою мудрость с жизненной практикой, и именно это отличает его поэзию от философии. Слияние теории и практики основное качество его поэтического метода» [293, 10].

Интерпретация данной цитаты может быть изложена в нескольких аспектах, т.е. содержательно-философском, литературоведческом и методологическом. Цитата подчёркивает, что поэзия Насира Хусрава это не просто литературное творчество, а форма философского самовыражения. Она служит средством осмысления бытия, инструментом выражения его отношения к жизни, сформированного на основе глубоких знаний и личного опыта. Это означает, что поэзия для Хусрава не отвлечённое искусство ради эстетического удовольствия, а интеллектуальный и духовный акт, направленный на раскрытие истины. Поэтическое слово для него это язык философии, пропущенной через призму личных переживаний.

А также Худои Шариф делает важное методологическое различие: поэзия Хусрава отличается от отвлечённой философии тем, что объединяет теоретическую мудрость с практикой жизни. Это сближает его с жанром дидактической поэзии, в которой идея, мысль и моральные ориентиры имеют первостепенное значение. С этой точки зрения, стиль Насира Хусрава можно рассматривать как поэтическую форму философии, где образность подчинена содержанию, а художественные средства служат передаче нравственно-философского послания.

Выделяется также поэтический метод Насира Хусрава, «слияние теории и практики». Это подчёркивает синтетическую природу его поэзии, в которой абстрактные философские концепции получают конкретное выражение в жизненных реалиях. Такой подход может быть охарактеризован как экзистенциальная поэзия с рациональной основой. Именно это слияние делает его поэзию уникальной: она не только интерпретирует мир, но и предлагает ориентиры для действия, что роднит её с моральной философией.

Таким образом, поэзия Насира Хусрава это форма философствования, где слово становится носителем истины, а художественное продолжением умозрительного. Она выражает не только мышление поэта, но и его жизненную позицию, что делает его творчество значимым не только в литературном, но и в философско-этическом контексте.

По мнению исследователей, поэзия Насира Хусрава содержит глубокие нравственно-дидактические идеи, охватывающие широкий спектр экзистенциальных и социальных проблем, от межличностных отношений, отношения к труду и людям дела, до восприятия святых и мудрецов, осмысления соотношения разума и веры, одиночества, аскетизма, умеренности и духовного удовлетворения, включая также критику правящих и эксплуататорских слоёв общества.

Несмотря на значимость поэтического наследия Насира Хусрава, многие его аспекты по-прежнему остаются недостаточно изученными. В связи с этим в научной литературе подчёркивается необходимость комплексного и многоаспектного анализа его творчества по следующим основным направлениям: во-первых, выявление, исследование и установление источников и первоисточников, лежащих в основе поэтических высказываний, представленных в его диване; во-вторых, раскрытие религиозного, философского и народного измерений его поэзии; в-третьих, изучение художественного мастерства поэта в контексте языково-стилевых особенностей, метрической структуры, системы рифмовки, с акцентом на специфику поэтики его произведений. Таким образом, поэзия Насира Хусрава до настоящего времени не получила всестороннего и исчерпывающего научного осмысления.

Следует подчеркнуть, что Насир Хусрав сформулировал оригинальную концепцию поэзии и поэтического призвания, существенно отличающуюся от традиционных представлений, доминировавших как у его предшественников, так и у современников. Его взгляды на природу поэтического слова, функции поэта в социокультурном и духовном

пространстве, а также на соотношение поэзии и истины обладают высоким теоретико-эстетическим потенциалом, однако не получили системного развития и содержательной рецепции в последующей литературно-философской традиции. В связи с этим можно констатировать, что в лирическом корпусе Насира Хусрава до сих пор сохраняются концептуально значимые, но не до конца осмысленные аспекты, требующие углублённого интерпретативного анализа и комплексного текстологического изучения в будущем.

Исходя из анализа научных трудов и исследований, можно заключить, что поэзия Насир Хусрава отличается от поэтических традиций как его современников, так и предшественников и последователей. Его представление о слове имеет уникальные особенности: слово, по его убеждению, хотя и представляет собой внешнюю форму (звучание), содержит в своей основе смысл. Поэт считал, что слово, лишённое содержания и внутреннего смысла, подобно звукам, издаваемым животными. В то же время слово, произнесённое человеком, должно обладать смысловой глубиной и способностью воздействовать на слушателя.

Анализ поэтического корпуса Насира Хусрава показывает, что в период существования Советского Союза к его дивану сохранялся преимущественно общий, поверхностный интерес, ограниченный рамками общей историко-литературной рефлексии. Тем не менее, в советском академическом пространстве были осуществлены и опубликованы отдельные специализированные исследования, посвящённые жанрово-стилистическим характеристикам и философско-эстетическим аспектам его творчества. Несмотря на значительное количество научных статей и монографий, в настоящем исследовании упоминаются лишь некоторые из них, без углублённого анализа, что обусловлено масштабностью и разнообразием уже выполненных работ. После распада Советского Союза, в условиях возросшей академической свободы и расширения доступа к источникам, сформировались более благоприятные предпосылки для комплексного и

системного изучения поэтического наследия Насира Хусрава как выдающегося мыслителя и поэта, чьё творчество приобретает всё большую актуальность в современном литературоведении и философии. В дальнейшем тексте настоящего исследования планируется детальный обзор и критический анализ ключевых научных изысканий, направленных на раскрытие жанрово-стилистических особенностей и художественно-эстетического значения поэзии Насира Хусрава.

3.1.3. Насир Хусрав как прозаик: тематика и структура прозаический произведений

Хаким Насир Хусрав, признанный как один из крупнейших представителей философско-дидактического направления в классической персидско-таджикской литературе, занимает особое место не только как поэт, богослов и мыслитель, но и как выдающийся прозаик XI века. Его прозаические сочинения, написанные на высоком литературном персидско-таджикском языке, представляют собой уникальное явление в истории становления раннесредневековой философской и художественной прозы. В отличие от большинства его современников, тяготевших к сухому и абстрактному богословскому дискурсу, Насир Хусрав сумел объединить глубокое философско-религиозное содержание с выразительной литературной формой, создав тексты, обладающие как доктринальной насыщенностью, так и художественной цельностью.

В его прозе прослеживается стремление к синтезу рационалистической традиции исламской философии с этико-нравственными и метафизическими установками исмаилизма. При этом автор демонстрирует высокую степень литературного мастерства: его проза отличается стройной композиционной организацией, логической последовательностью изложения, использованием выразительных стилистических приёмов, а также стремлением к дидактической ясности и аргументированной риторике.

К числу важнейших прозаических сочинений Насира Хусрава относятся такие труды, как «Зод-ул-мусафирин» («Путь странствующих»), «Хон-ул-ихвон» («Трапеза братьев»), «Джомеъ ал-хикматайн» («Свод двух мудростей»), «Кушоиш ва рахоиш» («Открытие и освобождение»), «Ваджҳи дин» («Лик религии») и знаменитая автобиографическая «Сафарнома» («Книга путешествий»). Эти произведения охватывают широкий спектр тем, от философской антропологии и гносеологии до вопросов религиозной этики, социальной справедливости и устройства идеального общества. Структура и тематика данных сочинений свидетельствуют о многосторонности авторского мышления и его стремлении к целостному осмыслению мироздания через призму исмаилитского учения.

Следует констатировать что, прозаическое наследие Насира Хусрава представляет собой не только важный этап в эволюции таджикско-персидской литературы XI века, но и ценнейший источник по изучению философской, религиозной и культурной мысли исламского Востока в целом.

Уже с конца XIX - начала XX века исследователи выражают свои оценки творчеству Насир Хусрава, уделяя особое внимание его «Сафарнома». Это произведение, являющееся итогом семилетнего путешествия по странам Ближнего и Среднего Востока, написано на характерном для XI века изящном таджикском языке. Не случайно таджикский учёный Суннатуллох Джонбобоев в предисловии к изданию отмечает: «Сафарнома» Ҳаким Насир Хусрави Кубодиёни является одной из редчайших памятников автобиографической прозы, одной из лучших исторических и бесценных географо-культурных работ XI века, и по значимости занимает одно из ведущих мест среди научно-культурных источников Средневекового Хоросана и Мавераннахра как в Таджикистане, так и в мире» [23, 5].

Представленное произведение представляет собой автобиографическое повествование о длительном путешествии автора, охватывающем период с 16 октября 1045 года по 23 октября 1052 года. В «Сафарнаме» основное

внимание сосредоточено на описании крупнейших культурных, религиозных и политических центров исламской и доисламской цивилизаций, включая памятники древнеегипетской культуры, а также объекты, связанные с иудейской и христианской религиозной традицией. Особое место в повествовании занимает описание мусульманских городов и святых мест, что отражает глубокий интерес автора к духовному, культурному и архитектурному наследию исламского мира. С поразительной детализацией Насир Хусрав описывает такие значимые города, как Балх, Марв, Джузджан, Марврруд, Рай, Казвин, Омуль, Исфахан, Сарахс, Тебриз, Мекка, Медина, Каир, Йемен, Ахваз и ряд других, тем самым создавая ценнейший географо-культурный и историко-религиозный документ эпохи.

Анализ художественного наследия Насира Хусрава способствовал публикации его произведения «Сафарнома», впервые изданного в 1883 году французским ориенталистом Шифром. Впоследствии данное сочинение было переведено на ряд иностранных языков, включая французский, турецкий, английский и другие.

Одними из первых исследований, последовавших за публикациями Шифра и Тагизоды, стали работы А. А. Семёнова, который, однако, выражал сомнение в степени аутентичности дошедшей до нас версии «Сафарнома» [237, 67]. Схожую позицию занимал и Э. Е. Бертельс, проводивший анализ текста; он указывал на многочисленные лакуны и внутренние противоречия в существующей редакции, что, по его мнению, свидетельствует о значительной утрате оригинального содержания произведения. В частности, исследователь отмечал недостаточность описаний маршрутов, что позволяет говорить о фрагментарности сохранившихся рукописей [69, 161].

До 1949-х годов большинство научных работ были сосредоточены на сравнительном анализе различных версий «Сафарнома», выявлении редакторских изменений и текстуальных пропусков [23, 66, 67, 229] . В более поздний период исследовательское внимание стало постепенно смещаться в

сторону изучения художественного своеобразия и литературного мастерства Насира Хусрава.

Прежде всего исследователи выделяют образность и живость описаний географических и архитектурных объектов, подчёркивая высокий уровень художественного мастерства Насир Хусрава. За последние сто лет вышло множество научных трудов, посвящённых «Сафарнома» и писательскому таланту поэта. Среди них работы С. Савзаева («Мастерство слова Насир Хусрава»), Д. Фозилова («Лексические особенности «Сафарнома» Насир Хусрава»), М. Мамадназарова («Архитектурная одиссея «Сафарнома» Насир Хусрава») и другие [255, 264].

Художественное мастерство Насира Хусрава как автора-писателя становится предметом специализированного анализа в ряде научных публикаций, в которых акцентируется внимание на его литературной технике, образной системе, риторических приёмах и концептуальной направленности текста. Так, в статье Лутфулло Бузургзода «Искатель истины и справедливости Насир Хусрав» автор рассматривает этические и философские ориентиры писателя, раскрывающиеся через художественные образы и нарративную структуру. В работе Эдельмана «Поэт, мыслитель, путешественник и видный общественный деятель таджиков XI века» делается попытка всесторонне охарактеризовать фигуру Насира Хусрава как разностороннего деятеля культуры и подчеркивается важность его литературного наследия в контексте историко-культурного развития региона.

Рахим Мусульманиев в статье «Взгляд на «Сафарнома» акцентирует внимание на литературно-документальной природе произведения, указывая на его своеобразную жанровую гибридность, сочетающую черты автобиографического повествования, путевых заметок и философского трактата. Исследование И. Қосимова «Образы средневекового Востока в «Сафарнома» Насира Хусрава» посвящено анализу визуальных и культурно-исторических образов, представленных в тексте, а также методам их репрезентации с позиций средневековой интеллектуальной традиции. София

Хасанова в работе «Культурно-образовательные идеи в «Сафарнома» рассматривает произведение как важный источник по истории просветительской мысли и педагогических воззрений автора.

Кроме того, значительный вклад в изучение художественных аспектов и идеологических установок Насира Хусрава внесли такие исследователи, как С. Хусейнзода, Ю. Нуралиев, У. Гаффоров, С. Джонбобоев и др., чьи работы способствовали углублённому осмыслению литературной составляющей «Сафарнома» в контексте персидско-таджикской средневековой литературы [27, 190, 89, 280] .

Так, И. Косимов в статье «Образы средневековых городов в «Сафарнома» Насир Хусрава» подчёркивает: «В «Сафарнома» описано свыше 49 городов и многочисленные сёла того времени. Помимо этого, содержится множество описаний морей, гор, степей и пустынь. Автор также уделяет внимание природным и искусственным богатствам городов и регионов, отмечая их использование» [125, 3]. Несмотря на отсутствие принципиально новых исследовательских положений, автор статьи подчёркивает, что использование сложной и многослойной образной системы в тексте требует от писателя не только высокого уровня художественного мастерства, но и широкой эрудиции, охватывающей различные сферы знания. В частности, отмечается способность автора органично интегрировать географические, экономические, социальные и религиозные элементы в единую смысловую и композиционную структуру. Подобный подход свидетельствует о глубоком мировоззренческом фундаменте и концептуальной целостности авторского мышления.

Таджикский учёный Амрияздон Алимардонов подчёркивает языковую культуру и писательское мастерство Насир Хусрава: «Данные и указания, сохранённые в произведениях Насир Хусрава, ясно свидетельствуют, что он, помимо персидско-таджикского языка, прекрасно владел арабским, создавая на нём научные и литературные труды. Несмотря на глубокое знание арабского языка и литературы, Насир Хусрав большую часть своего

творчества создал на родном (персидско-таджикском) языке, способствуя тем самым его развитию в различных областях науки и искусства. Его произведения отличаются ясностью, красотой и многообразием содержания» [10, 3]. Хотя А. Алимардон справедливо акцентирует внимание на языковой культуре Насира Хусрава и его вкладе в развитие персидско-таджикской литературной традиции, представленная оценка носит в большей степени панегирический характер и лишена критического анализа конкретных языковых приёмов, жанровой специфики и стилистических особенностей его произведений. Утверждения о «ясности» и «многообразии содержания» остаются на уровне обобщений и требуют более аргументированной текстологической опоры.

Согласно мнению ряда исследователей, одной из значимых характеристик писательской манеры Насира Хусрава является насыщенность текста художественными образами, а также применение стилистических приёмов, типичных для литературного языка и прозы XI века. В частности, У. Гаффоров подчёркивает, что «Сафарнома» представляет собой ценный источник для изучения особенностей таджикской литературной нормы указанного периода. Он указывает на активное использование автором выразительных ресурсов классического персидского языка при полном отказе от избыточных или архаичных языковых форм [89, 343]. Несмотря на высокую оценку языкового стиля Насира Хусрава, приведённое суждение остаётся в рамках общих характеристик и требует уточнения: не конкретизируются примеры использования классических языковых структур, а утверждение об «избежании устаревших форм» вызывает сомнение, учитывая историческую языковую ситуацию XI века и неизбежное присутствие архаизмов в текстах данного периода.

Особенности писательского стиля Насира Хусрава нередко анализируются в неразрывной связи с его философскими воззрениями и миропониманием. Исследователи подчёркивают, что литературный язык автора несёт в себе не только эстетическую нагрузку, но и выражает

глубокие концептуальные идеи, связанные с этикой, гносеологией и религиозной доктриной исмаилизма. В этом контексте Худои Шарифзода указывает, что: «Идеи Насир Хусрава представляют собой развитие и совершенствование темы логического и философского взгляда на прозу, раскрывая детали проблемы. Он трактует искусство письма с позиций своей философской концепции. Для Насир Хусрава понятия «писать» и «искусство письма» охватывают как каллиграфию, так и литературное мастерство, что свидетельствует о глубоком осознании профессиональной независимости писательской деятельности» [289, 247].

Хотя в рамках традиционной литературоведческой парадигмы писательство преимущественно трактуется как форма художественного самовыражения и эстетического творчества, в интерпретации ряда исследователей творчество Насира Хусрава приобретает иную, более глубокую онтологическую и этическую направленность. В частности, подчёркивается, что для Хусрава литературная деятельность является не столько самоцелью в художественном смысле, сколько средством духовного самосовершенствования и инструментом нравственного воздействия на читателя. В таком понимании акт письма предстаёт как форма интеллектуального и морального служения, в котором слово несёт на себе функцию проводника истины. Это сближает творчество Хусрава с традициями философско-дидактической литературы, где эстетика подчинена задаче постижения высших смыслов и формирования внутреннего мира человека.

В частности, таджикский литературовед и исследователь Худои Шарифзода подчёркивает: «Взгляд Насир Хусрава на писательство выходит за рамки искусства, это, прежде всего, путь к духовному развитию человека, а художественное мастерство в письме занимает у него второстепенное место. Человек, по мнению мыслителя, является высшим творением Творца, который отличается от других существ способностью говорить и писать. Благодаря возможности речи и накоплению знаний человек занимает

возвышенное положение. Главная сила, дарованная людям это дар слова, которым не обладают иные создания. Как сам автор пишет в своем знаменитом произведении «Зод-ул-мусофирин» «Людям дарована сила красноречия, что позволяет им открыто сообщать и запрашивать то, что иное существо не в состоянии понять и выразить» [289. 201]. Несмотря на безусловную значимость аксиологического аспекта в интерпретации писательской деятельности Насира Хусрава, позиция Худои Шарифзоды, подчёркивающая приоритет духовного начала над эстетическим, представляется несколько односторонней. Подобная трактовка умаляет значение художественной формы в произведениях автора, в то время как тексты Хусрава демонстрируют высокий уровень литературного мастерства, сложную образную структуру и стилистическую продуманность, что позволяет говорить о глубокой взаимосвязи духовного содержания и художественного выражения в его творчестве.

С точки зрения Насир Хусрава, письмо и книгописание это не просто средство выражения речи людьми, но и способ творения, дарованный Создателем. В этом контексте письмо является особой формой речи, передаваемой через перо. Основой этой концепции является слово Божие, которое представляет собой не звук, а именно буквы. Отсюда его определение как «высказывания от говорящего о невидимых в пространстве и времени» [289, 14]. Несмотря на то, что данная идея отражает средневековый тип мышления, в сущности, книги и письменные произведения выступают главным инструментом анализа насущных вопросов и реального положения дел времени. Поэтому письменное слово и письмо как вид искусства продолжают сохранять свою актуальность и по сей день. Насир Хусрав в своей трактовке понятия писательского мастерства и написанного подчеркивает: «Это написанное божественное явление, которое никогда не исчезает, подобно тому как люди, если пожелают, могут вновь обратиться к своему написанному, которое является словом, подобным слову Всевышнего Бога, к которому нет возврата» [14, 203].

Учитывая, что писательское мастерство Насир Хусрава неразрывно связано с его философскими взглядами, исследователи преимущественно рассматривают его творчество именно с этой точки зрения. По мнению учёных, писательское мастерство Насир Хусрава можно проанализировать по двум направлениям. Во-первых, посредством органов восприятия - зрения и слуха, так как чтение и письмо реализуются через них. Во-вторых, само письмо является творческим актом, который обязателен для человека. В этом контексте говорится: «Письмо это искусство, которым ни одно животное не обладает» [14, 71]. Для Насир Хусрава искусство письма это не просто внешнее украшение слов, а прежде всего их смысловое содержание: «Слово это упорядоченные названия, под которыми скрыт смысл, и если спросить, что есть название, то ответ будет буквы, объединённые в группы, служащие доказательством для восприятия сущности» [14, 9].

Из приведённого анализа следует, что для Насира Хусрава слово и речь выступают не самоцелью, а формой, в которой заключён глубокий смысл. В этом контексте таджикский учёный Худоӣ Шарифзода акцентирует внимание на двух ключевых моментах. Во-первых, термин «китобат» (писательство), использованный Хусравом, хотя и был известен ранее, приобрел в его творчестве особое значение. Для автора «китобат» это не просто акт письма или сочинительства, а процесс создания книги как комплексного собрания произведений, передающих народу важные сведения и знания. Во-вторых, Шарифзода подчёркивает необходимость детального осмысления понятия «санъат» (искусство) в контексте хусравовской концепции [289, 249].

Таким образом, философская природа писательства Насира Хусрава проявляется в его взгляде на писателя как творца слова, рассматривающего свою деятельность с позиций человеческой сущности. Автор подчеркивает, что истинный писатель это не только мастер художественного слова, но и носитель нравственных принципов, человек, заботящийся о благе общества и ведущий праведный образ жизни. Такой творец не ограничивается передачей

слов, но служит образцом для подражания, осуществляя воспитательное и этическое влияние на читателя.

Насир Хусрав по праву считается выдающейся фигурой в литературе своего времени, чьё мастерство неизменно отражается в его произведениях. Его творчество представляет собой гармоничное сочетание традиционного стилевого наследия и индивидуальных философских концепций, что позволяет ему оставаться верным культурным канонам эпохи, одновременно внося в них глубокое мировоззренческое наполнение. Анализ прозаических текстов XI века демонстрирует сохранение характерных для хоросанийской школы черт письма, при этом Насир Хусрав умело развивает традиции, придавая им новые смысловые и эстетические измерения.

Как поэт и мыслитель, он не только обогатил персидско-таджикскую поэзию, интегрируя в неё философские идеи, но и существенно трансформировал прозаическую традицию, внедрив в неё элементы интеллектуального новаторства, оставаясь в рамках признанных эстетических норм.

Несмотря на значительные достижения советских и постсоветских исследователей, их работы зачастую ограничиваются поверхностным рассмотрением прозаического наследия Хусрава, не раскрывая полностью языкового и литературоведческого потенциала этих текстов. Таким образом, открывается актуальная научная задача - проведение глубокого комплексного анализа его прозы с использованием современных методов филологического и лингвистического исследования, что позволит по-новому осмыслить культурное и художественное значение наследия Насира Хусрава.

3.1.4. Насир Хусрав как религиозный мыслитель и пропагандист: идеологические аспекты творчества

Насир Хусрав, помимо признания в качестве выдающегося поэта и писателя, занимает значительное место в истории как философ, мыслитель и наставник нравственно-этического учения. Наряду с этим, он

рассматривается как один из наиболее влиятельных проповедников классической таджикско-персидской литературной традиции. Его творчество и идеологическая позиция получили высокую оценку как среди религиозных деятелей, так и в академической среде филологов и исследователей персидской литературы.

В частности, Сирус Шамисо в своём исследовании «Стилистика поэзии» подчёркивает, что Насир Хусрав был первым мыслителем V века по хиджре, кто последовательно поставил под сомнение, подверг критическому осмыслению и интерпретации поэзию сквозь призму религиозно-нравственных и социальных ценностей. Хотя такие поэты, как Рудаки и Кисаи, уже высказывали отдельные критические замечания относительно поэзии с моральных и религиозных позиций, их подход, по сравнению с творчеством Насира Хусрава, представляется фрагментарным, поверхностным и лишённым системной идеологической основы и концептуальной последовательности, присущих последнему. Как отмечает Шамисо:

«Первым, кто в этот период (V век хиджры) поставил под вопрос, подверг критике и интерпретации поэзию с позиций религиозно-нравственных и даже социальных ценностей, был Насир Хусрав. Конечно, до него такие поэты, как Рудаки и Кисаи, уже критиковали поэзию с нравственной или религиозной точки зрения. Однако их критика, по сравнению с творчеством Насир Хусрава, была как разрозненной и поверхностной, так и лишённой прочной идеологической базы и последовательности, которые отличают Насир Хусрава. Он религиозный поэт, чьи стихи обладают чёткой религиозной, философской и критической направленностью, что определяет его уникальный стиль» [286, 64].

В данном разделе Насир Хусрав представлен не только как поэт, но и как идейный оппонент поэтической традиции своего времени, выдвигающий концептуально выверенную и идейно обоснованную альтернативу доминирующим художественным и этико-эстетическим парадигмам.

Жизненный путь Насир Хусрава традиционно делится на три основных историко-биографических этапа. Первый охватывает период его детства, а также службы при дворах Газневидов и Сельджуков, что отразило его начальную интеграцию в административно-государственную систему того времени. Второй этап связан с началом его идейного становления, философско-религиозного переосмысления мира и последующими путешествиями, сыгравшими ключевую роль в формировании его мировоззрения. Третий этап характеризуется активной проповеднической деятельностью, сопровождавшейся скитаниями и целенаправленным распространением доктрины исмаилизма. Именно благодаря этому периоду Насир Хусрав воспринимается не только как поэт и мыслитель, но прежде всего как выдающаяся религиозно-просветительская фигура своего времени.

После возвращения на родину Насир Хусрав сосредоточил все усилия на выполнении одной главной задачи, проповеди исмаилитского учения и распространении соответствующих религиозно-философских взглядов. Однако его идеи встретили серьёзное сопротивление со стороны придворной аристократии и литературной элиты, что привело к преследованиям и репрессиям в его адрес.

В этот период он проповедовал в различных регионах Хорасана, в том числе в Балхе, Мазандаране и, возможно, в Нишапуре. Упоминания о его пребывании и деятельности в этих местах сохраняются в его поэтическом наследии. Так, в одном из стихотворений Дивана он отмечает:

Хотя я по происхождению из Хорасана,
Следую за старцами, вино и песня мой удел.
Дружба с потомками пророка
Сделала меня Юмганским и Мазандарранцем [10, 126].

Эти строки отражают не только географию его деятельности, но и ту внутреннюю трансформацию, которая происходила с ним в ходе проповеднической миссии. Однако, как свидетельствуют другие его стихи, он испытывал давление и вынужденное изгнание:

Отринь сердце из Балха, укрой тело ради религии,

Ибо я чужестранец и изгнанник в Мозандарране [10, 516].

По мнению ряда исследователей, именно его миссионерская деятельность стала причиной как враждебного отношения со стороны властей, так и значительного религиозного влияния на местное население. Так, Абулмаоли в трактате «Баён-ул-адён» отмечает, что «многие жители Мозандаррана приняли веру Насир Хусрава» [57, 39].

Это активное распространение исмаилитской доктрины впоследствии привело к тому, что позднейшие ортодоксальные биографы и критики характеризовали Насир Хусрава с использованием таких терминов, как мулҳид («отступник»), бедин («безбожник»), рафизи («шиит-диссидент»), и других негативно окрашенных эпитетов.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что именно миссионерская деятельность стала главной причиной трудностей и скитаний поэта. В частности, академик Е. Э. Бертельс подчёркивает: «Проповедническая деятельность Насир Хусрава и его соратников была сопряжена с многочисленными трудностями, на что сам поэт неоднократно указывает» [69, 179].

Тем не менее, несмотря на все испытания, Насир Хусрав не отказался от избранного пути и оставался верен своей миссии. Это служит убедительным свидетельством его внутренней убеждённости и последовательности в действиях. Более того, в знак признания его заслуг он был удостоен высочайшего религиозного титула Худжжат ал-Джазā'ир («Доказательство [истины] в земных явлениях») от халифа Фатимидов аль-Мустансира Биллаха. В исмаилитской иерархии данный титул уступает по значимости лишь положению имама.

Это отражено и в поэтическом самоосмыслении Насир Хусрава:

«Печать Мустансира Биллах я ношу

На груди и широком лбу [10, 431].

Несмотря на тяжёлые условия жизни в изгнании в Юмгане, Насир Хусрав не прекратил религиозную и просветительскую деятельность. В ряде стихов он открыто называет своё положение заключением, подчёркивая личностную и духовную изоляцию, а также тяжесть старости и враждебности со стороны сельджукского двора. Тем не менее, он продолжал активно создавать произведения, способствовавшие укреплению веры и распространению исмаилитской доктрины:

Каждый год одну книгу или сборник
Я посылаю по всему свету,
Чтобы узнал мой враг, что я —
В религии не предвзят, не слаб [10, 294].

Насир Хусрав предстаёт как религиозный деятель, не только сохранявший верность своей миссии в условиях внешнего давления и изгнания, но и проявивший стойкость, интеллектуальную активность и глубокую убеждённость в истинности своих взглядов.

Несмотря на то, что подавляющее большинство исследователей рассматривают Насира Хусрава прежде всего как выдающегося поэта, философа и мыслителя, анализируя его литературное наследие и философские идеи, ряд исследователей, как прошлого, так и современности, подчёркивают и его значимую роль в качестве религиозного проповедника и идеолога исмаилитского вероучения. Согласно мнению литературоведов и специалистов по истории исламской мысли, центральная цель его проповеднической деятельности заключалась в распространении учения шиитского исмаилизма, одного из ответвлений шиитской традиции в исламе.

Американская исследовательница Алис С. Хонсбергер подчёркивает теологическую глубину взглядов Насира Хусрава, отмечая: «Учение Насир Хусрава концентрировалось на необходимости теологических рассуждений (*калам), на познании единобожия (тавхид). Естественно, никакое человеческое существо не может непосредственно* постичь Бога или истину Его в полной мере, поскольку люди способны лишь в рамках своих мыслей и

представлений осознать величие и единство Бога, но могут понять суть и смысл единобожия» [264, 284].

До своего знаменитого путешествия, продолжавшегося семь лет, Насир Хусрав не был вовлечён в миссионерскую деятельность в полном смысле этого слова. Однако после возвращения его жизнь радикально изменилась: религиозное служение, обретшее форму активной проповеди, стало центральной задачей его интеллектуального и духовного пути. Его миссия имела не только теологический, но и этико-политический характер, будучи направленной на формирование модели жизни, основанной на нравственных ценностях, познании, разуме и духовной самодисциплине.

Иранский исследователь Али Дашти, анализируя религиозные и философские взгляды поэта, пишет: «Будучи мудрым и учёным человеком, он, естественно, знаком с рациональными взглядами и, возможно, имел некоторую склонность к мутазилизму, рафизизму и даже батинизму, которые придавали значение разуму, однако эта склонность не была настолько сильной, чтобы отклонить его от пути умеренности и нанести ущерб его благородной жизни» [91, 161].

Таким образом, наследие Насира Хусрава можно рассматривать как комплекс религиозно-философских и этических наставлений, в которых он выступает не только как учёный и поэт, но и как реалист, проповедник и общественный мыслитель. Его тексты содержат жалобы на нестабильность эпохи, критику социальной несправедливости, фанатизма и угнетения, а также призывы к справедливости, добродетели, честности, гуманизму, духовному самосознанию и национальной идентичности. Всё это составляет основу его проповеднической деятельности.

Даже в условиях гонений и репрессий, поэт демонстрировал стойкость, черпая внутреннюю силу в вере и нравственных убеждениях. Это чётко отражено в одном из его стихотворений:

Против армии времён и острия лезвия судьбы
Мне хватает религии и мудрости - мои щиты и войска [10, 32].

Насир Хусрав предстает как многогранная личность, объединившая в себе качества поэта, философа и духовного лидера, чья деятельность была направлена на моральное и интеллектуальное преобразование общества. Его наследие представляет собой не только литературный и философский интерес, но и значительную религиозно-просветительскую ценность. В центре его мировоззрения находятся религия и мудрость, которые он рассматривает как неотъемлемые ориентиры духовной жизни, а также как внутренние опоры перед лицом исторических и личностных испытаний. В его поэтической речи преобладают наставления и поучения, центральное место среди которых занимают идеи мудрости, гуманизма и духовного совершенствования.

Многие исследователи подчёркивают, что, согласно взглядам Насира Хусрава, соблюдение религиозных предписаний, таких как молитва (*намаз*), паломничество (*хадж*), обязательная милостыня (*закят*) и пост (*саум*), является необходимым условием праведной жизни. Однако, помимо формальной обрядовости, поэт придаёт первостепенное значение внутреннему содержанию веры, её интеллектуальному и духовному осмыслению.

Так, опираясь на Коран, он цитирует следующий аят: *«С этим Кораном, который Мы ниспослали тебе, Мы рассказываем тебе лучшие рассказы, хотя ты прежде был среди невежественных»* (Сура Юсуф, аят 3), и комментирует его в философском ключе, подчёркивая глубину и многослойность религиозного послания: “Религия тонка, а душа ещё тоньше” [175, 69].

Этот образный и философски насыщенный подход к пониманию религии отражается и в поэзии Насира Хусрава. В одном из стихотворений он пишет:

Я сказал, что это лучший рассказ,
Сказал, что религия тонка, но душа тоньше [10, 280].

Эти строки выражают характерную для него установку на синтез духовного опыта и рационального постижения, где религия выступает не как догматическая система, а как путь к высшему знанию, требующий тонкости восприятия и глубины внутреннего очищения.

Вопросы проповеднической деятельности Насира Хусрава привлекли внимание целого ряда как отечественных, так и зарубежных исследователей. Среди них можно отметить таких авторитетных учёных, как А. Е. Крымский, А. А. Семёнов, Е. Э. Бертельс, Л. Бузургзода, Х. Додихудоев, Н. Арабзода, Р. Мусулмониён, Р. Назариев, Л.Т. Саломатшоева, А. Шохуморов, А. Амрияздон, К. Элчибеков, М. Диноршоев, Б. Файзуллоев, А. Девонакулов, С. Джонбобоев, Х. С. Каландариён, Ш. Карамхудоев, Ш. Бандалиева и другие. В своих исследованиях они единодушно подчёркивают значимость Насира Хусрава как одного из выдающихся религиозных проповедников XI века, сыгравшего ключевую роль в распространении и систематизации исмаилитского учения.

Особого внимания заслуживает работа А. А. Семёнова, озаглавленная «К догматике памирского исмаилизма (XI глава „Лица веры“ Насир-и-Хусрава)», в которой предметом углублённого анализа становится одиннадцатая глава знаменитого трактата Насира Хусрава «Ваджхи дин» («Лик религии»), озаглавленная «О слове искренности и разъяснении свидетельства» (Андар калимаи ихлос ва баёни шаходати у). На протяжении 45 страниц автор последовательно и детально комментирует ключевые положения главы, при этом опираясь как на текстологический анализ, так и на догматические принципы исмаилитской теологии. Следует отметить, что исследование Семёнова носит преимущественно интерпретативный характер и раскрывает философско-богословские аспекты взглядов Насира Хусрава сквозь призму исмаилитского вероучения. Центральное место в анализе занимают собственные высказывания мыслителя, что придаёт исследованию особую ценность и делает его значимым вкладом в корпус исламоведческих и иранистических работ.

В своей фундаментальной работе «Насир Хусрав и исмаилизм» Е. Э. Бертельс уделяет значительное внимание пропагандистским аспектам деятельности Насира Хусрава, в особенности в пятой главе, где проводится детальный анализ особенностей агитационной направленности творчества поэта. В данном разделе исследователь сосредотачивает внимание на ключевых теоретических положениях исмаилитской идеологии эпохи Насира Хусрава, а также на роли таких выдающихся проповедников исмаилизма, как Муаяддин Шерози, Абунаср Имрон и иных да'и того времени, чья деятельность рассматривается в обобщённом виде.

В другой части монографии подробно анализируются пропагандистские воззрения Насира Хусрава на сущность исмаилизма, его политическую деятельность, а также значение науки и её необходимость для духовного и интеллектуального развития человека. Особое внимание уделяется следующему положению: «В результате политической и тайной деятельности Насира Хусрава в регионах Хорасана, Балха, Мозандарона, Нишапура и Систана, под покровительством халифа Фатимидов, организатора научных учреждений, контролировавших деятельность да'и за пределами халифата, ему была присвоена высокая должность «Худжат». По-видимому, кроме Балха и Мозандарона, Насир Хусрав также вёл пропаганду и призыв в Нишапуре. Все сохранившиеся биографические сведения свидетельствуют, что жители Нишапура в знак протеста разорвали одного из учеников Насира Хусрава на городском базаре» [69, 181].

С позиции Е. Э. Бертельса, деятельность Насира Хусрава не ограничивалась религиозной пропагандой, поэт активно участвовал и в политической агитации. Будучи воспитанником эпохи Саманидов и принадлежа к кругу Ахли Озодагон, а также принимая во внимание, что в этот период тюркские племена служили Саманидам, Насир Хусрав не желал, чтобы его родина оказалась под властью чужеземцев. В своем исследовании Бертельс обстоятельно освещает взаимоотношения Насира Хусрава с

тюркскими родами, раскрывая сложность и многогранность политической обстановки того времени.

Рахим Мусулмониён в своей работе «Пораи Самарканд» также акцентирует внимание на пропагандистских идеях Насир Хусрава, связывая их с вопросами нравственности. По его мнению, мыслитель призывает людей к добродетельной жизни, овладению знаниями и ремёслами, основанной на этических ценностях. Главным оружием человека в жизни, по его убеждению, являются «религия и разум». В этой связи Мусулмониён подчёркивает: «Насир Хусрав имел серьёзные и ясные цели в пропаганде добродетели и добрых дел и потому действовал решительно и искренно» [175, 86].

Если с одной стороны, исследователи рассматривают пропагандистские аспекты Насир Хусрава как нравственные и этические установки, и большинство учёных видят основу его призывов в моральных ценностях, то некоторые, особенно философы, оценивают его религиозные идеи как важный источник религиозной пропаганды и значимость этого в жизни личности. Так, Нозир Арабзода в своём труде «Ҷаҳони андешаи Насир Хусрав» выделяет отдельную главу данной теме, отмечая, что Насир Хусрав как ученик исмаилитской школы не мог игнорировать пропаганду теоретических ценностей этого направления. Сам поэт называл себя «Посланником Посланника Божьего» [42, 237] и обладал титулом «Худжат» в пропаганде данной школы. Для Насир Хусрава практика религии и её моральное вооружение были нерушимым щитом, сильнее которого он не мог представить ничего.

Таджикский учёный Рахим Мусулмониён подчёркивает, что хадж как один из важнейших столпов ислама требует не только материальных затрат, но и серьёзной духовной подготовки и внутреннего очищения. Однако, по его наблюдению, нередко паломники не соответствуют этим требованиям, что свидетельствует о формальном подходе к столь значимому религиозному обряду [175, 69]. Это утверждение заслуживает внимания, так как оно

затрагивает проблему профанации религиозных практик в современном обществе, когда исполнение внешних ритуалов зачастую не подкрепляется глубоким духовным осмыслением и внутренней готовностью. При этом следует отметить, что автор не уточняет, в чём конкретно проявляется несоответствие паломников, оставляя это утверждение на уровне общей констатации, что может требовать эмпирической конкретизации.

Другой таджикский исследователь, Алимардони Амряздон, акцентирует внимание на религиозной направленности поэтического творчества Насира Хусрава. По его словам, несмотря на мастерское владение поэтической формой и умение писать в сложнейших арузных (классическая система стихосложения) размерах, Хусрав считал главным достоинством своей деятельности не художественные достижения, а именно служение религии, отражённое в его произведениях [40, 12]. Данная точка зрения подчёркивает симбиоз литературы и религии в мусульманской культуре средневековья, где поэзия служила не столько эстетическим, сколько дидактическим и духовно-просветительским целям. Однако в высказывании Амряздона несколько упрощается значение поэтической формы, т.е. игнорируется тот факт, что для Хусрава эстетическое совершенство формы было неразрывно связано с содержательной глубиной, и именно это единство формы и идеи придавало его поэзии силу воздействия.

Сам поэт указывает на это в стихах:

Читай мои стихи, но не хвались мной как поэтом,

Знай: моя гордость и мой лозунг вера, а не стих [10, 181].

Из его позиции видно, что, получив систематическое образование у фатимидов Египта, Насир Хусрав последовательно использовал поэзию и администрацию в служении своим религиозным и идеологическим убеждениям. Его внимание прежде всего было направлено на религию, а поиск мира с религиозными и этическими ценностями стал главным. Религиозные взгляды Насир Хусрава глубоки и тонки, поэтому его сложно сравнивать с другими поэтами эпохи, многие из которых имели

поверхностное, смешанное с эмоциями и суевериями, отношение к религии. Обычно они приходили к религии в старости, в страхе и сожалении, но не достигали глубокого и истинного понимания.

Изучение религиозных воззрений Насира Хусрава раскрывает их устойчивость, внутреннюю целостность и глубокую связь с верой, разумом и философской мудростью. Его учение отличается стремлением к гармонии между внешними формами религии (захир) и её сокровенной, внутренней сущностью (батин), что является характерной чертой исмаилитской традиции. Как отмечает Х. Каландариён, «Насир Хусрав, будучи проповедником учений имамов Фатимидов и продолжателем деятельности исмаилитских даи, признавал науки «захир» и «батин», а также буквалистский и толковый подходы к Корану и хадисам» [122, 21]. По его утверждению в религиозно-философской системе Насира Хусрава прослеживается стремление к постижению божественной истины не только через буквальное следование откровению, но и через его глубокое осмысление, что делает его взгляды особенно значимыми в контексте исламской мыслительной традиции. Он отстаивал необходимость разумного подхода к вере, при котором познание, логика и интуитивное озарение дополняют традиционные религиозные формы.

Таджикский философ Нозир Арабзода, изучавший философию Насира Қубодиёни, рассматривает пропаганду Насир Хусрава как призыв к соблюдению нравственных ценностей и отмечает: «Послание Насир Хусрава в области добродетели не абстрактно и неопределённо, а вполне конкретно. Он прежде всего призывал «удовлетворить нужды доблестного дерзкого дервиша», проявить сострадание к «бедным и падшим» и «кормить голодных»» [43. 154]. Другими словами, обеспечить социальную справедливость и повысить культурный и социальный уровень общества.

С точки зрения исследователей, религиозно-конфессиональные идеи в философских произведениях поэта ярко выражены. Он не ограничивался проповедью одного вероучения, а независимо от религии, конфессии, расы и

национальности призывал человечество к нравственности, порядочности, справедливости и гуманизму. Пропагандистская деятельность исследована многими учёными. Анализ произведений и стихов поэта ясно демонстрирует, что Насир Хусрав получил титул «Худжжат-ал-джазира» как религиозный деятель преимущественно после путешествия. Его пропагандистская работа началась на родине, в Балхе, продолжилась в Мозандароне и Нишапуре, но из-за преследований он не достиг поставленных целей и вынужден был бежать.

В. Иванов подчёркивает важный, хотя и малоосвещённый в источниках момент в биографии Насира Хусрава, связанный с его возвращением из хаджа. По его мнению, «возможно, что общество в родных местах Насир Хусрава негативно восприняло его возвращение из хаджа. Несомненно, прошло некоторое время, прежде чем его религиозная позиция стала ясна соседям. Также вполне вероятно, что после краткого отдыха он отправился в Мозандарон и пробыл там один-два года» [110, 435]. Это замечание позволяет шире взглянуть на социальный и духовный контекст, в котором развивались взгляды Хусрава. Его обращение к исмаилизму, воспринятому во время путешествия, могло вызвать непонимание, а возможно, и открытое неприятие со стороны местного суннитского населения, не готового принять столь радикальный сдвиг в религиозных убеждениях. Следует учитывать, что в XI веке исламский мир находился в состоянии острого конфессионального напряжения, а проповедническая деятельность исмаилитов нередко воспринималась как угроза общественному порядку и догматическому единству.

В этом контексте вполне логично предположить, что Насир Хусрав, столкнувшись с сопротивлением или даже с риском преследования, предпочёл уединение в Мозандаране, регионе, находящемся на периферии культурных и политических центров Хорасана. Это временное удаление, вероятно, дало ему не только физическое убежище, но и возможность для углублённого размышления, формирования собственной интерпретации

религиозной доктрины и подготовки к дальнейшей миссионерской деятельности как даи.

Начало его пропагандистской деятельности вызвало значительный интерес и приток последователей, но одновременно привело к возникновению многих трудностей. По мнению Навруза Саркорова, «Насир Хусрав выбрал Балх центром своей пропагандистской и политической деятельности и оттуда посылал даи и последователей в окрестности» [230, 67]. Сам поэт об этом свидетельствует:

Силой довода правого я укреплён,
А враги разбиты, слабы и больны.
Каждый год книгу призыва несу
По земле, через горы, моря и страны.
Пусть узнает мой недруг, что в вере я, как ты -
Не слаб, не ничтожен, не склонён к тени [10, 175].

Местами его проповеди, по мнению исследователей, были Балх, Мозандарон и Нишапур, однако до конца не ясно, где ещё, кроме этих регионов и Юмгона, упомянутого в его стихах, он распространял религиозное учение, особенно новое, изученное в Египте, и теорию исмаилизма. Согласно данным Н. Саркорова, «в одном из своих вероятно написанных в Юмгоне стихотворений он указывает, что был изгнан из Хатлона и Систана. Это свидетельствует, что он проповедовал в упомянутых регионах и призывал народ к исмаилизму. Таким образом, становится ясно, что Насир Хусрав продолжал свою политическую деятельность в Хорасане, Балхе, Мозандароне, Систане, Нишапуре и Хатлоне, несмотря на многочисленные трудности и угрозы, преследовавшие его повсюду» [230, 68].

Хаким Насир Хусрав рассматривал себя как борца за утверждение норм шариата и принципов Корана, прилагая значительные усилия к распространению религиозного знания и пропаганде соблюдения исламского закона. Осознавая, что его взгляды и проповедническая деятельность могли

вызывать неприятие у части соотечественников, он, тем не менее, с настойчивостью и убеждённостью следовал избранному пути. Его идеологическая позиция опиралась на глубокую связь с коранического учением и нормами шариата, во многом совпадая с ними как по содержанию, так и по цели.

Основные темы его пропагандистской деятельности опирались на эти два ключевых источника. По словам Худой Шарифзода, «религиозные догматы, самосознание, учения о сотворении мира, месте человека в бытии и загробной жизни являются основой и фундаментом его поэзии, а форма пропаганды подчинена этим целям и практическим задачам» [289, 79].

Носири Хусрав посвятил значительную часть своей жизни пропаганде исмаилитского мазхаба, а его философские идеи были построены в русле исмаилитской философии. Поскольку основой исмаилитской философии являются наука и разум, исследователи рассматривают большую часть его пропагандистских взглядов через призму его философских размышлений, которые преимущественно касаются вопросов науки, мудрости и познания. В частности, Э. Бертельс, анализируя пропагандистские идеи Носири Хусрава и роль науки в его учении и в исмаилитском мазхабе, отмечает, что: «Носири Хусрав посвятил основную часть своей жизни пропаганде исмаилитского мазхаба в Хорасане и оставил в наследие трактат по философии и методологии исмаилитских вероучений. Он считал распространение „науки“ исмаилитов своей главной целью и жизненным предназначением» [69, 192]. Естественно, под этими понятиями скрывается множество тем, через которые исследователи раскрывают его исмаилитские и религиозно-философские взгляды. В этом отношении Э. Бертельс пишет: «Изучение этих вероучений [имеется в виду «исмаилитская наука» - прим. Б.Дж.] даст нам возможность показать отношение Носири Хусрава как мыслящего учёного-исмаилита к собственным трудам и к исмаилитскому мазхабу, а также прояснить некоторые идеи исмаилитов его времени, такие как учение об имамате и таалим, связанные с мировой ролью «исмаилитской науки» [69, 193].

Таким образом, в произведениях великого мудреца Хакима Насир Хусрава пропаганда и поощрение нравственных ценностей, а также воспитание поколений в духе этих ценностей занимают особое и важное место, привлекая глубокое внимание исследователей. Большинство ученых, занимающихся анализом культурного и интеллектуального наследия этого выдающегося мыслителя, отмечают пропаганду нравственных, религиозных и обрядовых ценностей в его творчестве как ключевой и фундаментальный элемент. Исследователи рассматривают различные аспекты пропагандистских идей Насир Хусрава, признавая их основу в нравственных и воспитательных принципах. Тем не менее, научные исследования, посвященные именно пропагандистской и агитационной деятельности Насир Хусрава, по-прежнему остаются относительно скудными по сравнению с другими сторонами его наследия, при этом большинство работ сосредоточены на нравственно-воспитательных темах. По мнению аналитиков, в философии Насир Хусрава первоочередной и основополагающей задачей человека на пути к самопознанию является согласование слов и поступков. Ожидается, что каждый человек будет един в своем слове и деле; если между речью и действиями возникает расхождение, личность отдаляется от подлинного человеческого достоинства. По его мнению, гармония и соответствие слова и дела позволяют человеку освободиться от оков жадности и эгоизма.

Нравственные идеи Насир Хусрава, будучи продуктом глубокого религиозно-философского осмысления, обладают не только историческим, но и устойчивым современным значением. В период его жизни они служили фундаментом духовного воспитания и формирования нравственных ориентиров, а в современных условиях продолжают сохранять своё познавательное и воспитательное влияние. Эти идеи отражают универсальные ценности, которые остаются актуальными вне зависимости от эпохи и культурного контекста, что подтверждает их вечный характер. Более того, нравственное наследие Насир Хусрава представляет собой важный

компонент культурно-исторического и духовного кода таджикского народа, оказывая глубокое и долговременное воздействие на формирование морально-нравственных ориентиров будущих поколений. Таким образом, исследование и осмысление его этического учения являются ключевыми для понимания эволюции нравственных норм и духовных традиций в регионе, а также для сохранения и развития национальной культурной самобытности.

3.2. Художественная рецепция Насира Хусрава в литературе

Насир Хусрав является одной из ключевых фигур в истории таджикской литературы и культуры, чья личность занимает значимое место не только в качестве выдающегося поэта и мыслителя, но и как образ, трансформировавшийся в художественного героя в многочисленных литературных произведениях различных эпох. Его творчество и философские взгляды продолжают оставаться предметом глубокого научного интереса и интерпретации, что свидетельствует о его устойчивом влиянии на литературно-культурный процесс.

Таджикская литература издавна характеризуется богатством образов литературных и исторических деятелей, среди которых особое место занимают классики, такие как Абулабдуллох Рудаки, Абулкасим Фирдоуси, Абуали ибн Сино, Насир Хусрав, Омара Хайёма, Шах Исмоил Сомони, Балъами, Ибн Мукаффъа и другие. Образ каждого из них неоднократно подвергался не только художественному переосмыслению, но и систематическому научному анализу, что способствовало формированию многоуровневой и многогранной традиции их рецепции в таджикской литературе.

Особое внимание в литературоведческих исследованиях заслуживает фигура Насира Хусрава, чье творчество и мировоззрение оказали значительное влияние на развитие культурной и интеллектуальной традиции таджикского народа. Примерно тысячу лет назад он не только озарил литературное пространство своим уникальным поэтическим и философским

наследием, но и заложил фундамент для дальнейшего формирования культурной идентичности. В течение всего последующего периода его историческая и художественная личность получила многогранное отражение в различных литературных жанрах, что позволяет говорить о двойственном типе его восприятия, как исторической фигуры и как художественного героя. Это двойственное осмысление продолжает оставаться одной из центральных тем в таджикской литературной традиции, подчёркивая непреходящую значимость Насира Хусрава в национальном культурном контексте. Поэтому исследование художественной рецепции Насира Хусрава представляет собой важный аспект как литературоведческих, так и культурологических дискурсов, способствуя более глубокому пониманию процессов творческого осмысления историко-культурного наследия в таджикской литературе и расширяя горизонты изучения взаимодействия исторического факта и художественного образа.

Художественный образ Насир Хусрава можно выявить в трёх жанровых направлениях: классическая и современная поэзия, фольклор, эпос и драматургия. В первую очередь следует отметить, что образ Насир Хусрава ярко проявлен в поэзии и прозе как классиков, так и современных авторов. Особенно заметно это в одном из отрывков поэмы Аттара Нишапури, где, несмотря на фольклорный и вероятно подражательный характер текста, Насир Хусрав предстаёт как человек глубокой веры и приверженности религиозным убеждениям. Взгляд поэта рисует Насир Хусрава как стойкого и искреннего приверженца религии и веры [1, 18].

В современной таджикской литературе также создано множество стихотворений и поэм, раскрывающих личность и значимость Насир Хусрава. В частности, народный поэт Таджикистана Мирсаид Миршакар в двух частях и одиннадцати главах произведения “Исёни хирад” (Восстание разума), используя стиль и приемы искусства аллегории и аллюзии, художественно изображает рассказ об Источник Насира, неспокойные времена, постоянные оскорбления и покушения врагов, а также ряд мыслей и

размышлений мыслителя. Несмотря на значительные исторические отличия эпохи Насир Хусрава и времени Мирсаида Миршакар, социальные противоречия, отражённые в произведениях, остаются универсальными: конфликты между властью и подчинёнными, угнетателями и угнетёнными, богатыми и бедными. Поэма начинается с известия о появлении источника, что символизирует пробуждение жителей села, а затем повествует о насыщенной событиями жизни поэта с использованием художественных средств и богатого символизма.

Вот точный и расширенный перевод вашего текста на академический русский язык:

В поэме образ Насира Хусрава - главного героя предстает как устоявшаяся личность, учёный, свободомыслящий и пробужденный духом. Мыслитель возводит человека наивысшую ступень среди всех существ на земле и подчёркивает, что источник человеческих бедствий кроется в невежестве, лености и пренебрежении собственными силами и возможностями. Поэтому для избавления от этих пороков он настоятельно требует постоянного стремления к развитию и совершенствованию:

Чтобы достигнуть желанной цели,
Нужно познать самого себя.
Тот, кто себя познал в этом мире,
Познаёт суть бытия…
Если ты устанешь учиться,
Станешь правителем тьмы.
Подчиняешься даже судьбе
Колесу, престолу и ангелу [161, 75].

Хотя в поэме присутствуют элементы фантастических повествований, связанных с жизнью и бытом Насир Хусрава, образ поэта предстает как деятельный, инициативный и свободомыслящий человек. Он всегда последователен в своих словах и поступках. Так, в одном из эпизодов поэмы описывается, как последователи суеверий и предрассудков искажают слова

Насир Хусрава, объявляют его еретиком, а его ученика Равшана побивают камнями. В сложившейся тяжелой ситуации двое посредников приглашают Насира Хусрава в Хорасан, к двору эмира. Однако поэт твёрдо отказывается от этого приглашения и предпочитает остаться в Юмгоне:

Моё пристанище пещера Юмгон,
Пещера стала шахтой разума и знаний.
Я знаю, что она сокровищница -
Жемчужина спрятана в горном сердце.
Я как лилия внутри чёрного камня,
Драгоценный самоцвет этого убежища… [161, 413].

Данный отрывок подчёркивает глубину внутреннего мира героя, его стойкость и приверженность духовным идеалам, которые он ценит выше внешних званий и мирской славы.

В этом образе поэт отражает тему Источник Насир неустойчивую судьбу, притеснения и вечные козни врагов, а также свои философские размышления. Мирсаид Миршакар уверен, что рождение источника - это благоприятный знак, символ начала новой жизни, свободы и справедливости, поскольку вода олицетворяет жизненное начало, а с её приходом приходит обновление, процветание и развитие. Насир Хусрав пришёл в этот край с намерением нести свет знания и мудрости, и вот уже тысячу лет его наследие обогащает местное население.

В поэме Насир Хусрав представлен как просвещённый, мудрый и свободомыслящий человек, и из этого произведения можно выделить несколько ключевых аспектов. Прежде всего, его жизнь освещается в отдельных частях, демонстрируется отношение придворных, взаимоотношения поэта с представителями разных религий и конфессий, а также философская концепция автора.

Что касается периода жизни Насир Хусрава в Юмгоне, то сам поэт неоднократно упоминает этот край в своих стихах, и данное обстоятельство отчётливо прослеживается в поэме Мирсаида Миршакар:

Хотя моё происхождение из Хорасана,

За старцем и вином я следом иду.

Дружба с семьёй и братство Пророка

Сделали меня юмгонцем и мазандеранином [161, 413].

Большинство исследователей связывают выбор Насир Хусравом Юмгона главным образом с его переходом в исмаилизм, а также отмечают, что несправедливость и притеснения придворных вынудили поэта удалиться от враждебной среды и выбрать место, свободное от гонений и несправедливости. Эта мысль также отражена в поэме:

Я тот же Насир, писец и поэт,

Сопровождавший амиров и визирей,

Без моего присутствия совет садр и мир

Не имел славы.

Но когда положение Саманидов ослабло,

Стал я чужаком в Хорасане.

Враги, подобные волкам,

Судьи и правители Хорасана

Каждый из них несправедлив и коварен,

Рвут страну на части, словно гранату [161, 382].

Несмотря на то, что Насир Хусрав провёл последние годы жизни в Юмгоне, он никогда не забывал Балх, культурный и научный центр. Он рассматривал Юмгон как пещеру, отдалённое от цивилизации и культуры место. Трудный период жизни поэта отражён в поэме следующим образом:

Искал я исцеление от своих ран,

Но обретал лишь страдания и мучения.

Когда я был пьяным от горя,

В этом мире меня не было;

Все были моими помощниками,

Все были моими спутниками [161, 383].

Следующий важный аспект поэмы философские взгляды Насир Хусрава на статус человека, почитание науки и знаний. Главным героем и идеологическим центром произведения является человек, которого автор ставит выше всего прочего, подчёркивая, что, хотя человек и является последним созданием Творца, он обладает величайшим даром и занимает высшее положение среди созданий - статус царя и вождя творений. Обращаясь к человеку, Насир Хусрав произносит:

Мудрость начало мира, и ты его завершение,
Возвратись, о венец творения, к доброму началу.
Мудрость та, к кому ты покорён,
Лев на земле, птица в воздухе.
Мудрость дар, посланный тебе,
От Господа мира, чтобы говорить с тобой наедине.
Когда Творец послал тебя в мир,
Он дал тебе разум и знания в дар и средства [161, 384].

В данном произведении также через символический образ выражается достоинство человека, подчёркивается его способность преодолевать все природные и жизненные испытания:

Сказал тот, кто:
“О брат, ты человек,
Потому что таково твоё имя,
Ты властитель земли и неба,
Правитель всего сущего.
Оглянись вокруг, друг мой,
Всё, что видишь, принадлежит тебе.
Луна и солнце тоже твои!
Взгляни во все стороны, друг,
Всё, что видишь часть тебя» [161, 381].

Вместе с защитой человеческого достоинства и статуса в поэме осуждаются невежества, низость натуры и ограниченность мышления.

Мирсаид Миршакар через образ аллегорию подчёркивает, что источник бед и неудач в жизни человека - это именно невежество, лень и пренебрежение своими силами и способностями:

Чтобы достичь заветной цели,
Нужно познать самого себя.
Кто познал себя в море,
Познает и суть бытия.
Внешнее и внутреннее, взлёты и падения
Для мира это тайна,
Если же ты не знаешь тайны,
То будешь повелителем и разрушителем [161, 383].

Образ Насир Хусрава в таджикской литературе предстает как многогранный и символически насыщенный художественный герой, чьи жизненные и философские идеи сохраняют актуальность и значимость на протяжении многих веков. В своей концепции Насир Хусрав придавал первостепенное значение позиции науки и знания, рассматривая их как необходимейшее для человека средство познания и совершенствования. В связи с этим тема знания занимает центральное место во всех его произведениях. В поэме «Восстание разума» Насир Хусрав предстает как учитель и могущественный проповедник науки и знаний, противопоставляя себя суевериям. Как наблюдается в следующем отрывке:

Человек унижен своей невежественностью,
Хотя и не знает, он бесплоден.
Каждое дерево, которое не берут на рост,
Всегда поражается топором.
Острое лезвие колесницы неумолимо,
Ее рукоять в руках кровожадных.
Если устал от учения,
Станешь повелителем судьбы [161, 383].

Осуждение суеверий и религиозного фанатизма является другой важной темой поэмы. По мнению автора, неверие в необоснованные и логически несостоятельные утверждения свидетельствует о сознательности и научной осведомленности человека. Вместе с тем, последователи суеверий и религиозного догматизма зачастую неправильно толковали идеи Насир Хусрава.

Идеи поиска истины, справедливости и милосердия являются одними из ключевых мотивов поэзии Насир Хусрава. Его семилетнее путешествие также продиктовано стремлением к познанию. Личностные поиски побудили поэта отправиться в арабские страны в поисках истины. Эта цель была достигнута, что отражено в поэме следующими словами:

Я отправился в далекие земли Арабии,
К мудрейшим арабам,
Чтобы поведать свою боль
И найти исцеление у мудрецов.
Какую боль я испытывал в пути,
Какие беды встречал!
Иногда камни были моей постелью,
Темное колесо тени моим зонтом» [161, 395].

Следует отметить, что отдельные фрагменты поэмы не основаны непосредственно на литературном наследии Насир Хусрава, особенно «Путевых заметках», а носят фольклорный характер. В связи с этим рассматриваются лишь некоторые темы, выделенные Мирсаидом Миршакаром в исследованиях жизни и творчества поэта. Тем не менее, в поэме «Восстание разума» содержится еще множество интересных аспектов, которые подлежат дальнейшему научному анализу.

Во второй части поэмы описывается старость Насир Хусрава. Поэт предстает уставшим, одиноким, но терпеливым и осторожным человеком, который избегает конфликтов с противниками и не стремится поднимать народ на борьбу. Повторяющиеся воспитательно-нравственные идеи поэта

подчеркивают, что он намерен постоянно внедрять их в произведение любыми средствами. Мыслитель уделяет больше времени творчеству, подчеркивая, что пламя знания искореняет корни невежества:

Моя мысль в горниле веков,
Созрела, о земледелец!
Сегодня я вождь горных земель,
Со стихами и поэмами как армией.
С этой армией храбрых сердец
Мы наносим удар врагу.
Корни невежества мы сжигаем,
Чтоб свет разума зажечь,
Чтобы ночь жизни стала светлее,
Чтобы цветок расцвел на руинах Родины [161, 487].

Мирсаид Миршакар посредством сравнений (сопоставления Насир Хусрава с амиром и книг с армией), метафор («корни невежества», «свет разума», «ночь жизни», «цветение руин Родины») и антонимических конструкций (разум - невежество, зажигать - сжигать, ночь - свет) подчеркивает значение ученых и литераторов общественной жизни и процветании страны. Поэма завершается описанием смерти Насир Хусрава, в которой он оставляет завещание близким. Великий мыслитель надеется, что будущие творцы и мыслители будут благосклонно относиться к его многогранному наследию и сохранять его для потомков.

Помимо этого, в творчестве современных таджикских поэтов особое место занимают стихотворения, посвящённые великому мыслителю и поэту Насиру Хусраву. Такие произведения, как «Насир Хусрав» Хайрата Шанбезоды, «Память» и «Путь» Ширин Бунёд, «Я соотечественник Насира» Субхи Содика, «Восстание» Ранои Мубориз и ряд других, воспевают величие и многогранный образ Насира Хусрава, как выдающегося учёного, проповедника и философа, чьи идеи и духовное наследие продолжают оказывать глубокое влияние на современное общество. В этих поэтических

произведениях отражается не только уважение к исторической личности, но и выражается искренняя патриотическая привязанность, стремление сохранить и укрепить национальную идентичность через призму наследия великого поэта. Они служат мостом между прошлым и настоящим, позволяя современному читателю осмыслить вечные ценности, заложенные Насиром Хусравом, и вдохновиться его идеалами в условиях современных вызовов.

Так, Хайрат Шанбезода пишет:

Ты сказал о Насире, что в твоем теле
Скрыт огонь Зороастра.
Волна охватила огонь и страсть твою,
Внутри моего сердца это стало совестью [281, 34].

Современные произведения таджикских писателей и поэтов, посвященные Насир Хусраву, продолжают раскрывать его как талантливого поэта, острого философа и мудрого мыслителя. Среди них драматические и художественные произведения, такие как «Путь святых, Шах Насир Хусрав» Джумъа Кудуса (2003), «Призыв Насира» Ато Мирходжа (2022), роман «Друг пещеры» Аброра Зохира (2013), в которых повествуется о жизни и эпохе поэта.

Драма «Путь святых, Шах Насир Хусрав», написанная Джумъа Кудусом, состоит из двух частей и охватывает период 1040-1089 годов. В ней действуют четырнадцать основных и второстепенных персонажей. Сюжет развивается вокруг службы поэта при дворе и возникших у него вопросов, которые на сцене представлены в форме борьбы двух ангелов, символизирующих противоборствующие силы. В конце победа достается добру, что проясняет дальнейшую судьбу поэта.

Первая часть драмы посвящена пробуждению политического сознания Насир Хусрава и его борьбе с хотифом (голосом с небес). После множества споров начинается поиск истины, который приводит к совету хотифа: «Истину ищи в дворце султана, иди туда, где под прикрытием ислама ищут

выгоду» [134, 61]. Здесь раскрывается содержание пророческого сна поэта и меры по его осуществлению.

Вторая часть начинается при дворе султана Сельджуков, где выступают Насир Хусрав, султан и факихи. Здесь демонстрируются несправедливости и жестокости султана, направленные против невинных людей, которые он казнит по любому предлогу. Несмотря на попытки Насир Хусрава препятствовать этим действиям, тиран продолжает свои злоупотребления. Так, например, султан обращается к факихам с резким пренебрежением, а Насир Хусрав пытается оспорить их обвинения: «Второго факиха связали и поставили на колени перед султаном. Султан, подобно мяснику, ударял ножами по камню.

-Насир: Спроси его, чтобы доказал обвинения в ереси, если есть признаки.

-Султан: Насир, я привел сотни еретиков к истинной вере, но не видел разногласий среди них. Пока называли неверным, обвиняли.

-Насир: В любом случае спроси, возможно, где-то была ошибка.

-Султан: Хм... О защитник ислама, скажи, почему он стал еретиком?

-Принадлежит к внутренним сектам (ботиния), великий повелитель.

-Султан: Видишь? Приведите его. Батинийцы еретики. Еретики достойны смерти...» [134, 62].

Насир Хусрав не смог вынести эту несправедливость и отправился в путешествие в поисках истины, которой его наставлял Хотиф. Не случайно исследователи его произведений считают одной из причин его путешествий именно жестокость и несправедливость правителей того времени [49, 210].

Третья часть драмы начинается с прибытия поэта в Каир, где он достигает своей цели и получает ответы на все вопросы. В этой части происходят беседы Насир Хусрава с Азизом (Благородным) Египта и участием факихов. Азиз, знакомый с научными знаниями и убеждениями поэта, обращается к нему: «Азиз Египта. Давно я искал такого ученого, как ты. Слава Богу, ты пришел к нам. В наше время никто в области

божественных и светских наук в Востоке и Западе не сравнится с тобой. Если ты согласен, я дарую тебе пост визиря. Теперь ты должен преподавать истинный ислам во всех школах Египта, чтобы среди мусульман укрепилась истинная наука» [134, 69].

После определённого периода службы при дворе правителя Азиза Мисра Насир Хусрав, получив положительные ответы на все свои вопросы, возвращается на родину с намерением применить приобретённые знания на практике. Однако его деятельность встречает жёсткое противодействие со стороны консервативных духовных лиц и врагов, которые угрожают его жизни, что препятствует реализации его планов. Поэт с сожалением покидает свою родину, которая к тому времени превратилась в место враждебности и духовного упадка. В одной из частей поэмы, автор драмы обобщает всю отчаянность поэта следующими строками:

Почва Хуросана, некогда земля науки,
Стал логовом нечестивого демона.
Было Балхом пристанище мудрости,
Но ныне дом его разрушен злом.
Если бы Хуросан по-прежнему был Хуросаном,
Он бы не стал владением злого духа» [10, 256].

Вынужденный оставить родину навсегда, проповедник уходит в изгнание и вечно плачет по ней в разлуке.

Во второй части драмы продолжается путешествие поэта в Багдад, где он ведёт научные и философские беседы с Сохибом (Обладателем знаний), намереваясь распространить свои идеи. Однако и здесь он не достигает поставленных целей. В последующих сценах Насир Хусрав ведёт диалоги с различными выдающимися личностями на философские темы, иногда достигая успеха, но не всегда.

В седьмой части драмы рассказывается о пребывании поэта в Нишапуре и подробно описывается история «Насир Хусрав и сапожник», известная и из антологии. Позже поэт возвращается в Балх, но и здесь не

получает поддержки со стороны учёных и дворян, что вынуждает его некоторое время скитаться и в итоге искать убежище в отдалённом регионе - Юмгонском Бадахшане. В этом эпизоде драматург изображает взаимоотношения Насир Хусрава с эмиром Бадахшана Джахоншахом, который принимает поэта с почестями. Диалог, отражённый в тексте, свидетельствует о высоком уважении, оказанном Насир Хусраву на новом месте:

«Долина Юмгон. Насир, уставший и больной, пишет книгу. Джахоншах с приближенными почтительно приветствует его.

-Джахоншах: Здравствуй, великий мудрец Насир Хусрав. Я прибыл с миром и хочу пригласить тебя в столицу нашего государства, даровать тебе сан министр и всегда служить тебе.

-Насир: Благодарю, владыка. Я учёный человек и уже в возрасте, сан министр мне не по плечу. Время для меня драгоценно, и я должен посвятить себя толкованию Священного Писания и многим делам.

-Джахоншах: Что бы ты ни сказал, я принимаю это сердцем. В столице создам все условия, чтобы ты мог завершить своё толкование» [134, 82].

Из данного эпизода видно, что Джахоншах и его окружение с уважением принимают поэта, и он остаётся здесь до конца жизни. В последней сцене появляется некий духовный наставник, вступающий в беседу с Насир Хусравом. В итоге поэт реализует миссию, дарованную ему Азизом Мисра, фактически халифом Фатимидов, достигая своей высшей цели.

Кроме того, образ Насир Хусрава как центрального персонажа представлен в драме другого известного таджикского поэта Ато Мирходжа под названием «Даъвати Насир». Эта драма, созданная в 1994 году к тысячелетию со дня рождения поэта и переизданная в 2022 году, состоит из двух периодов и шести частей. Автор в произведении раскрывает внутренние конфликты государства Сельджуков и их негативное влияние на судьбу Насир Хусрава. Драма неоднократно ставилась на сценах театров

Таджикистана, включая музыкально-комедийный театр имени М. Назарова в городе Хорог.

В данной пьесе представлены образы Носири Хусрау, Абусаида, Имам Когазмола, градоначальника, солдата, дракона, учеников, сапожника, Абулмаолии Али ибн Асада - правителя Бадахшана, визиря - министра Али ибн Асада, а также других персонажей, которые последовательно раскрывают биографию Насира Хусрава.

В первой сцене выступают Факих, Имам Когазмол, градоначальник и сам Насир, с которых начинается действие с прочтения указа Алп-Арслана о Насир Хусраве: «… среди преданных верующих шиитов-рафизитов, лжецов, заблудших и невежд по имени Абумуин Ҳамидиддин Насир ибни Хусрав ведёт антирелигиозную пропаганду и сбивает мусульман с истинного пути…» [160, 5]. После прочтения документа между факихом, имамом и градоначальником звучат призывы «сжечь его дом» [160, 6], «пусть станет чужаком и нищим» [160, 6] и другие уничижительные речи в адрес мощного проповедника. Насир, в свою очередь, говорит: «Восстань, человек Божий, для извинений нет места» [160, 7], приходя к выводу, что истинная цель врагов насилие и гонения. «Но наш меч - слово, наши стрелы - знание. Обучение невежественных - высшая справедливость, ибо невежество - источник несправедливости» [160, 9].

После этих событий поэт покидает родину и направляется в горные края, где принимает его правитель Бадахшана Асад Абулмаоли. Дальнейшие эпизоды посвящены жизни в Юмгоне, основаны на народных легендах региона о Насир Хусраве. Вместе с поэтом путешествуют Имам Когазмол и брат Абулфатх Абдуджалил.

В Бадахшане Насир Хусрав организует этические и философско-литературные собрания, на которых проходят дискуссии с участием философов. Среди обсуждаемых тем, статус женщины, по которому Имам Когазмол выдвигает вопрос: «В чём вина женщин?» Имам отвечает, что их положение ниже мужского, цитируя: «Мы создали твою пару из тебя

самого…» [160, 9]. Насир поправляет имама, объясняя истинное символическое значение этих слов: что Бог в Коране говорит образно, и мужчина и женщина равны в своём создании и жизни, приводя примеры из высказываний Пророка Мухаммада [160, 29].

В финале драмы негативно настроенные противники, не выдержав проповедей поэта, пытаются уничтожить его и сторонников, но терпят поражение. Имам Когазмол и Абдулфатх предлагают Насир Хусраву вернуться в Балх и служить при дворе, но он отвергает это и остаётся верен данному халифу Фатимидов обету. В ответ на их уговоры поэт произносит:

Послал меня посланник Господа,
Чтоб верующим знать цену Корана.
Но Хуросан теперь разрушен обманом,
Как же я могу приветствовать это зло?
Моё место не Хуросан, а Юмгон,
Кто же будет требовать Хуросан в дороге?
В жизни осталось лишь плести стихи,
Как жемчуг и коралл в нитях их ловить» [10, 47].

Драматическое произведение завершается смертью поэта.

Кроме того, таджикский писатель Аброр Зохир в 2013 году написал роман «Ёри ғор», посвящённый жизни Насир Хусрава. Роман начинается с детства поэта в Балхе, описывает его службу при дворе Газневидов в Мерве, назначение секретарём (начальником налоговой службы) при султане Махмуде и Масъуди Марвази, а также начало правления Сельджуков. После путешествия и возвращения из него Насир Хусрав подвергается преследованиям при дворе и в итоге обосновывается в Юмгоне Бадахшана. Роман основан на реальных фактах жизни поэта с небольшим элементом художественного вымысла.

Главные персонажи романа - Насир Хусрав, его братья Абусаид и Абулфатх Абдуждалил, Ятими, наместник Марва и другие действующие лица. В романе Насир Хусрав предстает как образованный и всесторонне

развитый человек, сторонник справедливости и порядочности, заслуживающий уважения. Во время службы при наместнике Марва он с полной ответственностью исполняет государственные и правовые обязанности, не допуская беспорядков и безответственности. Именно за это наместник Марва проявляет к нему постоянное уважение и отвергает слухи, распространяемые недоброжелателями. Например, когда Насир уходит в отпуск к родителям, придворные распространяют слухи о его склонности к другой религии, но наместник решительно отвергает эти обвинения и подтверждает свою поддержку [160, 43].

Таким образом, добросовестность и глубокие знания Насир Хусрава стали основанием для предложения его службы при дворе султана Махмуда, главного центра власти Газневидов.

Несмотря на то, что Насир Хусрав занимал должность секретаря при дворе, он никогда не прибегал к восхвалению и лестям в адрес царей своего времени. Хотя в ту эпоху все придворные практиковали подобное поведение и поощряли друг друга к этому, поэт оставался непреклонным. Он лично наблюдал многочисленные несправедливости своего времени и неизменно подвергал их критическому анализу, опираясь на собственное понимание и разум. Возможно, именно эти размышления или поэтические видения побудили его отказаться от придворной службы.

Особое значение в романе придается поиску подлинной истины, который Насир Хусрав связывает исключительно с городом Египет: «Насир многому научился у жителей города, особенно у торговцев, чего прежде не встречал в других местах» [160, 137]. В то же время благодаря своему поведению и знаниям поэт заслужил доверие египетского султана и был удостоен высоких почестей. Как говорится в романе от имени Муаядиддина Шерози: «Насир совершенный человек, твердо стоящий на своем пути, обладающий всеми направлениями и ветвями науки. Он не нуждается в наставнике, так как сам совершенен в науке и практике, является учителем. Мы присвоили ему звание доктора и скрепили это печатью» [160, 134].

Таким образом, Насир Хусрав в романе представлен как всесторонне развитая, совершенствующаяся личность, образованный и свободомыслящий человек. Он показывает людям единственно правильный путь, призывает человечество к изучению науки и знания, а также к жизни и поведению, основанным на нравственных ценностях.

Неоспоримо, что исторические личности и выдающиеся деятели классической персидской и таджикской литературы благодаря своему величию и уникальности стали известны всему человечеству и служат примером для подражания. В отношении таких редких исторических и культурных фигур наряду с достоверными научными исследованиями существует обширный фольклор, предания и рассказы. К их числу относятся такие выдающиеся представители, как Абу Али ибн Сина, Лукман Хаким, Хаким Абулкасими Фирдавси, Насир Хусрав и другие.

Хаким Насир Хусрав одна из таких выдающихся личностей, о которой наряду с научными трудами и реалистичными взглядами существуют и фольклорные теории. Эти фольклорные и мифологические представления впервые появляются в ранних источниках и тазкирах, а затем развиваются в последующие эпохи. Тем не менее, относительно биографии поэта имеются достаточно обширные данные, основанные на его собственном «Сафарнаме», сборнике стихов и других прозаических произведениях. Вместе с тем существуют и предания, большинство из которых имеют устное происхождение и зафиксированы в тазкирах. К числу таких произведений относятся поддельная «Сафарнаме», «Бахр-уль-ахбар», «Силки Гухаррез», которые не отражают историческую правду и носят в основном фольклорный характер.

Все записанные сегодня предания были собраны преимущественно в советское время. Однако источники и тазкиры, описывающие жизненный путь поэта, были созданы спустя более века после его смерти и базируются в основном на устных народных рассказах.

Следует отметить, что данные предания, собранные фольклористами и этнографами в форме сборников и отдельных книг советских ученых, таких как Семёнов А. А., Бартольд В. В., П. М. Майский, А. Абибов, Тилло Пулоди, Раджаб Амонов, Н. Шакармамадов, Рузи Ахмад и других, классифицированы как фольклорные источники. В частности, П. М. Майский в статье «Следы древних верований в памирском исмаилизме» на основе многочисленных преданий, связанных с Насир Хусравом, подготовил научное исследование, где отмечается: «Исмаилиты Памира испытывают глубокую любовь к Насир Хусраву и создали в его честь множество загадочных преданий: «В переданном Юсуфалишо рассказе говорится, что Насир Хусрав полностью овладел знаниями магии и талисманов. Жители Рушана с любовью отмечают, что он говорил:

Просветлённые души Рушона - словно зеркало чистоты,
Они снимают накипь с сердец изгнанников, полируя их до блеска
[149, 52–53].

Согласно рассказам местных жителей, Носири Хусрав всегда носил посох, на конце которого был металлический наконечник, напоминающий лопату, и с его помощью он совершал множество чудес. Так, например, в кишлаке Тавдем Рошткалинского района известен ручей под названием «Ручей Бардара», который, по преданию, был сотворён самим Насир Хусравом» [149, 53].

Существуют также многочисленные предания, зафиксированные таджикскими исследователями, такими как Додождон Обидов в труде «Хаким Носири Хусрав в народных преданиях», Н. Шакармамадов в книге «Рубин гор», а также в статьях А. Абибова «Источник Носира», Н. Шакармамадова «Как рубин в горах», «Носири Хусрав и народная культура», К. Элчибекова «Происхождение преданий о Носири Хусраве» и ряде других исследований, большинство из которых основаны на рассказах коренного населения Памира.

Нисормамад Шакармамадов в своем исследовании включил около 36 преданий, классифицировав их на три группы. Первая часть, озаглавленная «Рассказы, предания и мифы», содержит собранные из уст народа материалы, причем в предисловии он отмечает, что «эти предания и легенды собирались составителями в разные годы среди населения горных районов Бадахшана» [149, 18]. Вторая и третья части включают рассказы из книги «Исторические легенды о Насир Хусраве», составленной афганским ученым Саидмухаммадом Ибрагими Бамиани и малодоступной для таджикского читателя. По словам автора, эти легенды наиболее известны в районах Мунджон и Юмгон.

Сам автор отмечает, что собранные предания не только зафиксированы устно, но и имеют свои аналоги в древних источниках - антологиях и произведениях, хранящихся в Бадахшане, таких как «Гухаррез», «Бахр-ул-ахбар», «Саргузаштномаи Насир Хусрав» и «Ҳафт боб». Одно из преданий, отраженных как в «Личном путеводителе», так и в «Восточном путеводителе», посвящено периоду учебы поэта: «Говорят, что Пир Шах Насир Хусрав в возрасте тридцати двух лет выучил языки трех священных книг - Таврота Моисея, Инжила Иисуса и Забура Давида, и изучил их с учеными соответствующих религий. После прочтения этих книг и полного изучения Корана Пророка Мухаммада, Шох Насир пришел к выводу, что вся мудрость, изложенная в этих священных текстах, содержится в книге Пира Мавлоно Шохнизора, переведенной на несколько языков, в том числе фарси, хинди и турецкий» [149, 23].

Поэтому Пир Шохнасир, чтобы сделать эту мудрость доступной для народа горного Бадахшана, изложил ее в стихах под названием «Ашъор». Эта поэтическая коллекция быстро приобрела популярность среди образованной публики региона и распространилась в другие страны [149, 42].

В третьей части книги приводятся предания из «Билол-ул-ахбар» Казвини, такие как «Хаким Насир Хусрав в пещере», «В лавке портного», «Для Хакима Насир Хусрава был достаточен запах еды», «Завещание Хакима

Насир Хусрава брату Саиду» и «Камень в пещере». По словам автора, эти пять преданий в основном повторяют содержание «Сафарнаме», приведенного в «Бахр-уль-ахбар» Саидджалола Бадахши [149, 64].

Стоит отметить, что все известные и популярные на сегодня предания посвящены третьему периоду жизни поэта, после возвращения на родину, периоду скитаний и обосновывания в Юмгоне. Фольклорист Н. Шакармамадов указывает: «Вся эта насыщенная событиями и загадками жизнь породила многочисленные рассказы, легенды и мифы о личности Хакима Насир Хусрава. Их количество увеличивается особенно после того, как он осел в небольшом селении Юмгон, которое вскоре стало центром научной и культурной жизни» [284, 6].

По сведениям исследователя, часть этих легенд с элементами сказочности впервые была зафиксирована в тазкирах Муҳаммади Казвини «Осор-ул-булдон ва ахбор-ул-билод» и впоследствии неоднократно воспроизводилась в литературе.

Из исследований ученых становится очевидным, что значительная часть преданий носит вымышленный характер и была создана еще при жизни самого поэта. Недаром сам Насир Хусрав в своих стихах указывает на подобные мифы и легенды:

Ты слухам веришь, будто я в чужбине,
В краях далёких, в Чине и Мочине?
А ты приди в Юмгон, и сам услышишь:
Я славен там, чем Озари Барзина!
Я мёдом смысла путь свой осветил,
Хоть звался я топором и секирой! [10, 547].

Следует отметить, что некоторые из этих легенд, зафиксированных в ранних источниках, обладают откровенно суеверным или критическим оттенком. Ряд авторов, не обладая точными сведениями о жизни и творчестве Насир Хусрава и испытывая негативное отношение к его религиозным взглядам, создавали данные предания, руководствуясь предвзятым подходом.

Другая часть этих рассказов, напротив, выражает глубокую любовь, уважение и религиозную преданность простого народа к Насир Хусраву. По мнению исследователя и фольклориста Н. Шакармамадова: «Некоторые из этих легенд и преданий, несмотря на их художественную форму, являются выражением искренней любви и веры народа в этого великого мыслителя, тогда как другие из них не имеют под собой реальной исторической основы и приобрели преимущественно мифологический и сказочно-магический характер» [284, 342].

Высокую степень религиозного почитания горцев по отношению к Насир Хусраву ещё в XV веке отметил автор «Тазкират-уш-шуаро» Давлатшах Самарканди: «Народ горных районов испытывает к Хакиму Насир Хусраву глубочайшее уважение. Одни называют его “султаном”, другие “шахом”, третьи “эмиром”, некоторые “сайидом”. Говорят, будто он много лет жил в горах и питался одним лишь запахом еды, всё это слова простого люда и не заслуживают доверия» [5, 34].

По наблюдениям Н. Шакармамадова, эти легенды и предания, отражающие различные смыслы и оттенки, присутствуют в трудах других исследователей и источниковедов. Они собраны в таких антологиях, как «Асар-уль-булдон» Мухаммада Казвини, «Оташкада» Лутфали-бека Азара, «Хулосат-ул-ашъар» Таки Каши, «Хафт иқлим» Ахмада Рази и других биографических и антологических произведениях.

Как видно из «Хафт иклим» Ахмада Рази, в одном из фрагментов упоминается: «...Некоторое время я провел в бедности и унижении. Тогда мой брат Саид сказал мне: “Почему бы тебе не обратиться к учёным по поводу наук о талисманах и магии и не воспользоваться этими знаниями?”. После этого я отправился к правителю и сказал: “О, эмир, моя жизнь подходит к концу, я не стремлюсь к должности, ибо старость одолела меня. Если ты освободишь меня от этой обязанности и назначишь вместо меня моего брата, я буду вечно молиться за тебя”. Правитель проникся жалостью и освободил меня...» [57, 36].

Таким образом, как свидетельствуют как фольклорные, так и научные исследования, письменные источники, посвящённые Насиру Хусраву, содержат широкий спектр легенд и преданий. Некоторые из них, несомненно, являются плодом народного воображения, сформированного в русле устной традиции, тогда как другие представляют собой отражение или трансформацию подлинных исторических событий. В частности, в одном из таких рассказов упоминается эпизод, связанный с пребыванием поэта в Нишапуре. событие, которое, возможно, восходит к реальным случаям преследования Насира Хусрава в этом регионе. Подобные фрагменты позволяют исследователям выстраивать условные границы между историческим ядром и мифопоэтическими наслоениями в народной памяти.

Однако устная форма существования этих преданий, передававшихся из поколения в поколение, неизбежно вела к их переработке, стилизации и интерпретации в зависимости от доминирующих социально-культурных установок. Менявшиеся условия религиозной, идеологической и этнической самоидентификации различных общин влияли на реконструкцию образа Насира Хусрава, наполняя его новыми чертами, смысловыми акцентами и символическими функциями. Поэт мог восприниматься как святой, борец за справедливость, философ, чудотворец, в зависимости от мировоззренческой позиции рассказчика и аудитории.

Как справедливо отмечается в ряде современных исследований: «В зависимости от социального статуса, религиозной принадлежности и отношения к личности поэта, образ Хакима Насир Хусрава наполнялся новыми чертами и интерпретациями» [57, 9].

Отсюда возникает необходимость критически подходить к анализу подобных преданий: не как к буквальному свидетельству о жизни и деятельности поэта, а как к сложному культурному феномену, в котором взаимодействуют историческая память, коллективное воображение и социокультурные трансформации.

Большинство таких преданий сохранилось в письменных источниках, хранящихся в Бадахшане — это «Гухаррез», «Ҳафтбоб», «Баҳр-ул-ахбор» и личная «Сафарнома» поэта. В этих рукописях описываются сказочные эпизоды из жизни Хакима Насир Хусрава. В частности, в «Бахр-ул-ахбор», в разделе о прибытии поэта в Бадахшан и его уединении в пещере, содержится следующее стихотворное описание:

Как будто на землю сошла звезда,
Юсуф вновь вернулся в Канан...
Если «Гухаррез» станет его описывать,
Это утверждение [ошибкой] никогда не будет [284, 45].

Одной из главных причин возникновения и устойчивости подобных преданий в народной среде фольклористы называют религиозную и эмоциональную преданность населения. Так, таджикский исследователь Н. Шакармамадов отмечает: «Население горного Бадахшана, как и большинство последователей исмаилизма, испытывает особое почтение и преданность к Насир Хусраву» [284, 13].

Это утверждение указывает на то, что значительная часть преданий о поэте наделена чудесным и сакральным характером. В них он предстает не просто как мудрец, а как святой, обладающий сверхъестественными способностями. Такая трактовка обусловлена народным восприятием религии и веры, особенно учитывая, что Насир Хусрав был не только поэтом, но и активным проповедником исмаилизма, носившим титул «Худжат», официальный представитель Имама.

Типичным примером таких легенд является рассказ «Насир Хусрав превращает дракона в камень, и даже гора преклоняется перед ним» [57, 151], где он изображён как человек, обладающий святостью и магической силой. В его честь были также сложены стихи и рубаи. Например:

О друг души моей, зачем ты поднимаешь голову?
Замок на моём сердце стал узлом, развяжешь ли ты его?
Я ищу доброго, нежного брата,

Не найдёшь ли ты святого Шаха Насира? [284, 151],

или:

Царь Насир Хусрав, повелитель, милующий,

Я Искандер, но и пёс твой из Дарвоза.

Всякий, кто с мольбой приходит к твоему порогу,

Разве может уйти от твоего порога в отчаянии? [284, 151].

Тем самым исследование показывает, что фольклорные предания о Насир Хусраве не только отражают религиозные чувства народа, но и демонстрируют процесс сакрализации личности поэта. Его образ, со временем приобретая черты мифического героя и святого, стал символом духовного наставничества и предметом глубокой народной веры.

Все народные предания о Насир Хусраве, получившие распространение среди населения, формировались и передавались в двух основных направлениях. Прежде всего, это устные предания, дошедшие до нас в результате передачи «из уст в уста». Такие повествования являются плодом художественного воображения народа и выражают его искреннюю любовь и преданность к религиозным традициям предков, а также к личности самого Насир Хусрава.

Вторую группу составляют предания, зафиксированные в письменных источниках и исторических трудах, откуда они попали в народную среду. В процессе их бытования, подобные рассказы нередко дополнялись и переосмысливались. Примером может служить повествование «Для Хакима Насир Хусрава достаточно было лишь запаха пищи». В нём говорится: «Насир Хусрав уединился от людей, двадцать лет прожил в пещере на горе Юмгон в полном одиночестве, предаваясь молитве и аскезе. Его подвижничество дошло до такой степени, что он постился по несколько дней, а со временем стал принимать пищу лишь один раз в двадцать пять дней. Ему было достаточно вдохнуть аромат еды. Хотя ранее он жил в изобилии и наслаждении, познал мирские блага, но в итоге ступил на путь умеренности и нищеты» [284, 63].

Эта легенда также упоминается в научно-исторических источниках XV века, таких как «Тазкират-уш-шуаро» Даулатшаха Самарканди и сочинения Амина Ахмада Рази: «…говорят, что он долгое время провёл в горной пещере и питался только запахом еды» [5, 73]. Подобные предания можно найти и в других литературных биографических сочинениях. При их сопоставлении становится очевидно, что некоторые версии возникли именно из этих источников, но впоследствии, благодаря устным дополнениям, приобрели самостоятельную форму.

Упоминание данной легенды в научно-исторических источниках XV века, таких как «Тазкират-уш-шуаро» Даулатшаха Самарканди и сочинения Амина Ахмада Рази, безусловно, свидетельствует о её устойчивом присутствии в культурной памяти и литературной традиции. Однако, утверждение о том, что именно эти письменные памятники послужили первоисточником для последующего развития легенды в устной традиции, представляется методологически уязвимым. Прежде всего, необходимо учитывать, что тазкире и биографические сочинения подобного рода не всегда опирались на строго документальные источники, а нередко включали элементы литературной стилизации, религиозной символики и даже откровенной художественной вымысленности. Они были частью традиции, в которой мифопоэтический элемент считался не менее важным, чем фактография. В этом контексте история о «питании запахом еды», скорее проявление агиографического дискурса, характерного для описания жизни святых, суфийских шейхов и мудрецов, нежели достоверное биографическое свидетельство. Более того, тезис о том, что устные версии подобных рассказов восходят исключительно к этим литературным источникам, недостаточно учитывает обратную динамику: фольклорная традиция могла, наоборот, предшествовать их фиксации в письменных текстах. Источники XV века вполне могли заимствовать уже существовавшие народные сюжеты, придавая им литературную обработку. Следовательно, утверждение о «происхождении» легенды исключительно из данных сочинений выглядит

как упрощение сложного процесса взаимодействия устной и письменной культур.

Таким образом, необходим более осторожный и сбалансированный подход к вопросу о генезисе подобных преданий. Признание их наличия в литературных источниках, безусловно, важно, однако это не исключает вероятности их фольклорного происхождения и не отменяет необходимости критического анализа самих письменных текстов, с учётом жанровой специфики, идеологических задач авторов и общего культурно-исторического контекста.

Глубокая вера жителей региона нашла отражение и в том, что важнейшая религиозная традиция в Бадахшане носит название «Призыв Насир Хусрава» (или «Призыв Шохнасира», также «призыв Пира») и сохраняется до наших дней. В рамках этой традиции, во время поминального обряда, который совершается на второй вечер после прощания с покойным, читаются священные тексты, что указывает на её тысячелетнюю историю.

Церемония состоит из двух частей. Первая включает чтение текста «Чарогнома» (Книга света), приписываемого Насир Хусраву, а также чтение коранических аятов. Вторая часть, это исполнение хвалебных касид (мадхов), где восхваляются Бог и пророк. В этой части зачитываются стихи таких поэтов, как Насир Хусрав, Джалолиддин Руми, Саади, Хафиз и других классиков персидско-таджикской литературы.

Как указывает исследователь А. Шохуморов, «в течение последнего тысячелетия, что охватывает историю распространения исмаилизма в Бадахшане, церемония «Чарогравшан» также ассоциируется с деятельностью Хакима Насир Хусрава. По этой причине как в религиозной рукописной традиции, так и в народной культуре он признаётся автором “Чарогнома” и инициатором призыва Пира Шохнасира»[297, 23].

Таким образом, наряду с выполнением религиозного обряда, данный институт представляет собой своеобразную духовно-просветительскую школу, сыгравшую важную роль в формировании и сохранении религиозно-

нравственных устоев общества. Эти собрания на протяжении столетий выполняли функцию культурного и духовного воспитания, передавая религиозные знания, укрепляя веру и формируя устойчивую конфессиональную идентичность. Благодаря именно таким традициям удалось сохранить основы исмаилитского мировоззрения в горных районах Бадахшана.

Согласно распространённому мнению среди местного населения, инициатором и организатором подобных собраний считается сам Насир Хусрав, который использовал их как инструмент религиозного призыва, просвещения и дидактического наставничества. В рамках этих встреч также исполнялись касиды, сочинённые местными поэтами в честь Хакима Насира Хусрава, что свидетельствует о синтезе литературной, религиозной и фольклорной традиции. Эти поэтические произведения не только прославляли религиозного деятеля, но и служили формой передачи ключевых догматов исмаилизма в художественно-образной форме.

Анализ литературного, духовного и социокультурного наследия Насира Хусрава позволяет сделать важный вывод: он предстает не только как выдающийся поэт и философ своего времени, но и как харизматичный религиозный деятель, чьё учение получило широкое распространение в народной среде, в том числе в фольклорно-эпической интерпретации. Его образ, трансформируясь под влиянием устной традиции, обрел черты святого, наставника и культурного героя.

Несмотря на то, что научное изучение его творчества продолжается уже почти два столетия, остаётся очевидной необходимость в дальнейшем углублённом исследовании различных аспектов его наследия, особенно в контексте взаимодействия письменной и устной традиции, религиозной философии и народной культуры. Только сквозь призму междисциплинарного подхода возможно по-настоящему всесторонне осмыслить масштаб фигуры Насира Хусрава в истории исламской мысли и культурной памяти народов Центральной Азии.

ГЛАВА III.
ОСМЫСЛЕНИЕ БИОГРАФИИ И ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НАСИРА ХУСРАВА В СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

1. Периодизация творчества Насира Хусрава: подходы и интерпретации в советской науке

Изучение творчества Насира Хусрава в советской науке представляет собой значимый аспект развития востоковедческих и литературоведческих исследований XX века. Периодизация научных подходов к исследованию его наследия позволяет выявить основные этапы формирования и трансформации интерпретаций творчества поэта в советском академическом пространстве. Важным направлением стало систематическое осмысление Насира Хусрава как одного из ключевых представителей классической персидско-таджикской литературы, осуществлённое советскими исследователями на протяжении нескольких десятилетий. Советский период характеризуется интенсивным развитием изучения персидско-таджикской литературной традиции, что тесно связано с общими культурно-историческими процессами формирования научного знания. В рамках данного раздела предпринята попытка классифицировать и проанализировать основные этапы и направления советских исследований, посвящённых жизни и творчеству Насира Хусрава. Особое внимание уделялось многоаспектному изучению его как поэта, философа и религиозного деятеля, что способствовало формированию комплексного взгляда на его наследие. При этом историко-культурный контекст советской эпохи оказал существенное влияние на методы и цели исследований классиков восточной литературы, включая Насира Хусрава, что требует тщательного анализа и систематизации.

Литературное наследие Хакима Насир Хусрава, наряду с творчеством других выдающихся представителей классической персидско-таджикской литературы, представляет собой феномен исключительной научной и

культурной ценности. Это обусловливает постоянное внимание со стороны исследователей, рассматривающих его творчество как объект специального изучения.

Насир Хусрав, родившийся на территории современного Таджикистана, еще в XIII–XIV веках привлекал внимание широкой интеллектуальной общественности. В советский период к его наследию проявляли значительный интерес не только отечественные, но и зарубежные востоковеды и иранисты.

Поскольку предметом данного раздела является исследование Насир Хусрава в научном пространстве Советского Союза, необходимо прежде всего систематизировать этапы и направления этих исследований. С этой целью предложена следующая периодизация:

1. первый этап: с 1920-х по 1949-е годы;
2. второй этап: с 1949-х по 1990-е годы;
3. третий этап: с 1990-х годов до настоящего времени, охватывающий период государственной независимости.

В каждом из этих периодов в рамках литературоведческих, философских, фольклористических и библиографических направлений были предприняты важные шаги в исследовании жизни и наследия Насир Хусрава. Также в этот период были созданы художественные произведения, посвящённые его личности и взглядам.

Советская эпоха по праву может рассматриваться как период активного научного освоения и систематизации классического литературного наследия. Несмотря на экономические и политические сложности, начавшиеся ещё с первых лет становления советского государства, учёные уделяли значительное внимание изучению классиков восточной и персидско-таджикской литературы.

С начала советской власти как отечественные, так и зарубежные учёные, параллельно с организацией новых форм общественной и культурной жизни, активно занимались созданием научно-образовательной

базы. Классическое персидско-таджикское литературное наследие, в том числе творчество Рудаки, Фирдоуси, Авиценны, Насир Хусрава, Руми, Джами и других, стало объектом систематических исследований в рамках академической и вузовской науки.

В советский период особое внимание уделялось изучению Насир Хусрава как поэта, философа, теолога и путешественника XI века. Исследования его наследия, начавшиеся ещё в конце XIX века в западной науке, в начале XX века получили дальнейшее развитие в трудах советских учёных. Следует выделить значительный вклад российских востоковедов, таких как В. А. Жуковский, А. А. Семёнов, В. Ф. Крымский, А. Брагинский, А. Е. Бертельс, В. Иванов и другие, которые одними из первых занялись систематическим исследованием и публикацией произведений Насир Хусрава. В Таджикистане в 1930-1949-е годы важную роль в становлении насирхусравоведения сыграли Лутфулло Бузургзода, Камол Айни, Садриддин Улугзода, Шамсиддин Хусейнзода, Хайриддин Мирзозода и другие учёные, чьи работы заложили прочную методологическую и фактическую основу для изучения биографии и философско-литературного наследия поэта. Научные труды, созданные в этот период, явились продолжением исследовательской традиции, начатой ранее, и достигли значительного прогресса в советское время. Наряду с российскими учёными, представители других республик Советского Союза также внесли вклад в осмысление личности и идей Насир Хусрава.

Одним из ведущих исследователей Насир Хусрава выступил Лутфулло Бузургзода, который в своей статье «Насир Хусрав - искатель истины и справедливости» охарактеризовал его как одного из наиболее выдающихся представителей классической персидско-таджикской литературы XI века наряду с Авиценной. Бузургзода указывает год рождения Насир Хусрава как 1003, местом его рождения называет город Кубодиён, который, по его данным, в то время был важным научно-культурным центром. По данным

исследователя, Насир Хусрав получил образование в городе Мерв и происходил из состоятельной землевладельческой семьи.

Согласно Бузургзаде, с 35-летнего возраста Насир Хусрав служил при дворе, одновременно занимаясь самообразованием и изучением философии. Он знакомился с трудами Ибн Сины, аль-Фараби, а также античных философов - Сократа, Платона и Аристотеля. Подобно другим учёным, Бузургзода описывает переломный момент в жизни поэта, связанный с духовным кризисом и поиском истины, который привёл его в 1045 году к семилетнему путешествию. Наиболее яркое впечатление на него произвёл Каир, подробно описанный в «Сафарнаме». По мнению Бузургзоды, поэт высоко оценивал государственный строй Фатимидов и считал его воплощением социальной справедливости.

Жизнеописание поэта в трактовке Бузургзоды носит сжатый характер. Он указывает год возвращения Насир Хусрава из путешествия 1054, отмечает его временное пребывание в Мазандаране и последующий переезд в Юмган, где поэт провёл остаток жизни. Год его смерти он датирует 1088 годом.

В части, посвящённой литературному наследию, Бузургзода перечисляет ключевые произведения: «Зод-ул-мусофирин», «Ваджҳи дин», «Саодатнаме», «Равшаноинаме» и Диван стихов. Он акцентирует внимание на философских взглядах поэта и считает его продолжателем идей Ибн Сины. Учёный подчёркивает значимость просветительских и этико-философских положений Насир Хусрава, акцентируя внимание на его убеждённости в приоритетности науки и образования в жизни человека.

Бузургзода также рассматривает Насир Хусрава как одного из основателей персидско-таджикской прозы и признаёт его вклад в развитие литературного языка. По его словам, несмотря на то что поэт писал также на арабском языке, он никогда не смешивал его с персидско-таджикским, что свидетельствует о высокой языковой культуре и стилистической выдержанности.

Особенность его творчества, по мнению Бузургзоды, заключается в отказе от придворной поэзии и панегирики. Если такие мотивы и присутствуют в его поэзии, то исключительно в форме восхваления Пророка и членов его семьи. Исследователь подчёркивает, что Насир Хусрав был единственным поэтом своего времени, который открыто выступал против тирании и поддерживал интересы трудящихся масс.

Интересной, но спорной представляется гипотеза Бузургзоды о том, что Насир Хусрав мог быть одним из основоположников музыкального искусства.

Согласно наблюдениям Лутфулло Бузургзоды, одними из наиболее значимых и содержательно насыщенных тем в наследии Насир Хусрава являются вопросы разума, науки и познания. Эти темы не только отражают личную интеллектуальную позицию поэта, но и представляют собой выражение культурных и цивилизационных достижений таджикского народа, а в более широком контексте, народов Средней Азии.

В заключительной части своего исследования Бузургзода приводит отрывки из *«Сафарнаме»* и поэтических произведений Насир Хусрава, уделяя особое внимание анализу стихотворений, посвящённых труженикам, земледельцам и ремесленникам. Следует отметить, что в его исследовании точные даты рождения и смерти поэта не уточнены. В то время как в большинстве источников год рождения Насир Хусрава указывается как 1004, а год смерти 1077, Бузургзода в этом отношении не даёт окончательной даты.

Данные тезисы Лутфулло Бузургзоды представляют собой важный вклад в исследование жизни и творчества Насир Хусрава, демонстрируя глубокое знание источников и широкое понимание культурно-исторического контекста XI века. В частности, акцент на образе Насир Хусрава как философа и просветителя, продолжателя традиций Ибн Сины, позволяет раскрыть многомерность его личности и значение в развитии персидско-таджикской литературы. Внимание к языковой культуре и стилистической

самобытности поэта также свидетельствует о серьёзном подходе исследователя к вопросам филологии и литературного анализа.

Вместе с тем, некоторые положения Бузургзоды требуют более критического осмысления и уточнения. Например, гипотеза о роли Насир Хусрава как одного из основателей музыкального искусства вызывает сомнения и нуждается в дополнительной аргументации, учитывая известную критику лирической поэзии самим поэтом. Также отсутствие окончательных дат рождения и смерти поэта в исследовании уменьшает историческую точность и препятствует сопоставлению с другими академическими источниками, где эти данные обычно датируются 1004 и 1077 годами соответственно.

Сжатый характер жизнеописания, хотя и оправдан необходимостью краткости, порой приводит к упрощению сложного духовного и интеллектуального пути Насир Хусрава, что ограничивает возможность более глубокого анализа его биографии и философских воззрений. В целом, работа Бузургзоды служит значимой базой для последующих исследований, но требует дальнейшего развития с учётом современных методологических подходов и историко-филологической критики.

Исследователь Шарифджон Хусейнзода с незначительной погрешностью датирует рождение поэта 1005 годом, а его смерть 1099 годом. По его сведениям, Насир Хусрав получил начальное образование на родине, а большинство знаний освоил путём самообразования. Относительно государственной службы и причин, побудивших поэта отправиться в длительное путешествие, Хусейнзода пишет: «В 1045-1046 гг. Насир Хусрав поступил на службу к сельджукскому султану Чагрибеку. Однако спустя год ушёл в отставку и, стремясь исследовать религиозные воззрения и обычаи различных народов, отправился вместе с братом в семилетнее путешествие по Марву, Ирану, Сирии, Палестине, Египту, Хиджазу и другим регионам, результатом чего стало создание труда под названием «Сафарнама»» [271, 113].

Хусейнзода в числе произведений Насир Хусрава упоминает только «Саодатнаме», «Равшаноинаме», а также рубаи и касыды, акцентируя внимание на таких темах, как социальная борьба, нравственные идеалы и осуждение придворного угодничества. Однако, исследование носит обобщённый и лаконичный характер, и причины, по которым Хусейнзода не рассматривает другие труды поэта, в тексте не разъяснены. Исследование Хусейнзода, несмотря на его вклад в изучение тем социального противостояния, нравственных идеалов и критики придворного угодничества в творчестве Насир Хусрава, отличается значительной степенью обобщённости и недостаточной глубиной анализа. Ограничение списка рассмотренных произведений лишь «Саодатнаме», «Равшаноинаме», рубаи и касыдами создаёт впечатление неполного охвата наследия поэта, что снижает полноту и комплексность исследования. При этом отсутствие объяснения причин такого выбора текстов ставит под вопрос методологическую обоснованность подхода автора, затрудняя понимание его научной позиции и критериев отбора материалов. Такая неполнота анализа ограничивает возможности выявления многообразия идей и стилей Насир Хусрава, что в конечном итоге сказывается на полноте историко-литературной картины, представленной в работе.

Другим интересным источником, относящимся к данному периоду, является работа Сотима Улугзода, представленного в его книге «Образцы таджикской литературы». Известный таджикский писатель и литературовед С. Улугзода, также ошибочно датирует рождение Насир Хусрава 1005 годом, указывая его родиной Кубодиён на территории современного Таджикистана. В частности, он пишет: «Исторической родиной Насир Хусрава является Кубодиён, расположенный в современном Таджикистане. Значительная часть территории нынешнего Таджикистана и северного Афганистана в XI веке находилась в составе Хорасана, центром которого был Марв. Кубодиён, расположенный на важном торговом пути, имел в то время большое экономическое значение и представлял собой развитое поселение» [253, 39].

Улугзода также объясняет причины ухода Насир Хусрава с государственной службы следующим образом: «Во время своей службы, особенно в период поездок по деревням в качестве сборщика налогов, Насир Хусрав своими глазами наблюдал несправедливость, творимую правителями, визирями, чиновниками и богословами по отношению к народу, особенно к крестьянам и ремесленникам. Столкнувшись с этим, он начал испытывать отвращение к эксплуатации и паразитизму. Разочаровавшись в придворной жизни, в возрасте сорока лет он отказался от должности писца, осознав, что без изменения образа жизни не сможет обрести внутреннего покоя» [253, 33].

Прочие сведения, представленные Садриддином Улугзодой, в значительной мере повторяют уже устоявшиеся и широко известные биографические данные о Насире Хусраве, что свидетельствует о недостаточной новизне и оригинальности в его подходе к исследованию. Такой повторно-компилятивный характер материала ограничивает вклад работы в развитие насирхусравоведения и не способствует значительному расширению или переосмыслению существующих представлений о жизни и творчестве поэта. Кроме того, отсутствие критического анализа и попыток сопоставления различных источников снижает научную ценность исследования, так как не выявляются возможные противоречия или малоизвестные аспекты биографии и интеллектуального пути Насира Хусрава. В результате, представленная Улугзодой информация воспринимается скорее как свод фактов, чем как глубокое академическое исследование, что требует от последующих учёных более детального и критического подхода к материалам.

Следует подчеркнуть, что в исследовательской деятельности периода 1920-х-1949-х гг. основной акцент был сделан на биографическом и библиографическом изучении жизни и творчества Насир Хусрава. Несмотря на наличие повторяющихся тем, при подготовке данного анализа приоритет отдавался новым и оригинальным данным. В последующие периоды акценты смещаются, исследования становятся более тематически

структурированными и посвящены уже не столько биографическим, сколько философским, богословским и художественным аспектам его наследия.

Вторая волна изучения Насир Хусрава, охватывающая период с 1949-х по 1990-е годы, характеризуется значительным расширением исследовательского поля и углублением анализа его наследия. В этот период не только велась активная публикация как известных, так и ранее малоизученных произведений поэта, но и осуществлялось комплексное изучение различных аспектов его творчества. Особое внимание уделялось философским и религиозным концепциям, раскрывающим мировоззренческую основу идей Насир Хусрава, а также нравственно-этическим нормам, отражённым в его поэзии и прозе. Исследователи систематически рассматривали его творчество в контексте социокультурных процессов средневекового Востока, анализируя влияние исторической обстановки на формирование идей и художественных форм поэта. Важным направлением стала попытка интеграции текстов Насир Хусрава в общую традицию исламской философии и суфизма, что способствовало более глубокому пониманию его роли как мыслителя и религиозного деятеля. Кроме того, в этот период наблюдается усиление филологического анализа, направленного на установление подлинности текстов, изучение языковых особенностей и стилистических приёмов автора. Таким образом, вторая волна исследований знаменует собой переход от преимущественно биографических и описательных работ к более систематическому и интердисциплинарному осмыслению наследия Насир Хусрава, что существенно обогатило научное знание о его личности и творчестве.

Среди крупных исследователей данного этапа следует отметить как российских, так и таджикских учёных: Е.Э. Бертельс, В.В. Никитина, Г. Рейснер, Х. Додихудоев, Л. Эдельман, Камол Айни, А. Алимардонов, А. Девонакулов, Х. Мирзозода, Р. Мусулмониён, Худоӣ Шариф и других.

Особое место занимает работа Е.Э. Бертельса, одного из выдающихся советских востоковедов, автора более сотни научных трудов, посвящённых

истории и культуре народов Востока. В числе первых он начал систематическое изучение творчества Насир Хусрава. В частности, в 1959 году Бертельс издал монографию «Насир Хусрав и исмаилизм», которая стала результатом глубокого исследования философско-теологического и социально-политического контекста творчества поэта.

Книга состоит из четырёх глав, в которых освещаются следующие аспекты: социально-экономические реалии эпохи поэта, включая систему налогообложения и отношение султанской власти к интеллектуальной элите; состояние деревни и крестьянства в эпоху Насир Хусрава; общие сведения об исмаилизме и его историческом развитии; политические конфликты и идеологические противоречия XI века; жизнь и литературно-философская деятельность поэта как активного участника религиозных и культурных процессов своего времени.

Прежде всего следует отметить, что первые главы работы посвящены историческому контексту эпохи Насир Хусрава. Исследователь анализирует политическую и социальную обстановку того времени, образ жизни населения, наличие различных религиозных течений и мазхабов, их взаимосвязи и, в особенности, отношение правящей элиты к данным вопросам.

В этом направлении автор обращается к важнейшим аспектам социальной действительности эпохи Насир Хусрава, таким как система налогообложения, структура землевладения и положение крестьянства, которые, по мнению исследователя, имели непосредственное отношение к социальному опыту поэта. Подчёркивается, что система налогов, в частности хироджж (налог) была унаследована от предшествующих эпох, особенно от времени Саманидов, и представляла собой форму фискального обложения, охватившую всю территорию халифата.

На основе анализа исторических источников и хроник Е. Э. Бертельс рассматривает само понятие хироджа, включая цели его взимания в различные исторические периоды. В частности, упоминается, что уже во

времена Омейядов и Аббасидов система налогообложения существовала, что, в свою очередь, подтверждается данными известного труда «Аль-Хиродж» Кади Абу Юсуфа. Эта практика продолжалась и в последующих династиях, включая Саманидов и Газневидов.

Исследователь подчёркивает, что в разные исторические периоды налоговая политика отражала характер государственного управления: «Система хироджа, особенно в пределах царских земель, имела ярко выраженную эксплуататорскую природу. Эти территории представляли собой обширные владения, принадлежащие халифу или султану, и в период наивысшей централизации Аббасидского халифата играли важную роль в его экономике. В этих землях отношения между султаном и деревенским населением осуществлялись исключительно через налоговых чиновников и администраторов» [253, 24].

Одним из центральных и дискуссионных вопросов, касающихся биографии Насир Хусрава, в исследовании Бертельса выступает его связь с исмаилизмом. В этом контексте рассматриваются такие темы, как философские взгляды Насир Хусрава на знание и истинную религию, значимость науки в его сочинениях, а также мирская и духовная структура исмаилитской иерархии. Учитывая, что Насир Хусрав был не только сторонником, но и активным проповедником исмаилизма во времена Фатимидского халифата, Бертельс затрагивает и вопросы историографии данного вероучения. Он подвергает критике ряд стереотипных представлений, доминировавших в научной литературе вплоть до конца XIX века. В частности, подчёркивается: «Востоковеды прошлого, писавшие об исмаилизме, как правило, основывались на сведениях официальных историков, а также на трактатах, написанных в эпоху Аббасидов в полемике с исмаилитами. Большинство таких трудов принадлежит перу В. О. Иванова, который занимался исследованиями исмаилизма в Бомбее. Его работы публиковались в рамках серии изданий «Анжумани исмоилиён» (Общество исмаилитов), основанной в 1946 году в том же городе» [69, 59].

В. Е. Бертельс выделяет три особо проблемных направления в исследовании исмаилизма, которые на протяжении длительного времени порождали недопонимание и способствовали формированию необоснованной враждебности по отношению к данной религиозно-философской традиции. К ним относятся: во-первых, взаимоотношения между исмаилитами и карматами; во-вторых, предполагаемая связь исмаилизма с зороастрийскими верованиями; и, в-третьих, вопрос о предполагаемой отмене шариата. По мнению учёного, современные исследования позволили получить аргументированные и методологически выверенные ответы на данные проблемные вопросы, что значительно способствовало более глубокому и объективному пониманию сущности и историко-культурного контекста исмаилизма.

В разделе, посвящённом исмаилизму во времена Насир Хусрава, Бертельс, в частности, рассматривает острые политические конфликты между Газневидами и исмаилитами, а также возрастание влияния движения карматов во второй половине XI века. Он приводит конкретные данные о вооружённых столкновениях и насильственных акциях, предпринятых султаном Махмудом Газневи в регионах, населённых сторонниками исмаилизма. По высказыванию исследователя «Правители Газневидов в течение сорока лет своего правления с особой жестокостью боролись с любыми проявлениями идеологического и религиозного несогласия. Особенно ожесточённой была борьба эмиров султана Махмуда с карматами и исмаилитами, усилившимися в его правление за счёт связей с Фатимидами, заклятыми врагами Аббасидов» [68, 93].

Бертельс, опираясь на такие источники, как *«Зайн ал-ахбар»* Мухаммада Гардези и труды Утби, подробно описывает завоевательные походы султана Махмуда в район Мултана. Он делает вывод о том, что данные действия носили характер жестоких карательных экспедиций, сопровождавшихся массовыми убийствами и разграблением имущества сторонников исмаилизма. Более того, под предлогом того, что правители

этих территорий якобы исповедовали «искажённую веру» и распространяли её среди населения, Газневиды оправдывали свои агрессивные действия необходимостью ведения «джихада против неверных».

В XI веке исмаилиты оказались подвержены тяжёлым испытаниям и преследованиям. Одной из причин массового насилия, включая убийства и разорение со стороны династии Газневидов в отношении исмаилитов и карматов, стало использование религиозной риторики в качестве идеологического оправдания. Правители Газны, опираясь на обвинение этих групп в принадлежности к «иной» вере, рассматривали объявление им джихада как религиозно допустимое и даже обязательное действие. Как подчёркивает российский востоковед В. Е. Бертельс, подобная логика легла в основу, в частности, и военной кампании по захвату Мултана, одной из целей которой стало подавление исмаилитской общины в регионе: «Причиной завоевания Мултана стало донесение, согласно которому местный правитель Абулфутух якобы отклонился от истинной веры, принял ересь и увлёк за собой народ. В результате Ямин ад-Давла (султан Махмуд) объявил поход, стремясь обратить его обратно в ислам» [69, 94].

По сведениям Бертельса, военные кампании против Мултана происходили неоднократно, в 1005, 1010, 1030, 1033 и 1041 гг., и каждый раз сопровождались массовыми репрессиями против исмаилитов и карматов. Кроме того, Султан Махмуд активно противодействовал деятельности фатимидских эмиссаров, направленных в Хорасан и Мултан, многих из которых подверг зверским казням. «Султан Махмуд, исповедовавший суннизм, тщательно изучал диспуты между суннитами и шиитами и был всегда готов к репрессиям против «еретиков»» 69, 99].

На фоне этих политических и религиозных конфликтов формировалась мировоззренческая позиция Насир Хусрава. Хотя достоверных данных о его прямом участии в этих событиях не обнаружено, Бертельс указывает на то, что именно в этот период усилилось влияние исмаилитских проповедников в Хорасане, несмотря на суровые ограничения. Отдельные личности,

обладавшие внутренним стремлением к справедливости, тяготели к исмаилизму как к альтернативе существующей социальной несправедливости.

Источники сообщают о проповеднической деятельности фатимидов, о восстаниях и миссионерских усилиях, направленных на расширение их влияния. Однако сведения о народных движениях, подобных карматскому, в источниках представлены скупо [69, 131].

Таким образом, предполагается, что уход Насир Хусрава со службы и его обращение к исмаилизму обусловлены именно тем, что он увидел в этом вероучении путь к личному и общественному духовному обновлению. По свидетельству Бертельса, проповедь фатимидов в Хорасане усилилась с приходом Сельджукидов. Исмаилитские миссионеры, воспользовавшись конфликтом между Газневидами и Сельджукидами, продолжили свою деятельность, кульминацией которой стала «Новая да’ва» (دعوة جديدة), исходившая из крепости Аламут.

Третья глава исследования Бертельса, посвящённая «Жизни и деятельности Насир Хусрава», рассматривает широкий круг вопросов: источники по его биографии, переход поэта к исмаилизму, его возвращение на родину, участие в политических процессах времени и, в частности, его прибытие в Юмган.

Автор исследования начинает с анализа исторических источников и ранних хроник, содержащих сведения о Насире Хусраве. Он кратко и в хронологическом порядке излагает основные сведения, содержащиеся в этих источниках. Согласно сообщению И. С. Брагинского, одним из первых письменных упоминаний о Насире Хусраве является сочинение «Баян аль-адьян» Абульмаали [74, 92], который, по всей видимости, был почти современником поэта. Несмотря на фрагментарность и субъективность этих данных, автор отмечает их ценность ввиду хронологической близости к эпохе Насира Хусрава: «Пусть эти сведения и содержат явный полемический и тенденциозный характер, однако они являются одними из самых ранних.

Последующие свидетельства, следуя по их стопам, также проникнуты предвзятостью, враждебностью и искажённостью» [69, 175].

Опираясь на данные из сочинения самого Насира Хусрава «Ваджх-и дин», Е. Э. Бертельс указывает, что основной целью путешествия поэта в Индию являлось изучение местных религиозных учений. Так, поэт замечает: «Мудрецы индийцев люди крайне набожные... У них есть книга, которую они считают словом Божьим, и я неоднократно слышал эти слова от их мудрецов» [69, 55].

Относительно обращения Насира Хусрава в исмаилизм Бертельс заключает, что, судя по его автобиографическим касидам, он принял исмаилитскую веру до своего путешествия. Об этом свидетельствуют особенности его маршрута и повествования: «Насир Хусрав сообщает, что не сопровождал традиционный караван паломников, а отправился в хадж почти в одиночестве, лишь с братом и индийским слугой. Его маршрут необычен: после вещего сна он неожиданно оказывается не в Хиджазе, а в Египте» [69, 175]. Это, по мнению исследователя, свидетельствует о том, что обращение поэта в исмаилизм произошло до отъезда, однако в дальнейшем его взгляды продолжали формироваться и углубляться.

Особое внимание Бертельс уделяет семилетнему путешествию поэта и его встрече с известным исмаилитским миссионером Муайядом Ширази, оказавшей значительное влияние на мировоззрение Насира Хусрава. В этом контексте он рассматривает упоминание о визите поэта к фатимидскому халифу в Каире, якобы имевшем место в день Навруза. Хотя это сообщение восходит к позднейшему источнику «Хидаят аль-муъминин» Зайналобиддина Хорасани, исследователь с осторожностью оценивает его достоверность, отмечая: «Мы считаем рассказ Фидои более надёжным. Трудно предположить, что позднейший автор мог достоверно воссоздать атмосферу наврузовского праздника XI века, уже забытого в XII столетии после падения Фатимидов» [69, 178].

Другим ключевым аспектом, которому Бертельс уделяет значительное внимание, является возвращение поэта на родину и его политическая деятельность. На основании анализа дивана Насира Хусрава исследователь восстанавливает географию его проповеднической деятельности после возвращения, в частности, указываются регионы Хорасана, Нишапура, Балха и других городов.

Известно, что проповеди Насира Хусрава сталкивались с серьёзным сопротивлением. Согласно собственным стихам поэта, его основным центром деятельности был Балх, куда он вернулся после пребывания в Египте. Именно оттуда он начинает жаловаться на отчуждение со стороны соплеменников. В одном из стихотворений он передаёт приветствие своим землякам через ночной ветер:

Скажи моему народу, коль встретишь ты их,
Что не сладка мне жизнь, и всё у меня не так.
Скажи им: судьба, преследуя вас,
Мне не принесла ничего, кроме боли и муки» [10, 513].

Бертельс замечает, что в своих произведениях Насир Хусрав упоминает не только Балх, но и Мазандаран и Нишапур. В одном из апокрифических текстов, приписываемых поэту, говорится, что ученика Насира Хусрава растерзали на базаре в Нишапуре. Хотя эта история содержится как в «ложной» Сафарнаме, популярной на Памире, так и в сочинении Фидои, она, по мнению некоторых исследователей, могла входить в подлинную версию “Сафарнаме”. Однако отсутствие прямых указаний самого Насира Хусрава на пребывание в Нишапуре не позволяет с научной строгостью утверждать достоверность этих данных.

В одной из касид, написанных в Юмгане, Насир Хусрав утверждает, что был изгнан из Хатлона и Систана за свою проповедническую деятельность. Согласно исследованию, в Хорасане, Балхе, Мазандаране и Нишапуре он выполнял функции представителя исмаилитского миссионерского центра, Дар аль-Ильм, учреждённого фатимидским

халифатом. В этом качестве он получил титул «Худжжат» и «владыка области Хорасан», что сам поэт с гордостью подтверждает в одном из своих стихотворений:

Я для мудрецов Хорасана, свидетель истины,

На страницах сияет печать Мустансира [10, 182].

Насир Хусрав неоднократно использует в сочинениях эпитет худжжат, а в заключении трактата “Шаш фасл” именует себя: «раб Владыки времени, владыка восточной области...» [10, 182].

Особое внимание в исследовании Бертельса уделено отношению Насира Хусрава к сельджукам. Как и в случае с Газневидами, поэт выражает глубокое презрение к новым тюркским правителям, подчёркивая своё благородное иранское происхождение: «Он из рода свободных людей, и для персидского дехкана было бы постыдно склоняться перед тюркскими вождями» [69, 183]. Насир Хусрав с восхищением вспоминает эпоху Саманидов, призывая изучать *Книгу царей* и мудрость древних персидских правителей:

Где же Фаридун и где Кай-Кубад?

Где знамёна рода Кави?

Где Сам Нараман и где Рустам

Вождь войска Мазандарана? [10, 183].

По мнению исследователя, враждебность поэта к сельджукам объясняется, в частности, тем, что суннитские богословы возбудили против него массы, что привело к нападению на его дом и его поджогу.

В заключительной части Бертельс рассматривает вопрос о бегстве Насира Хусрава в Юмган. Несмотря на скудность данных, исследователь делает попытку реконструировать события. Он ссылается на мнение Тагизаде, считавшего обстоятельства переселения поэта в Юмган крайне неясными. В рукописи “Зод-аль-мусафирин”, датируемой 1061 годом, поэт пишет: «Мы приведём доказательства, чтобы те, кто назвал нас

безбожниками и изгнал нас из родных мест, были осуждены разумными людьми, к которым обращена эта книга» [15, 184].

Исходя из анализа поэтических текстов, исследователь заключает, что если бы к власти не пришли Туграл и другие тюркские султаны, поэт не был бы вынужден искать убежище в Юмгане. Однако прямых свидетельств, определяющих точную дату его прибытия туда, не обнаружено. Наиболее вероятной датой Бертельс считает 1063 год, когда Фатимиды на короткое время овладели Меккой, о чём Насир Хусрав упоминает в своей поэзии. Это совпадает с информацией о восстании Басасири и оккупации Багдада, а также с политической активностью Низам аль-Мулька.

По прибытии в Юмган поэт испытывал крайнюю нужду, что отражено в его стихах, где он называет Юмган своей тюрьмой и упоминает о голоде и лишениях. Тем не менее он продолжал свою миссионерскую деятельность, подчёркивая свою стойкость:

Каждый год я посылаю книгу призыва
Во все стороны мира.
Чтобы враги мои знали:
Я не слаб в вере, как ты, и не унижен [10, 297].

А. Э. Бертельс не смог с достаточной точностью определить продолжительность пребывания Насира Хусрава в Юмгане, поскольку сам поэт приводит лишь обобщённые и неполные временные указания: «мне уже семьдесят лет», «пятнадцать лет, как я в Юмгане», «прошло двадцать пять лет, как я в Юмгане» и т. п. Основываясь на этих данных, исследователь приходит к следующему заключению: «Если считать годом бегства Насира Хусрава в Юмган 1058, то следует предположить, что данная касида была написана около 1072 года» [69, 187].

На основании этого и других аргументов Бертельс делает вывод, что Насир Хусрав был жив по крайней мере до 1072 года, тогда как в хронике “Тақвим-ут-таварих” датой его смерти указывается 1088 год. Этой же датой, по утверждению исследователя, пользуются практически все последующие

исследователи жизни и творчества Насира Хусрава. Однако сам Бертельс выражает определённую неудовлетворённость такой датировкой, указывая на необходимость более критического подхода к источникам.

Особое внимание в его работе уделяется анализу одного из самых ранних и тенденциозных источников, известных под названием «Ложная биография», позднее также распространившегося под заголовком «Бахр-ул-ахбар». По предположению исследователя, данный текст мог быть создан кем-либо из ближайшего окружения поэта или одним из его учеников в Юмгане. При этом, как отмечает Бертельс со ссылкой на мнение И. С. Брагинского, высокая популярность Насира Хусрава привела к тому, что его стали почитать как «авлия Аллоҳ» (святого) и устраивать паломничества на его могилу [74, 149]. Несмотря на наличие цитат из дивана поэта, Брагинский подчёркивает: «Ни один серьёзный исследователь не может признать подобное сочинение достоверным, даже если в нём содержатся подлинные стихи поэта» [74, 149].

В данной биографии, помимо устных преданий, активно используются отрывки из стихотворного наследия Насира Хусрава. Исследователь отмечает, что, несмотря на большое количество подобных искажённых жизнеописаний, именно эта биография является самой масштабной и дошла до нас из Памира (современный Таджикистан). Кроме того, упоминается и другая биография поэта, ставшая известной в Индии среди исмаилитов-низаритов в XVI веке. В этом тексте, известном как «Каломи пир», Насир Хусрав представлен как представитель низаритского крыла исмаилизма. Однако, как подчёркивает исследователь, с исторической точки зрения это невозможно, так как движение низаритов возникло уже после смерти поэта. Тем не менее, данный текст, получивший широкую популярность в Индии и Бадахшане, стал впоследствии основой для фантастических повествований в «Оташкада» и других антологиях, где приписывается якобы связь поэта с крепостью Аламут.

В соответствии с содержанием этой апокрифической биографии, Насир Хусрав изначально был суннитом, впоследствии же был якобы брошен в тюрьму «неверующим царём» (называемым «Малик-и мулхидон»), а затем написал несколько книг, якобы отстаивающих атеистические воззрения [74, 152]. Бертельс, кратко анализируя содержание подобных произведений, заключает: «Легенды о жизни Насира Хусрава представляют собой не только отражение того, как люди в разные эпохи воспринимали его учение и труды, но и являются интересными памятниками религиозной литературы Востока» [69, 153].

Особо отмечается работа Закариё Казвини «Осор-уль-билод», которая также содержит легендарные сведения о Насире Хусраве. По оценке Бертельса, эта хроника относится к XIII веку и характеризуется вымышленным, мифологизированным содержанием. Он пишет: «Аль-Казвини в начале своего рассказа приводит слова некоего Амир Хисамуддина Абу-л-Муайяда ибн Ну‘мана, согласно которым Насир Хусрав был правителем Балха, но был свергнут и изгнан своими подданными, после чего вынужден был укрыться в Юмгане» [57, 154].

Бертельс также приводит сведения из других источников, в частности, «Тазкират-уш-шуара» Давлатшаха Самарканди и «Бахористана» Абдуррахмана Джами, и приходит к заключению, что все эти легенды, в сущности, происходят из двух касид самого Насира Хусрава: в одной он воспевает самого себя, в другой, жалуется на изгнание и преследования в Хорасане [57, 160].

Отдельно исследуется анекдот о встрече Насира Хусрава с суфием Абу Саидом Харакани, однако сам Бертельс выражает сомнение в её достоверности, отмечая несовместимость суфийского мистицизма с рационалистическим мировоззрением Насира Хусрава. Таким образом, опираясь на проверенные источники, Бертельс переходит к реконструкции биографии поэта на основе его собственных трудов. Он подчёркивает, что наиболее надёжным источником для изучения жизни Насира Хусрава

являются именно его собственные сочинения, — прежде всего «Сафарнаме», Диван и философские трактаты.

Особую значимость, по мнению исследователя, представляет внимание поэта к вопросам науки, познания и образования. Э. Бертельс указывает, что Насир Хусрав, несмотря на государственную службу при дворе Газневидов и Сельджукидов, активно занимался научными изысканиями и путешествовал с целью накопления знаний. Он пишет: «Придворная жизнь не стала препятствием для того, чтобы Насир Хусрав посвятил себя науке и странствиям» [66, 165].

В “Сафарнаме”, по мнению исследователя, становится очевидным, что Насир Хусрав был высокообразованным человеком уже к сорокалетнему возрасту. Более того, Бертельс предполагает, что до знаменитого семилетнего путешествия он уже успел посетить Индию, о чём свидетельствует фраза поэта: «Я был в землях арабов, иранцев, индийцев и тюрков» [57, 12].

В продолжение исследования Бертельс опирается на труды таких учёных, как Г. Эттэ, Х. Такво, С. Х. Тагизаде и Минави, внесших значительный вклад в сбор и публикацию стихотворного наследия поэта. Особое внимание он уделяет тем произведениям, которые приписываются Насиру Хусраву, но отсутствуют в авторизованной версии дивана.

Исследователь делит стихотворное наследие поэта на несколько категорий. Во-первых, он указывает на существование рукописей в Институте востоковедения АН СССР, где хранятся поздние списки, содержащие значительное количество приписываемых поэту газелей (например, рукопись № 1809 В, лл. 1175–1276) [228, 165]. Во-вторых, Бертельс подчёркивает, что многие из этих стихов значительно уступают по стилю и содержанию подлинным касидам. В-третьих, он указывает на то, что издатели, публиковавшие эти тексты, не всегда чётко разграничивали подлинные и сомнительные произведения, обозначая непонятные и искажённые места лишь вопросительным знаком [66, 165].

Е. Бертельс приходит к выводу, что установление точного объёма стихотворного наследия Насира Хусрава представляет собой сложную задачу. Согласно Давлатшаху, объём его поэзии составлял около 30 тысяч байтов, Ризокулли-хан приводит цифру в 12 тысяч байтов, а С. Х. Тагизаде основывает свои расчёты на других источниках. Однако эти тексты, как отмечает Бертельс, до сих пор недоступны или утрачены.

Кроме того, исследователь обращает внимание на то, что сам поэт упоминает о существовании двух сборников стихов, что подтверждают и такие учёные, как Тагизаде, Иванов и Семёнов. Всё это, по мнению Бертельса, говорит о сложности задачи реконструкции подлинного наследия поэта.

В дополнение к этому исследователь анализирует философские и богословские взгляды Насира Хусрава, подчёркивая важность религиозных и эсхатологических символов в его произведениях. Он обращает внимание на внутренние противоречия и идеологические конфликты внутри исмаилизма, отражённые в поэзии поэта.

В исследовании русского востоковеда А. Эдельмана «Насир Хусрав - поэт, мыслитель, путешественник и общественный деятель таджикского народа XI века» подчёркивается не только культурная и историческая значимость поэта, но и его роль в формировании нравственных ориентиров для последующих поколений. Эдельман с сожалением констатирует, что на протяжении более 900 лет после смерти поэта его личность подвергалась искажённым интерпретациям и мифологизации. Однако, по его мнению, истинный образ Насира Хусрава раскрывается прежде всего через его подлинные произведения, как символа стремления к свободе, независимости и духовному совершенству.

Исследователь также упоминает о службе поэта при дворе и анализирует причины, побудившие Насира Хусрава оставить государственную службу. Он пишет: «Во время своей службы при дворе Насир Хусрав занимал должность чиновника, отвечающего за сбор налогов.

Именно на этом посту он вблизи столкнулся с тяжёлым положением крестьян. Возможно, и ранее он наблюдал проявления несправедливости со стороны властей, но теперь, участвуя непосредственно в принудительном изъятии средств у крестьян в пользу царской казны, он начал гораздо острее осознавать неэтичность своей деятельности при дворе. Именно по этой причине в 1045 году он принимает решение отказаться от государственной службы» [300, 36].

Из этих указаний Эдельмана становится ясно, что мотивом ухода поэта и его последующего путешествия послужило осознание социальной несправедливости, порождённой деятельностью правящей элиты, а также стремление к поиску ответов на вопросы, касающиеся социальной и моральной деградации эпохи.

Одним из наиболее дискуссионных аспектов в исследовании Эдельмана является вопрос о присоединении Насира Хусрава к исмаилизму. По мнению автора, одной из главных причин его перехода к исмаилитской доктрине стало стремление поэта к справедливости, а также восприятие халифов Фатимидского халифата как более близких к народу и угнетённым слоям общества. В связи с этим он пишет: «Народные движения в Средней Азии не могли ставить перед собой задачу построения новой общественной формации, превосходящей феодализм. Их лозунги сводились в основном к поиску «справедливого и добродетельного правителя». Второй целью было сближение с народом. Эти факторы оказали значительное влияние на Насира Хусрава, который, отправившись в длительные и полные трудности путешествие в поисках справедливости и истины, после прибытия в Египет обнаружил поразительные отличия в общественном устройстве этой страны по сравнению с произволом феодалов других государств. Это послужило основанием для того, чтобы он с уважением отнёсся к Фатимидам и сблизился с религиозным течением, возглавляемым этой династией» [300, 36].

В рамках исследования Эдельман также рассматривает творческое наследие поэта, акцентируя внимание на его философских взглядах, тесно связанных с исмаилитской доктриной. В частности, он отмечает: «Насир Хусрав сближается с учением фатимидского исмаилизма, которое, в отличие от трактовок буржуазной псевдонауки, выражает не сущностно феодальное движение эксплуатации, а борьбу широких масс за освобождение от угнетения» [300, 36].

Он возлагает ответственность за страдания, преследования и скитания Насира Хусрава на тогдашних правителей и административный аппарат. По мнению исследователя, многие из мифов и враждебных легенд о поэте не что иное, как результат политической вражды по отношению к его личности и деятельности.

Таким образом, Эдельман не ограничивается анализом биографии и общественно-политической деятельности поэта, но также высказывает суждения о его литературном наследии. Однако следует отметить, что значительная часть его выводов базируется на исследованиях предшествующих учёных.

Следует подчеркнуть, что исследования, проведённые в период с 1949-х по 1990-е годы, отличаются большей глубиной и охватом по сравнению с трудами, созданными в 1920-1949-х годах. Учёные этого периода, помимо изучения личности, биографии и творчества Насира Хусрава, уделяли внимание различным аспектам его литературного наследия, философским, религиозным, нравственно-воспитательным и эстетическим. Многие исследователи анализировали вопросы поэтики, стилистики и жанровых особенностей его поэзии.

Научные исследования, касающиеся поэтической выразительности Насира Хусрава, начали активно развиваться начиная с 1949-х годов. В этот период были предприняты обширные попытки анализа художественного языка его поэзии. Уже в эти годы востоковед В. Никитина приступила к серьёзному изучению его творчества, уделяя внимание, прежде всего,

вопросам стилистики, поэтического метода и языковых особенностей. На протяжении многих лет она работала с Диваном Насира Хусрава, осуществив глубокий и всесторонний анализ. В частности, в статье «К вопросу о художественном мастерстве Насира Хусрава», входящей в её исследовательский корпус, она подробно рассматривает вопросы поэтики поэта.

В этом исследовании Никитина поднимает несколько ключевых тем, связанных с поэтическим наследием Насира Хусрава. Прежде всего, она обсуждает статус поэта и высказывает критические замечания в адрес некоторых предшествующих мнений. В частности, она приводит слова В. Иванова, утверждавшего: «Произведения Насира Хусрава это грубая деревенская поэзия» [110, 178]. В то же время Никитина обращается и к взглядам других западных исследователей, таких как Э. Браун и Киримский, которые оценивали поэзию Насира Хусрава положительно. Учёная подчёркивает, что в большинстве прежних исследований поэзия поэта оценивалась односторонне, с преобладанием либо исключительно положительных, либо исключительно негативных характеристик. Она критикует негативные суждения, считая их необоснованными и поверхностными.

По мнению исследовательницы, такие оценки обусловлены, во-первых, недостаточным вниманием к лирической составляющей его поэзии, и, во-вторых, незнанием стилистических и поэтических особенностей его творчества. Она пишет: «Наш ответ на вопрос, является ли Насир Хусрав великим поэтом, не может быть исчерпывающе дан в рамках одной статьи. Для этого необходимо всесторонне проанализировать все художественные особенности Дивана и других его поэтических произведений, включая их стилистические принципы, метрику, ритмику, а также все средства художественной выразительности и синтаксические структуры» [75, 112].

Развивая эту мысль, Никитина обращается к взглядам Е. Э. Бертельса, подчёркивая, что Насир Хусрав отказался от традиционной любовной и

панегирической лирики, служившей восхвалению правителей, и предложил альтернативные формы поэзии, способные, по его убеждению, выполнять воспитательную функцию в духе гуманизма и исмаилитского просвещения. Никитина отмечает: «Насир Хусрав отверг любовную и хвалебную лирику, направленную на прославление властителей, и выдвинул такие формы поэзии, которые, по его замыслу, могли бы содействовать формированию гуманистического сознания и продвижению исмаилитских ценностей. Таким образом, поэзия должна была разоблачать политический порядок, господствующий в родной стране поэта, и воспевать духовных лидеров исмаилитского учения, правителей Египта из династии Фатимидов, которых он ошибочно считал справедливыми монархами» [66, 112].

Следует подчеркнуть, что в рамках своего исследования В. В. Никитина обращается к структурному анализу касыд Насира Хусрава, подчёркивая, что поэт избирает жанр касыды как основную форму своей лирики, строго следуя её канонической структуре. Исследовательница отмечает, что вступительная часть касыды (насиб) у Насира Хусрава не служит традиционной цели восхваления, а используется как пространство для выражения философских размышлений и жизненной мудрости. Кроме того, поэт вводит в эту часть дополнительные мотивы, такие как воспевание природы, ностальгия по ушедшей юности и иные тематические отклонения.

Никитина отмечает, что около 90% лирического наследия Насира Хусрава составляют касыды, причём в рамках одной касыды может разворачиваться сразу несколько тематических пластов. Насиб (или т.н. *гурезгоҳ*), по её словам, представляет собой переходный элемент, с помощью которого поэт переводит читателя от одного мотива к другому. Также подчёркивается, что поэзия Насира Хусрава обладает ярко выраженной духовно-нравственной направленностью и оказала широкое влияние на массового читателя, что, по мнению Никитиной, объясняет её распространённость среди широких слоёв населения.

Анализируя поэтическое наследие Насира Хусрава, Н. Никитина приходит к обоснованному выводу о полном отсутствии в его лирике традиционных для восточной поэзии тем, таких как воспевание любви или восхваление светской власти. Вместо этого центральное место в творчестве поэта занимает идеал нравственно-интеллектуального самосовершенствования личности. Поэтическая миссия Хусрава, по её мнению, заключается прежде всего в духовно-нравственном воспитании подрастающего поколения, проникнутом гуманистическими установками и принципами исламского просвещения.

В рамках проведённого анализа исследовательница выделяет четыре ведущих стилистических направления, формирующих структуру поэтического языка Хусрава:

1. Патетический, эмоционально-насыщенный стиль, в котором органично сочетаются элементы риторичности, торжественности и декламационной выразительности;
2. Статичный описательно-экспрессивный стиль, характерный для пейзажной лирики и образов отвлечённо-философского характера;
3. Бытовой и дидактический стиль, используемый в поучительных эпизодах с целью прямого назидания;
4. Нарративно-реалистическая манера изображения человеческого поведения, включающая элементы дидактики, однако не всегда обладающая ярко выраженной стилистической индивидуальностью [196, 113].

Отдельное внимание Никитина уделяет религиозно-догматическим убеждениям Насира Хусрава, подчёркивая как сильные, так и противоречивые стороны его религиозного поэтического дискурса. Она пишет, что религиозная проповедь занимает в творчестве поэта центральное место, и его поэзия служит прежде всего инструментом назидания: «Религиозное учение в поэзии Насира Хусрава занимает ключевую позицию, функция проповедничества в его стихах ярко выражена» [196, 115].

Этот проповеднический стиль сопряжён с обращением к конкретным сюжетам и историческим персонажам, пророку Мухаммаду, халифам фатимидской династии и т.д. В то же время он выражает недовольство социальными и нравственными деформациями своего времени, произволом властей, моральным падением знати, социальной несправедливостью. В этих случаях, по мнению Никитиной, Насир Хусрав использует приёмы ораторского мастерства: риторические вопросы, обращения, восклицания и эмоциональные фигуры речи, через которые он усиливает выразительность поэтического послания.

В дополнение к анализу стиля, Никитина рассматривает выразительные средства, связанные с использованием абстрактных понятий, играющих важную роль в структуре его лирики. Поэт активно оперирует категориями, связанными с противопоставлениями («ночь заблуждения», «день истины», «путь веры» и т.д.), придавая текстам высокий уровень экспрессии. К примеру, он прибегает к аллегориям и метафорам, таким как «пустыня невежества», «вода знания», «люди науки», чтобы выразить нравственные и философские концепты.

Также подчёркивается философская направленность его поэтики. Даже при освещении философских вопросов Насир Хусрав сохраняет характерную для себя высокую эмоциональность, не ограничиваясь сухой аргументацией. Как пишет Никитина: «Когда Насир Хусрав излагает философские идеи, он не ограничивается спокойным изложением, а прибегает к торжественному, образному и экспрессивному стилю. Здесь мы видим использование восклицаний, обращений, аллегорических образов («небесный купол», «завеса тайны»)» [196, 115].

Для иллюстрации своих тезисов Никитина приводит следующие бейты:

Не задумался ты, как Владыка мирозданья
В сосуд из праха вдунул чистую душу без изъяна?
Этот синий безбрежный купол, в своём движенье мрачен,
Крутится вечно, когда же он прекратит обман?

Божья тайна за этой лазурной завесой, о сын мой,

Кто же способен сорвать её и увидеть суть тайн? (10, 241).

Одним из значимых компонентов стиля Насира Хусрава, исследованных Никитиной, является композиционная структура касыды. В части насиб поэт обращается к темам, имеющим философский оттенок, описывая природные явления (весну, лето, ночное небо), старость, уходящую молодость. Однако эти описания часто подчинены игре слов, насыщены тропами, в первую очередь метафорами и иносказаниями.

По мнению исследовательницы, лирические тексты Насира Хусрава не ограничиваются патетикой или восхвалением, они выражают сдержанную радость, горечь или размышления о бренности жизни, воспринимаемые через призму природных образов. При этом используются как условные традиционные образы, так и оригинальные описания, что придаёт поэзии поэта индивидуальность.

Третьим важным аспектом поэтики Насира Хусрава, на который обращает внимание Никитина, является дидактическое содержание его стихов. Поэт, стремясь донести до читателя конкретные философские идеи, обращается к наставлениям и поучениям, которые он излагает в форме доверительного, но строгого повествования. Этот тон отличается от экстатической манеры, свойственной суфийской поэзии, и больше напоминает риторическую проповедь, апеллирующую к разуму и совести.

Особое внимание уделяется использованию пословиц и поговорок. Исследовательница считает, что это связано с глубоким знанием Насиром Хусравом родного языка и культурных традиций. Она подчёркивает, что хотя такая манера становится особенно характерной для персидской литературы лишь с XIII века, в творчестве Насира Хусрава она встречается уже ранее, и носит реалистический характер. Применение паремий в поэзии служит усилению дидактической функции его произведений.

В рамках анализа исследовательница приводит и аллегорические образы, такие как «гордый орёл», «платан и тыква» и другие, подчёркивая,

что несмотря на внешнюю простоту, за ними стоят реалистично описанные социальные и нравственные сюжеты.

Наконец, ещё одной отличительной чертой поэтики Насира Хусрава, по мнению Никитиной, является активное обращение к поведенческим ситуациям, связанным с человеческими характерами и социальным взаимодействием. Этот приём отличается у поэта по сравнению с его современниками большей развитостью и сюжетной глубиной. Таким образом, в его стихах присутствуют элементы повествования, что сближает их с литературой с развитым сюжетом, основанной на устной традиции, но обладающей реалистической направленностью.

В целом, В. В. Никитина сосредотачивает своё внимание преимущественно на стилистических аспектах поэтики Насира Хусрава, систематически анализируя их сквозь призму различных функциональных, жанровых и семантических параметров. Её подход отличается не только тщательной классификацией выразительных средств, но и стремлением выявить внутреннюю закономерность их использования в рамках идеологической и мировоззренческой парадигмы поэта. Исследование отличается масштабностью, методологической выверенностью и аналитической глубиной, что позволяет отнести его к числу наиболее значимых трудов в области изучения классической персидско-таджикской поэзии. Никитина демонстрирует высокую степень филологической проникновенности, совмещая текстуальный анализ с философским контекстом произведений, тем самым выстраивая целостную картину художественного мира Насира Хусрава.

Особую ценность представляет предпринятая ею попытка интерпретации поэтической миссии Хусрава не как отражения эстетических норм эпохи, а как сознательно избранной стратегии духовно-просветительского служения, направленного на формирование гуманистических ориентиров и этического самосознания личности. Таким образом, работа В. В. Никитиной выгодно выделяется на фоне других

исследований, посвящённых Насиру Хусраву, благодаря своему комплексному подходу, широте охвата материала и акценту на стилевых особенностях, которые ранее не всегда получали должное внимание в научной литературе.

Одной из характерных черт исследовательской традиции, сложившейся в указанный период, является ограниченность философского анализа наследия Насира Хусрав в трудах 1920-1949-х годов. Лишь начиная с 1949-х по 1990-е годы, когда на научную арену вышло второе поколение исследователей творчества и наследия поэта и мыслителя, наблюдается заметное усиление интереса к философским аспектам его произведений. В этот период ряд учёных, как в рамках союзного, так и регионального научного сообщества, начинают активно разрабатывать философские концепты Насира Хусрав наряду с изучением художественно-литературных характеристик его текстов.

Значительный вклад в философское осмысление мировоззренческой системы Насира Хусрав внесли как представители отечественного востоковедения, так и исследователи, работающие на стыке философии, исламоведения и литературоведения. Среди них особо следует отметить работы таких авторов, как Г. Ашуров, Х. Додихудоев, Е. Э. Бертельс, Н. Арабзода, Т. Муродова, К. Бекзода, М. Диноршоев [41,49, 62, 66, 95, 97, 94] и других, чьи труды заложили методологические основы для комплексного изучения философского наследия мыслителя.

В их исследованиях предметом анализа становятся ключевые концепты и категории, лежащие в основе философии Насира Хусрав, включая такие понятия, как «пространство и движение», «онтология пространства в космогонической системе», «познание и средство постижения истины», «среда познания и роль разума», а также проблематика бытия, восходящая к исмаилитской интерпретации неоплатонизма и исламской теософии. Особое внимание уделяется также вопросам этики, нравственного самосовершенствования и воспитания, рассматриваемым Хусравом сквозь

призму духовной ответственности личности перед истиной, разумом и обществом.

Наряду с тематическим анализом отдельных аспектов философии Хусрава, в этот период активно развиваются исследования, направленные на глубокое текстологическое и герменевтическое осмысление его философских трактатов. В ряде работ эти тексты интерпретируются не как вторичные по отношению к поэтическому наследию автора, а как самостоятельные теоретические системы, обладающие внутренней логикой и целостной понятийной структурой. В совокупности данные исследования формируют важное направление в науке о Насире Хусраве, в рамках которого философские идеи мыслителя изучаются не изолированно, а в контексте общего эволюционного развития исламской философской мысли, с учётом как историко-культурных, так и текстологических факторов.

Среди всех исследований философского плана, осуществлённых в этот период, особое значение имеют работы Х. Додихудоева, отличающаяся комплексным и глубоко аргументированным подходом к проблематике. В течение сорока лет своей научной деятельности он опубликовал значительное количество трудов, в которых последовательно анализировал как отдельные философские вопросы, так и мировоззренческую систему исмаилизма в контексте творчества Насира Хусрав. В своих исследованиях Додихудоев уделял особое внимание сравнению взглядов Насира Хусрав с философскими идеями таких мыслителей Востока, как Абу Али ибн Сина, Сиджистани, Абу Хамид аль-Газали и др., при этом отсылая преимущественно к воззрениям самого Насира Хусрав как к методологическому стержню анализа.

В своей известной работе «Исмаилизм и свободомыслие Востока» Х. Додихудоев выдвигает проблематику «диалектики единобожия и идеи единства мира», и в этом контексте делает важное замечание: «Скептицизм Насира Хусрав вырастает из его учения и доктрины исмаилизма о Боге и

сотворении, согласно которой Творец это предел, за которым нет ничего, но от которого берёт начало вся материальная и духовная история» [100, 59].

Следует отметить, что в изложении этих взглядов профессор Х. Додихудоев был вынужден учитывать идеологические рамки советской эпохи, что, безусловно, отразилось на характере интерпретации религиозных и философских положений Насира Хусрав. Однако даже в этих условиях он сумел обосновать и аргументировать философскую ценность наследия мыслителя, особенно в рамках анализа исмаилитской метафизики. В более поздний период, уже после обретения государственной независимости, его интерпретации приобретают более объективный и концептуально целостный характер.

Не менее важным является научное исследование Г. Ашурова, представившего монографию «Философские взгляды Насира Хусрав», в которой основное внимание уделено трактату «Зад аль-мусафирин». В данной работе автор предлагает систематический анализ ключевых положений философии мыслителя, в частности, вопросов онтологии и гносеологии. Особое внимание уделяется социально-нравственным проблемам, а также интерпретации теологической доктрины Насира Хусрав. Ашуров обращается к оригинальным источникам, обоснованно цитирует фрагменты из философских произведений и сохраняет научную беспристрастность, несмотря на ограничивающие рамки официальной советской идеологии. Это делает его труд значимым в ряду реалистических и добросовестных исследований советского периода.

Следует также отметить, что в обозначенный период было осуществлено множество других исследований как отечественными, так и зарубежными авторами. Их предметом стали различные аспекты философского наследия Насира Хусрав. Однако ввиду ограниченности формата данного научного сочинения не представляется возможным проанализировать их все в полном объёме. Мы ограничимся обзором наиболее значительных и репрезентативных из них.

Так, например, обширное и тематически разнообразное исследование Т. Муродова также заслуживает внимания. В своей работе он анализирует такие ключевые философские категории, как взаимоотношение Бога и природы, онтологическое соотношение субстанции и акциденции, суть движения и времени, роль разума как одного из принципов мироздания. Особый интерес представляет его вывод о том, что: «В процессе осмысления множества вопросов, связанных с материальным миром, Насир Хусрав постепенно отходит от сугубо исмаилитского иррационализма в сторону материалистической концепции бытия» [173, 6].

Значительное количество философских диссертаций также было защищено в указанный период. Эти работы содержат глубокий теоретический анализ различных граней философского наследия поэта и мыслителя. Одна из таких работ диссертация А. Шохуморова «Концепция познания у Насира Хусрав», защищённая в 1990-х гг. В этом исследовании автор сосредотачивается на гносеологическом аспекте философии Насира Хусрав, рассматривая его в контексте исмаилитской теории души, которая составляет ядро всей метафизической системы мыслителя. Особое внимание уделяется роли чувственного восприятия в процессе познания, возможности истины, механизму формирования знания, а также концептуальному поиску души как пути к спасению посредством изучения и самопознания.

В указанный период Нозирджон Арабзода успешно защитил научную диссертацию, посвящённую философским воззрениям выдающегося персидского мыслителя и поэта XI века Насира Хусрава. Исследование стало важным вкладом в осмысление интеллектуального наследия исмаилитской философии. Параллельно с этим, Н. Арабзода активно занимался научно-исследовательской деятельностью, результатом которой стало опубликование ряда фундаментальных трудов, в том числе монографий «Исмаилитская философия Насира Хусрава» и «Мир мысли Насира Хусрава».

В этих работах автор всесторонне анализирует ключевые аспекты философской системы Насира Хусрава, включая его взгляды на теологию, природу бытия, этические учения, а также место и значение этих идей в историко-философском контексте. Особое внимание уделяется глубине метафизических и гносеологических построений мыслителя, а также их актуальности для современного философского дискурса. Труды Н. Арабзоды отличаются высоким уровнем теоретической обоснованности, систематичностью подхода и стремлением к комплексному осмыслению исследуемых проблем, что делает их значимым вкладом в развитие отечественного и международного востоковедения и истории философии.

Основная часть исследовательской деятельности Н. Арабзоды относится к периоду государственной независимости Таджикистана, в связи с чем его взгляды на различные аспекты философии Насира Хусрав будут рассмотрены отдельно, в разделе, посвящённом исследованиям, выполненным в постсоветский период.

Таким образом, в период с 1949-х по 1990-е годы исследование и осмысление интеллектуального и духовного наследия Насира Хусрав приобрело значительно более широкий масштаб по сравнению с ранним этапом советской эпохи. Если в 1920-1940-е годы изучение его творчества носило, как правило, фрагментарный и преимущественно описательный характер, то начиная с середины XX века наблюдается углубление исследовательского подхода, особенно в отношении философской составляющей его наследия. Работы, созданные в этот период, отличаются не только большим объёмом, но и значительно более высоким уровнем теоретической разработки, методологической строгости и стремлением к всестороннему анализу.

Философские аспекты учения Насира Хусрав становятся предметом систематических научных изысканий, в которых внимание акцентируется на таких темах, как теология, онтология, гносеология и этика. По сравнению с предшествующим этапом, значительно расширяется интерпретация идей

мыслителя в контексте исмаилитской доктрины, а также их место в истории исламской философии в целом.

В то же время следует отметить, что литературоведческий анализ поэтического наследия Насира Хусрав в указанный период не получил столь же широкого распространения. Количество исследований, посвящённых художественной структуре, жанровым особенностям и стилистике его поэзии, остаётся ограниченным. Среди немногочисленных, но более обстоятельных и значимых работ в этом направлении заслуживают внимания исследования таких учёных, как В. В. Никитина, Е. Э. Бертельс и Д. М. Эдельман, которые предприняли попытки глубже осмыслить поэтическую природу его творчества. Однако в целом научные труды, посвящённые литературоведческому аспекту, носят локальный характер и уступают по охвату и аналитической насыщенности исследованиям философского плана.

Что касается публикации поэтического наследия Насира Хусрав, то в рассматриваемый период издан был лишь «Собрание поэтических произведений Насира Хусрава» (тадж. «Гулчини ашъори Насир Хусрав»), подготовленный к печати Камолом Айни, и на этом издательская деятельность по распространению его стихотворений фактически ограничилась.

Таким образом, на основании рассмотренных материалов можно сделать обоснованный вывод о том, что периодизация изучения литературного и философского наследия Насира Хусрава в советской науке представляет собой значимый инструмент для анализа эволюции исследовательского подхода к данной фигуре. Предложенное в настоящем разделе трёхэтапное деление (1920-1949-е гг.; 1949–1990-е гг.; постсоветский период) позволяет не только систематизировать накопленный материал, но и проследить трансформации методологических установок, обусловленных как внутренними научными тенденциями, так и более широким социокультурным контекстом.

На первом этапе, охватывающем первые десятилетия XX века, исследование Насира Хусрава преимущественно носило характер первичной источниковедческой работы: осуществлялись публикации текстов, предварительные попытки их интерпретации, формировалась научная база для дальнейших изысканий. Несмотря на идеологическую заданность эпохи, уже в этот период наблюдается стремление к объективной оценке его вклада в интеллектуальную и духовную традицию Востока.

Второй этап (1949-1990-е гг.) стал временем значительного расширения исследовательского горизонта. Насир Хусрав начинает рассматриваться как системный философ, религиозный мыслитель, поэт и общественный деятель. Возрастает интерес к многоаспектному анализу его творчества в контексте исмаилитской доктрины, суфийской поэтики, персидской интеллектуальной традиции. В это время появляются фундаментальные труды в области литературоведения, фольклористики и истории философии, формируется устойчивая интерпретационная модель, которая продолжает оказывать влияние на современную науку.

Постсоветский этап ознаменован переосмыслением многих научных и идеологических установок предыдущего периода. Возникают новые подходы, основанные на междисциплинарном анализе, усилено внимание к локальным культурным контекстам, фольклорным источникам, народной рецепции личности и наследия Насира Хусрава. При этом наблюдается стремление не только к историко-филологическому, но и к культурологическому, религиоведческому и социологическому осмыслению его фигуры.

Таким образом, анализ этапов изучения Насира Хусрава в советской и постсоветской науке позволяет сделать несколько принципиальных выводов. Во-первых, Насир Хусрав неизменно выступает как объект трансдисциплинарного интереса, объединяющего литературоведов, философов, историков религии и культурологов. Во-вторых, динамика подходов к его наследию отражает не только внутреннюю эволюцию

научной мысли, но и более широкие процессы формирования национального самосознания, идеологического переосмысления прошлого и поиска культурной идентичности в условиях смены общественно-политических парадигм. В-третьих, несмотря на достигнутые результаты, в исследовании его наследия по-прежнему остаются значительные лакуны, особенно в области компаративистики, текстологии и исследования фольклорно-эпической рецепции его образа.

Следовательно, дальнейшее изучение Насира Хусрава требует комплексного и междисциплинарного подхода с привлечением не только классических источников, но и современных методов анализа текстов и культурной памяти, что открывает широкие перспективы для будущих научных исследований.

2. Трансформация подходов к изучению литературного наследия Насира Хусрава в советский период

Изучение и исследование классического таджикского литературного наследия в эпоху бывшего Советского Союза прежде всего совпало с периодом бурного развития теоретических дискуссий и формирования новой советской культуры, что создало особые условия для изучения жизни и произведений классиков таджикской литературы. Этот этап исследований в значительной мере ориентировался на политическую линию того времени: учёные стремились, чтобы все научные достижения соответствовали требованиям эпохи и служили интересам народа и идеологии. Вследствие этого все исследования в научной сфере носили преимущественно идеологически обусловленный характер и защищали интересы того времени.

Изучение произведений Насира Хусрава в советский период также осуществлялось в соответствии с требованиями и идеологией советской эпохи. В частности, начиная с начала XX века, когда к творчеству Насира Хусрава проявили интерес советские учёные, темы его произведений изучались в отдельности. Как отмечает С.Б. Аъзамов: «Следует признать, что

работы насирхусравоведов 30-х и начала 40-х годов XX века представляли собой начальный и вводный этап в исследовании классического наследия и творчества классиков таджикской литературы в научной среде Сталинабада, что оказало влияние на последующее развитие таджикского литературоведения» [50, 138].

Прежде всего следует подчеркнуть, что, несмотря на явный акцент исследовательского интереса на философском наследии Насира Хусрав в указанный период, определённое внимание также уделялось и его поэтическому творчеству. Анализ научной литературы, охватывающей 1949-1990-е годы, свидетельствует о том, что объектом пристального внимания учёных стала, прежде всего, приписываемая Насиру Хусраву касида, начинающаяся строкой: «Худоё, арзу тули оламатро, тавонӣ дар дили мӯре кашидан» («О Боже, Ты способен вместить бескрайние мечты мира, Даже в сердце крошечного муравья»), получившая наименование «Мунозира бо Худо» («Диалог с Богом»). Этот текст неоднократно становился предметом филологического и философского анализа, что подчёркивает его особое место в корпусе поэтических произведений мыслителя.

Кроме того, в рамках литературоведческих и текстологических исследований изучались также такие произведения, как поэма «Уқоб» («Орёл»), прозаическое сочинение «Сафарнома» и, в меньшей степени, трактат «Саодатнома». Однако следует отметить, что сведения и интерпретации, касающиеся других поэтических текстов и касид Насира Хусрава, в значительной степени фрагментарны или вовсе отсутствуют в научном дискурсе данного периода. Это свидетельствует о недостаточной полноте охвата поэтического наследия мыслителя и указывает на наличие значительных лакун, требующих дальнейшего системного изучения.

Изучение и исследование его произведений, осуществлённое как в советский период, так и в период независимости Таджикистана, с одной стороны является продолжением прежних исследований, с другой, отличается в аспектах рассмотрения отдельных вопросов.

Следует отметить, что значительная часть интерпретаций и концептуальных подходов, разработанных в советский период, во многом была обусловлена идеологическими рамками и установками, характерными для научной и культурной политики того времени. Это, в свою очередь, предопределило односторонний и нередко предвзятый характер трактовки наследия Насира Хусрава, что существенно ограничивало глубину и объективность научного анализа. В рамках господствующей марксистско-ленинской методологии акцент часто смещался в сторону социализирующего прочтения его философских и поэтических воззрений, с принижением или игнорированием метафизических, теологических и эзотерических аспектов его учения, составляющих ядро исмаилитской традиции.

Так, в ряде работ того периода Насир Хусрав характеризуется преимущественно через призму рационалистического и секулярного подхода: как «философ-скептик» [50, 56], «поэт и горячий мыслитель» [50, 200], или же как «скептик Насир Хусрав» [50, 87]. Подобные обозначения, хотя и указывали на интеллектуальную активность и самостоятельность мышления мыслителя, в то же время редуцировали его фигуру до светского философа, игнорируя его глубокую вовлечённость в исмаилитскую религиозную доктрину, его мистическое миропонимание и роль как да'и (миссионера) и толкователя эзотерического знания (та'вил).

Такая ограниченность методологических рамок привела к формированию упрощённого образа Насира Хусрава, оторванного от культурного и конфессионального контекста его эпохи. В результате многие ключевые аспекты его мировоззрения, в частности, онтологические и гносеологические положения, сопряжённые с исмаилитским космологическим учением, оказались вне поля зрения исследователей. Это обстоятельство актуализирует необходимость переосмысления наследия Насира Хусрава с привлечением более сбалансированных, междисциплинарных и религиозно-исторически обоснованных подходов, свободных от идеологической заданности.

Следует подчеркнуть, что, по наблюдению профессора Хаёлбека Додихудоева, исследователи советского периода, занимавшиеся изучением наследия Насира Хусрава, в своём подходе условно разделялись на две основные группы. Первая группа включала учёных, которые придерживались рамок официальной идеологии своего времени и выстраивали интерпретации творчества мыслителя в соответствии с доминирующей марксистско-ленинской парадигмой. Их труды отличались подчёркнутым идеологическим уклоном, стремлением увязать философские воззрения Насира Хусрава с элементами классовой борьбы, материалистического мировоззрения или антиклерикальной риторики. Вторая группа исследователей, напротив, стремилась к более объективному и свободному от политической ангажированности анализу, сосредотачивая внимание на внутренней логике и содержании философских и поэтических текстов, а также на культурно-историческом контексте их создания. Представители этой группы демонстрировали более высокий уровень академической независимости, опираясь на текстологические, историко-философские и литературоведческие методы.

Причины распространённости идеологически предвзятого подхода в работах первой группы исследователей были, по сути, двоякого характера. С одной стороны, они объясняются влиянием доминирующей политической и научной доктрины, в рамках которой любые религиозные и метафизические элементы в наследии восточных мыслителей рассматривались как второстепенные либо подлежащие критике. С другой стороны, на качество и глубину научного анализа существенно влиял недостаток достоверных биографических и текстологических источников, что ограничивало исследовательское поле и порождало ряд неточностей.

Одним из показательных примеров таких неточностей служит вопрос о дате рождения Насира Хусрава. В ряде советских источников, в том числе в широко известном многотомном издании «Образцы таджикской литературы» (1939), годом его рождения указывается 1005 год. В соответствующем

разделе биографии поэта отмечается: «Хаким Абумуиниддин Насир бинни Хусрав родился в 1005 году в районе Кабодиён (ныне Микоянобод) в семье крестьянина» [293, 37]. Однако подобная формулировка вызывает определённые сомнения, поскольку термин «крестьянин», применённый в данном контексте, носит скорее идеологически мотивированный характер, отражающий социальную терминологию советской эпохи, нежели реалии XI века. С большой долей вероятности можно предположить, что речь шла не о наёмном труженике земли в марксистском смысле, а, возможно, о простом земледельце, представителе сельского сословия, не обладавшем статусом феодального землевладельца, каким позднее ошибочно изображались предки Насира Хусрава, особенно в интерпретациях, стремящихся связать его происхождение с саманидской элитой.

Аналогичные неточности содержатся в учебниках «Таджикская литература» (1952, 1954, 1958, 1969), предназначенных для средней школы и высших учебных заведений. В то же время чётко указано место рождения поэта, тогда как данные о детских и юношеских годах остаются неопределёнными. Как отмечает Е.Е. Бертельс в предисловии к русскому переводу «Сафарнома»: «О детских и юношеских годах Насира Хусрава достоверной информации недостаточно. Известно лишь, что в родных местах он имел земельные угодья и занимался земледелием, доходы от которых позволяли ему заниматься учёбой» [68, 39].

По данным исследований, точный возраст, в котором поэт поступил на придворную службу, остаётся неизвестным. Однако в некоторых советских трудах 1969-х годов утверждается, что он начал служить при дворе Газнави в возрасте 25-27 лет или даже раньше. В учебнике «Таджикская литература» (1982) для средней школы говорится: «До 26 лет Насир Хусрав попал ко двору султана Махмуда и его сына султана Масуда, сначала занимался учётом налогов, затем получил чин писца и прославился под прозвищем «адиб» и титулом «дабири фазил» (учёный писец) [271, 128].

Учёные посвятили значительное внимание многочисленным аспектам жизни и творчества Насира Хусрава, анализируя широкий круг вопросов, связанных с его философией, поэзией и биографией. Тем не менее, одной из наиболее проблемных и до сих пор нерешённых тем остаётся вопрос о причинах отказа мыслителя от государственной службы и мотивов его последующего длительного путешествия. Несмотря на обилие исследований, данный этап биографии Насира Хусрава остаётся окутанным неопределённостью и вызывает многочисленные дискуссии среди специалистов.

Отсутствие достоверных источников и противоречивость имеющихся свидетельств затрудняют выработку единой научно обоснованной гипотезы, что свидетельствует о недостаточности проведённых исследований в этой области. Более того, в ряде работ отмечается склонность к спекулятивным интерпретациям и излишнему акцентированию на отдельных фрагментах исторических данных, что снижает объективность анализа и препятствует формированию целостного представления о жизненном пути поэта. Несмотря на значительный прогресс в изучении наследия Насира Хусрава, вопрос, связанный с отказом от государственной карьеры и мотивацией его странствий, остаётся актуальной проблемой, требующей дальнейшего междисциплинарного и критически выверенного исследования.

В научной среде существует множество различных точек зрения по данному вопросу. Одни считают, что Насир Хусрав в течение семи лет путешествовал с братом по Мерву, Ирану, Сирии, Палестине, Египту, Хиджазу и другим городам и странам с целью изучения религиозных убеждений различных народов, в результате чего написал произведение «Сафарнома» [69, 148-149]. Другие утверждают, что поэт был человеком сильной воли и принципов, который не мог смириться с условиями жизни и правлением Сельджуков, и в конце 1045 года отказался от придворной службы, посвятив себя поискам истины и постижению сути бытия [69, 129].

Хотя некоторые советские исследователи упоминают сон поэта в начале «Сафарнома», они не считают его причиной путешествия и придают этому событию малое значение. Некоторые учёные советского периода объясняют причину ухода Насира Хусрава с государственной службы и путешествия социально-политической несправедливостью и жестокостью правящих слоёв, что он не мог терпеть, будучи человеком гуманным и справедливым. В связи с этим, поэт оставил службу в возрасте около сорока лет [91, 33]. По другим сведениям, Насир Хусрав вступил на службу к султану Сельджуков Чоғирбеку в 1045-46 гг., а спустя год ушёл, чтобы изучать религиозные и культурные особенности различных народов, что отразилось в его «Сафарнома» [91, 113].

Советские учёные всесторонне анализировали историческую обстановку эпохи поэта и отмечали, что в сложных и противоречивых условиях Насир Хусрав проявил себя как образованный и прогрессивный мыслитель, который критиковал несправедливость и неравенство в обществе, а также предрассудки и суеверия несмотря на то, что поддерживал исламское учение. Исследования советского периода выявили противоречия в мировоззрении поэта: с одной стороны, он критиковал аристократию и феодальную знать, с другой, пропагандировал исмаилизм, который, как и другие религии, имел свои недостатки; с одной стороны, был богобоязненным человеком, с другой, резко критиковал духовенство и даже спорил с Богом; он одновременно опирался на разум и эмпирические доказательства, но признавал важность чувств и мистических состояний, что свидетельствует о наличии суфийских тенденций в его учении. Он был человеком самостоятельным и рассудительным, но в то же время склонным к меланхолии и преданным упованию [91, 151].

К сожалению, многие выводы советских исследователей были предвзяты и не имели полноценной научной базы, что обусловлено как идеологическим давлением, так и ограниченностью источников. Например, в книге «История таджикской литературы» (1982) Шарифджон Хусейнзода

указывает, что Насир Хусрав начал писать стихи в 28 лет, в период светских увеселений и восхваления правителей и знати [272, 128]. Однако по словам самого поэта и данным других источников, значительная часть его творчества относится к послепутешественному периоду жизни. Все зарубежные исследователи, такие как Тагизода, Махди Мухаккик, Саид Хасани Таки и другие, согласны с тем, что до путешествия у Насира Хусрава не было известных стихотворений, а поэтическое творчество началось именно после возвращения и в период преследований [273, 267].

Также в советских источниках отсутствует полный перечень произведений поэта. В большинстве трудов упоминаются маснави «Саодатнома», «Равшаноинома», «Сафарнома» и несколько касид, в то время как многие другие стихи и произведения не исследованы и остаются малоизвестными. Так, в трудах советских таджикских и русских ученых не освещены многочисленные отдельные стихи, входящие в состав касид, а также многие философские и поэтические произведения Насира Хусрава.

В целом, советские исследователи внесли существенный вклад в формирование и расширение корпуса знаний о жизни и творчестве Насира Хусрава. Их усилиями были введены в научный оборот важные тексты, осуществлены первые комплексные переводы и предприняты попытки интерпретации философских и поэтических воззрений мыслителя в свете доступных на тот момент источников. Особое внимание уделялось философским аспектам его наследия, вопросам морали, гносеологии, а также отдельным биографическим эпизодам. Тем не менее, несмотря на достигнутые результаты, многие важнейшие вопросы, касающиеся как личной судьбы поэта, так и целостной структуры его мировоззренческой системы, остались нерешёнными и до сих пор вызывают научные споры.

Ограниченность источниковой базы, идеологическая заданность ряда интерпретаций, а также методологические рамки эпохи нередко препятствовали глубокому и объективному анализу наследия Насира Хусрава. Как результат, целый ряд ключевых тем, в том числе

обстоятельства его отказа от государственной службы, характер и цели его путешествия, особенности его отношения к исмаилитской доктрине, а также жанрово-стилистическая специфика его поэзии, до сих пор остаются малоизученными. Всё это указывает на необходимость дальнейших междисциплинарных исследований, основанных на широком привлечении оригинальных текстов, сравнительном анализе и освобождении от прежних идеологических ограничений.

Известная касида, приписываемая Насиру Хусраву, традиционно рассматривалась как подлинное произведение поэта в ряде научных и литературоведческих трудов советского периода. В частности, её текст и интерпретации встречаются в таких изданиях, как «Образцы таджикской литературы» (1939), «История таджикской литературы» (1952, 1956), «Отечественная литература» (1956), а также в фундаментальном исследовании Х. Мирзозоды «История таджикской литературы» (1986) и других академических работах, отражающих уровень изученности таджикской поэзии в советскую эпоху. В этих трудах касида рассматривалась как ключ к пониманию мировоззрения Насира Хусрава, его религиозных убеждений, философской позиции и художественного взгляда на вопросы бытия, творения и отношения человека к Богу.

Однако в контексте современных научных подходов подобная трактовка вызывает ряд методологических вопросов. Во-первых, текст касиды долгое время использовался как автономное доказательство религиозно-философских взглядов мыслителя без достаточной текстологической и источниковедческой проверки её подлинности. Упрощённое отождествление автора с содержанием произведения порой вело к гиперболизации определённых тем (например, богоборческих мотивов или религиозного скептицизма), в то время как более сложные и системные элементы его теологической доктрины, характерные для исмаилитского учения, оставались вне поля зрения.

Во-вторых, научная традиция советского времени склонна была интерпретировать данное произведение через призму идеологических установок эпохи, как выражение сомнений, внутренней борьбы, или даже критики религиозного догматизма. Такой подход, хотя и способствовал популяризации Насира Хусрава как сложного и «современного» мыслителя, всё же редуцировал его тексты до уровня светской философии, исключая контекст духовной и мистической традиции, в которой поэт формировался и действовал.

В-третьих, остаётся открытым вопрос о степени авторства: современная текстологическая наука всё чаще поднимает проблему аутентичности ряда приписываемых Насиру Хусраву произведений. Сама касида, хотя и глубоко проникнута философскими мотивами, в ряде стилистических и тематических элементов может демонстрировать влияние более поздних редакций или инкорпорацию идей, не всегда соответствующих основному корпусу его подтверждённого творчества. Это обстоятельство требует более строгого филологического анализа, включающего сравнение с рукописными источниками, выявление интерполяций, а также учёт жанрово-стилистических норм времени.

Хотя указанная касида (Худоё, арзу тули оламатро…) занимает важное место в историографии насирхусравоведения советского периода, её интерпретация требует переоценки в свете современных методов текстологической критики, историко-философского анализа и отказа от устоявшихся идеологических клише. Лишь при комплексном, контекстуализированном подходе можно прийти к более объективному пониманию как самого произведения, так и мировоззрения Насира Хусрава в целом.

Данная касида состоит из 49 бейтов и содержится во всех сохранившихся вариантах дивана поэта. В советский период она считалась одной из наиболее распространённых и цитируемых поэтических форм в творчестве Насира Хусрава. Так, например, известный учёный того времени

Комил Бекзода относил эту касиду к произведениям поэта и писал: «Некоторые стихи, выражающие критику в адрес Бога, которые мы приводим, позволяют предположить, что в поздние годы жизни Насир Хусрав мог склониться к даосизму (деизму). В результате пятнадцатилетних или двадцатилетних исследований, проведённых им в Юмгане относительно различных религиозных течений и наук, вероятность того, что он приблизился к даосизму, достаточно высока. Разумеется, в то время он не мог открыто выражать подобные мысли и был вынужден говорить завуалированно. Например, стихотворение «Вся моя беда от болгары» создаёт впечатление, что поэт, маскируя свои взгляды лирической формой газели, тем не менее в её середине выражает истинную цель таким образом, чтобы религиозная цензура её сразу не распознала» [61, 43].

Исходя из подобных суждений, советские исследователи, изучавшие творчество Насира Хусрава, зачастую интерпретировали его как деиста или скептика, о чём свидетельствуют критические замечания, высказанные ими на основе заключительного стиха касиды:

Слово коротко: с этого я прошу оставить,
Голову от этой нити следует отрезать [10, 43].

По мнению исследователей того времени, поэт таким образом выражает: «Я хочу порвать с Тобой, то есть отказаться от Бога, несмотря на то что Ты существуешь. Я должен разорвать эту связь» [61, 43].

Российский учёный А. Эдельман также поддерживал эту точку зрения и писал: «Поскольку Насир Хусрав выступал в защиту угнетённых народных масс, хотя в эпоху своего времени он не мог стать полностью атеистом, он всё же часто выражал сомнения и даже иронию в отношении религиозных суеверий. Это особенно очевидно в масштабном стихотворении «Монолог с Богом», которое подтверждает наши наблюдения» [300, 40].

Продолжая свои размышления, Эдельман отмечал, что, исходя из текстов, приписываемых Насиру Хусраву (хотя он не мог с полной уверенностью определить их авторство), поэт называл Бога кровожадным и

несправедливым: «Если Бог справедлив, это означает, что Он бессилен, поскольку люди творят злодеяния вопреки Его воле, однако при этом все мучения и страдания наказываются по Его приказу. Тогда возникает вопрос: где справедливость Бога?» (300, 67).

В подтверждение приводится стих:

Почему Ты не унимаешь несправедливое кровопролитие,
Если Ты Бог, кровавый и тиранический?
Если Мы не согрешим,
Мы не рабы Бога, Который гневается.
Если даже грех приходит по Его воле,
Мы не преступники, но добродетельны» [10, 539].

Таким образом, Насир Хусрав представлен как выдающийся представитель прогрессивного и рационалистического направления в философской мысли таджикского народа» [300, 41].

В свою очередь Э.Е. Бертельс указывал: «В мировоззрении и религиозных взглядах Насира Хусрава наблюдается ряд противоречий, особенно касающихся вопросов загробной жизни, абстрактного смысла и божественных тайн, составляющих основу его религиозного учения. Эти противоречия и внутренние конфликты, вероятно, служили одной из причин политических и идеологических неудач исмаилитов в целом» [69, 256].

Учёные того периода не всегда прямо связывали Насира Хусрава с атеизмом, иногда противопоставляя его религиозным фанатикам и, наоборот, признавая его религиозную преданность. В частности, Нозирджон Арабзода писал: «Насир Хусрав, который искал путь познания Бога через постижение истины, критиковал тех учёных, которые использовали религию для обмана народа и взяточничества» [42, 59].

В издании «Образцы таджикской литературы» (1953) говорится: «Насир Хусрав со всей своей жизнью, народолюбием, высокой гуманностью и самоотверженностью в науке и поисках истины, со своей ненавистью к

угнетателям, с великим умом и талантом принадлежит нашему народу» [42, 44].

Исследователи полагали, что Насир Хусрав не мог создать полноценное религиозное учение о роли религии и её социальной функции, поэтому в его творчестве прослеживаются идеи основных религиозных понятий, таких как судьба и предопределение, и их связь с окружающим миром. Для подтверждения этой теории часто приводились фрагменты касиды «Монолог с Богом», хотя приписываемое авторство этого произведения вызывает сомнения, равно как и его художественное качество по сравнению с другими касидами поэта.

Из приведённого ясно, что по мнению Эдельмана Насир Хусрав не сторонник догматического религиозного мышления, а деистический поэт, чьё творчество анализировалось в контексте идеологии советского коммунизма. Следует отметить, что в советскую эпоху основополагающей идеей была защита прав угнетённых, особенно рабочих и крестьян, и борьба с феодальным гнётом. В этой связи критика Насира Хусрава в адрес феодальной знати и чиновников воспринималась как отражение интересов трудящихся масс, а его религиозные взгляды трактовались с позиций прогрессивного гуманизма. Исследователи того времени единодушно считали его крупнейшим философом-рационалистом, который ставил в центр внимания гуманистические идеалы.

Известно, что в маснави «Саодатнома» Насир Хусрав уделял значительное внимание описанию крестьян и ремесленников, что вызвало повышенный интерес исследователей советского периода. В частности, подчёркивалась важность роли крестьянства и ремесленников в решении социальных проблем того времени: «Насир Хусрав в своих произведениях, особенно в «Саодатнома», придавал особое значение социальной роли крестьян и ремесленников» [42, 117].

Наряду с рациональными размышлениями и философскими дискуссиями поэта, в его произведениях присутствуют и другие темы,

которым уделяли особое внимание ученые того периода, в частности, восхваление нравственных ценностей и место человека в обществе. К исследованию подобных вопросов привлекались группы ученых, которые, независимо от идеологической конъюнктуры своего времени, проводили тщательный анализ поэтического наследия Насир Хусрава. Так, например, в работах А. Эдельмана, который, с одной стороны, в определенный момент обозначил Насир Хусрава как атеиста, в другой статье «Поэт, мыслитель, путешественник и выдающийся общественный деятель таджикского народа XI века», отмечает: «Насир Хусрав выделялся как мыслитель и философ, принципиально отличаясь от реакционных исламских философов рационализмом. В философских взглядах Хусрава прослеживается гуманистическая направленность и вера в человечество. Он признавал творческие способности человека, высоко ценил величие и роль человека в мире, осознавая подчинение природы человеку. Он обладал твердой верой в светлое будущее человечества» [300, 41].

Очевидно, что в творчестве Насир Хусрава центральное место занимает личность человека и его статус среди других существ. Человек предстает у него как вождь и владыка всех существ. Вследствие этого восхваление совершенного человека пронизывает все философские и литературные произведения поэта. В первую очередь, такой высокий статус человека объясняется тем, что, по мнению поэта, человек наделен частным разумом, который берет начало от всеобщего разума, первопричины существования мира. Кроме того, в основе человеческой природы лежит особое мышление, которое развивается через обучение и усвоение знаний. Взгляды поэта придают человеку статус величайшего творения Бога, противопоставляя его всем суевериям и несовершенствам человеческого бытия. По этой причине философские взгляды Хусрава сохраняют актуальность и привлекают внимание исследователей в любое время.

Особое внимание в советской научной литературе уделялось признанию высокого положения и роли человека в философском

мировоззрении поэта. Так, отмечается: «Хотя исторические рамки жизни Насир Хусрава не позволяли ему выйти за пределы религии, однако он представлял религию как «человечность» и определял истинную религию как: «Дина ҳақро мардумӣ дон, ҷонаш илму тан амал» («Истинная вера - это человечность: её дух - знание, а плоть - деяние» [102, 106]. Исследователи неизбежно рассматривают основную цель поэта как воспитание молодого поколения. По их мнению, избранные произведения поэта имеют в первую очередь пропагандистско-воспитательный характер и сохраняют это свое качество во все эпохи. Именно поэтому данная тема в советский период сохраняла значительный статус.

Соответственно, вопросы изучения творчества Насира Хусрава в советское время рассматривались преимущественно в русле преобладающей идеологической политики, которая оказывала непосредственное влияние на направления научного анализа, отбор исследуемых тем и интерпретацию ключевых понятий. Учёные нередко фокусировались на тех аспектах наследия мыслителя, которые либо прямо соответствовали установкам марксистско-ленинского мировоззрения, либо могли быть интерпретированы в духе секулярной, антирелигиозной и социально-классовой критики. Темы, отражающие метафизические, теологические или эзотерические элементы его философии, как правило, игнорировались или интерпретировались поверхностно и односторонне.

Известно также, что при анализе творчества Насира Хусрава отдельные исследователи уделяли недостаточное внимание его культурно-философскому контексту, а также интеллектуальной преемственности с предшествующими традициями исламской философии и поэзии. Это привело к тому, что корпус работ, созданных в советскую эпоху, в значительной степени фрагментирован и ориентирован на поиск элементов, поддающихся идеологически приемлемой трактовке. Так, преимущественное внимание уделялось произведениям поэта, в которых можно было усмотреть критику лицемерия религиозных институтов, рационалистические мотивы или

выражение скептицизма, как будто бы опосредованно совпадавшие с антиклерикальной позицией советской идеологии.

В условиях, когда религия рассматривалась не как феномен культуры и духовного опыта, а как препятствие на пути исторического прогресса, тексты, содержащие антирелигиозные или квазисветские мотивы, получали особое внимание и одобрение. Творчество же, пронизанное религиозной символикой, мистическим восприятием мира или основанное на теософских категориях (например, учение о та’виле, эзотерическом толковании Корана), либо замалчивалось, либо трактовалось в редуцированной и часто искажённой форме. Таким образом, подход к изучению литературного наследия Насира Хусрава в советский период, несмотря на определённый прогресс в области источниковедения и систематизации материала, оставался во многом идеологически ограниченным.

Указанные тенденции обусловили необходимость последующего пересмотра и критического переосмысления советского корпуса исследований. С позиций современной науки, всё более актуальным становится обращение к целостному, контекстуализированному и междисциплинарному подходу, в котором философское, религиозное и поэтическое измерения творчества Насира Хусрава рассматриваются как взаимосвязанные и равнозначные компоненты. Такой подход позволяет не только восстановить и сохранить богатство духовного наследия мыслителя, но и выйти за пределы идеологически обусловленных интерпретаций, тем самым открывая новые горизонты для исследования персидско-таджикской философско-литературной традиции в целом.

3. Религиозно-философская составляющая творчества Насира Хусрава в оценке советских ученых

Известно, что исследователи творчества Насир Хусрава уделяли внимание всем аспектам его ценных произведений, осуществляя их тщательный анализ и рассмотрение. В частности, советские ученые,

независимо от политической конъюнктуры своего времени, порой высказывали свои взгляды и суждения по вопросам духовности и принадлежности поэта к исмаилизму. Исследователи, проявлявшие повышенный интерес к творчеству поэта, обращали внимание на его приверженность исмаилитскому вероучению и пропаганду этой религии, а также анализировали религиозные и конфессиональные взгляды Насир Хусрава. Следует отметить, что большинство исследователей, занимавшихся данной проблематикой, представляли иранские, афганские и европейские научные школы. Вместе с тем, отечественные ученые периода позднего СССР и послесоветского пространства также затрагивали этот аспект творчества поэта. Особенно в эпоху независимости Таджикистана эта тема привлекала значительное внимание таджикских исследователей. В своих работах эти ученые прежде всего излагали свои взгляды на вопросы духовности, религиозности и исмаилизма поэта, поскольку данный аспект является одной из дискуссионных и по-прежнему актуальных тем в исследовании наследия Насир Хусрава.

Известно, что обсуждение данной темы начинается с периода службы поэта при дворе, и именно этот этап его жизни в наибольшей степени привлекал внимание исследователей. Пропагандистская деятельность Насир Хусрава и его отношение к религии и вероисповеданию детально отражены в исторических источниках. Хотя большинство этих сведений носит отрицательный характер, тем не менее очевидно, что Насир Хусрав являлся влиятельным религиозным проповедником. Еще за столетие до него Абулмаоли предоставил достаточно информации по данному вопросу: «К ним [имеются в виду исмаилиты - прим. авт.] относился каждый, кто в любом городе призывал народ к этому вероучению. Такого человека называли «сахиби джазиры» и его власть распространялась на все города, где были дои. Из известных нам личностей к ним относились Насир Хусрав, занимавший пост в Юмгане, который отклонил народ от истинного пути, и именно оттуда воспринялся его путь, а также Хасан Саббах» [102, 69].

Научные исследования, проведённые отечественными и зарубежными учёными, постоянно подчеркивали данный аспект деятельности Насир Хусрава. В частности, эта тема получила освещение в трудах А. Семёнова, В. Иванова, Х. Додихудоева, М. Диноршоева, Н. Арабзоды, Т. Муродовой, А. Алимардона, Х. Шарифзоды, Р. Назариева, Л. Додихудоевой, М. Рейснера, Лолы Танеева-Саломатшоева, Т. Карнеевой, Х. С. Каландарова, Ш. Бандалиевой, Ш. Карамхудоева, Дж. Беронова и других [27, 40, 54, 121, 125, 127, 178, 247] . В их анализах преимущественно рассматривались вопросы принадлежности Насир Хусрава к исмаилизму, отражение исмаилитских идей в его произведениях, роль имама в исмаилитском вероучении, а также иные теоретические аспекты исмаилитской философии. Согласно мнению исследователей, таких как В. Иванов, А. Семёнов, Т. Тагизаде и Ян Рипко после видения сна Насир Хусрав отправился в путешествие и в городе Миср, столице государства Фатимидов и признанном центре исмаилитов, принял исмаилизм» [235, 56].

В издании «Намунаҳои адабиёти тоҷик» (1952 г.) по данному вопросу отмечается следующее: «Поездка в Мекку и Египет действительно состоялась после сна, описанного в начале «Сафарнома». Однако были ли иные причины, неизвестно. В любом случае это путешествие, длившееся семь лет, принесло в дальнейшую жизнь Насир Хусрава серьёзные и трагические перемены. В качестве путешественника и учёного-иранца он знакомится с высокопоставленными представителями фатимидской партии в Египте, через которых сближается с двором султана, а спустя некоторое время входит в сообщество фатимидов и принимает их исмаилитское вероучение. Халиф фатимидов Аль-Мустансир биллах высоко ценит Насир Хусрава и направляет его в Хорасан в качестве дои (проповедника фатимидов). Вернувшись в Хорасан, он занимается пропагандой и распространением фатимидского исмаилизма, пишет произведения в защиту и прославление этой конфессии» [193, 41].

Почти во всех исследованиях отечественных и зарубежных учёных того времени повторяется мнение о том, что Насир Хусрав в Каире принял исмаилизм. Вместе с тем существуют и иные теории, выходящие за рамки советской литературоведческой традиции. Так, иранский учёный Али Дашти пишет: «Единственное, что можно предполагать или выдвигать в этом вопросе Насир Хусрав не был чужд этой секте [имеются в виду фатимиды - прим. авт.], был более или менее знаком с их идеями и взглядами и, возможно, даже симпатизировал им, однако не до степени твёрдой и категорической убеждённости. Кроме того, учитывая его склонность к рациональному мышлению, не исключено, что в путешествии на Восток он имел обширные контакты с исмаилитами того времени и, как человек любознательный и склонный к дебатам, возможно, вступал в споры с их последователями, особенно в Мултане, что оказало влияние на его мировоззрение, ослабив ядро традиционных взглядов турко-арабского окружения. Следовательно, можно предположить, что паломничество в Мекку не было случайным решением, и даже видение сна, побудившее его к путешествию, было отражением глубинных процессов его подсознания» [91, 165].

В предисловии к изданию дивана стихов Насир Хусрава (Душанбе, 2009) таджикские учёные покойные А. Алимардон и Н. Амиршохи отмечают: «Следует подчеркнуть, что почти все востоковеды и исследователи жизни и творчества Насир Хусрава признают описанный в «Сафарнома» символический эпизод сна как начало серьёзных перемен в жизни и мировоззрении поэта. По их мнению, это «сон божественного откровения» стал причиной отказа от пьянства и решимости совершить хадж, а также привести поэта к приверженности мазхабу шафиитов суннитской общины. Однако если внимательно изучить творчество Насир Хусрава, можно предположить, что он, возможно, изначально был последователем исмаилитского шиитского мазхаба и использовал это чудесное видение сна как символ для сокрытия истинной цели своего путешествия» [40, 12]. В

данном фрагменте рассматривается одно из распространённых толкований биографии Насира Хусрава, согласно которому решающим моментом в его духовной трансформации стало мистическое сновидение, так называемый «сон божественного откровения». Трактовка сна как переломного момента в жизни поэта базируется преимущественно на автобиографических элементах «Сафарнаме». Однако автобиография как жанр всегда содержит элементы самоконструирования личности. Следовательно, «сон» может быть художественным приёмом, а не фактическим описанием события. Привязка Насира Хусрава к суннитскому мазхабу может быть обусловлена позднейшими интерпретациями, стремившимися адаптировать его образ к более приемлемым с точки зрения суннитской ортодоксии представлениям. Это особенно актуально в контексте исторического неприятия исмаилизма в ряде мусульманских обществ. Анализ текстов Насира Хусрава, особенно философских трактатов и касид, ясно указывает на глубокую вовлечённость поэта в исмаилитскую доктрину. Это затрудняет гипотезу о его прежней принадлежности к суннитской школе, если не рассматривать её как временную или формальную. Возможность сознательного «маскирования» под суннита в автобиографических источниках также не исключена, особенно если учитывать преследования шиитов и исмаилитов в некоторых регионах. В этом случае «сон» мог бы выполнять функцию легитимизации духовного пути, удобную как для общества, так и для самого автора. Альтернативная точка зрения о том, что сон был лишь символическим прикрытием его истинных убеждений, выглядит вполне обоснованной с точки зрения современной науки. Однако для подтверждения или опровержения этой гипотезы требуется комплексный анализ источников, жанровых особенностей и исторического контекста.

Эти научные взгляды и предположения представляют собой развитие дискуссий и сведений из ранних источников и продолжают обсуждаться по сей день. Известно, что в возрасте 40-42 лет Насир Хусрав покидает придворную службу и отправляется в путешествие. Он выезжает как зрелый

поэт и учёный, обладающий высоким интеллектуальным уровнем и стремящийся к решению философских и научных проблем. В дополнение к паломничеству к Каабе у него был и иной, более глубокий замысел, который он реализовал в ходе своего путешествия.

Иранский исследователь Али Дашти интерпретирует сон Насир Хусрава следующим образом: «В этом видении поэт не выражает раскаяния, а приводит рациональный довод, что правители считают вино причиной забвения и жизненных печалей, и что в адресуемом ему религиозном обосновании о запрете вина он не встречает сопротивления, напротив, рационально осознает, как нечто, разрушающее разум, уникальную черту и отличительную способность человека и источник добра. Именно этот разум побуждает его, человека с врождённым умеренным нравом, отвергнуть то, что было принято обществом, и, несомненно, он испытывал внутренний конфликт между законностью и требованиями совести» [91, 175].

Возможно, что упоминание «киблы» имеет не буквальный смысл, то есть не означает дом Божий, а символизирует Магриб, пространство свободы мысли и беспокойства, присутствующее в душе поэта.

Таким образом, Насир Хусрав описывает период службы при дворе Сельджукидов и рассказывает о сне, который стал причиной его путешествия. Для многих людей того времени сон мог быть поводом к переменам, однако в случае с учёным и мыслителем, каким был Насир Хусрав, видение оказалось толчком к решительным действиям, покинуть двор, и в короткие сроки отправиться в длительное путешествие. После непродолжительных остановок в городах он достигает Египта, где пребывает около трёх лет.

Кроме того, по словам самого поэта, он происходил из знатного рода, обладал значительным имуществом и положением в Балхе. С ранних лет занимался науками и литературой, в молодости служил при дворах Газневидов и Сельджукидов, с юношеских лет до сорока трёх лет прошёл

путь от простого служащего до высоких государственных должностей, таких как писарь (дабир).

По мнению ряда исследователей, после длительного пребывания в дворе и разочарования в руководстве, включая Джагрибека и других, дух поэта, обладавшего глубокой чувственностью, был потрясён, и он начал переосмысливать сущность мира. Он вел дискуссии с учёными своего времени, но не находил удовлетворительных ответов, что вызывало у него внутреннее беспокойство и поиски. Вероятно, именно этот период стал причиной его путешествий по Туркестану, Синду и другим западным странам. Со временем у него появились новые взгляды на происхождение мира и человека, а также на причины религиозных конфликтов. В итоге он пришёл к убеждению, что в народе должен быть кто-то, кто обладает осознанием этих проблем. По мнению Али Дашти: «Недовольный традиционными иранскими взглядами и ограниченностью своего времени, он был духовно жаждущим, что побудило его к дискуссиям и путешествию на Восток, в частности в Мултан, важный центр исмаилитов, где, без сомнения, он вступал с ними в дебаты» [91, 169].

Мыслитель осознавал, что любое существо отличается от себе подобных, как птицы между собой или верблюд среди других животных, так и книга Коран имеет высшую ценность среди других книг, и так далее:

Когда я нашёл лучшее тело среди всех,
Сказал: «Из всех людей кто-то должен быть лучше».
Как среди птиц, так и среди верблюдов,
Как пальма среди деревьев и рубин среди драгоценных камней,
Как Коран среди книг и Кааба среди зданий,
Как сердце среди тел и солнце среди звёзд,
Среди шафиитов, маликов и ханифитов
Искал путь Мухтара, повелителя и вождя» [10, 371].

По мнению Е. Э. Бертельса: «Те, кто писал о Насир Хусраве, довольствовались описанием его «странного сна» и пробуждения от

тяжёлого пьяного сна, как изложено в «Сафарнома». Однако из подробной поэмы, где Насир Хусрав описывает своё состояние [69, 369–374], следует, что он долгое время сомневался в суннитском мазхабе и его догмах. Можно предположить, что ещё во время путешествия в Мултан он познакомился с учением карматов. Во всяком случае, отправляясь в своё семилетнее путешествие, он несомненно был связан с исмаилитами, и особенности начала его путешествия заслуживают особого внимания. По словам самого Насира, он не отправлялся в хадж с ежегодным караваном, а путешествовал почти один, в сопровождении брата и нескольких рабов индусов, и в пути ему постоянно оказывали помощь. Его маршрут необычен и привлекателен для изучения, поскольку после видения он резко изменил свои планы и, покинув свои дома, направился в Египет» [69, 174].

Встречи с различными людьми во время путешествия и оказанная ему помощь свидетельствуют о том, что в пути Насир Хусрав находил единомышленников и пользовался их поддержкой. Сам поэт в «Сафарнома» упоминает одну из таких встреч: «Когда я был в городе Асван, у меня был друг по имени Абу Абдуллах Мухаммад ибн Фалех, человек набожный и праведный, знакомый с логикой. Когда я направлялся из Асвана в Айзаб, он написал письмо своему другу или представителю, находившемуся в Айзабе, чтобы тот оказал мне помощь. Я получил от того человека сто манов (вес одного мана варьировался в зависимости от региона, но примерно соответствовал 3-5 кг. - Б.Дж.) муки пшеницы» [91, 68].

В Египте Насир Хусрав, благодаря одному из видных представителей династии Фатимидов, имя которого он не называл и которого именовал лишь «стражем города науки» [91, 587], получил глубокое знание о течении и методах фатимидской школы, а также укрепил свою веру в исмаилизм. Проницательный и тонко чувствующий поэт прошёл все ступени исмаилитской иерархии и в кратчайшие сроки достиг ранга Худжджат, второй по значимости после имама в исмаилизме.

Путешествие поэта продолжалось семь лет, из которых около трёх он провёл в Египте. В этот период он находился на службе у фатимидского халифа Аль-Мустансира биллах (427-487 гг. х.) и занимался научными исследованиями. По завершении путешествия Насир Хусрав возвратился на родину. После возвращения в родные края великий мудрец начал пропаганду исмаилизма, однако постепенно вокруг него, особенно среди фанатиков и противников, возрастало число врагов, которые усложняли ему жизнь, доходя даже до намерений устранить его физически. Поэт, странствующий по свету, столкнулся с жёстким сопротивлением со стороны сельджуков, придерживавшихся враждебного отношения к шиитам. Вынужденный бороться с обвинениями в безбожии, карматия, мулхид (еретик) и рафизия (отвергател), он покинул родные места, чтобы избежать преследований и страданий. Об этом свидетельствуют многочисленные строки из его дивана:

Меня изгнали из домов,
Те, кто своей молитвой отлучили меня,
Хорасан стал местом изгнания,
Где же найдётся дом чистый и свободный?
О моём состоянии знает только тот,
Кто прогнал меня из родных мест» [10, 47].

После эмиграции из Балха Насир Хусрав укрылся в Нишапуре и Мазандаране, а затем перебрался в Юмгон, одну из долин Бадахшана, расположенную в горах. Там он обосновался и прожил до конца жизни, поскольку этот край был ближе к Балху и более удобен для пропаганды исмаилизма на территории всего Бадахшана.

Основной причиной таких скитаний стала духовная и религиозная переориентация Насир Хусрава, отказ от светской похвалы и любви, присущих вельможам и придворным поэтам, и сосредоточение на религиозных истинах, выраженных в строках:

Я ношу знак Мустансира биллаха
На груди и на широком лбу [10, 243].

Религиозно-духовные взгляды Насир Хусрава подробно изложены в его диване и в целом соответствуют исмаилитской доктрине. В частности, концепция та’виля (эзотерического толкования), характерная для исмаилизма, занимает в его философии особое место. По его мнению, внешний смысл ниспосланного Корана без та’виля подобен солёной воде реки, это путь к заблуждению. Та’виль же, скрытый от посторонних, подобен воде, текущей под землёй, и именно он даёт истинное понимание священного текста. Учение о рае и аду, Судном дне, мучениях в могиле, пришествии антихриста и заходе солнца на западе воспринимается как предметы эзотерического толкования.

По мнению Насир Хусрава, простой чтение Корана без осмысления не приносит пользы, так же как и богобоязненность без учёности. Знание для него служитель религии и одна из её главных ценностей: «Нет ничего, кроме Бога, и Бога нельзя назвать ни вечным, ни возникшим. Проявления бытия лишь иллюзия и воображение, излучённые Им в мир, но наполненные смыслом» [176, 23].

До поездки в Каир религиозные воззрения Насир Хусрава были скрыты, но известно, что он рассматривался как искатель истины, путешествующий по странам восточного ислама с целью непосредственного знакомства с жизнью, религией и обычаями различных народов и стремившийся постичь подлинное знание.

Однако после возвращения из путешествия он, разочарованный в мирских удовольствиях и светской жизни, стал отдаляться от мирского и посвятил себя духовным поискам, что выразилось в его творчестве.

В своих религиозных размышлениях Насир Хусрав обращается к последователям различных мазхабов и утверждает, что его слова требуют вдумчивого и осторожного толкования [176, 24].

По мнению мыслителя, цель религии обеспечить стабильность, порядок и высшее блаженство, что является основной темой его теологических размышлений. Он утверждает, что мир управляется

единственным Создателем, иначе наступила бы гибель, а поскольку человек стремится к счастью и заслуживает награды или наказания, должен существовать иной мир, где добро будет вознаграждено, а зло наказано [176, 231].

Исследователи считают Насир Хусрава глубоко верующим и серьёзным мыслителем, для которого поэзия является не просто средством художественного самовыражения, а путём утверждения истинной веры и религиозного убеждения. Поэтому он неоднократно обращается к Корану и черпает из него вдохновение. Его диван полон религиозных идей, что подтверждает и его собственное высказывание:

Возвышайся над собой,

Оставь раздоры в мире [10, 14].

Первый из этих стихов указывает на призыв Бога к человечеству. Поэт приводит цитаты из Корана, например: «И призывает Господь людей к спасению» [сура Юнус, аят 25] [176, 174].

Современные таджикские исследователи, изучающие духовность Насир Хусрава, отмечают, что его знания о Коране, толкованиях и эзотерическом смысле соответствовали представлениям его времени. Поэт был не только учёным, но и назначенным фатимидским проповедником на Хорасан, и для эффективной пропаганды исмаилизма ему необходимо было глубоко владеть священным текстом и его истолкованием. Следовательно, он с успехом справился с этой сложной задачей.

Проведя значительную часть жизни в изгнании, Насир Хусрав рассматривал Коран как единственное утешение и поддержку души и стремился донести это понимание до других. Особенно ярко проявляется его любовь к Корану и религиозное убеждение.

Учёные советского периода подчёркивали, что в детстве поэт полностью усвоил Коран и хорошо знал религии мира, несмотря на многочисленные испытания, связанные с изучением различных верований и традиций [176, 16].

Согласно мнению ряда исследователей, одной из причин отказа Насир Хусрава от государственной службы стало его осознание многообразия религиозных учений. В связи с этим он прекратил участие во всяческих мирских занятиях и избрал путь аскезы и духовного очищения в качестве своего призвания. Известно, что: «Возможно, условия времени Сельджукидов и искренняя приверженность своему вероисповеданию заставили Насир Хусрава обратиться к исмаилизму, чтобы избавиться от поверхностности и формализма, при этом не всегда полностью осознавая смысл и содержание религиозных доктрин» [176, 419].

Данная точка зрения находит поддержку и у Х. Шарифзода, который отмечает, что «Насир Хусрав ещё в молодости всесторонне изучил историю различных религий и сект, обладая не только глубокими познаниями в истории исламских конфессий, но и хорошо ознакомившись с религиями индуизма, манихейства, сабеев (сабеяне - религиозная группа, упоминаемая в Коране как обладатели Писания (ахль ал-китаб), наряду с иудеями и христианами - Б.Дж.), христианства и зороастризма, о которых он также упоминает в своих произведениях» [272, 21].

Кроме того, факт того, что во время своего путешествия в город Курул он преподавал Коран на бедавийском арабском языке, свидетельствует о его свободном владении Священной книгой. В связи с этим исследователи полагают, что Насир Хусрав был не только знатоком этого небесного писания, но и обладал к нему глубокой верой и особым почтением, рассматривая Коран как своего единственного духовного спутника и утешителя. Он придавал величайшее значение и ценность этому своду знаний, что находит отражение в его собственных стихах, где он утверждает, что с момента, когда Коран поселился в его сердце, он получил полное понимание истинности существования мира и убеждён, что без знания этой книги человек никогда не постигнет тайны бытия. Эти мысли он постоянно подчёркивает в своих стихотворениях:

От житейской суеты ныне утомлён я,

Опираюсь на Аллаха и Пророка и его народ.

Благодаря милости Божьей мне не нужны ни земли, ни люди,

Пока в сердце моём Коран благословенный живёт.

Он полон благ и добра, и сердце от него обогащено,

Благодарю Бога, что узнал я истину через Имама,

Познал я истину, уверенность и действительность [10, 454].

Дополнительным доказательством отношения Насир Хусрава к религии и конфессии является присвоение ему титула «Худжат» со стороны халифа Фатимидов в Египте. Литературовед Х. Шарифзода указывает, что: «Основной поэтический псевдоним Насир Хусрава, «Худжат», который является творческим именем большинства его стихов. Источником и основанием для данного титула было его назначение в качестве Худжата, то есть духовного легата восьмого халифа Фатимидов Абутами Маадда ибн Али, известного под именем аль-Мустансир биллах, который правил в Египте с 1036 по 1094 год. Насир Хусрав заслужил этот почётный титул благодаря своей деятельности по призыву и просвещению населения Хорасана в рамках своей конфессии» [293, 14]. По этой причине в своих произведениях поэт регулярно упоминает псевдонимы «Худжат», «Худжат Мустансира», «Худжат Хорасана», «Худжат сына Пророка», «Худжат заместителя Пророка», «Верный Имаму своего времени», «Помощник Мухаммада» и им подобные.

Следует также отметить, что до приобретения этого высокого статуса Насир Хусрав получил образование в рамках великой школы исмаилизма. Вопрос принадлежности поэта к данной конфессии вызывает разногласия среди учёных, которые делятся на две группы. Одна из них считает, что Насир Хусрав до своего путешествия был приверженцем шиитского направления асна-ашаритов, а в Каире принял исмаилизм. К этой группе исследователей относятся Бертельс, Бартольд, Кю Айни, Л. Бузургзода, Ш. Хусейнзода, С. Улугзода и другие специалисты данного периода. В частности, С. Улугзода в «Образцах таджикской литературы» подчёркивает,

что: «Он [имеется в виду Насир Хусрав - Б.Ж.] как “путешественник и учёный из Аджама” познакомился с ведущими представителями фатимидской общины и через них сблизился с султанским двором. Через некоторое время он вошёл в сообщество фатимидов и принял их исмаилитское вероучение» [253, 48].

Однако другая группа исследователей полагает, что он уже в период работы при дворе Сельджукидов принадлежал к исмаилизму. Эти учёные утверждают, что путешествие Насир Хусрава в город Мултан свидетельствует о его принадлежности к исмаилизму и, возможно, уже тогда он являлся его приверженцем. Так, Э. Бертельс подчёркивает: «Фрагментарные указания на взгляды, содержащиеся в “Сафарнаме” и диване поэта, свидетельствуют о том, что он совершил несколько путешествий до знаменитого семилетнего паломничества, в том числе в Индию. Он направлялся туда для ознакомления с местными религиозными течениями, и, как он сам говорит, “мудрецы индуизма крайне набожны, у них есть книга, которая, как утверждают, является словом Бога, и я слышал от них множество таких слов» [69, 165]. Однако Бертельс не уточняет, к какой именно конфессии принадлежал Насир Хусрав до путешествия, отмечая лишь, что: «Неясно, достиг ли он служения у самого Имама в Египте. Но можно с уверенностью утверждать, что по возвращении из путешествия он был верующим исмаилитом и имел важную тайную миссию от фатимидов» [69, 179].

В свою очередь, Каландаров Х.С. высказывает мнение: «Насир Хусрав ещё до своего семилетнего путешествия имел определённые знания об исмаилизме, начиная с Мултана. Поскольку местные проповедники этого вероучения испытывали затруднения в постижении философских истин и загадок, Насир Хусрав направился в Египет, центр движения исмаилитов» [122, 6]. Он без сомнений утверждает, что главной целью поездки Насир Хусрава было посещение халифа Фатимидов в Египте, а не просто паломничество. С точки зрения Каландарова Х., невозможно представить,

что такой учёный, как Насир Хусрав, совершил бы путешествие без серьёзной цели, затем после исполнения хаджа задержался бы в Каире на три года, кардинально изменил бы свои прежние убеждения и в короткий срок получил бы высокий титул «Худжджат» и стал одним из наиболее активных борцов за исмаилизм» [122, 4].

Однако, по мнению В. Иванова, Насир Хусрав обладал особой верой и преданностью религии, именно эта религиозная преданность способствовала развитию его мировоззрения и поиску истины и справедливости через изучение различных конфессий: «Психология религиозных убеждений населения проявляет динамику мучительного перехода к новому учению, сопровождающуюся внутренними сомнениями и конфликтами, которые схожи со всеми известными религиозными процессами, и только конечное ощущение у приверженца, будь он “покаявшимся” или иным образом, отражает его полное духовное преобразование. Насир Хусрав, к удивлению, не упоминает подобные моменты сомнений, но его принятие шиитского учения в его поэзии выражается сдержанно» [110, 417]. Иванов относит приверженность Насир Хусрава исмаилизму к периоду до его семилетнего путешествия и считает, что основным мотивом отказа от государственной службы и начала странствий стало именно осознание им этой конфессии: «В диване Насир Хусрава содержится множество важных указаний на его приверженность исмаилизму. У нас есть две ключевые фразы, указывающие на его исмаилитскую принадлежность: одна, в начале “Сафарнаме”, вторая, в одной из исторических поэм, известной как стихотворение о его рождении» [110, 418].

Исходя из этого, исследователи не рассматривают путешествие поэта как обычное паломничество с целью исполнения религиозного обряда. Некоторые из них отмечают, что если бы хадж проходил в обычной манере, он бы путешествовал с караваном и не делал бы столь продолжительных остановок. Иванов высказывает мнение, что: «Он [то есть Насир Хусрав - Б.Ж.] всегда следовал за тем, кто мог бы ему помочь, чтобы в новом месте

найти поддержку и единомышленников. Можно предположить, что выбранный им маршрут был полон исмаилитских убежищ, что позволило ему проводить необходимые приготовления во время путешествия. Он глубоко предан своим убеждениям, и этот факт является ещё одним доказательством его принадлежности к данной секте» [110, 420]. В связи с этим некоторые учёные считают, что Насир Хусрав достиг той цели и задачи, которую поставил перед собой до начала путешествия, и затем полностью выполнил возложенную на себя миссию. Сегодня он известен не только как великий поэт, философ и писатель, но и как выдающийся религиозный проповедник.

Известно, что в эпоху жизни поэта, а особенно во время его службы при дворе, ярко проявлялась несправедливость царствовавших монархов, и данное социальное положение рассматривается некоторыми исследователями как одна из причин отказа поэта от государственной службы. Ведь с самого начала он стремился к справедливости, справедливому суду и нравственной чистоте. Х. Шарифзода придерживается мнения, что «власти тех времён не воплощали политические и социальные идеалы народа, и Насир Хусрав, в поисках чистого и непорочного социального, нравственного и духовного пространства, покинул двор, «внезапно стал близок к ангелам», основу чистоты которых составляет «Свет Имама времён». Таким образом, изучение быта, опыт человеческих отношений и религиозно-философские размышления привели его ко двору халифа Фатимидов, принятию их призыва и вступлению в исмаилитскую конфессию» [289, 45].

Н. Арабзода рассматривает религиозные взгляды Насир Хусрава как продолжение логических идей предшествующих мыслителей и подчёркивает, что существенный вклад в формирование религиозных и политических воззрений принадлежит исмаилитским философам, большинство из которых были выдающимися деятелями иранской и мавераннахрской традиций. Исходя из этого, Арабзода излагает религиозно-

конфессиональное учение мыслителя, анализируя ключевые положения его религиозной философии. В частности, в разделе «Богословие» работы «Мир идей Насир Хусрава» исследователь подробно рассматривает религиозные темы творчества поэта, включая учения о единобожии, творении мира, внешнем и внутреннем смысле (зоҳир и ботин), толковании Корана, пророчестве и имамате с позиций Насир Хусрава.

В вопросе единобожия Насир Хусрав отмечает, что: «С точки зрения понимания сущности Божества, Насир Хусрав предостерегает сторонников единобожия от описания Бога с качествами, присущими невежественным, слабым и смертным людям, поскольку это – человеческие качества. Аналогично, описание Бога с положительными качествами также противоречит истине, поскольку это также свойства людей» [48, 73].

Исследователь констатирует, что Насир Хусрав выступает против таких представлений, заявляя, что приравнивание Бога к творению есть форма ширк. Поэтому он полагает, что: «Насир Хусрав полностью отождествлял сущность истинного Творца или Бога с абсолютно чистым и свободным от конкретных качеств началом, считая его единственным и однородным первоначальным разумом, что соответствует основным положениям исмаилитской доктрины» [48, 75].

Каландаров Х., обсуждая единобожие в учении Насир Хусрава, пишет: «Поскольку Бог для человека непостижим и не может быть познан, Он является единственным. Единство Бога или тавхид, это вопрос, к которому исмаилиты подходят с уверенностью. Взгляды Насир Хусрава на этот вопрос были однородными и целостными» [119, 17].

В этой теме Н. Арабзода представляет взгляды мыслителя и делает вывод, что в вопросе единобожия Насир Хусрав порой близок к деизму и даже в определённой мере к агностицизму, поскольку его взгляды кажутся скептическими относительно существования всемогущего, всеведущего и незримого Бога, не относящегося к исламской религии [42, 89]. Иными словами, исследователь противопоставляет собственное понимание

единобожия Насир Хусраву, рассматривая его как скептика и противоречащего канонам ислама. Как он отмечает: «Во-первых, учение Насир Хусрава о сущности и качествах Бога, творении мира, воздаянии и наказании значительно отличалось от представлений суннитских учёных. Во-вторых, Насир Хусрав высказывал взгляды, противоречащие официальным представлениям суннитских богословов о религии, исламе и различных её направлениях, а также о пророческой миссии» [42, 91]. Это, безусловно, свидетельствует о том, что с философской точки зрения учение исмаилизма, в котором обучался Насир Хусрав, он воспринял не в полном объёме. При этом исследователь ссылается, в частности, на поэму, приписываемую Насир Хусраву, с началом: «Боже, устояние и длина мира, ты можешь в сердце муравья воткнуть», однако данное произведение не принадлежит Насир Хусраву и полностью противоречит его учению.

Проблема внешнего и внутреннего смыслов, или толкования Корана, занимает важное место в религиозной мысли Насир Хусрава и привлекла внимание многих исследователей. В частности, Н. Арабзода в своих анализах после множества дискуссий по данной теме делает вывод, что согласно исмаилитской доктрине: «Коран, Тора и Евангелие, преподнесённые пророками иудаизма, христианства и ислама, являются священными книгами, поскольку они информируют народ о могуществе Творца и тайнах книги творения, то есть материального мира и природы. Насир Хусрав отвергает ортодоксальное мнение о ниспослании частей Корана через Джебраила пророку Мухаммаду, рассматривая его как результат познания природной книги творения самим пророком» [42, 110]. По мнению исследователя, в данном аспекте Насир Хусрав определяет статус пророка как важного наставника человечества и выделяет его преимущество в том, что он передаёт слово Божье непосредственно, без посредников.

Другой спорный вопрос религиозно-философского учения Насир Хусрава, «пророчество и имамат». Как отмечает Арабзода: «Акты пророчества и имамата являются основополагающими в богословии Насир

Хусрава, согласно которым «создание людей зависит от религии». Исходя из этого, он делит историю человечества на этапы по последовательности пророков, сменяющих друг друга с изменением шариата, при этом каждый народ достигает более высокого духовного уровня и избавляется от «болезни невежества». Одам, Нух, Ибрахим, Муса, Иса и Мухаммад признаются Насир Хусравом как пророки, которые выступали с призывом к единобожию и справедливости в своё время» [42, 112]. С точки зрения Арабзода, Насир Хусрав считает, что самопознание и самосознание достигается через наставника и имама, и попытка добиться этого без их посредничества ведёт к уподоблению и отрицанию. Поэт видит решение данной проблемы в толковании религиозных символов и притч, придавая каждой религиозной норме шариата моральный и познавательный смысл посредством эзотерического толкования» [43, 116].

Исследователь заключает, что философ рассматривает данные вопросы с позиций исмаилитов и видит пророческую миссию как божественный выбор и волю. При этом познание и освоение знаний оставлено на усмотрение человека, а толкование, притчи и коранические рассказы в произведениях мыслителя представлены как средства достижения высших знаний.

Вопрос о роли Имама в исмаилитском учении и в мировоззрении Насир Хусрава занимает значительное место в исследованиях и рассматривается как одна из ключевых тем религиоведческого анализа. Так, Э. Бертельс в начале своего исследования «Взгляды Насир Хусрава на светскую роль исмаилитских имамов» отмечает: «Познание Имама времени является одной из фундаментальных и важнейших тем исмаилитской фикхи, и естественно, что Насир Хусрав уделял этой теме особое внимание» [69, 248].

Известно, что Насир Хусрав признавал преемственность имамата в исмаилитском учении и подтверждал её. Исследователи также посвятили этой теме значительное внимание. В частности, Бертельс в своих исследованиях отмечает, что: «Насир Хусрав отвечает на вопрос, кем должен

быть Имам. В выражении «ахли даъват бегонаро мутобеат накарданд» (сторонники миссии не подчинились постороннему) ясно отражено древнее шиитское убеждение в наследственном преемстве имамата в доме Пророка» [69, 248].

Х. Шарифзода, анализируя взгляды Насир Хусрава на исмоилитского имама, отмечает, что «Хусрав, признавая высший статус Имама замона, возносит также и статус человека, приближая его к Божеству» [280]. Безусловно, позиция имама в иерархической системе исмоилитского мазхаба абсолютна: имам во все эпохи и времена направляет своих последователей на истинный путь, основанный на Священном Коране и законе пророка в соответствии с конкретными историческими условиями. Каландаров Х.С. в своем исследовании также акцентирует внимание на роли имама в поэзии Насир Хусрава, утверждая: «Обязанность имама во все времена вести своих последователей по прямому и истинному пути, который указан в Коране и шариате пророка» [117, 377]. По его мнению, эта тема постоянно звучит в стихах поэта и проходит красной нитью в большинстве его оды, от начала до конца.

Кроме того, «следует отметить, что в философии исмаилитов, и в частности в учении Насир Хусрава, познание имама неразрывно связано с наукой, знанием и мудростью, имам является главным символом науки и мудрости. По мнению Насир Хусрава, знание обладает божественной силой, и все науки происходят от Бога» [117, 369]. Из этого исследователь делает вывод, что Хаким Насир Хусрав считает бессмертие и вечность в знании Бога, Его посланника и Святого Корана. Он подчеркивает: «Насир Хусрави Кубодиони в своих философско-научных и литературных трудах выступает как пропагандист шиитско-исмоилитских идей, исследуя и пропагандируя основные догматы ислама, единобожие, пророческую миссию пророка как завершение пророков, наследственный имамат, который передается от Пророка к его преемнику и далее к потомкам, рассматривая Имама как источник божественной мудрости, необходимость толкования слова Божьего

и шариата пророка с точки зрения исмоилитской шиитской традиции» [118, 24].

Таким образом, Насир Хусрав уделял особое внимание религии и богословским вопросам и, помимо поэта и философа, был признан мощным проповедником религиозно-конфессиональных идей. Он рассматривался как представитель исмаилизма, который всех религий, независимо от народа и национальности, признавал едиными. По его мнению, цель всех религий, направлять человека на истинный путь и поклонение единому Богу. Согласно взглядам Насир Хусрава, мусульманин не должен испытывать предубеждения против евреев или христиан, а смотреть на всех с равным уважением. Если мусульманин не знает значения и достоинства Корана, то ему нет нужды спорить с Евангелием. Философ-поэт напоминает, что имел добрые отношения со многими народами - персами, арабами, индусами, турками, римлянами, евреями и христианами, и многому у них научился, что хорошо прослеживается в ходе его семилетнего путешествия.

Анализируя взгляды исследователей творчества Насира Хусрава, можно заметить, что некоторые из них подчеркивают его универсалистский подход к религиозному знанию: якобы он не делал различий между религиями и признавал всех пророков, посланных Богом, равноценными в своей миссии перед человечеством. Эта интерпретация представляется чрезмерно обобщённой и требует уточнений. Действительно, в его философских и богословских сочинениях прослеживается уважительное отношение к пророкам и к самому институту пророчества как к универсальному механизму передачи Божественного знания. Однако утверждение, что Насир Хусрав «не делал различий между религиями», не выдерживает критики с точки зрения как исторического контекста, так и собственно текстологического анализа его сочинений.

Прежде всего, Насир Хусрав был убеждённым исмаилитом и последовательно отстаивал принципы исмаилитской теологии, в частности, концепцию имамата, эзотерическое толкование Корана (та’вил), и идею об

иерархической структуре духовного знания. Эти идеи существенно отличают его мировоззрение от других конфессий, как суннитских, так и иных шиитских направлений. Более того, он открыто критиковал представителей других течений ислама, в особенности догматическое богословие (калам), формалистскую юриспруденцию и поверхностное отношение к религиозным истинам.

Следовательно, было бы методологически неверно представлять его как сторонника безусловного религиозного плюрализма в современном секулярном смысле. Его универсализм, если таковой и присутствует, ограничен рамками исмаилитской космологии, где истина имеет иерархическое строение, а пророки и имамы выступают как последовательные звенья цепи Божественного руководства.

Что касается академических исследований, посвящённых духовной доктрине Насира Хусрава и исмаилизму, то они, действительно, часто носят либо апологетический, либо, напротив, резко критический характер. Мало кто из авторов стремится к критическому, беспристрастному анализу его взглядов. Например, труды Н. Арабзоды заслуживают внимания именно потому, что в них встречаются попытки выйти за рамки традиционной конфессиональной интерпретации и подвергнуть учение мыслителя философско-исторической и сравнительной критике. Однако и здесь критика чаще всего остаётся завуалированной и не всегда свободной от влияния личной веры или идеологической ангажированности.

Следовательно, существующие интерпретации взглядов Насира Хусрава, как правило, либо романтизируют его как гуманистического мыслителя, либо редуцируют его богословие до набора религиозных постулатов. Между тем, для полноценного понимания его наследия необходим междисциплинарный подход, сочетающий филологический анализ, историю религий, философию и теологию. Только при таком подходе можно преодолеть идеологические упрощения и восстановить подлинную глубину и сложность его мировоззрения.

Как подчёркивает Е. Э. Бертельс, подводя итог религиозно-философским взглядам Насира Хусрава, в его мировоззрении обнаруживается целый ряд внутренне противоречивых положений. Эти противоречия касаются, прежде всего, вопросов метафизического порядка, таких как учение о загробной жизни, понимание абстрактных категорий бытия, а также интерпретации божественных тайн, составляющих ядро исмаилитской космологии. К тому же в его воззрениях прослеживаются напряжения и неопределённости, связанные с отношением к политической власти, роли имамата и социальному устройству мира [69, 256].

Бертельс указывает, что именно эти внутренние коллизии между эзотерическим (бāтин) и явным (зāхир), между духовным идеалом и политической реальностью, во многом объясняют трудности, с которыми сталкивалось исмаилитское движение в различные исторические периоды. В частности, неоднозначность и сложность философско-религиозного учения Насира Хусрава становились причиной как идеологических разногласий внутри самой общины, так и внешнего непонимания со стороны суннитского большинства.

Размышляя о религиозно-философском наследии Насира Хусрава в контексте его восприятия советскими исследователями, необходимо учитывать не только концептуальную глубину и оригинальность его идей, но и внутреннюю противоречивость, которая нередко становилась препятствием для однозначной интерпретации его учения как современниками, так и последующими исследователями. Особенно это касается таких категорий, как онтология божественного знания, природа пророчества, загробная жизнь и структура духовной власти, включая ключевое понятие имамата, которое вызывало особую критику со стороны официальной религиозной доктрины.

Насир Хусрав был не просто поэтом и мыслителем, но прежде всего богословом, который пытался построить цельную систему религиозной философии, основанную на исмаилитской интерпретации ислама. Его религиозно-конфессиональные воззрения пронизывают все философские

труды, от поэзии до прозы. В них он не только формулирует догматические положения, но и комментирует ключевые теологические вопросы, связанные с природой истины (ҳақиқат), ролями пророков и имамов, отношением внешнего и внутреннего знания (зоҳир ва ботин), а также с миссией человека в мироздании.

Советские исследователи, несмотря на идеологические ограничения, предприняли попытки осмысления этого богатого и многослойного наследия. Однако их интерпретации зачастую были избирательны и подчинены господствующей атеистической или антирелигиозной парадигме. Основное внимание уделялось социально-философским аспектам творчества мыслителя, тогда как его богословская система оставалась либо в тени, либо оценивалась с точки зрения «устаревшей» религиозности.

ГЛАВА IV
ЭТАПЫ И НАПРАВЛЕНИЯ НАСИРХУСРАВОВЕДЕНИЯ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД: ОПЫТ РУСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

1. Изучение классического литературного наследия в научно-культурной политике независимого Таджикистана

Таджики издавна признаны одним из тех культуротворческих и гуманистически ориентированных народов, которые, начиная с глубокой древности, проявляли себя как нация свободомыслящая, инициативная и созидательная. На всех этапах своей истории, когда они приходили к власти или боролись за самоуправление, их действия были направлены, прежде всего, на достижение свободы и государственной самостоятельности. История таджикского народа уходит корнями в тысячелетия, и его государственность также насчитывает многовековую традицию. Хотя в мировой историографии значительное внимание уделяется древнегреческой, еврейской, египетской и вавилонской мифологиям и династиям, тем не менее, начало политической истории и государственности иранских народов, включая таджиков, с полным основанием следует связывать с династией Пешдодидам.

Государственная независимость Таджикистана стала уникальным достижением в истории таджикского народа. Этот этап знаменует собой не только повод для национальной гордости, но и убедительное доказательство для мирового сообщества того, что таджикский народ, преодолев глубокий идеологический и политический кризис, сумел вновь утвердиться на международной арене. Данный исторический поворот во многом стал возможен благодаря усилиям выдающегося лидера, Президента Республики Таджикистан, Основателя мира и национального единства, Лидера нации, уважаемого Эмомали Рахмона. Именно он сумел консолидировать общество, преодолеть угрозу распада государства и предотвратить исчезновение национальной идентичности. За сравнительно короткий исторический

период, в течение тридцати лет независимости, под его руководством были достигнуты значительные успехи в различных сферах, включая развитие науки и литературы.

Инициативы и политика Лидера нации привели к всестороннему возрождению и укреплению таджикской научной, литературной и духовной культуры. Его выступления и предложения ежегодно озвучиваются с высоких международных трибун, таких как Организация Объединённых Наций и ЮНЕСКО, где они находят широкий отклик и признаются вопросами глобальной важности. Эти инициативы служат важным инструментом репрезентации таджикской нации как носителя древней и высокоразвитой цивилизации.

С опорой на богатое литературное и философское наследие своих предков, таджикский народ в современных условиях активно участвует в развитии науки, литературы и культуры, играя значительную роль в укреплении национального самосознания. Несмотря на многочисленные испытания, включая вторжения Александра Македонского, арабские завоевания, нашествия монголов и тюркских кочевников, таджикский народ сумел сохранить и продолжить развитие своей литературной и культурной традиции.

Как справедливо отмечает Президент страны: «На страницах древней истории нашего народа зафиксировано, что вследствие постоянных набегов и нашествий династий и иноземных родов таджикская государственность неоднократно оказывалась под угрозой уничтожения. Однако дальновидные и культурно-просвещённые сыновья нации, преодолевая тиранию чужеземцев с помощью духовного и культурного сопротивления, продемонстрировали мужество и терпение, сохранив и упрочив национальную идентичность» [217, 2].

После обретения независимости в начале 1990-х годов, впервые за тысячу лет борьбы между различными династиями и социально-политических потрясений, таджикский народ вновь смог построить

суверенное национальное государство. Период независимости стал качественно новым этапом, ознаменовавшимся восстановлением национальной государственности, укреплением общественно-политической стабильности и консолидацией общества вокруг общенациональных целей.

Президент страны подчёркивает: «Исторический опыт свидетельствует о том, что ни один народ не может обрести силу и цивилизованность в изоляции. Только взаимодействуя с культурами и цивилизациями соседей, можно сохранить национальную идентичность и достигать устойчивого развития. Великая заслуга таджикского народа в том, что он с достоинством пережил притеснения и завоевания, усвоил лучшие достижения других культур и трансформировал их в элементы собственной духовной системы» [217, 8].

Одним из важнейших достижений независимого Таджикистана стало восстановление полной политической стабильности и национального единства, а также формирование устойчивой социальной идентичности, рост патриотического и национального самосознания во всех слоях общества. Эти успехи стали возможны благодаря мудрости и интеллектуальному потенциалу таджикского народа.

Период независимости создал новые условия для комплексного исследования классической персидско-таджикской литературы. Учёные получили возможность более глубоко и системно изучать поэтику, стиль, тематику и философские аспекты творчества классиков. Особую актуальность приобрели филологические и текстологические исследования произведений поэтов и мыслителей, таких как Рудаки, Фирдоуси, Насир Хусрав, Саади, Хайям, Аттор, Хофиз, Руми, и Джами.

Как отмечает литературовед Варқа Охонниёзов: «Независимость стала центральным понятием свободы и вызвала у народа обоснованную надежду на достойное будущее. Поэтому таджикский народ воспринял независимость как синоним светлого завтра и устойчивого развития государства» [201, 41]. Вместе с этим в культурной жизни страны произошли качественные

изменения. Молодые писатели стали использовать новые литературные формы, что выразилось в появлении оригинального художественного стиля. Углубились культурные связи с Ираном и Афганистаном, что способствовало сближению поэтического языка и образной системы. Это стало основой для формирования третьего этапа в истории новейшей таджикской литературы, литературы периода независимости.

Наряду с пропагандой ценностей независимости, особое внимание уделяется переосмыслению и научному исследованию наследия классиков. Если ранее процесс изучения классического наследия начался ещё в начале XX века, то в постсоветский период он получил новый импульс, будучи поставлен на государственный уровень и поддержан политикой руководства страны. Научная литература обрела системную структуру, основанную на документальных, историко-филологических и аргументированных данных, избавленную от образной условности и художественной метафоричности. Каждое исследование, будь то в области литературы, философии или культурологии, стало опираться на конкретные источники, открывая новые горизонты для отечественной и мировой науки.

Особенностью научного дискурса эпохи независимости стала активизация международных культурных контактов, включая исследование арабо-иранских литературных и культурных связей. Изучение взаимовлияний классической таджикской литературы с арабской, персидской и иными восточными культурами стало важным направлением в современной гуманитарной науке.

Таким образом, углублённое изучение классического литературного наследия, в том числе творчества Насир Хусрава, обрело второе дыхание в условиях независимого государства, что способствовало формированию целостной научной школы таджикской филологии. Как подчеркивает Лидер нации: «Все наследие наших предков, от “Авесты” до Рудаки, Фирдоуси, Хайяма, Насир Хусрава, Хафиза, Камоли Худжанди, Саади и Джами, представляет собой свод норм морали и этики. Поэтому крайне важно

последовательно изучать и популяризировать их духовные ценности» [217, 113].

Развитие и расцвет научных исследований в Республике Таджикистан в конце XX и начале XXI веков в условиях государственной независимости знаменовали собой вступление отечественной науки, в том числе гуманитарного и литературоведческого знания, в принципиально новую фазу. На этом этапе таджикская научная мысль обрела возможность выйти за рамки идеологических ограничений советского периода, сосредоточившись на более самостоятельных, глубоких и многоплановых подходах к изучению культурно-исторического и литературного наследия. Это позволило заложить основы новой научной парадигмы, которая не только интегрировалась в глобальный научный дискурс, но и обусловила качественные изменения в структуре научной литературы, как в пределах страны и региона, так и за его пределами.

Существенный импульс этому процессу был дан благодаря целенаправленной государственной политике в сфере науки. Одним из стратегически выверенных шагов Лидера нации, Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона стало создание благоприятных условий для развития науки и научно-исследовательской деятельности в различных областях знаний. Учреждение в 1996 году Президентского фонда фундаментальных исследований стало важным институциональным механизмом, позволившим финансировать научные проекты, включая исследования в области классической таджикской и персидской словесности, что дало возможность выстраивать научную инфраструктуру на качественно новом уровне.

Особое значение в данном контексте приобретает развитие литературоведения как ключевой гуманитарной дисциплины, играющей роль в осмыслении национальной идентичности и формировании культурной памяти. Активизация публикационной деятельности, выпуск научных журналов, сборников тезисов, монографий и статей, посвящённых классикам

таджикско-персидской литературы, способствовала укреплению литературоведческой школы в Таджикистане, а также расширению спектра научного диалога между отечественными и зарубежными исследовательскими центрами. Эти издания стали важным инструментом репрезентации научных подходов к изучению поэтики, философии, символики и жанровой системы персидско-таджикской словесности.

С первых лет независимости таджикские исследователи с новой методологической оснащённостью обратились к системному изучению литературного наследия, ранее зачастую рассматриваемого сквозь призму идеологических установок. В течение трёх десятилетий научный анализ творчества таких выдающихся представителей таджикской словесности, как Абдурахмон Джами, Камол Хуҷанди, Мавлоно Джалолиддин Балхи (Руми), Насир Хусрав и других, был углублён и обновлён. Эти исследования сопровождались подготовкой новых текстологических редакций, комментированных изданий и сравнительно-литературоведческих сопоставлений.

Изучение творчества Насира Хусрава в период Независимости Таджикистана обрело новое звучание и научную глубину благодаря усилиям выдающихся таджикских литературоведов, таких как Худои Шарифзода, Абдунаби Сатторзода, Абдунаби Абдусаттор, Лутфуллоев, Расул Ходизода, Тоджиддин Мардони, Варка Охонниёзов, Джума Бехронов, Хоким Каландариён (Каландаров) и многих других. Эти исследователи не только сохранили и продолжили методологическую традицию, заложенную в советский период, но и вывели таджикское литературоведение на принципиально новый теоретико-концептуальный уровень. Их труды демонстрируют стремление к междисциплинарному подходу, в котором тексты Насира Хусрава анализируются не только как образцы классической персидско-таджикской литературы, но и как глубоко философские и духовные произведения, насыщенные символикой, метафизическим содержанием и культурными кодами. Особое внимание уделяется таким

аспектам, как герменевтическое прочтение текста, соотношение поэтики и философии, влияние суфийского мировоззрения, а также взаимодействие культурных традиций Востока и Запада. Это позволяет заключить, что таджикская наука о литературе не просто актуализирует наследие Насира Хусрава в современных условиях, но и вносит весомый вклад в развитие глобальной гуманитарной мысли, демонстрируя высокий уровень теоретической рефлексии и методологической зрелости.

Особую актуальность в научном дискурсе приобрело изучение жизнеописаний и творческого наследия выдающихся деятелей таджикской и персидской культуры, как Рудаки, Фирдоуси, Абуали ибн Сино, Насир Хусрав, Абурайхон Беруни, Джалолиддин Руми, Саади, Хафиз и других. Если в советскую эпоху к их произведениям проявлялся академический интерес, то в постсоветский период, в условиях духовного и культурного возрождения, они стали символами национального самосознания и субъектами новой идентичностной парадигмы. Благодаря усилиям государства и научного сообщества их наследие было не только заново осмыслено, но и переиздано с учётом современных требований к научной текстологии и интерпретации. ЮНЕСКО при поддержке Президента Таджикистана отметила юбилеи этих мыслителей, что способствовало их широкой международной популяризации и признанию.

Таким образом, современное таджикское литературоведение выполняет сразу несколько функций: аналитическую, интерпретативную, культурно-политическую и образовательную. Оно не только исследует тексты и контексты, но и выступает как медиатор между прошлым и настоящим, между национальным и универсальным, между локальным опытом и глобальным научным сообществом.

Изучение литературы, культуры и историко-философского наследия служит важнейшим инструментом в формировании целостного взгляда на национальную цивилизацию и её вклад в сокровищницу мировой культуры. Как подчёркивает Глава государства, глубокое понимание духовных и

культурных оснований нации способствует не только утверждению собственной идентичности, но и построению мостов научного и гуманитарного взаимодействия с развитыми странами мира. Эпоха государственной независимости открыла перед таджикским литературоведением широкие горизонты: она не только способствовала возвращению к собственным истокам и реинтерпретации великого литературного наследия, но и позволила включиться в полилог культур, тем самым упрочив статус таджикской научной школы как равноправного участника глобального академического пространства.

2. Проблемы текстологии и современные издания Насира Хусрава: достижения и перспективы

Одним из ключевых и методологически значимых направлений в изучении жизни, творческого пути и интеллектуального наследия выдающихся поэтов и ученых является подготовка, систематизация, критическое осмысление и научное издание их богатого литературного достояния. Именно посредством тщательного текстологического анализа становится возможным проникновение в сущность художественного и философского содержания произведений, а также реконструкция авторского замысла с учетом историко-культурного контекста.

Следует подчеркнуть, что в рамках современной таджикской филологической науки данный подход получил устойчивое определение как «текстология», дисциплина, направленная на исследование структуры, происхождения, авторства и редакционной истории текста. Как метод научного исследования, текстология начала складываться еще в античную эпоху и на протяжении веков эволюционировала в самостоятельное направление в литературоведении, особенно актуальное при работе с наследием классической литературы.

Роль текстологии возрастает в случае обращения к произведениям классиков, чье творчество зачастую дошло до нас в виде множества

рукописных версий, содержащих разночтения, лакуны и редакционные вставки. Без предварительной и глубоко научной текстологической работы, направленной на выявление, сверку и анализ различных текстовых версий, а также без создания критического издания, исследование таких литературных памятников становится затруднительным и нередко теряет научную достоверность.

В связи с этим, одной из объективных причин фрагментарного и ограниченного изучения литературного и философского наследия Насира Хусрава в советский период, по всей видимости, можно считать отсутствие полного, научно обоснованного и критически выверенного издания его произведений. Лишь с обретением Республикой Таджикистан государственной независимости, на фоне процессов национального возрождения, активного переосмысления культурно-исторического прошлого и роста интереса к интеллектуальному наследию предков, стало возможным проведение широкомасштабных мероприятий, приуроченных к юбилеям выдающихся представителей персидско-таджикской культуры. В этом контексте особое внимание стало уделяться фигурам, чье творчество не только представляет большую художественную и философскую ценность, но и способствует формированию национального самосознания.

К числу таких выдающихся личностей по праву относится и Насир Хусрав, один из наиболее ярких представителей классической таджикской литературы и исламской философской мысли, чье богатое и многоплановое наследие занимает особое, почетное место в культурной истории таджикского народа. Как отметил Лидер нации: «Хаким Насир Хусрау Кободиёни один из выдающихся представителей культуры и разума таджикского народа, посвятивший свою жизнь самосознанию, прославлению национальной гордости и патриотизма, а также освобождению от угнетения и деспотизма, от суеверий и других негативных явлений» [217, 3].

Следует подчеркнуть, что в условиях становления государственной независимости Республики Таджикистан особую актуальность приобрели

вопросы изучения, сохранения и популяризации национальной культуры и цивилизационного наследия таджикского народа. В рамках культурной политики независимого государства изучение персидско-таджикского литературного наследия было выдвинуто в число приоритетных научных направлений, что обусловлено стремлением к восстановлению исторической преемственности, укреплению национального самосознания и утверждению духовных ориентиров, основанных на многовековых культурных традициях.

В этом контексте особое внимание было уделено научному осмыслению и переоценке творчества таких выдающихся представителей классической литературы, как Насир Хусрав, чье богатое интеллектуальное и литературное наследие не только было возвращено в научный и культурный оборот, но и подверглось интерпретации с учетом современных идеологических и культурно-гуманитарных приоритетов. Новейшие исследования стремились не только к филологическому анализу текстов, но и к выявлению идейного и концептуального потенциала произведений Насира Хусрава, сопоставляя его философско-религиозные взгляды с актуальными задачами духовно-нравственного и культурного развития современного таджикского общества.

Особую значимость и символическую наполненность в этом процессе имело включение празднования 1000-летнего юбилея Хакима Насира Хусрав в официальный календарь международных культурных мероприятий Организации Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), что стало возможным благодаря инициативе и настойчивым усилиям Основателя мира и национального единства - Лидера нации, Президента Республики Таджикистан, уважаемого Эмомали Рахмона. Торжественное международное празднование юбилея, состоявшееся в 2003 году, стало важным стимулом к активизации научно-исследовательской работы, направленной на глубокое и всестороннее изучение наследия этого выдающегося мыслителя, как в самой Таджикистане, так и за его пределами.

В постсоветский период произведения Насира Хусрав были не только повторно изданы на таджикском языке, но и переведены на ряд ведущих мировых языков, таких как русский, персидский, английский, немецкий, французский и другие. Это обеспечило более широкий доступ к его творчеству для международного научного сообщества, литературоведов, философов и всех, интересующихся историей исламской мысли и персидско-таджикской литературной традиции. Только на таджикском языке в годы независимости было осуществлено шесть различных изданий его сочинений, каждое из которых представляло собой значительный шаг вперед в деле научного редактирования, текстологического анализа и интерпретации текстов.

Наряду с изданием текстов, в этот период была проведена значительная работа по исследованию различных аспектов литературного, философского, религиозного и этического наследия Насира Хусрава. В рамках научных проектов, монографических и коллективных исследований, конференций и публикаций в рецензируемых изданиях, произведения мыслителя были подвергнуты критическому анализу с позиций как традиционного востоковедения, так и современных междисциплинарных подходов.

В 1992 году, в первые годы после обретения государственной независимости, в контексте возрождения интереса к национальному духовному и литературному наследию, был осуществлён важный этап в процессе систематизации и публикации произведений Насира Хусрава. Под редакцией известных таджикских исследователей Аликул Девонакулова и Нозира Арабзоды впервые было издано двухтомное собрание сочинений выдающегося мыслителя под названием «Куллиёт» (Полное собрание сочинений). В издание вошли как его философско-религиозные и публицистические произведения в прозе, так и поэтические маснави - «Саодатнома», «Равшаноинома», а также биографическое сочинение, авторство которого принадлежит неизвестному историку или последователю поэта.

Однако, несмотря на безусловную значимость данного издания как первичной и, в определённой степени, новаторской попытки текстологического осмысления и восстановления корпуса сочинений Насира Хусрава, следует отметить, что оно не может быть признано ни исчерпывающим, ни научно завершённым. В процессе детального анализа выявлен ряд существенных редакторских, текстологических и филологических недочётов, которые ставят под сомнение степень академической проработанности текста.

Прежде всего, вызывает обеспокоенность тот факт, что коранические аяты, органично встроенные в ткань философских и поэтических сочинений Насира Хусрава, в большинстве случаев представлены без перевода и научного комментария. Отсутствие интерпретации этих интертекстуальных элементов затрудняет полноценное понимание глубинного философско-богословского контекста произведений, а также ослабляет возможности для дальнейшего герменевтического анализа, особенно в аспекте соотношения между текстом автора и священными источниками исламской традиции.

Кроме того, в прозаических фрагментах зафиксировано значительное количество орфографических, синтаксических и смысловых ошибок, что свидетельствует о недостаточном уровне редакторской обработки, а в отдельных случаях, о поверхностной интерпретации сложных понятийно-терминологических конструкций. Некоторые смысловые искажения, возникающие вследствие ошибочного воспроизведения терминов или структурных элементов текста, потенциально искажают авторскую мысль, что недопустимо в научном издании такого масштаба и значимости.

Несмотря на определённую ценность данного труда в качестве отправной точки для последующих исследований, необходимо подчеркнуть необходимость более тщательной текстологической и филологической переработки корпуса сочинений Насира Хусрава с привлечением междисциплинарных подходов, включая исламоведение, герменевтику,

филологию классического фарси и историко-культурную контекстуализацию.

Значительным вкладом в дальнейшее развитие насирхусравоведения стало трёхтомное академическое издание сочинений мыслителя, подготовленное к празднованию тысячелетнего юбилея Насира Хусрава в 2003 году. Оно было реализовано в рамках государственной программы по чествованию великих представителей национальной истории и культуры и ознаменовало собой новый этап в переиздании его наследия. В первом томе были собраны поэтические произведения, включая касиды и маснави «Равшаноинома» и «Саодатнома»; второй том включал в себя философско-религиозные трактаты, а также ряд текстов, традиционно приписываемых автору, но вызывающих сомнения в аутентичности; третий том содержал сочинения «Джомеъ-ул-хикматайн», «Кушоиш ва раҳоиш» и «Хон-ул-ихвон», представляющие собой поздние интерпретации исмаилитской доктрины. В состав редколлегии издания вошли ведущие таджикские учёные, таких как А. Девонакул, А. Амрияздон, Н. Миршоҳи, А. Мухаммадходжаев, П. Саиджафарова. Х.Шарифов, Аскардаев К., Маниёзов А., К.Бекзода и другие специалисты в области текстологии и философии.

Научно важно отметить, что в этом фундаментальном издании были представлены не только подлинные тексты Насира Хусрава, но и сочинения, аутентичность которых до сих пор вызывает сомнения в научном сообществе. К таким текстам относятся «Офоқ ва анфус», «Зибдат-ул-ҳақоик», «Усул одоб», «Рисолаи шаш фасл», содержание и стилистика которых существенно расходятся с идейно-философской парадигмой, свойственной Насиру Хусраву. Сами составители признают, что включение этих сочинений в корпус было продиктовано необходимостью ознакомления широкой читательской аудитории с текстами, находящимися в орбите традиционного представления о наследии мыслителя, однако подчёркивают, что глубокий научный анализ и строгая филологическая атрибуция при этом не проводились [217, 3]. Данный факт наглядно свидетельствует о том, что,

несмотря на очевидный прогресс, достигнутый в постсоветский период в деле изучения, публикации и популяризации наследия Насира Хусрава, ряд фундаментальных задач, касающихся критического текстологического редактирования, верификации источников и установления аутентичности отдельных сочинений, остаётся до конца не решённым.

Современное состояние корпуса его произведений, как показывает анализ существующих изданий, указывает на фрагментарность и неоднородность подходов, при которых научное редактирование зачастую подменяется технической публикацией текста без должной реконструкции авторской воли и смысловой структуры. Это, в свою очередь, затрудняет возможность репрезентации Насира Хусрава как системного мыслителя, а не только как поэта-дидактика или религиозного проповедника.

Следует отметить, что сама природа его текстов, насыщенных философской терминологией, богословскими аллюзиями, символикой исмаилитского дискурса и коранической интертекстуальностью, требует не только филологической, но и комплексной герменевтической и культурологической интерпретации. Поэтому любые попытки издания и анализа его сочинений вне междисциплинарного контекста (вовлекающего филологию, исламоведение, текстологию, философию, семиотику и историю идей) обречены на неполноту и методологическую ограниченность. Дальнейшее изучение творчества Насира Хусрава должно быть ориентировано на системную работу, включающую создание единой научной редакции его корпуса, основанной на сравнении всех доступных рукописных источников, критическом анализе разночтений, а также на привлечении широкого круга специалистов, способных обеспечить многоаспектный и целостный подход к одному из важнейших представителей интеллектуальной традиции исламского Востока.

Следующий важный этап в издании литературного наследия поэта связан с публикацией в 2009 году двухтомного «Дивана» Насира Хусрава, подготовленного под редакцией Алимардона Амрияздона и Нурмахаммада

Миршохи. Это издание включало не только касиды, составляющие ядро поэтического наследия автора, но и маснави «Саодатнома» и «Равшаноинома», что делает его важным текстологическим ресурсом для последующего анализа. Принципиальной особенностью данного издания является его полнота, высокая степень научной подготовки, использование как ранее опубликованных версий, так и древнейших рукописных источников из фондов Института востоковедения и рукописей Академии наук Таджикистана. Это позволило составителям значительно уточнить текст произведений, устранить ошибки и ввести в научный оборот ранее не публиковавшиеся или малоизвестные варианты строк.

Издание снабжено подробными лексико-филологическими комментариями, в которых объясняются архаичные слова, сложные идиоматические обороты и отдельные метафорические конструкции. Кроме того, для устранения лексических и текстовых несоответствий между различными версиями и рукописями, составители использовали специальную систему обозначений, таких как, например, символ «Д», указывающий на происхождение строки из конкретной рукописи (рукописный источник) [9, 35]. Приведённые в сносках альтернативные прочтения значительно расширяют возможности для сопоставительного анализа, интерпретации и уточнения авторского текста.

В период с 2009 по 2014 годы в рамках активизации текстологических исследований и системной работы по критическому переизданию наследия Насира Хусрава было осуществлено поэтапное издание каждого его произведения в отдельном формате, с учётом новейших достижений филологии и текстологии. Все публикации были снабжены тщательно подготовленными вступительными статьями, в которых освещались источниковедческая база, принципы редактирования, степень научной проработанности текстов, а также конкретные нововведения, касающиеся как языка, так и структуры произведений. Эти издания позволили не только

расширить читательскую аудиторию, но и существенно углубить научное представление о философско-литературной системе автора.

Так, например, в предисловии к трактату «Хон-ул-ихвон», исследователь Рамазон Назариев подчёркивает следующее: «Следует отметить, что при редактировании данного произведения были предприняты усилия по устранению орфографических ошибок и неточностей, которые присутствовали в предыдущих изданиях» [179, 14].

Такой подход свидетельствует о стремлении современных таджикских текстологов к более точному и критически выверенному воспроизведению текстов классического наследия. Особое внимание уделялось выверке орфографии, устранению редакторских искажений, восполнению лакун и приведению текста в соответствие с нормами научного издания.

Значимым достижением в постсоветский период стало и то, что впервые философские сочинения Насира Хусрава были транслитерированы с персидской письменности на кириллическую графику, что сделало их доступными более широкой аудитории читателей и исследователей в Таджикистане. До этого времени они существовали преимущественно в арабо-персидской орфографии, что ограничивало их распространение в научной и образовательной среде. Кроме того, некоторые философские трактаты, ранее доступные лишь на западных языках, были впервые переведены на таджикский язык. Среди них особую значимость имеют такие произведения, как «Кушоиш ва рахоиш» и «Джомеъ-ул-хикматайн», переводы которых были осуществлены с английского языка с учетом последних научных интерпретаций.

Одним из наиболее известных и изученных произведений Насира Хусрава по праву считается его автобиографический и путешественний трактат «Сафарнома», представляющий собой не только образец ранней исламской прозы, но и ценнейший историко-культурный источник XI века. Это единственное произведение автора, которое было опубликовано на русском языке еще в 1933 году в переводе выдающегося востоковеда Е.Е.

Бертельса. В последующие десятилетия «Сафарнома» неоднократно переиздавалась на различных языках, включая персидский, свыше пятнадцати раз. На таджикском языке этот текст впервые был опубликован в 1969 году в переводе Камола Айни, осуществлённом на основе берлинского издания 1922 года, а также парижской рукописи, подготовленной французским иранистом Шефером.

Наиболее полное и научно обоснованное издание «Сафарнома» было осуществлено в 2014 году под редакцией известного таджикского философа и текстолога Суннатилло Джонбобоева. Основой для этой публикации послужил критически выверенный текст, подготовленный иранским исследователем Мухаммадом Дабири Сайяки, с привлечением широкого круга рукописных источников и их сравнительного анализа. Уникальной чертой данного издания стала развернутая система комментариев, в которых объясняются исторические реалии, географические названия, культурно-религиозные аллюзии, а также трудные для понимания слова и выражения, что сделало текст значительно более доступным для читателей различного уровня подготовки [280, 36].

Тем не менее, несмотря на достигнутые успехи, исследователи, в частности такие признанные востоковеды, как А.Е. Семёнов и Е.Е. Бертельс, продолжают указывать на наличие отдельных недостатков и текстологических противоречий в современных изданиях «Сафарнома», что указывает на необходимость продолжения научной работы в этом направлении [69, 165]. Остаётся актуальной задача создания окончательной критической редакции, основанной на междисциплинарном подходе, включающем методы сравнительного литературоведения, кодикологии и герменевтики.

В 2004 году значительный вклад в систематизацию и библиографическую фиксацию научного и издательского наследия Насира Хусрава был внесён Шохзамоном Рахмоном и А. Юсуповым, подготовившими библиографический указатель под названием «Фехристи

осор» (Библиография). Этот труд представляет собой хронологически организованную сводную библиографию, в которой собраны все известные на тот момент публикации произведений самого поэта, тексты, приписываемые ему, а также результаты отечественных и зарубежных исследований, охватывающих различные аспекты его литературного, философского и религиозного наследия. Указатель охватывает как период советской научной активности, так и исследования, выполненные в условиях независимости Республики Таджикистан [210, 67].

В рамках библиографического свода были зафиксированы следующие показатели: 17 изданий философских трактатов, 12 публикаций поэтических маснави, 8 «Сафарномы» и свыше 1200 научных, критико-публицистических и аналитических статей, напечатанных на таджикском, русском, английском и других языках. Подобная масштабная библиографическая работа не только способствует формированию научной базы по изучению творчества Насира Хусрава, но и демонстрирует высокий уровень интереса к его наследию со стороны научного сообщества как внутри страны, так и за её пределами.

Дополнением к этому стало издание материалов международной научной конференции, прошедшей в 2003 году в Хорогском государственном университете имени М. Назаршоева и приуроченной к празднованию тысячелетия со дня рождения Насира Хусрава. Сборник под названием «Дирӯз, имрӯз ва фардо» («Вчера, сегодня и завтра»), опубликованный в 2005 году в городе Худжанде, включает в себя 82 научные статьи, охватывающие широкий спектр тем: от философско-теологических концепций до поэтики, текстологии и проблематики интерпретации культурного наследия. Статьи представлены на трёх языках: таджикском, русском и английском, что свидетельствует о международном статусе конференции и многоязычном характере научного дискурса.

Следует отметить, что к юбилейному 2003 году в различных республиканских и зарубежных научных журналах, газетах и альманахах было опубликовано более 400 материалов, как академического, так и

публицистического характера. Эти публикации охватывали разнообразные темы, включая анализ этико-философских взглядов Насира Хусрава, его роль в формировании исмаилитской доктрины, а также его вклад в развитие классической персидско-таджикской поэзии и литературной традиции. Особенно важными в этом контексте являются коллективные сборники, такие как «Номаи пажуҳишгоҳ», «Вожаномаи Насир Хусрав» и упомянутый «Дирӯз, имрӯз ва фардо», в совокупности, содержащие более 237 научных исследований отечественных и международных авторов.

Следовательно, можно сделать вывод, что в условиях государственной независимости и усилившегося интереса к национальному культурному наследию, творчество Насира Хусрава получило второе дыхание: произведения поэта были переизданы как в виде отдельных критически подготовленных изданий, так и в составе полных собраний сочинений, сопровождаемых научными комментариями и предисловиями. Эти издания существенно расширили исследовательские горизонты и сделали литературно-философское наследие великого мыслителя доступным для широкого круга учёных, студентов, преподавателей и всех заинтересованных читателей.

3. Актуальные исследования о Насире Хусраве в таджикской науке периода независимости

Следует особо отметить, что период государственной независимости Таджикистана стал одним из важнейших этапов в развитии гуманитарных наук и предоставил широкие возможности для проведения научных исследований. Именно в это время наследие поэтов и мыслителей классической персидско-таджикской литературы стало предметом глубокого и всестороннего изучения. В числе таких личностей находится и Насир Хусрав, выдающийся поэт, философ и богослов, чьё творчество в постсоветский период оказалось в центре внимания исследователей

различных научных направлений: лингвистики, литературоведения, философии, религиоведения и педагогики.

Несмотря на то, что исследования о жизни и творчестве Насира Хусрава начались ещё в начале XX века, именно в годы независимости интерес к его личности и наследию значительно возрос. Как показывает анализ научной литературы, за этот период было опубликовано более 49 монографий, а также большое количество научных, научно-популярных и публицистических статей, посвящённых различным аспектам творчества Насира Хусрава.

Одним из первых и наиболее значительных исследований этого периода стала монография «Самаркандский фрагмент» (на перс. «Пораи Самарқанд») таджикского учёного Рахима Мусулмониёна, опубликованная в 1994 году в Тегеране (1378 г. по хиджре). Эта работа считается одной из первых научных публикаций, подготовленных после распада Советского Союза. Она состоит из введения и четырёх глав, в которых автор рассматривает биографию, творчество и мировоззрение Насира Хусрава.

Во введении Р. Мусулманиён делится воспоминаниями о своих студенческих годах и о том, как под влиянием преподавателя впервые познакомился с Насиром Хусравом и его философией. В первой главе он кратко рассматривает происхождение поэта, его имя, родословную, псевдоним и жизненный путь. При этом акцент делается на автобиографические свидетельства самого Насира Хусрава, содержащиеся в его поэтическом и прозаическом наследии. Исследователь, однако, дополняет их собственными комментариями и гипотезами. Так, он подтверждает, что родиной поэта является Кубадиён, расположенный на юго-западе современной Республики Таджикистана, на правом берегу верхнего течения Амударьи, ссылаясь на исторические источники, согласно которым город был основан легендарным царём Кей-Кубадом из династии Кеянидов [175, 18].

Мусулманиён иллюстрирует свои выводы следующими стихами Насира Хусрава:

Я веду род из Юмгона,

Из рода кубадийцев я вышел.

Если враги раскопают мою могилу,

Я в камне высекаю тебе ответ [10, 383].

Особое внимание в исследовании уделено изгнанию Насира Хусрава из родных мест и его последующему укрытию в Бадахшане, где он провёл последние годы жизни. Учёный приводит строку самого поэта:

Пятнадцать лет я в Юмгоне живу.

Почему? Затем что я узник [10, 403].

Автор подробно анализирует мотивы прибытия поэта в Юмгон, его восприятие местности и значимость Бадахшана как места духовного уединения. Интересным наблюдением, не встречающимся в других работах, является интерпретация строки из поэмы, где поэт упоминает слово «остин».

Из речей моих истина вспыхнет,

Словно вышивка в ткань и одежду вплетён.

Слово вода, что гасит огонь демона,

Льётся в Бадахшан, в Джирм, в Юмгу, в Барон.

Мудрым становится тот, кто учится у мудреца,

Птица жиреет, когда под крылом у плуга крыльца [10, 420].

Исследователь отождествляет его с известным родниковым источником в Ишкашимском районе Бадахшана, «Рукавом Анâхиты» (по зороастрийской традиции) или «рукавом Фатимы» (по исламской версии). По описанию, вода источника вытекает из скалы и считается целебной, особенно для женщин, страдающих бесплодием [175, 26].

Также Р. Мусулмониён в продолжение данного обсуждения пишет, что во время встречи с устодом Муъмином Каноатом его гипотеза получила подтверждение, и приводит слова самого поэта: «Устод Муъмин Каноат, уроженец Бадахшана, подтвердил, что «Насир Хусрав в своих искренних и

правдивых высказываниях указывает одновременно как на правдивость и стремление к истине, так и на чистоту источника «Остин»...» [175, 26].

По его данным, Насир Хусрав упоминает Бадахшан и его местности в пятидесяти своих касыдах. Исследователь, подобно другим научным авторам, приводит поэтические строки, в которых отражена скитальческая судьба поэта в горных районах Родины, подчёркивая, что все его странствия и укрытие в горах были обусловлены исключительно религиозными причинами:

Руку свою я протянул к роду Посланника,

А с другими все узы разорвал» [10, 349].

Согласно интерпретации Мусулмониёна: «Насир Хусрав относится к числу тех людей, которые в любых обстоятельствах сохраняют свою трудоспособность и умеют извлекать пользу из любой ситуации. Большую часть времени он проводил в размышлениях, постоянно анализировал свою жизнь и события эпохи, и на основе этого делал правильные выводы как для настоящего и будущего, так и для своих современников» [175, 28].

Помимо этого, исследователь высказывает свои соображения относительно религиозной преданности Насира Хусрава, его тоски по Хорасану, врагам и недоброжелателям, а также заслуг перед коренным населением Бадахшана: «Возможно, наивысшей заслугой Насира Хусрава является то, что он познакомил изолированное население Бадахшана с религией и культурой и вооружил их духовно» [175, 51].

С другой стороны, он воспринимал данную местность как благоприятную среду для реализации своей миссии и изложения собственных мыслей и убеждений:

Хотя это и была темница Соломона-пророка,

Для меня Юмгон не темница, а сад [10, 445].

По свидетельству Рахима Мусулмониёна, Насир Хусрав приобрёл в Юмгоне высокий авторитет и глубокое уважение благодаря своей неутомимой и преданной службе: «Насира Хусрава можно представить себе

как свечу, вокруг которой собираются все, кто стремится к свету, или как луну, указывающую путь путникам в пустыне, или как источник, оживляющий безжизненные земли» [175, 52].

Высокий авторитет поэта и последующее прославление Юмгона напрямую связаны с его личностью, о чём он также упоминает в своём поэтическом наследии:

Известным и славным стал край Юмгона благодаря мне,
Подобно тому, как благодаря благодати Мустафы славен стал
Аравийский край» [10, 94].

Вторая часть труда «Самаркандский фрагмент» посвящена поэзии Насира Хусрава. Исследователь называет её «внутренним содержанием поэзии Насира Хусрава» и делит на четыре тематических блока: «мудрость, религия, нравоучения и наставления, а также восхваление добродетелей и критика лести и корысти» [175, 57].

Мысли поэта, как отмечает исследователь, изложены им на основе поэтических текстов Насира Хусрава, сопровождаясь интересными аналитическими наблюдениями. Особенность подхода автора заключается в том, что при рассмотрении идей поэта или его взглядов на те или иные темы он систематически привлекает соответствующие стихи из его творчества. Так, например, рассуждая о философии и статусе мудреца, он пишет: «Обращение Насира Хусрава к философии (хикмат) имело под собой определённые основания: народ был мало осведомлён об истории религии и об истинных религиозных знаниях; суеверия искажали сознание людей; лицемеры свели религию к лозунгам. Поэт видел свою миссию, как и миссию каждого просвещённого человека, в том, чтобы направить общество к познанию сущности бытия и жизни, пониманию истины мироздания, положения человека в нём и других важнейших вопросов» [175, 58].

Также, говоря о религиозной преданности Насира Хусрава, он отмечает: «Насир Хусрав, опираясь на свои знания, наблюдения и личный опыт, пришёл к выводу, что самым прямым путём в жизни является путь

религии, и он наставляет своего последователя и ученика: не уклоняйся ни влево, ни вправо, но иди прямой дорогой религии» [175, 60].

Не иди ни налево, ни направо, иди прямо дорогой религии,
Путь религии прямее, сын мой, чем натянутая тетива [10, 315].

Исследователь прослеживает и анализирует каждую мысль поэта на тему религии и религиозности, используя его поэтические тексты, и его выводы во многом совпадают с взглядами предыдущих исследователей. Однако некоторые интерпретации Мусулмониёна оригинальны и свежи. В частности, вопрос о статусе человека, который часто звучит в поэзии Насира Хусрава и ранее также поднимался исследователями, в трактовке Мусулмониёна подвергается более подробному анализу. Он называет человека центральной фигурой (героем) поэтического мира Насира Хусрава: «Одной из важнейших идей в творчестве и философии Хакима Насира Хусрава является возвеличивание человека. В маснави «Равшаноинома» поэт утверждает, что адресат Божьего слова именно человек, и что земля, небо и всё сущее сотворено ради него» [175, 77].

Нет иного, к кому обращено слово Бога, кроме тебя,
Если ты поймёшь это, тебе достаточно этого смысла.
Земля и небо были украшены ради тебя,
И ты возвысился с прямым станом [10, 691].

Таким образом, и другие важные темы поэзии Насира Хусрава, такие как критика лести и корысти, сатиры и лирики, которые поэт осуждает, анализируются автором на основе точных примеров и с научной строгостью.

В третьем разделе своего труда Мусулмониён обращается к иным аспектам поэтики Насира Хусрава и выдвигает размышления о таких понятиях, как «герой поэзии Насира Хусрава», «новаторство в поэзии» и «условия художественного слова». Понятие «герой поэзии Насира Хусрава» рассматривается исключительно в исследовании Рахима Мусулмониёна. Он пишет: «Одной из дискуссионных тем, которая всегда поддерживает интерес в литературоведении, является тема литературного героя, то есть фигуры,

которую литература предлагает в качестве образца и ориентира для современников и потомков. Хотя сам термин «герой» некоторыми может восприниматься неоднозначно, в диване Насира Хусрава он встречается, и его вполне можно использовать как термин. Так, поэт в одном месте ясно и однозначно использует слова «герой» и «героизм» в их прямом значении:

Если не будет ни верблюда, ни коня, ни мула,
Откуда тогда возьмётся героизм у героя? [10, 107].

Исследователь проводит ясный и заслуживающий внимания анализ образа героя в поэзии Насира Хусрава, разделяя его на две основные категории: с одной стороны, это религиозные и духовные вожди, а с другой, представители трудового народа, такие как ремесленники и земледельцы. В число религиозных лидеров, согласно трактовке исследователя, входят пророк Мухаммад, его потомки и Фатимидский халиф Египта. Эти герои поэзии всегда изображаются как успешные, достойные подражания фигуры, являющиеся образцом нравственного поведения: «Каждый из этих великих мужей в поэзии Хакима из Кубодиёна представлен как сияющий факел, освещающий путь ищущих» [175, 110].

Рахим Кубодиёни подчёркивает, что, по мнению некоторых исследователей, Фатимидский халиф является объектом восхваления у Насира Хусрава: «Фактически он является халифом, обладал всей полнотой власти и в полном смысле слова достоин восхваления. Однако при этом нельзя упускать из виду, что поэт прославлял халифа исключительно из-за его религиозных убеждений и целей, а не по соображениям личной выгоды, корысти или иных побуждений» [175, 110].

Другой группой героев в поэзии Насира Хусрава исследователь называет ремесленников и земледельцев, тех, кто обеспечивает материальную основу жизни общества. Поэт подчёркивает, что всякий, кто пренебрегает трудом этих людей, лишает себя подлинной человеческой жизни. Он ясно и недвусмысленно учит читателя тому, что каждый человек нуждается в труде земледельца: «Одно из важнейших достоинств

ремесленника [в персидско-таджикской традиции также употребляется термин «хунарманд», мастер, человек искусства, заключается в том, что он ни от кого не зависит, обеспечивает жену, детей, родственников и друзей собственным трудом, неся на себе груз ответственности за достойное существование» [175, 113].

Нет на свете человека почтеннее ремесленника,

Нет лучшего дохода, чем заработанное руками [10, 721].

Особенность исследования Рахима Мусулмониёна также заключается в том, что наряду с глубоким вниманием к тематике поэзии Насира Хусрава, он уделяет особое внимание и самому стилю поэта, называя его «учёным поэтом» или «поэтом-мыслителем» [175, 113], а его поэзию «мудрой речью». Этот мастерский стиль, по мнению исследователя, свидетельствует о поэтическом новаторстве Насира Хусрава.

Согласно Мусулмониёну, «Хаким Насир Хусрав был выдающимся учёным, прошедшим через множество жизненных испытаний, постоянно размышлявшим о сущности этого мира и его ценностях, предлагая ясные и доступные пути решения проблем, чему свидетельствуют как его религиозно-философские трактаты, так и поэтический диван» [175, 121].

Исходя из этих рассуждений, исследователь также указывает на причины поэтического новаторства в таджикской литературе XI века. По его наблюдению, традиционная тематика таджикской поэзии того времени включала образы вина, музыкальных инструментов (барбата), лирики и панегириков, в то время как Насир Хусрав вводит в поэзию такие категории, как Коран, чётки и философия.

Он пишет: «Хаким из Кубодиёна с особой строгостью разоблачает грехи своего адресата. Поэт осуждает того, кто, прикрываясь знанием и благородным происхождением, на самом деле является воплощением невежества и низкой природы. Он лжёт ради корысти, тогда как ложь, это основа неверия» [175, 124].

Ты восхваляешь за знание и благородство того,

Кто, по сути, является воплощением невежества и дурного нрава.

Ты вводишь в поэзию ложь и алчность.

А ведь ложь, основа неверия [10, 72].

По мнению Рахима Мусулмониёна, Насир Хусрав отказывается следовать поэтической традиции своих предшественников и современников, считая содержание их поэзии устаревшим и утратившим актуальность. В этом контексте он уподобляет такую поэзию «старому, ощипанному грифу». Настоящим и зрелым поэтическим словом, по его убеждению, можно считать лишь то, которое несёт в себе нравственное назидание, философскую глубину и этическую направленность. Исходя из этого подхода, Насир Хусрав принципиально отвергает газель и всю традицию любовной лирики.

Поэт настойчиво и последовательно подчёркивает в своём творчестве отказ от условностей «старой поэзии» и стремление к поэтическому обновлению, к созданию нового и свежего по стилю и содержанию слова:

Никто не украсил Невесту Слова,

Кроме Худжжата, столь блестяще и изысканно.

Мне удалось обновить увядшее слово,

Как Зулейха преобразилась от чар Юсуфа [10, 249].

Как отмечает Мусулмониён: «Примечательно, что Насир Хусрав не ограничивается декларацией «новизны» своего поэтического языка, а воплощает это стремление в выразительных и образных поэтических формулах» [175, 127].

Слово вознеслось до небесных высот,

И, как сам себя прославляю, скажу: Та’ала́!

В крепости речи моей высшее мастерство,

Нет никого, кто бы превзошёл мой дар [10, 251].

Сам поэт подчёркивает, что истинная поэтическая красота заключается в содержании и выразительности мысли. В этой связи он активно вводит в поэзию сложные конструкции, редкие обороты и образы, которые

свидетельствуют о его высоком уровне словесного мастерства и риторической изобретательности.

При этом, как подчёркивает Мусулмониён, Насир Хусрав вовсе не отрицает поэзию прежних эпох в целом. Напротив, он с глубоким уважением относится к ряду выдающихся поэтов и неоднократно упоминает их в своём творчестве. В числе тех, кому он отдаёт должное, Рудаки, Кисоий, Унсури Балхи, Катрон Табризи и другие мастера поэтического слова, вклад которых Насир Хусрав высоко ценит и открыто признаёт в своих стихах.

Следует отметить, что поэтическое наследие Насир Хусрав отличается чрезвычайной широтой и тематическим многообразием. В исследовании Рахима Мусулмониёна также подвергнуты анализу ключевые аспекты как его поэзии, так и всей литературной и философской деятельности. В частности, особое внимание уделено нравственно-назидательной и философско-мировоззренческой составляющим его поэзии, которые, по мнению исследователя, составляют её тематическое ядро. Основная цель обращения Насир Хусрав к этим вопросам заключалась в воспитании нового поколения, что тесно связано с его собственным нравственным обликом и образом жизни.

Как отмечает Р. Мусулмониён: «Насир Хусрав принадлежал к числу благородных личностей, которые неизменно анализировали собственные поступки и слова, ощущая свою ответственность перед ближними, обществом и окружающей средой» [175, 129].

Этические убеждения поэта неразрывно связаны с его речью и риторикой. Это проявляется, прежде всего, в том, что Насир Хусрав рассматривал истинную человеческую ценность через призму нравственного совершенства. Соответственно, слово, по его мнению, приобретает высокое и отличительное значение. Исследователь подчеркивает, что такое понимание связано, в первую очередь, с органическим единством формы и содержания в его поэзии. По свидетельству Мусулмониёна: «Он придавал исключительное

значение как благозвучию формы, так и глубине содержания, а также их взаимному соответствию» [175, 134].

Автор «Пораи Самарканд» в заключение подчеркивает: «В творчестве Насир Хусрава достигается полное соответствие между формой и содержанием. Установлено, что поэт писал в наиболее сложных арузных размерах, строго следуя всем каноническим требованиям. Его язык отличается использованием исключительно чистых персидских слов. В этом отношении его труды представляют собой бесценное сокровище таджикско-персидской лексики» [175, 136].

Продолжая данную мысль, исследователь указывает на то, что нравственные наставления и назидания в поэзии Насир Хусрава обладают двумя характерными чертами: во-первых, они охватывают все аспекты жизненного уклада самого поэта; во-вторых, его мысли конкретны, живы и глубоко индивидуализированы. Поднимая нравственно-дидактическую тему, поэт всегда приводит жизненные примеры, ссылается на высказывания мудрецов прошлого, тем самым обобщая и закрепляя свои идеи.

Таким образом, Насир Хусрав ясно демонстрирует: невежество, фанатизм и суеверия являются главными причинами разрушения культурных и политических устоев общества. Единственным эффективным противодействием этим разрушительным силам поэт считал просвещение, нравственное воспитание и подлинное знание. В этой связи он настойчиво призывал народ к религиозному осмыслению, подчеркивая необходимость вооружённости исламским познанием и недопустимость слепого подчинения внешним религиозным обрядам: «Следует быть знакомыми с истинной сутью религии и вооружёнными исламским знанием, не предаваясь слепому и бездумному богослужению» [175, 132].

Следует особо подчеркнуть, что, по мнению исследователя, разнообразие тем в творчестве Насир Хусрава не является результатом произвольного выбора, а напротив, отражает их глубокую взаимосвязь, где центральной фигурой выступает человек. Человек, изображённый в поэзии

Насир Хусрава, это труженик, мыслитель, носитель нравственного начала. Человеческая сущность и её место в мироздании занимают центральное место в философии Насир Хусрава. Как утверждает Мусулмониён, поэт считал, что «человек есть высшее творение (ашрафи махлуқот) и должен осознать своё предназначение и реализовать его в полной мере» [175, 133].

В четвёртом разделе книги «Пораи Самарқанд», озаглавленном «Фахрияи шоир» («Поэтическое самосознание»), исследователь сосредотачивает внимание на личности Насир Хусрава и характерных чертах его поэтической манеры. Рахим Мусалмониён описывает Насир Хусрава как во всех отношениях успешную личность, чья основная жизненная миссия заключалась в служении людям. Как он сам писал в трактате «Зод-ул-мусофирин»: «Цель моих речей прежде всего пробудить свою душу, а затем души праведников и верующих, наставляя их на путь познания Бога через Его творения» [15, 486].

Данная мысль находит воплощение не только в «Зод-ул-мусофирин», но и проходит красной нитью через всё творчество поэта и мыслителя.

С этой целью исследователь подчёркивает, что поэт-философ Насир Хусрав чётко осознавал своё место в историко-культурном и духовном контексте своего времени. Он сознательно обращал свои познания, мудрость, религиозные и конфессиональные взгляды на воспитание человека, прежде всего как личности, наделённой разумом, совестью и моральной ответственностью. Именно поэтому темы знания, этики, веры и философии занимают в его поэзии ведущее место и выражены с высокой степенью идейной возвышенности и риторической силы.

Наряду с саморефлексивной оценкой собственного творчества, которой насыщены многие его произведения, высокую оценку поэзии Насир Хусрава даёт и Рахим Мусулмониён. Несмотря на то, что количество сохранившихся сведений об отдельных произведениях поэта ограничено, исследователь приводит убедительные доказательства исключительной значимости и художественной ценности его поэтического наследия. В частности, говоря о

диване Насир Хусрава, он пишет: «Наш поэт считает свой диван «шкатулкой драгоценностей» (дурҷи дур), поскольку в нём заключены аятовидные истины, познание, формирующее жизнь» [175, 165].

Пример этому заключительные строки одного из его фахриййа-касид (поэм хвастовного жанра), в которых, прибегая к изящному приёму паронимической игры слов (таҷнис), поэт заявляет:

Мой диван как ларец с жемчугами не случаен,
Читайте мой диван превыше всех других.
Ведь в нём аяты Корана и слово-доказательство,
Что сердца пронзает точно наконечник стрелы.
Когда ты стих мой читаешь, и друг, и враг,
Падут ниц во множестве склоняются [10, 443].

В связи с этим Мусалмониён утверждает, что слово поэта это слово чистое, возвышенное и неосквернённое, приносящее радость и умиротворение друзьям, но вызывающее тревогу и страх у недоброжелателей. Именно поэтому его речь названа «драгоценным жемчугом», и сам поэт подчеркивает её духовно-просветительскую силу:

Стихи мои, достаточно доказательств мудрости моей,
Животворящие и чистые, как кристальная вода [10, 69, 74].

Исходя из анализа Мусалмониёна, Насир Хусрав личность, прошедшая глубокий жизненный путь, насыщенный опытом, испытаниями и внутренней трансформацией. Это позволило ему не только осмыслить подлинные причины своего духовного становления, но и передать это знание другим. Его успех, как подчёркивает исследователь, это прежде всего торжество разума над невежеством и воли над телесными страстями [175, 235].

Исследователь приводит несколько причин столь частого обращения к Кисои. Среди них: высокая известность последнего, его поэтическое мастерство, схожесть религиозных воззрений с самим Хусравом, устаревание ряда тем в творчестве Кисои, а также эстетическая созвучность его стиля с собственным поэтическим псевдонимом Хусрава. Несмотря на это, поэт, как

подчёркивает Мусулмониён, в большинстве случаев отдаёт предпочтение собственному творчеству. В то же время он с большим уважением вспоминает основоположника персидско-таджикской поэзии, Рудаки, считая его своим идейным и творческим предшественником.

Анализируя не только смысловую, но и художественную сторону поэзии, исследователь формулирует важную мысль: в истории литературы поэты делятся на две основные категории. Первая, те, кто жили в обществе и направляли свои усилия на благо народа. Вторая, те, кто, даже находясь на периферии, тем не менее создавали искусство ради самого искусства, сосредотачиваясь на эстетической форме. Насир Хусрав, как подчёркивается, занимает центральное место среди поэтов первой категории. К этому же кругу относится и Джалолиддин Руми, один из величайших представителей гуманистической поэтической традиции [175, 278].

Согласно Мусалмониёну, мастерство Насир Хусрава как поэта заключается в его ориентации на служение народу и истине, а не материальному обогащению. При этом поэзия Хусрава, отличающаяся чистотой языка, требует от читателя знаний живой разговорной речи Хорасана, в частности Бадахшана, а также историко-культурной осведомлённости о топонимике этого региона. Его стихи заслуживают внимания как по содержанию, так и по форме, поскольку поэт внёс значительный вклад в сохранение и развитие таджикского языка. Особенно важно отметить, что в прежних и последующих исследованиях недостаточно внимания уделялось именно языку его поэзии.

Исследователь приводит примеры лексики, которая сохранилась в таджикском языке в первоначальном значении, в отличие от современного персидского иранского, где эти слова либо исчезли, либо изменили форму: «бодиранг» (огурец), «заврақ» (лодка), «корез» (ирригационный канал), «гусел» (проводы), «намози пешин» (полуденная молитва), «намози хуфтан» (вечерняя молитва) [175, 167].

Таким образом, Рахим Мусулмониён, предварительно представив краткие сведения о жизни и творческом пути поэта, всесторонне анализирует основные темы его поэзии, давая им научное осмысление и интерпретацию. Вместе с тем очевидно, что значительное количество аспектов поэтического наследия Насир Хусрава по-прежнему остаются недостаточно изученными и лишь в последующие годы стали предметом более детального анализа со стороны других исследователей. Это обусловлено тем, что сам Мусулмониён охватывает лишь ограниченный круг тем, тогда как большая часть поэтических мотивов поэта всё ещё не подвергнута научному осмыслению.

Хотя исследования Мусулмониёна могут быть охарактеризованы как новаторские с определённой точки зрения, в них также присутствуют повторяющиеся суждения и интерпретации, на которых автор настоящей работы не останавливается. Более того, в ряде случаев его подход страдает избыточной обобщённостью и не всегда позволяет проследить тонкие стилистические или философские нюансы поэтики Насир Хусрава. При всём уважении к труду исследователя, следует отметить, что отдельные положения его анализа не учитывают историко-культурный контекст и символическую многослойность языка поэта.

Тем не менее вклад Мусулмониёна в развитие насирхусравоведения остаётся значимым: он задал исследовательский вектор, по которому позднее пошли другие учёные. Его попытка систематизировать идейное содержание наследия Насир Хусрава открыла возможности для дальнейших, более глубоких и многоаспектных исследований, в том числе с использованием междисциплинарного подхода, филологического, философского и культурологического.

Существенный вклад в изучение жизни и творчества Насир Хусрава внёс Худои Шарифзода, подготовивший два объёмных и научно значимых труда. Первый из них, написанный в соавторстве с Абдулкодиром Маниёзовым и опубликованный в 2003 году, посвящён биографии, творчеству и идейному наследию поэта. Монография состоит из трёх глав:

первая содержит жизнеописание поэта, вторая, характеристику его поэтических жанров, а третья носит название «Постижение поэзии Насир Хусрава».

В первой главе книги подробно рассматриваются следующие аспекты: хронология жизни поэта, его имя и происхождение, место рождения, годы юности и образования, мировоззренческий перелом и последовавшие изменения в жизненном пути, период идеологических противостояний, вынужденная эмиграция, особенности личности и родственных связей, дата смерти и характеристика его литературного наследия.

В вопросах, касающихся имени и происхождения Насир Хусрава, авторы преимущественно опираются на результаты предыдущих исследований. Одним из дискуссионных вопросов, затронутых в работе, является атрибуция поэту эпитета «алави» (т.е. потомок Али), что уже ранее вызывало споры в научной среде. В частности, приводится следующее мнение: «Согласно ряду исследований, родословная Насир Хусрава восходит к восьмому поколению потомков имама Али ибн Мусы ар-Ризо, однако каких-либо достоверных аргументов в пользу этого утверждения не приводится» [175, 15].

Анализируя поэтический корпус Насир Хусрава, исследователи подчёркивают, что сам поэт никогда не делал акцента на своём происхождении, а напротив, гордился тем, что является источником чести и славы для своего рода:

Я честь и гордость рода своего,

В то время как иные гордятся происхождением [10, 15].

Особое внимание в исследовании уделяется вопросу о месте рождения поэта. Авторы обобщают мнения предшественников, ссылаясь на многочисленные упоминания Балха в поэзии Хусрава. На основе лексических и текстуальных свидетельств они приходят к следующему выводу: «Из многочисленных упоминаний Балха в поэзии Насир Хусрава можно заключить, что это не случайные ссылки. Следовательно, его родиной

можно считать одну из административных единиц региона Балха. Ранняя часть его жизни, по всей видимости, была связана именно с этим городом. Исходя из этого, можно утверждать, что полное имя поэта Абумуинуддин Насир ибн Хусрав ал-Кубодиёни, родившийся в 394 году хиджры (1004 г. н.э.) в районе Кубодиён (современная Республика Таджикистан) в знатной семье» [175, 20].

Если в предыдущих исследованиях периоду юности и образованию поэта уделялось недостаточно внимания, то в рассматриваемой монографии этот вопрос освещён более детально. Утверждается, что начальное образование Хусрав получил в родном Кубодиёне, после чего продолжил обучение в Балхе, одном из ведущих культурных центров того времени. По мнению авторов, Насир Хусрав в раннем возрасте выучил наизусть Коран и овладел основами всех рациональных и традиционных наук своего времени, включая арифметику, астрономическую систему Птолемея, геометрию Евклида, медицину, музыку, философию, теологию и прикладную этику [175, 20]. Также подчёркивается его глубокое знакомство с историей различных религиозных учений и конфессий.

Согласно авторам, после завершения обучения поэт в 1040 году поступил на государственную службу вместе со своим братом Абулфатхом Абдулжалилом. На тот момент ему было около 36 лет. Однако по прошествии нескольких лет он испытывает глубокое разочарование в придворной жизни, о чём свидетельствует сам Хусрав в своих стихах. Это внутреннее пробуждение и разрыв с прошлым знаменует начало нового этапа его жизни, связанного с духовными исканиями и паломничеством. Отправной точкой в этом процессе считается 1045 год.

Описание странствий и идеологической борьбы поэта содержит множество гипотетических и повторяющихся суждений. Считается, что в связи с конфессиональными разногласиями он был вынужден покинуть родные места, проведя некоторое время в Мазандаране, откуда позже перебрался в Юмган. Авторы полагают, что пребывание Хусрава в

Мазандаране не было случайным, поскольку в тот период эта территория находилась под контролем шиитских правителей: «Не случайно поэт избрал Мазандаран в качестве временного пристанища, так как местные эмиры и губернаторы, от Горгана до Табаристана, исповедовали шиизм. Вероятно, подобно Фирдоуси, он надеялся найти у них поддержку и покровительство» [175, 38].

Другим фактором, обеспечившим его выживание, исследователи считают высокий общественный авторитет поэта, обусловленный признанием его учёности и литературного таланта: «Возможно, одной из причин, по которой Насир Хусрав избежал смерти и преследований, стало то, что его знания, философские взгляды и литературное дарование получили широкое признание как среди элиты, так и среди простого народа» [175, 38].

Несмотря на это, как в советский период, так и в эпоху независимости, данный этап жизни поэта продолжает вызывать острые дискуссии в научной среде.

Что касается анализа поэтического наследия, Абдулгани Мирзоев и Худоё Шарифзода, как и многие другие исследователи, приводят обзор всех известных произведений Хусрава, при этом нередко воспроизводя мнения своих предшественников.

По поводу издания его сочинений исследователи пишут следующее: «Одним из первых опубликованных в СССР произведений Насир Хусрава, по-видимому, является его «Сафарнома», изданная в 1933 году с переводом и вступительной статьёй Е. Э. Бертельса. Одной из первых поэтических публикаций в Таджикистане стало «Избранное из дивана», подготовленное Камолом Айни. Позднее были изданы также «Сафарнома» и «Равшаноинома», однако наиболее полным на сегодняшний день изданием является собрание сочинений поэта под редакцией А. Девонакулова и других, опубликованное в 1992 году» [67, 54].

Вторая глава монографии посвящена жанровому разнообразию поэзии Насир Хусрава, прежде всего его дивану. Исследователи дают точную

научную характеристику жанрам, представленным в диване: касыдам, кыт'ам и рубаи. Особое внимание уделяется касыдам, которые составляют значительную часть его поэтического наследия. Рассматриваются особенности этого жанра, его концептуальное содержание, а также отличия от традиционной касыды и от творчества других поэтов его времени.

Отмечается, в частности, что касыды Насир Хусрава отличаются оригинальностью рифмовки, тематическим диапазоном и объёмом. Как утверждается: «Если исходить из данных прологов, посвящённых жанру касыды, становится ясно, что касыды поэта представляют собой явление иного порядка, демонстрируя новаторские черты и отход от классических канонов персидско-таджикской поэтической традиции. В частности, в его диване практически отсутствует восхваление, которое доминировало в поэзии того периода» [42, 67].

Также исследователи обращают внимание на особенности касыд Насир Хусрава, отличающие их от произведений его современников. В частности, отмечается следующее: «Во-первых, вступительная часть (ташбиб или насиб) касыд поэта в основном состоит из описаний природы, времени года, автобиографических мотивов, жалоб и размышлений о непостоянстве мира и других подобных тем» [42, 67]. Эти темы, по мнению учёных, являются характерными для всего поэтического наследия Хусрава.

Во-вторых, касыды Насир Хусрава, с точки зрения поэтики и теории сочинение касыд, относятся к числу так называемых «ограниченных» и «содержательных» касыд [42, 72], то есть таких, в которых основное внимание уделяется пропаганде философских воззрений, этическим вопросам и религиозному учению.

В-третьих, в данных произведениях подчёркивается, что Насир Хусрав разработал собственный оригинальный стиль написания касыд, благодаря чему данный жанр освободился от традиционной тематики, заключающейся в восхвалении, описаниях пиров и винопития при дворе. Он наполнил этот

жанр новыми этическими, религиозными и философскими содержаниями, тем самым открыв новые горизонты в поэтическом искусстве.

Научный анализ в монографии затрагивает также маснави, кыт’а и рубаи, представленные в поэтическом диване Насир Хусрава. Авторы книги «Хакими суханвар» («Мудрец-поэт») оценивают объём касыд в его диване примерно в 10 000 байтов (двустиший), при этом фиксируют наличие 15 кыт’а и 4 рубаи.

В третьей главе данного труда, озаглавленной «Постижение поэзии Насир Хусрава», исследователи подробно рассматривают как темы, соотносящиеся с эпохой поэта и его личной биографией, так и ключевые концепты: «Слово как посланник сердца и духа», «Древо поэзии Насир Хусрава как райское древо» и «Красота мира в поэзии Насир Хусрава». Эти идеи получают более глубокую разработку в другом исследовательском труде Худоё Шарифзоды под названием «Рози чахон» («Тайна мира»).

Указанная работа «Рози ҷаҳон» в первую очередь, посвящена философским аспектам поэзии Насир Хусрава и по праву считается первой научной попыткой системного анализа философской сущности его стихотворного наследия. В течение почти двух веков многочисленные отечественные и зарубежные исследователи изучали творчество Хусрава, однако данное исследование существенно отличается по масштабу и глубине от всех ранее созданных научных трудов в области насирхусравоведения.

Монография «Рози чахон» Худоё Шарифзоды была опубликована дважды в течение 13 лет. Впервые она вышла в 2005 году по случаю тысячелетия со дня рождения поэта, а второе, дополненное и переработанное издание было опубликовано в 2016 году. Несмотря на то что к моменту появления данной работы поэзия Насир Хусрава уже была предметом многочисленных высоко оценённых исследований, именно «Тайна мира» наиболее полно раскрывает глубину, уникальность и идейную насыщенность поэзии этого выдающегося поэта. В предисловии к своей книге автор подчёркивает: «Поэзия Хусрава это не просто рифмованная форма

философских воззрений, высказанных им в прозе. Хотя его поэзия действительно охватывает темы калама, философии и религиозного учения, она в своей сущности принципиально отличается от прозы и представляет собой отдельное художественно-философское явление» [289, 5].

Утверждая значимость поэзии Насир Хусрава, Х. Шарифзода предлагает её глубокий многоплановый анализ. Исследователь прежде всего определяет два ключевых аспекта поэтического таланта Хусрава: поэтическое мастерство и способ выражения идей. Говоря о первом аспекте, он утверждает: «Поэзия Насир Хусрава, отличаясь по своей художественной функции и творческому замыслу от его прозы, требует рассмотрения как самостоятельного эстетического явления. Это позволяет выявить её уникальную форму, возникающую из глубокого содержания» [289, 7].

С точки зрения исследователя, в поэзии Хусрава философские размышления о религии, морали, пространстве и времени, добре и зле исходят из позиции интеллектуального и духовного человека своего времени: «Поэзия для него это, прежде всего, способ интерпретации и защиты своих мировоззренческих установок в образной, художественной и аргументированной форме» [289, 7].

На этом основании Шарифзода приходит к выводу, что высокая художественная ценность поэзии Насир Хусрава заключается в её способности формировать внутреннюю сущность человека, укреплять моральные устои, поведенческие нормы, веру и духовное мировоззрение. Акцент, который поэт делает на времени и эпохе, напрямую связан с его религиозной и научной позицией, а также с широтой его философского взгляда. В связи с этим Шарифзода пишет: «Поэзия Насир Хусрава это диалог о совершенствующемся человеке. Хотя в реальной жизни этот человек может быть незаметен, его развитие и духовный рост возможны лишь посредством усилий, направленных на постижение религии и науки» [287, 11].

По мнению Х. Шарифзоды, поэтическое наследие Насира Хусрава пронизано онтологическим поиском, в основе которого лежит синтез научного знания и личного жизненного опыта. Этот симбиоз обуславливает глубокую философскую направленность и насыщенность поэзии мудростью. В рамках анализа творчества Насира Хусрава исследователь выделяет три основных направления:

1. Исследование источников и литературных первоисточников, вошедших

в состав его дивана;

2. Анализ религиозно-теологических мотивов и образов, присутствующих в его поэзии;

3. Изучение поэтического мастерства с позиций лингвистического, стилистического, метрического, риторического и выразительного аспектов.

На основе этих подходов исследователь проводит глубокий анализ поэтического наследия Насир Хусрава. Первым из тематических направлений он выделяет вопрос «Время и жизненные обстоятельства поэта». Здесь он кратко описывает жизненный путь Хусрава от детства до зрелости, подчёркивая, что именно насыщенная событиями биография поэта способствовала тематическому разнообразию его дивана, в котором отражены около 249 различных тем: «Классификация тематического материала в поэтическом наследии поэта позволила нам зафиксировать почти 249 различных тем, от повседневной жизни до исторических, научных, религиозных и философских вопросов, которые представляли для него особый интерес. Если бы современного таджикского поэта сопоставить с этим объёмом знаний и художественного опыта, охват Насир Хусрава поставил бы его в уникальное положение» [287, 15].

Затем исследователь обращается к анализу личности поэта, характеризуя его как нравственно высокую фигуру, не склонную к материальным благам, пропагандирующую просвещение и познание. В его поэзии также подчёркиваются мотивы пробуждения, обращения к разуму и

нравственности. Именно стремление к знанию и истине привели Хусрава к исмаилизму, что стало причиной преследований и вынужденного укрытия в труднодоступной горной деревне Юмган.

Одной из первых тем, рассматриваемых Шарифзодой, является «Юмган и воспоминания о родине». Известно, что в своих стихах поэт часто упоминает Юмган, выражая неудовлетворённость этим местом, описывая его как «тюрьму». Исследователь задаётся вопросом: почему Насир Хусрав оказался в этом месте и почему он столь неодобрительно о нём отзывается? Ответ содержится в стихотворении поэта:

Я в Юмгане как в темнице, окружён безумцами,
О, Хозяин тайн, лишь у Тебя прошу избавления!
В этой тяжёлой тюрьме я оказался беспомощным,
Кто, кроме Тебя, освободит меня по Своей милости?
Все отдалились от меня, чуждаются общения,
И родич, и земляк, и собеседник, и собрат.
Никто не читает мои письма, не произносит моё имя,
Невежды из-за злобы, учёные из страха замолчали [10, 95].

Из приведённого выше становится ясно, что поэт воспринимает своё пребывание в Юмгане как результат реакции со стороны жителей Хорасана, и ощущает себя узником. Освобождение из этой «темницы» он связывает исключительно с волей Всевышнего, однако сам не прилагает усилий к бегству. Это объясняется тем, что он считает известность и возвышение Юмгана следствием собственного интеллектуального и литературного вклада, рассматривая поклонение и богослужение как своё главное занятие.

Связь Насир Хусрава с Юмганом исследователь объясняет рядом причин. Во-первых, сам поэт называет Юмган своей темницей и утверждает, что попал туда «по вине безумцев». Он пишет, что считает своё пребывание в Юмгане несправедливым и себя невиновным. Возможно, как предполагает исследователь, имущество поэта ранее было разграблено, и он был вынужден укрыться в Юмгане, спасаясь от притеснений [287, 21]. По мнению Худои

Шарифзоды, нахождение Хусрава в Юмгане является осознанным выбором, продиктованным его твёрдой волей и религиозными убеждениями. В этом уединённом месте он достиг определённой философской зрелости, позволившей ему продолжить духовную жизнь.

Вторую причину прибытия поэта в Юмган исследователь усматривает в конкретных материальных и духовных обстоятельствах. С его точки зрения, в Юмгане Насир Хусрав оказался среди единоверцев, что обеспечивало ему уважение и признание, учитывая объём знаний, накопленных к тому времени. Именно это уважение жителей Юмгана стало для поэта своего рода компенсацией за утрату родного Хорасана. Другой важной причиной, побудившей Насир Хусрава переселиться в Юмган, исследователь называет его религиозную принадлежность и внутреннюю убеждённость. Как указывает Шарифзода: «В Юмган он прибыл, следуя зову «любви к Дому Посланника», и именно в этом видел своё превосходство».

Иными словами, его приверженность исмаилизму и последовавшие за этим гонения со стороны тюркских властей и фанатиков заставили поэта искать убежище в труднодоступной местности [289, 26]. Несмотря на ощущение одиночества и разлуки с родными местами, Юмган он воспринимает как пространство, благоприятное для веры и духовной практики.

В конечном итоге, по мнению Худои Шарифзоды «Насир Хусрав считает себя источником славы и известности Юмгана», и справедливо, поскольку именно его имя прославило этот край, поставив его в один ряд с Балхом, Хорасаном, Мервом и Кубадиёном.

В последующих главах своего труда Шарифзода обращается к темам, связанным с родиной поэта, Хорасаном, Кубадиёном и Балхом, и определяет их как его подлинную родину. Особенно привлекает внимание исследователя тот факт, что в стихах Насир Хусрав чаще упоминается Балх, чем Кубадиён. Он объясняет это следующим образом: «Частое упоминание Балха указывает на глубокий след, оставленный этим городом в памяти поэта. Однако,

несмотря на это, Балх не занимает в его поэзии того места, которое отведено Юмгану» [293, 29].

Ностальгия по Хорасану также становится важной темой анализа поэзии Хусрава. Обращение к этому региону связано с титулом, которым его нередко награждают в диване *«Худжат Хурасон»* («Доказательство Хорасана»). Один из примеров:

О, Доказательство земли Хорасан, твоя речь по вдохновению,
Кто ещё, кроме тебя, в религии истины достиг такого положения?
Ведь ты знаток знаний и богослужения, наследник верующих,
Ты испытал страдания и, несмотря на боль, стал опорой веры [10, 127].

По мнению Шарифзоды, особая привязанность Насир Хусрава к Хорасану объясняется тем, что именно этот край был для него родным, здесь он родился, сформировался и достиг интеллектуальной зрелости: «Каждая зрелая личность ощущает себя неотъемлемой частью своей страны. Для Хусрава такой страной является Хорасан край его рождения, воспитания, культурного становления, а также его этнической и языковой принадлежности» [293, 31].

Воспоминания поэта о родине, как подчёркивает исследователь, свидетельствуют о глубокой любви к Отечеству, национальном самосознании и патриотизме. Несмотря на изгнание, Хусрав никогда не терял связи с родной землёй.

В контексте анализа личности поэта Шарифзода высказывает интересные суждения, отличающиеся от ранее представленных в научной литературе. Особое внимание он уделяет родовому происхождению поэта, к которому сам Хусрав относится с гордостью. Он с почтением называет себя потомком Кубада:

Я связал родство с Юмганом,
Ведь из рода Кубадиён я произошёл [10, 596].

Исследователь анализирует различные этапы жизни поэта, находящие отражение в его произведениях, особенно в жалобах на течение времени, выраженных в ташбибах касыд.

Жизнь поэта была тесно связана с наукой и просвещением. Хусрав приобрёл глубокий жизненный опыт, который он позднее воплотил в поэзии. Как отмечает Шарифзода: «В своих касыдах Хусрав описывает путь, пройденный им в религиозной, общественной и философской сферах. Этот путь, полный наблюдений и опыта, привёл его к разочарованию в двух опорах времени: власти (в лице правителей) и формализованной религии (в лице ортодоксальных богословов)» [293, 45].

Отражение жизненного пути поэта в его поэзии, по мнению исследователя, представляет с одной стороны картину реальности пожилого возраста в Юмгане, а с другой, противопоставление этой реальности воспоминаниям о Хорасане и критике общества. Если в юности поэт предстаёт сильной и энергичной личностью, то в зрелости, усталой и изнурённой временем. Однако, как подчёркивает Шарифзода, несмотря на давление обстоятельств, духовная сила и вера в истину никогда не покидали Хусрава.

Особого внимания исследователя заслуживает анализ начального бейта касыды, начинающейся со строк «Избранник Корана и религии Мухаммада». Согласно его интерпретации, Насир Хусрав является прежде всего философским поэтом. Его размышления сосредоточены на природе мира, предназначении человека, этике, познании и социальных вопросах, и всё это основано на синтезе религиозного и рационального подходов.

Известно, что большинство касыд Насир Хусрава имеют автобиографический характер и отражают его внутреннее состояние, т.е., радость, печаль, недовольство, духовный поиск. По мнению Шарифзоды, в касыде «О ты, кто постиг знания и объездил весь мир» поэт раскрывает путь к совершенству через науку и познание. В ней он подчёркивает необходимость обучения как условия обретения истины. Как пишет

исследователь: «Хусрав ставит Коран во главу угла, рассматривая его как проводника к истине. Он критикует философов и иные религиозные школы, утверждая, что истина не в свободомыслии, а в следовании истинному знанию» [289, 72].

Среди цитируемых им бейтов:

Сними замок с сердца и выбери Коран своим проводником,
Чтобы ты узнал путь и открылось тебе знание.
И если ты не найдёшь путь, не удивляйся,
Я, как ты, долго блуждал в заблуждениях [10, 232].

В анализе этих строк Шарифзода обращается к религиозно-философским взглядам Хусрава: единство Пророка и Корана, скрытые смыслы Откровения, восхваление рода Пророка, халифат Фатимидов и другие догматические вопросы. Он подчёркивает, что цель Хусрава не просто чтение Корана, а глубинное познание и научное осмысление. Только через знание, по мнению поэта, человек может обрести своё подлинное место в мире.

Как уже было отмечено, Шарифзода затрагивает в своей работе множество аспектов творчества Хусрава. В частности, в разделе «Мир, Время и Пространство» он анализирует важнейшие философские и поэтические категории, проходящие через всё творчество поэта. С литературоведческой точки зрения, он пишет: «Обращение к миру, жалоба на время и его круговорот, состояние человека в этом мире, вращение небес, одни из ключевых тем поэзии Хусрава» [289, 94].

Согласно его анализу, эти темы затронуты почти в 286 касыдах. И хотя формально они сходны с другими образцами классической поэзии, язык и стиль Хусрава уникальны: «Поэт создаёт особую структуру поэтической речи, отличающуюся от других классиков. Эта оригинальность стиля отражает уникальность мышления Хусрава» [289, 95].

Шарифзода подчёркивает, что поэзия Хусрава связана с понятием человека в контексте бытия. Этот человек ищущий мудрец, обладатель

проницательного ума. Исследователь отмечает: «Поскольку Хусрав воспринимает мир чувствами, он обращается к суфийским образам, однако в последующем отказывается от них, находя причину своей боли в самом этом ярком и блестящем мире» [293, 96].

По работам Абдулкадира Маниёзова и Худои Шарифзоды видно, что Хусрав уделял внимание метафизике мира, вращению сфер и положению человека в бытии. Он приходит к выводу, что мир сотворён неслучайно и имеет цель. Этот мир для человека. Тематика мудрости, человеческой миссии и особенно жалоба на мир доминирует в его поэзии. Исследователи подчёркивает: «Причина этого кроется в множестве пережитых страданий, поиске истины, одиночестве в отдалённых местах, и, в целом, в несовершенстве этого мира» [289, 99].

Следовательно, жалобы поэта направлены не на бегство от мира ради мирских удовольствий, а ради стремления к истине и истинной вере.

В представлении Насир Хусрава время не является чем-то иным, кроме состояния самого времени, то есть ощущение времени возникает из наблюдения за изменением состояний. Время, таким образом, это признак перехода от одного состояния к другому, и, согласно мнению исследователя, «время, эпоха и срок это различные названия одного и того же существа, то есть эти понятия являются синонимами. Сам Хусрав понимает время как последовательное изменение состояний тела, когда оно переходит из одного состояния в другое, а промежуток между этими состояниями он называет временем» [289, 109].

После детального анализа философских взглядов Насир Хусрава на мир, пространство и время исследователь делает следующий вывод: «Все рассуждения Хусрава вокруг существования мира и времени связаны с бытием человека, творением и целью его существования, а также с конечным исчезновением и сохранением. Человек в поэзии Хусрава существует, непрерывно связан с миром, временем и пространством, а также с бытием после физической смерти» [287, 151].

Что касается темы «бремени знания и разума», исследователь отмечает: «Насир Хусрав оценивает ценность науки и знания для человека через призму противостояния с невежеством. Поскольку сравнение является началом познания и осознания, естественно, что стремление к истине проявляется в учёном подходе поэта. Невежество это сон души, а пробуждение от него высшая степень человеческого совершенства» [287, 154].

Он строит свои рассуждения на основе высказываний самого Хусрава, указывая, что мыслитель ставит изучение науки выше всего прочего, а невежество осуждает не на основании научных доказательств, а через сопоставление и поэтические образы. Согласно наблюдениям Х. Шарифзоды, Насир Хусрав постоянно подчеркивает пользу науки для человека, призывает избегать невежества и сторониться его. При анализе поэзии поэта он утверждает: «Человек должен стыдиться невежества, и тот, кто его не испытывает, является самым бесстыдным. Невежество это слепота по отношению к истине, а истинное видение приходит только с разумом» [289, 156].

Поэтические образы, связанные с мудростью и невежеством, в творчестве Насир Хусрава встречаются часто. Исследователь приводит их в систематизированном виде, используя стихи поэта: например, «душа без знания подобна ослу без сил», «неведение подобно обнажению», «стыдиться невежества», «без знания как дерево без плодов» и другие, призывающие человека к учёбе.

Из выводов исследователя следует, что взаимосвязь науки, знания и разума в поэзии Хусрава свидетельствует о том, что он рассматривает человека, обладающего этими качествами, как идеал. Такой человек мудрый, образованный, избегающий невежества, следователь божественного пути и далекий от страстей и низменных желаний. Отсюда становится ясно, что разум, хотя и находится в сопоставлении с душой, всё же выше её по значимости. Эта тема, являющаяся центральной в поэзии Насир Хусрава,

подробно проанализирована в трудах таджикского исследователя Х. Шарифзоды, который отмечает, что хотя тема учёности и разума широко представлена в классической таджикской литературе, начиная с X века, именно Хусрав уделяет ей особое философское внимание, развивая и подчеркивая философские аспекты разума.

Известно, что этика и наставления занимают основное место в творчестве Насир Хусрава, что отмечают практически все исследователи, посвятившие свои труды поэту. Х. Шарифзода выделяет отдельный раздел, посвящённый этой теме. Мы ограничимся лишь анализом вопроса о ценности слова с точки зрения Хусрава, который исследователь представил в главе «Дерево благословенного стиха». Он опирается на работы таких классиков, как Е.Э. Бертельс, В.А. Иванов, И. Питси, Никитина, Шибли Нумани, Эдуард Браун, Муджтабо Минави и других, изучавших поэзию Насир Хусрава, а также приводит собственное мнение о поэзии и её статусе в творчестве поэта.

В частности, исследователь цитирует Забихуллоха Сафа: «Насир Хусрав без сомнения является одним из выдающихся поэтов и ораторов персидской литературы. У него сильный характер, мощная речь и уникальный стиль. Его язык близок к языку поэтов позднего саманидского периода и даже демонстрирует большую архаичность по сравнению с речью поэтов раннего Газневидского периода» [108, 267].

Приводя многочисленные примеры из мнений предыдущих исследователей, Х. Шарифзода приходит к выводу: «Из этих размышлений следует, что Насир Хусрав признан как сильный поэт с особым стилем, обладающий мощным выразительным языком и стихами, охватывающими темы Корана, хадисов, наставлений, философии и религии» [289, 273].

Такой статус поэта, по мнению исследователя, прежде всего свидетельствует о его широких знаниях, которые ясно прослеживаются в его стихах, а также о необходимости изучения ранних источников, поскольку «реальная форма требует глубокого анализа в свете его мышления» [289,

271]. Речь поэта это основа рационального понимания, а его особенный словарный строй приближает читателя к восприятию его художественного стиля.

С точки зрения исследователя, Насир Хусрав в своей поэзии не выходит за рамки религии и философии, и его творчество следует считать мудрым. В использовании своего выразительного стиля он отдает дань уважения таким поэтам, как Кисаий Марвази и Абуабдуллахи Рудаки: «Хусрав ставит содержание своей поэзии в сопоставление с речью Рудаки и возлагает оценку её значения на тех, кто «читал книги и просвещал сердца» с помощью знаний и мудрости. Поэзия Рудаки это «наставления и аскетизм», а у Хусрава «богато украшенная поэзия с глубоким смыслом и наставлениями», обладающая высоким религиозным статусом. Если стихи Рудаки учат воздержанию и наставлениям, то стихи Хусрава в молитве можно воспринимать как «духовное вознесение и благодарность»» [289, 278].

Исходя из всего этого, Х. Шарифзода утверждает, что Насир Хусрав рассматривает поэзию и писательство как искусство слова, а не просто продукт знаний. По его мнению, творчество поэта - это результат внутренней мудрости, а не только учености. Такая позиция способствует осознанию поэтом собственного «я», а его стихи демонстрируют мастерство слова и художественного стиля:

Другой путь иного знания не существует,
Кто узнал вкус покоя и покоя тела.
Да, оба речь, но ни одна не сравнится
С волшебством пророчества.
Тебе учение словно узда,
Как цепь для войска,
Без учения не станешь достойным всадником,
Путь тебе покорность и служение.
Если ты пойдёшь этим путём, знай,
Ты станешь властелином душ и мудрецом страны [10, 55].

Исследователь выделяет ряд существенных отличий в поэтическом творчестве Насир Хусрава по сравнению с другими поэтами своего времени. Во-первых, с его точки зрения, в большинстве касыд поэт посвящает первые байты (байт мақтаъ) и последующие стихи восхвалению собственного стихотворного произведения и его содержания, подчеркивая уникальность и высокую ценность своего творчества. Например, он пишет: «Красоту и блеск собственного стиха Хусрав рассматривает как наставление, написанное чистым сердцем и подобное сверкающей жемчужине» [293, 287]. Более того, поэзия для него служит доказательством и аргументом его знаний и учености, чем он побуждает читателя к внимательному изучению своих стихов, поскольку его поэзия это «прекрасный стих, ритмически правильный, с гармоничной фонетикой и глубоким содержанием».

Особое внимание исследователь уделяет критике Хусравом поэтов-панегириков и их склонности к гедонизму, выраженному в чрезмерной жажде удовольствий и алчности, что противостоит мудрости и этическим принципам. Данная позиция поэта получила широкое признание среди исследователей, поскольку Хусрав противопоставляет подлинное поэтическое мастерство поверхностным материальным наслаждениям и видит высший путь в следовании религиозным идеалам. Особенно важным он считает восхваление пророческого рода как главную цель своего творчества, что сближает его с арабским поэтом Хассаном ибн Саббитом, известным своими поздними произведениями, восхваляющими пророка. Поэт называет своё перо «чёрной и жемчужной птицей», а свою поэзию «сундуком с жемчужинами», которая, несмотря на вражду и зависть недоброжелателей, возносится словами Корана [287, 290].

Другое важное отличие поэзии Насир Хусрава это её происхождение из наставлений, мудрости, а также аятов и хадисов пророка. Если многие его современники и последователи гордились самой поэзией, то Насир Хусрав гордится именно своей религией и рассматривает поэзию как средство выражения религиозно-теологических и философских идей:

Прочти мои стихи не знай гордости мной,
Не стихами славлюсь я, а верой святой.
О ты, кто взялся с тобой жизнь связать,
С сознанием ясным душу я храню и жду [10, 392].

Поэт видит религию и мудрость как неразрывное единство, полагая, что его вера основана на Коране и разуме, что тесно связано с совершенством знания и просветления. Поэтому он рассматривает своё поэтическое мастерство как инструмент решения интеллектуальных и духовных проблем. Как отмечает исследователь: «Хусрав строит свою поэтическую форму из интеллектуальных проблем, создавая особый стиль художественной речи. Он противопоставляет себя придворным поэтам, считая, что те заняты поэзией и речью, а не знанием» [287, 299].

Особое место в исследовании занимает тема изображения красоты мира в поэзии Насир Хусрава, аспект, который ранее не был предметом систематических исследований. Согласно исследователю, красота внешнего мира в поэзии поэта имеет две стороны: первая, это описание видимого мира с его уникальной красотой, вторая, субъективное отношение самого поэта к прекрасному и привлекательному миру, формирующее его религиозно-философскую позицию. «Изображение красоты мира и восхваление внешней красоты в стихах Хусрава это одновременно профессиональное мастерство и эстетическое наслаждение, отражающие как формальные и тематические стороны поэзии, так и внутреннюю склонность поэта к постижению сущности бытия» [287, 303].

В поэзии проявляется мастерство художника слова, обогащённое многочисленными поэтическими образами природой, весной, сменой времён года, языком весеннего ветра, описанием ночи, плодоносящего дерева, множеством детей и другими метафорами. Данный стиль характерен для эпохи Саманидов и, согласно мнению некоторых исследователей, Насир Хусрав является последним представителем тюркестанского или хоросанского поэтического направления.

Хотя он и считается религиозным поэтом, в интеллектуальном и тематическом плане Хусрав поэт эстетически одарённый, который черпает вдохновение из красоты мира. Исследователь отмечает: «Изображение природы в поэзии Насир Хусрава представляет собой модель жизни, в которой есть начало и конец, а также противоположности и изменения, включающие подъемы и спады. Мир предстает как великолепный и многогранный, полный как порядка, так и хаоса» [289, 307].

Таким образом, приведённый анализ демонстрирует, что поэзия Насир Хусрава является синтезом религиозной философии, глубоких интеллектуальных размышлений и высокого художественного мастерства, что отличает его от большинства поэтов его эпохи и делает его произведения уникальными в контексте средневековой персидской литературы.

Насир Хусрав рассматривает религию и веру в неразрывной связи с сущностью разума. Поэт основывает своё доверие на Коране и рациональном мышлении, что напрямую связано с развитием знаний и духовного просвещения. В этом контексте он воспринимает своё поэтическое мастерство как инструмент решения сложных интеллектуальных проблем. Согласно исследованию, «Хусрав формирует поэтическую структуру своего творчества на основе рациональных проблем, создавая уникальный литературный стиль. Его противопоставление себя двору и придворным поэтам выражается в приоритете разума и знания в поэзии, в отличие от придворных, которые, по его мнению, сосредоточены на риторике и ремесле» [176, 299].

Исходя из этого, исследователь подчеркивает, что Насир Хусрав является поэтом мысли, религиозным и философским мыслителем, чьё творчество не соответствует традиционному образцу суфийской или восхвалительной поэзии, ориентированной на эмоции и мистический экстаз [189, 302].

Отдельное внимание в исследовании Худои Шарифзода уделяется теме образа «прекрасного мира» в поэзии Хусрава аспекту, ранее практически не

изученному в отечественной и зарубежной филологии. Красота мира, или внешний мир, в творчестве поэта рассматривается в двух аспектах: во-первых, как описание уникальной, неповторимой природной красоты, во-вторых, как собственное философское и религиозное отношение автора к притягательной и манящей красоте мироздания, определяющее его мировоззрение. Как отмечается, «образ красоты мира и восхваление внешнего мира в поэзии Хусрава выступают как два взаимодополняющих аспекта: с одной стороны, формально-тематическое наполнение стихотворения, с другой, эстетическое восприятие сущности бытия» [186, 303].

Насир Хусрав проявляет себя как поэт национального самосознания, чьё творчество пронизано идеями национальной идентичности и исторической памяти. Он образованный и сильный мыслитель, обладающий логическим и философским мышлением. Его поэзия носит отчетливо выраженный стиль, неразрывно связанный с философией, где каждая метафора несет в себе элементы мудрости, знания и рационального понимания. Как подчеркивает исследователь, «Хусрав словно предупреждает разумного человека через образы красоты и великолепия мира о мимолетности и бренности земного бытия, призывая не поддаваться очарованию иллюзорного, поскольку за всеми внешними бликами скрывается неизбежное разрушение» [186, 322].

Таким образом, по мнению Худои Шарифзода, хотя образы внешнего мира и природы в поэзии Насир Хусрава ярки и выразительны, они служат прежде всего религиозной и нравственной пропаганде, где красота является средством для призыва человека к духовному совершенствованию и освобождению от мирских привязанностей. Главная цель достижение духовной и интеллектуальной зрелости, выход за пределы видимого мира.

Исследование Х. Шарифзоды, несмотря на преемственность по отношению к ранее проведённым работам, представляет собой значимый вклад в современное осмысление поэтического наследия Насира Хусрава.

Автор не только систематизирует существующие подходы к изучению его творчества, но и выдвигает оригинальные интерпретации, акцентируя внимание на темах, ранее недостаточно исследованных или трактуемых односторонне. Особое внимание уделяется философскому содержанию поэзии, религиозно-теологическим аспектам и поэтическому мастерству, что позволяет рассматривать Насира Хусрава не только как религиозного мыслителя, но и как новатора в области художественного слова. Тем самым исследование открывает перспективы для дальнейших научных изысканий, в том числе в междисциплинарном ключе, и способствует более глубокому пониманию культурно-интеллектуального контекста его эпохи.

Одним из наиболее полных трудов в области литературоведения данного периода, созданных Наврузом Саркоровым, является монография «Жизнеописание и творчество Хакима Насир Хусрава». Данное исследование состоит из пяти глав. Первая глава посвящена политической, социальной и экономической обстановке времени поэта, а также рассматривает биографию Насир Хусрава. В рамках данной главы автор подробно анализирует период паломничества поэта, его возвращение и пропагандистскую деятельность. Во второй главе рассматриваются произведения и поэзия поэта; представленные сведения имеют во многом повторяющийся характер и во многом отражают позиции, уже высказанные другими исследователями. Лишь некоторые данные автора данной части исследования отличаются большей детализацией, в частности, упоминание других поэтических трудов, не сохранившихся до наших дней, а также произведений, приписываемых Насир Хусраву, о которых приводятся различные, в значительной степени не имеющие научного основания мнения. В третьей и четвёртой главах анализируется поэзия поэта, где автор детально исследует различные темы его стихотворений. Пятая глава посвящена религиозно-философским аспектам творчества Насир Хусрава, в частности, кратко рассматривается философия природы в его произведениях. В целом в работе преобладают

повторяющиеся сведения, не представляющие значительной научной новизны.

Известно, что период независимости страны открыл широкие возможности для исследований классического таджикского наследия. Одной из важнейших характеристик поэзии классических поэтов является их связь с арабской литературой и культурой. То есть отличительной особенностью исследований эпохи независимости стало изучение места арабской литературы и культуры в классических произведениях и стихах. Эта особенность ярко проявляется и в творчестве Насир Хусрава. Как уже отмечалось, Насир Хусрав был глубоким знатоком Корана и хадисов пророка, что явно отражается в использовании в его произведениях коранических аятов, хадисов и арабской лексики. В связи с этим исследователи периода независимости уделили этой тематике особое внимание, осуществив ряд фундаментальных исследований.

Современный таджикский исследователь Тоджиддин Мардони в своей научной работе «Насир Хусрав и арабоязычная культура» рассматривает вопросы равенства верований арабов и неарабов, арабской поэзии и Насир Хусрава, использования арабской философии в его стихах и сопутствующих тем. В частности, в предисловии автор подчёркивает глубокое владение Насир Хусрав арабским языком: «При знакомстве с произведениями Насир Хусрава становится очевидным, что поэт прошёл школу великой арабской культуры, поскольку он овладел арабским языком на высоком уровне, хорошо знаком с коранические науками и литературой, а также осведомлён о других религиях» [152, 4].

Общеизвестно, что Насир Хусрав в своих великих произведениях не раз свидетельствует о знании арабского языка, а упоминание самого поэта о том, как он учился арабскому языку в путешествиях, а также о наличии собственного арабского дивана, служит доказательством этого факта.

В своем исследовании Т. Мардони в первую очередь обращает внимание на тесную связь Насир Хусрава с арабской культурой и языком,

указывая, что основным признаком и причиной этой близости является то, что поэт считал Коран для себя единственным путеводителем и ориентировался во всех вопросах на него [152, 15]. Как приводится в одном из стихотворений поэта:

Душу пости невежества был пробуждён,

Как зеркало, читая я Фурқан [Коран] [10, 556].

Кроме того, исследователь подробно останавливается на глубокой любви поэта к Корану, отмечая: «Влияние арабского языка на произведения Насир Хусрава также проявляется в том, что он для доказательства и подтверждения своих слов приводит свидетельства из Корана и хадисов, которые он прекрасно знал и использовал в своих произведениях на прекрасном таджикском языке» [152, 17].

Другой причиной частого использования коранических аятов и хадисов в поэзии Насир Хусрава Мардони считает преобладание религиозно-мазхабной тематики в творчестве поэта, а также то, что основным источником его произведений являлись Коран и пророческие хадисы. В связи с этим внимание поэта к данным исламским источникам является приоритетным.

Также отмечается, что большую часть своих путешествий Насир Хусрав провёл по арабским странам. Как следует из «Сафарнамы», прозы и лирики поэта, он прошёл долгий путь через Ирак, Сирию, Палестину, Аравийский полуостров, Судан и Тунис, и во время своих странствий знакомился с жизнью и бытом местного населения, отражая свои впечатления в «Сафарнаме» [152, 20].

Влияние арабской культуры в творчестве Насир Хусрава Мардони также связывает с частым использованием образов из арабских стран, персонажей народного фольклора, мифологии и исторических личностей. Как указывает исследователь: «В «Сафарнаме» и других прозаических и поэтических произведениях поэта часто встречаются мифологические и

исторические персонажи, такие как Хутам-и-Тай, Али ибн Абу Талиб, Джухей, Лейли и Маджнун и другие» [152, 29].

В завершение Мардони рассматривает отношение Насир Хусрава к арабской литературе, подчёркивая, что поэт неоднократно упоминает в своих стихах представителей арабской поэзии, таких как Хассон, Аль-Бухтари, Джарир, Ибн Атийя, Абу Убайд аль-Валид, Мансуру и других.

Известно, что Насир Хусрав является одним из первых поэтов персидско-таджикской традиции, писавших на двух языках, таджикском и арабском, обладая глубоким знанием арабского языка, культуры и цивилизации. В связи с этим таджикские учёные эпохи независимости посчитали необходимым развивать и углублять это направление исследований в области литературоведения.

Особое внимание Насир Хусрава, по наблюдениям Т. Мардони, обусловлено не только его владением арабским языком как родным и глубоким знанием арабской истории, культуры и цивилизации, но и тем, что в его творчестве представлено взаимодействие и культурное сосуществование двух народов.

Другим аспектом, выявленным в исследовании Т. Мардони, является «Отражение арабской философии в творчестве Насир Хусрава». В этой части исследователь анализирует отношение поэта к арабским учёным и поэтам, демонстрируя его близость к данной социальной группе. По мнению исследователя, Насир Хусрав проявлял особое внимание к арабской философии и мудрости, с уважением относясь к многим философам этой культуры. В частности, в своих стихах он подробно трактует философские взгляды сирийского философа, математика и врача Ибрагима ибн Синона ибн Собити Харрони:

От правды твоей доказательства не найдёшь лучше

Чем у Собити Курра, побеждающего заблужденье [10, 626].

Таким образом, выдающийся таджикский арабист и исследователь Т. Мардони представил глубокий и детальный анализ влияния арабской

культуры и цивилизации на творчество Насир Хусрава, а также рассмотрел межкультурные отношения между двумя народами с научной точки зрения. Вместе с тем, его исследование, будучи достаточно кратким и местами фрагментарным, в основном отражает общий культурный диалог арабов и аджамов, а в ряде случаев затрагивает спорные вопросы, которые получили однозначные ответы со стороны некоторых других учёных [152, 131].

Учёный и поэт Насир Хусрав, продолжатель хурасанского стиля, обладающий собственным тематическим и творческим подходом, в своём творчестве, как уже отмечалось, использует изобразительные средства и особенно аллюзии, которые принципиально отличаются от традиций его современников. Особое место занимают арабо-исламские аллюзии, часто называемые также исламскими, которые в поэзии Насир Хусрава занимают заметное место и прежде всего отражают его веру и убеждённость в исламе, Коране и пророке.

В связи с этим исследователь А. Абдусатторов отмечает: «Следует подчеркнуть, что исламские аллюзии, несмотря на большую традиционную роль гинаи (жанра) в маснави и касыдах, ярко проявлены в таких произведениях, как «Хадиқа-ул-ҳақиқа», «Сайр-ул-ибод», маснави Мавлави и касыдах Насир Хусрава» [30, 11].

Особенностью культурной гармонии арабов и аджам также считается использование коранических аятов, хадисов и арабской поэзии. Так, в исследовании А. Абдусатторова, одного из арабистов эпохи независимости Таджикистана, отмечается: «Сравнение принятия общих смыслов коранических аятов и хадисов в арабской и персидской поэзии выявляет, что эта традиция с начала ислама служила усилению идей и прославлению в произведениях арабских поэтов, а с формированием персидской литературы ссылки и приёмы, связанные с коранических аятами, получили распространение, особенно в период Газневидов, преимущественно в хвалебных касыдах» [30, 192]. Именно в этот период у народа сложился устойчивый интерес к изучению Корана.

Изучение данного аспекта поэзии Насир Хусрава в эпоху независимости Таджикистана свидетельствует о возросшем внимании исследователей к теоретическим вопросам классической литературы в постсоветский период.

В области лингвистики были выполнены и защищены научные работы, такие как «Лексические особенности «Сафарнома» Насир Хусрава» Д. Фозилова, «Ономастическая сфера поэзии Насир Хусрава» С. Холиккназаровой, «Стилистические особенности лексики и морфологии «Сафарнаме» Насир Хусрава» М. Амоновой, «Новый взгляд на язык «Сафарнома» Насир Хусрава» Фируза Мансури и другие статьи, опубликованные в этот период [71, 189, 247, 254, 264] .

В период государственной независимости таджикские исследователи различных поколений уделили значительное внимание философскому наследию Насира Хусрава, рассматривая его творчество в контексте ключевых мировоззренческих и культурно-исторических проблем. Среди них Х. Додихудоев, Н. Арабзода, Р. Назариев, Ю. М. Норбоев, Ш. Бердиев, Т. Г. Карнеева, Л. Н. Додыхудоева, а также представители более молодого научного поколения, такие как Ш. Карамхудоев, Ш. Саидиброхимов, Ш. Бандалиева и И. Джумъахонов. Их научные труды внесли весомый вклад в изучение философских аспектов учения этого выдающегося мыслителя, расширив горизонты его интерпретации в рамках современной таджикской гуманитарной науки [53, 54, 99, 100, 122, 123, 178].

Особое место занимает Нозир Арабзода, один из наиболее плодовитых философов и исследователей конца XX-начала XXI века. Его научный труд, посвящённый философскому наследию Насир Хусрава «Мир мыслей Насир Хусрава», впервые вышел в свет в 1994 году под названием «Насир Хусрав» и был переиздан с дополнениями самим автором в 2003 году, в преддверии тысячелетия со дня рождения поэта и восточного мыслителя.

Исследовательская работа Нозира Арабзода состоит из пяти глав и посвящена философским взглядам Насир Хусрава. Первая глава под

названием «Искатель истины и справедливости» охватывает темы «Эпоха Насир Хусрава, возрождение исмаилизма, биография и научные взгляды Насир Хусрава». В этом разделе, как и в других научных трудах, прежде всего анализируется исторический контекст жизни великого мыслителя. Автор отмечает, что эпоха Насир Хусрава была одной из наиболее противоречивых и нестабильных в истории Мавераннахра и Хорасана. Особое внимание уделяется политической ситуации того времени, упадку великого Таджикского государства Саманидов, а также описываются государства Газневидов и Сельджуков. При этом подчеркивается отношение и интерес самого Насир Хусрава к этим событиям: «Насир Хусрав с сожалением отмечает, что Хорасан, некогда «место науки и мудрости», пал под натиском сельджукских турок, которых он характеризует как «невежественных кочевников», превративших страну в «землю проклятого дивана», а вольные банды беспризорных овладели некогда процветающим краем» [42, 15].

Далее автор переходит к детальному анализу научных взглядов Насир Хусрава, выделяя ключевые философские положения. Обобщая идеи предыдущих исследователей, он заключает: «Приведенные аргументы свидетельствуют о широте кругозора и энциклопедичности знаний Насир Хусрава. Однако естественно, что в различных областях знания он не мог внести одинаковый вклад. Если в философии, теологии и литературе он действительно обладал уникальной самостоятельностью мысли и особым стилем изложения, то в таких сферах, как математика, естествознание и медицина, он изучал их лишь в мере необходимости, используя полученные знания как научные основания для философских аргументов» [42, 71].

Во второй главе работы Арабзода рассматривает теологические вопросы, такие как единобожие (тавхид), сотворение мира, скептицизм, явное и скрытое (захир и батин), а также толкование Корана. В данном разделе подробно анализируется концепция единого Бога, где отмечается: «Насир Хусрав понимал сущность Творца как абсолютно чистую, не

имеющую никаких недостатков, и приравнивал Его к первому интеллекту, равному и однородному с Ним, что соответствует доктринам учения исмаилизма» [43, 75].

Что касается сотворения мира, после анализа различных отечественных и зарубежных мыслителей, автор приходит к выводу, что Насир Хусрав разделял творение на три типа: божественный, интеллектуальный и душевный миры. По словам исследователя: «Концепция Насир Хусрава о строении мира не выходит за рамки теологической космологии, предполагающей ограниченность мира. Философ считает существование бесконечных миров невозможным, объясняя это тем, что мир состоит из конечных элементов» [42, 88].

Тему скептицизма Насир Хусрава исследователь рассматривает в контексте одного из его панегириков, начинающегося с «Господи, могу ли я измерить величину Твоего мира, словно муравья в сердце» [42, 364], о котором упоминалось в предыдущей главе.

Третья глава работы посвящена проблемам «загадки бытия». В ней исследователь анализирует такие философские вопросы, как сущность тела и материи, существование и движение, время, пространство, место человека в иерархии бытия и другие вопросы онтологии в творчестве Насир Хусрава. По мнению Арабзода, эта тема традиционно занимает видное место в философии и берет свои корни в античной традиции. Тем не менее, анализ показал, что Насир Хусрав развивал эту традицию, разделяя мир на две категории: сущность (ҷавҳар) и качество (аъраз): «Под сущностью обычно понимается то, что существует самостоятельно и принимает противоположные качества. Под качествами же философ подразумевает то, что существует «в другом», и не имеет самостоятельного бытия» [41, 118].

Следовательно, работа Нозира Арабзода представляет собой глубокий и всесторонний анализ философских идей Насир Хусрава, раскрывающий его вклад в развитие исламской философии и теологии, а также показывающий

его уникальное сочетание традиций исмаилизма с культурным и историческим контекстом эпохи.

В период независимости также было проведено множество исследований философского наследия Насира Хусрава отечественными и зарубежными учёными, защитившими кандидатские и докторские диссертации. Большинство из них посвящены отдельным аспектам и отдельным вопросам творческого наследия мыслителя. Среди них можно выделить работы: Назариева Р. «Социальная философия «Ихван-ус-сафа»: сравнительный анализ» (2011), Ш. Саидиброхимова «Теоретическое обоснование дидактической системы Насира Хусрава по формированию логико-мыслительной деятельности учащихся 8 классов таджикской школы», Норбоева Ю.М. «Метафизика Аристотеля и Насира Хусрава (сравнительный анализ)» (2016), Карнеевой Т.Г. «Философские взгляды Насира Хусрава (на материале трактата «Раскрытие и освобождение»)», Курбоншоева И.К. «Натурфилософия Насира Хусрава» (2018), Бандалиева Ш.Н. «Нравственная философия Насира Хусрава» (2018), И. Курбоншоев «Натурфилософия Насира Хусрава» (2020) и многие другие, продолжающие исследовать различные философские аспекты.

В период независимости Республики Таджикистан исследование педагогического потенциала литературного наследия приобрело системный и целенаправленный характер. Особое внимание было уделено педагогическим аспектам творчества выдающихся представителей классической персидско-таджикской поэзии, среди которых значительное место занимает Насир Хусрав. Наследие этого мыслителя и поэта стало предметом глубокого научного анализа со стороны специалистов в области педагогики, что способствовало формированию нового подхода к его интерпретации в образовательном и воспитательном контексте. В рамках данной научной проблематики были выполнены и успешно защищены ряд кандидатских и докторских диссертаций. Среди них особо выделяются работы Ш. Саидиброхимова, Ш. Рахмона, Ходжа Курбона Тохири и О.

Насриддиншоева, в которых педагогические идеи Насира Хусрава рассматриваются всесторонне и с позиций современных научно-педагогических подходов.

Учёные подчёркивают, что в дидактическом учении Насира Хусрава ярко прослеживаются различные аспекты современной психологии и педагогики, такие как сурдопедагогика, логопедия, тифлопедагогика, дефектология и другие смежные дисциплины. С точки зрения педагогических исследователей, основой единства учения Насира Хусрава с педагогикой и психологией является пропаганда и поощрение нравственно-воспитательных идей в его творчестве: «В педагогическом учении Хакима Насира Хусрава моральные вопросы рассматриваются как одна из основных и важных составных частей человеческого совершенствования и воспитания. Точный литератор приближается к человеческой натуре как к важному объекту

Известно, что наряду с официальными классическими источниками и тазкирами, о жизни Насира Хусрава сохранились многочисленные устные предания и легенды, передававшиеся из поколения в поколение. Именно эти народные рассказы сыграли значительную роль в формировании образа и репутации поэта. В конце XX-начале XXI века таджикские учёные систематизировали и собрали эти предания, опубликовав их в отдельных изданиях. К числу таких трудов относятся упорядоченные сборники Нисормамада Шакармамадова и Назардода Джонбобоева «Лаъли кӯҳсор [Предания и легенды о Хакиме Насире Хусраве]», Дододжона Обидова и Шамсулхаки Ориёнфара «Барги сабз [Предания о Насире Хусраве]», а также широко известные «Сафарномаи маъмул» в Бадахшане, «Баҳр-ул-ахбор» Саиджафари Бадахши, «Силки гуҳаррез» в редакции Қудратбеки Элчибека и другие аналогичные издания.

В эпоху независимости страны исследование и глубокий научный анализ творчества Насира Хусрава осуществляли не только отечественные учёные, но и российские специалисты, а также исследователи из других

государств бывшего Советского Союза, внёсшие значительный вклад в данную проблематику. Особенно примечательны работы Л.Р. Додихудоевой и М.Л. Рейснер, которые подготовили и опубликовали два значимых научных труда, посвящённых поэтическому наследию великого мыслителя. Их совместные монографии «Насир-и Хусрав: Концепция поэтического творчества» (2004) и «Поэтический язык как средство проповеди: Концепция «Благого слова» в творчестве Насира Хусрава» (2007) обладают высокой научной ценностью и признаны важными исследованиями в области литературоведения и филологии.

Первая из указанных работ, являющаяся научно-методическим изданием, состоит из двух частей. Первая посвящена жизни и литературно-религиозному наследию Насира Хусрава, в ней рассмотрены такие вопросы, как восприятие творчества поэта в России и Советском Союзе, ключевые моменты биографии, сведения о средневековых источниках, описание литературного наследия и общее представление о «Диване» поэта. В разделе «Концепция литературного творчества» исследованы понятия касыды, критика хвалы и концепция «благой речи».

В первой части работы прослеживается значительная степень заимствования идей классиков российской науки, таких как А.А. Семёнов, В.А. Жуковский, Е.Э. Бертельс и А. Эдельман, чьи взгляды неоднократно цитируются и подтверждаются авторами. Включён также опыт исследований А.Е. Крымского, выделяющий мистическую составляющую творчества Насира Хусрава, не соперничающую с его поэзией. Кроме того, освещены научные изыскания 1930-1949-х годов, в том числе работы Бертельса по «Сафарнаме» и другие связанные исследования. Отмечено присутствие взглядов российских и иранских учёных.

Далее исследователи подробно анализируют сведения из средневековых источников и тазкир, в том числе размышления Аттара, Абдурахмона Джами и Давлатшаха Самаркандского, уделяя внимание как биографии, так и творческому наследию поэта. При этом в части,

посвящённой определению жанра касыда и её исторической эволюции в X-XI веках, представлены более глубокие и свежие данные, на основании которых проанализированы соответствующие произведения Насира Хусрава.

Раздел «Концепция благой речи» содержит наиболее новые и интересные идеи, которые детально развиты в следующем труде авторов. В частности, в нём рассматривается роль слова перед лицом человека, мощь и статус «Божьего слова», а также связь его с познанием, мудростью и разумом. Оценка «благой речи» проводится и с лингвистической, и с литературоведческой точек зрения, с привлечением стихотворений поэта. Основное внимание уделяется языковым категориям и концептам, таким как «доброе слово», «знание», «мудрость», «оратор», «учитель», «призыв», «наставление» и им подобным, которые трактуются в рамках исмаилитской концептуальной традиции. Учёные подчёркивают высокий статус «доброго слова» в системе мыслителя, рассматривая его как прямое указание и повеление пророка и Бога.

Особое место в исследовательской традиции занимает изучение поэтического стиля Насира Хусрава, отличающегося глубоким смысловым и философским содержанием. Внимание учёных сосредоточено, прежде всего, на особенностях употребления слова, рассматриваемого не только как средство художественного выражения, но и как носитель сакрального смысла. При этом особое значение придаётся концептам та’виль (глубинное, иносказательное толкование) и танзиль (буквальное ниспослание), которые играют ключевую роль в поэтическом дискурсе Насира Хусрава. Эти термины соотносятся с герменевтическими методами интерпретации Корана, что свидетельствует о тесной взаимосвязи между религиозно-философским и поэтическим началами в его творчестве.

Данные аспекты находят всестороннее отражение в трудах как таджикских, так и зарубежных исследователей. В частности, в работах Л. Р. Додихудоевой и М. Л. Рейснер подробно рассматриваются принципы текстовой организации, символическая структура образов и многоуровневый

характер смыслов, характерных для поэзии Насира Хусрава. Эти исследования способствуют более глубокому пониманию специфики его поэтической речи, раскрывая взаимосвязь между языком, смыслом и духовной традицией, в которой формировалось его мировоззрение

Другим видным исследователем философского наследия Насира Хусрава в России является Татьяна Георгиевна Карнеева, защитившая в 2016 году диссертацию на тему «Философские взгляды Насира Хусрава (на материале трактата «Раскрытие и Освобождение»)». Ею опубликовано несколько научных статей, доклад на конференции и монография, посвящённые философским аспектам творчества мыслителя [127, 100, 119, 180].

Очевидно, что в произведениях Насира Хусрава отражены все ключевые и актуальные проблемы своего времени, причём творчество поэта охватывает широкий спектр вопросов. Одной из наиболее значимых тем, тесно созвучной с политикой современного государства и правительства Таджикистана, является укрепление национального самосознания, единства и сплочённости народа. Эта проблема активно анализируется и обсуждается в многочисленных научных и общественных трудах исследователей нынешнего периода.

Особое внимание теме уделяют таджикские учёные Комил Бекзода в статье «Насир Хусрав и проблема национальной философии», Джамолиддин Саидзода в работе «Национальный дух в поэзии Насира Хусрава» и других публикациях. Так, Комил Бекзода подчёркивает, что в «Диване» Насира Хусрава содержится множество тем. он выделил всего 166 тем, из которых 77 посвящены вопросам нации и национальных ценностей, каждая из которых подробно разъясняется. В частности, исследователь отмечает: «Нация с точки зрения Насира Хусрава это земля и вода его родного края. Земля Хорасана, Балха, Марва, Бухары, Самарканда, Бадахшана, Хатлона и их жителей… именно это и есть понятие нации» [62, 11].

По мнению исследователя, основная борьба Насира Хусрава была направлена против продажных амиров и правителей, с которыми он непрестанно сражался. Он обладал глубоким знанием родной культуры и цивилизации, и указывал, что невежественный народ не осведомлён об арабской и турецкой идеологии, посредством которых продажные силы уничтожают традиции его предков: «Народ невежд и глупцов принял арабо-турецкую идеологию и лишается родных обычаев и традиций» [62, 11]. В связи с этим он предупреждал единомышленников не поддаваться на интриги тюркских султанов, а сохранять национальные ценности, ибо политики приходят и уходят, а истинный патриот всегда остаётся на родной земле и несёт ответственность за сохранение национального достояния.

Поэзия Насира Хусрава прежде всего воспевает добродетельные нравственные качества человека, неразрывно связывая их с любовью к родине, уважением к национальной идентичности, самосознанием и национальным единством:

Хорасан стал местом двухнравных,
В один дом вошли чистые с нечистыми.
Никто не ведает моего дела, кроме того,
Кто изгнал нечестивых из дома.
Гнев Господа над Хорасаном,
На этих двуличных с неба спустился,
Там бродят бродяги без дома и покрова,
В нём ныне господствуют дом и хозяйка...
Лишь опасные дикари - кипчаки,
Что живут вокруг реки Джейхун...»
Проповедники восхваляют проклятого демона [10, 165].

Ценные произведения и стихи Насира Хусрава с точки зрения учёных эпохи независимости служат фундаментом для исламских реформ, философских исканий, воспитания и просвещения. Они вносят значительный вклад в развитие литературы, культуры и цивилизации таджикского народа,

способствуя подъёму национального самосознания и духовной бодрости коренного населения. Так, таджикский учёный Джамолиддин Саидзода утверждает: «Самая значимая, светлая и вечная заслуга Насира Хусрава перед нашей нацией и страной, это его борьба за справедливость, борьба против чужеземного владычества и таким образом выдвижение прогрессивных литературных, философских идей и развитие национального и исламского самосознания, что служит не только свободе и независимости нашего народа, но и всему человечеству» [231, 3].

В трудах и статьях учёных эпохи независимости Насир Хусрав представлен как мудрый поэт, борец за справедливость, истинный патриот, верный своей родине, который всегда стремится к установлению справедливости в стране, признаёт священным приоритет национальных и государственных интересов и не допускает их унижения или пренебрежения. Его творчество оценивается как драгоценный камень национальной идентичности. В частности, в отношении таджикского языка, как основы национального самосознания, он обращается с такими словами:

Я тот, кто не ступит на тропу лжи,

И защищу ценность сокровенного слова [10, 136].

Следует подчеркнуть, что наш поэт-националист предстает не только как мастер поэтического слова, но и как глубоко ответственный мыслитель и свободолюбивый человек, который не оставался безучастным к несправедливостям и потрясениям своего времени. Напротив, он вступал в открытую и решительную борьбу против них, борьбу, которая по своему масштабу и характеру не имеет аналогов в истории персидско-таджикской литературы. Он как поэт, учёный и свободомыслящий представитель нации посвятил всего себя служению разуму, знанию, справедливости, истине и народу. Это веское свидетельство величия его личности и высокой национальной самосознательности.

В 2016 году автором настоящего исследования была успешно защищена кандидатская диссертация, посвящённая изучению коранических

мотивов в поэтическом наследии Насира Хусрава. Научная новизна данной работы заключается в том, что коранические мотивы впервые были предметом комплексного научного анализа в контексте персидско-таджикской поэтической традиции на материале творчества указанного поэта. В рамках исследования был осуществлён всесторонний и системный анализ ранее недостаточно изученного аспекта его поэзии - функционирования коранических мотивов в формировании образной системы, идейно-смысловой структуры, аллегорических пластов, а также эпических и религиозно-философских сентенций, интегрированных в художественный мир Насира Хусрава .

Таджикский исследователь Х. С. Каландаров занимается углублённым изучением творческого наследия Насира Хусрава, рассматривая его как с религиозно-философской, так и с литературоведческой точек зрения. В ряде научных статей автор всесторонне анализирует основные аспекты поэтики Насира Хусрава в контексте исмаилитского мировоззрения, уделяя внимание таким темам, как теология, гносеология и символизм. Отдельные спорные и малоисследованные вопросы, касающиеся идеологических и художественных особенностей наследия поэта, рассматриваются также в его монографическом исследовании «Рудаки и исмаилизм» [124, 78-79]. В частности, в одной из глав данной работы анализируется религиозно-полемический характер некоторых сочинений Насира Хусрава, его подход к вопросу духовной преемственности, роли Имама и специфике интерпретации коранических истин в рамках исмаилитской доктрины. Тем самым исследования Каландарова вносят значительный вклад в осмысление исламской философии и её поэтической репрезентации в персидско-таджикской литературе. В рамках докторского исследования Каландарова Х. С. рассматривается проблема репрезентации исмаилитских мотивов в поэтическом наследии Насира Хусрава. Исследование включает глубокий анализ ключевых религиозных концептов ислама сквозь призму исмаилитской доктрины и их художественное воплощение в поэзии поэта. В

частности, освещаются такие фундаментальные темы, как представление о Боге, возвышенный статус Пророка, ниспослание Корана, преемственность пророческого знания, концепт следования Ахл ал-Байт (Семейству Пророка), а также центральное положение Имама в исмаилитском богословии и специфика его интерпретации Насиром Хусравом. Несмотря на устойчивый интерес таджикских учёных к творчеству Насира Хусрава, в рамках отечественного литературоведения подобный всесторонний анализ его поэзии сквозь призму исмаилитской идеологии предпринимается впервые [124, 132, 156, 189] .

На основании сказанного, Насир Хусрав достиг таких высот духовного и интеллектуального бытия, до которых немногим удавалось подняться. После Фирдоуси он является одной из наиболее поразительных фигур в истории восточной литературы, заложив прочный фундамент патриотической мысли и национального самосознания в персидско-таджикской поэзии. В этом его величие, он редкий поэт, для которого служение родине, народу и истине было целью всей жизни. Глубокое изучение и осмысление многогранного наследия Насира Хусрава в эпоху государственной независимости Таджикистана позволяет с уверенностью утверждать, что он, наряду с другими классиками персидско-таджикской литературы, прежде всего являлся выразителем национальной идентичности, патриотом своей земли, которая для него оставалась святыней. Его перо было щитом в защите родины, а его борьба беспримерной. Современные таджикские исследования, осуществляемые в условиях национального возрождения и государственной независимости, значительно углубили понимание многогранного наследия Насира Хусрава. Учёные стремятся не только к текстологическому и философскому анализу его сочинений, но и к выявлению их актуальности в контексте современных духовно-нравственных ориентиров общества. В трудах исследователей подчёркивается, что идеи Насира Хусрава о знании, вере, свободе мышления, социальной справедливости и национальном достоинстве сохраняют свою значимость и в

XXI веке. Его вечные идеи служат неопровержимым доказательством того, что Насир Хусрав воспринимается, как в пределах Таджикистана, так и за его рубежами, не только как выдающийся поэт и мыслитель, но и как символ духовной устойчивости, национального самосознания, культурной самобытности и безусловной любви к родине. Его творчество продолжает вдохновлять не одно поколение исследователей, литераторов, педагогов и философов, подтверждая, что культурное наследие прошлого остаётся действенным ресурсом для формирования национальной идентичности и укрепления духовных основ таджикского общества.

4. Образ Насира Хусрава в современной художественной литературе

Насир Хусрав, наряду с тем, что является объектом научных исследований и философско-филологических трактатов, также предстает как герой художественных произведений, ставший знаковой фигурой мировой культурной сцены. Этот выдающийся мыслитель и поэт таджикской литературы получил широкое художественное осмысление в различных жанрах – поэзии, эпических произведениях, романах и устных фольклорных формах, таких как сказания и легенды. В этих произведениях он изображается как историческая личность, как идеальный человек, носитель национального самосознания и пропагандист высоких нравственных и духовных ценностей.

Уже в ранних источниках, как в тазкирах (биобиблиографических антологиях), так и в художественной литературе, подчеркиваются масштаб его личности и философско-поэтический дар. Однако наиболее систематически и научно Насир Хусрав стал изучаться с конца XIX века, что ознаменовало новый этап в осмыслении его наследия.

Следует особенно отметить, что фигура Насира Хусрава, как уникального представителя духовной и интеллектуальной элиты таджикского народа, получила яркое отражение в поэзии современных таджикских авторов. Это традиция, глубоко укоренившаяся в таджикской

литературе, где поэтов-мыслителей чествуют и воспевают в лирике и эпосе. Ещё в XII веке один из крупнейших персидских поэтов и суфийских мыслителей Фаридуддин Аттар в своих стихах с уважением отзывался о Насире Хусраве, и эта тенденция была подхвачена в последующие эпохи, особенно активно в XX веке.

Хрестоматийным примером художественного воплощения образа Насира Хусрава является поэма «Восстание разума» («Исёни хирад») народного поэта Таджикистана Мирсаида Миршакара. В этом произведении автор не только воссоздаёт биографию и духовный путь Насира Хусрава, но и интерпретирует его философские, религиозные и этико-гуманистические идеи. Поэма, написанная в 1977-1978 годах, состоит из двух частей и девяти разделов, охватывая не только историко-символическое изложение жизни поэта, но и философские размышления, заложенные в его стихотворной и прозаической традиции.

В поэзии других современных таджикских авторов также встречаются многочисленные стихотворения, посвящённые Насиру Хусраву, в которых преобладает апологетический пафос. Поэт в этих произведениях восхваляется как духовный лидер, философ и пророк эпохи. В частности, в стихотворении Хайрата Шанбезоды образ Насира Хусрава наделяется романтическими и символическими чертами, он предстает как странствующий мудрец, ищущий истину сквозь страдания и сомнения:

Ты искал, быть может, краски весны,
Или рубин в горах, в тишине.
То ли цветок печали звал тебя,
То ли очи полные томлений и снов.
Скиталец ты стал странником дней.

Руки твои в подъемах и падениях
Искали опору на долгом пути.
Суровы стали, как договор с народом,

Ломали камень по воле мольбы,
Чтоб ты стал редким даром для мира.

Каждая звезда на пути твоём
Безмолвно с тобой вела разговор:
«Иди вперёд!
Сравнись со мной,
Достигни вершин мечты,
Судьба твоя в твоих же руках!» [161, 3].

Этот фрагмент наглядно демонстрирует, как в современной литературе создается сакрализированный образ Насира Хусрава - фигуры, выходящей за пределы исторического контекста и приобретающей метафизическую, символическую значимость. Поэт предстает не просто как мыслитель прошлого, но как вечный странник духа, чьи поиски истины актуальны и в наше время.

В ряде стихотворений, созданных современными таджикскими поэтами в прославление Насира Хусрава, наблюдается устойчивая тенденция к поэтизации легенд и повествований, связанных с его жизнью и судьбой. Эти повествовательные элементы органично вплетаются в структуру лирических произведений, наделяя их чертами баллады или притчи. Одним из примеров подобного художественного приёма является стихотворение Хайрата Шанбезаде, в котором раскрывается известная в фольклорно-литературной традиции история «Насир Хусрав и сапожник»:

Старец у лавки сидел, на подмётке,
Надо сапоги подлатать в путь-дорогу.
Вдруг в кругу подошёл человек,
И сказал он товарищу строго:
– Утром нынче нам весть принесли,
Что убит Хусрав, гонец наш, пророк…
Изломали ему руки, ноги,

И окрасили рубище в кровь…
– Иди, погляди на расплату такую,
Может, меньше пред Богом вина…
Брось в того, кто предал, хоть камнем,
Это выше молитвы и сна.
Путник поднялся, сапог взял с порога,
– Будь здоров, прошептал и ушёл,
Словно солнце, исчезнув внезапно
За пределами света и дня [161, 3].

Очевидно, что данное стихотворение представляет собой художественную интерпретацию известного предания о «Насире Хусраве и сапожнике». Этот сюжет упоминается во многих исследовательских трудах, посвящённых жизни поэта, и связывается с его пребыванием в Мазандаране, в частности, в городе Нишапур. Хотя сам Насир Хусрав нигде прямо не упоминает данный эпизод, повествование укоренилось в таджикской литературной традиции и было засвидетельствовано в тазкирах. Поскольку в поэтическом наследии Насира Хусрава упоминается Мазандаран, согласно ряду источников, событие имело место именно в Нишапуре (входившем в тот период в состав Мазандарана), многие исследователи склонны рассматривать эту историю как достоверную с точки зрения культурно-исторического контекста, несмотря на отсутствие прямых документальных подтверждений.

К числу произведений, в которых художественно осмысляется личность Насира Хусрава, относятся также драматические постановки: пьеса Джумы Куддуса «Путь спасения», драма Ато Мирходжи «Призыв Насира» и роман Аброри Зохира «Спутник пещеры». В предыдущих разделах уже подробно рассматривались драматургические произведения, поэтому здесь уместно остановиться на романе «Ёри ғор» («Спутник пещеры»), заслуживающем особого внимания.

Роман основан на реальных биографических фактах из жизни Насира Хусрава и представляет его как ищущую истину, честную и интеллектуально

неутомимую личность, постоянно стремящуюся к постижению новых знаний. Наряду с воссозданием судьбы поэта, в тексте значительное внимание уделяется политическим реалиям эпохи, в частности, внутренним противоречиям и борьбе за власть между Газневидами и Сельджукидами.

Сюжет романа разворачивается с описания юности Насира Хусрава, прошедшей в отдалённой деревне. Покидая родные места, он направляется в Балх, административный центр, куда, по мнению автора, стекалось внимание султана Махмуда Газневи. Не зная политических интриг и устройства власти, Насир поступает на службу, однако его деятельность сразу же попадает под пристальное наблюдение. После прохождения испытания у губернатора города он получает назначение в Марв, где начинает работать писцом (дабиром). Благодаря своей начитанности и интеллекту, Насир быстро завоёвывает уважение в придворных кругах. Большую часть своего времени он посвящает изучению книг и размышлениям над тайнами бытия.

Автор подчёркивает, что Насир Хусрав во всех своих поступках проявляет сдержанность и мудрую терпимость, адекватно реагируя на вызовы эпохи. Его поведение в конфликте с городским кади иллюстрируется следующими строками: «Насир был терпелив, это качество в нём развивалось. Он действовал в соответствии с требованиями времени. Даже в споре с кадием он не проявил резкости: спокойно подавил в себе вспышки гнева и преодолел внутреннее пламя с холодной выдержкой. Он был настолько самодостаточным, что временами испытывал неловкость за собственные поступки. Однако вновь и вновь укреплялся в вере в правильность избранного пути настолько, что действовал крайне обдуманно» [109, 24].

Именно искренность и честность Насира Хусрава стали причиной того, что ни одно из клеветнических сообщений, направляемых его недоброжелателями придворного круга губернатору города Марв, не было принято всерьёз. Так, например, когда Насир, получив разрешение от губернатора, временно возвращается на родину к своим родителям, его

противники распространяют злонамеренные слухи, наполненные ядом вражды: «На следующий день после отъезда Насира из Марва, до властей города дошла весть о том, что Насир якобы интересуется запрещёнными (отменёнными) книгами, хранит их копии в своей «Хазине Насир» и передаёт последователям, которых уже стало настолько много, что даже тени их на стенах внушают страх» [109, 26].

Однако губернатор не придал значения этим провокациям и, напротив, сохранял благожелательное отношение к Насиру Хусраву.

По возвращении из родных мест Насир продолжил исполнять свои служебные обязанности в Марве. Однажды он узнаёт от губернатора о том, что султан Махмуд собирается в поход в Индию, и что сопровождать правителя должны будут учёные и писцы. Эта весть стала для Насира неожиданной, однако он не выказал своих чувств. Губернатор включил его в состав делегации, отправляющейся вместе с придворными поэтами Газни в это путешествие. Несмотря на то, что Насир осуждал нравы придворных поэтов, он проявлял сдержанность и терпимость, хотя его поэтическое мастерство и интеллектуальный уровень существенно превосходили их. В конечном итоге именно зависть и враждебность придворных стали причиной того, что Насир был исключён из числа участников поездки.

В романе подчёркивается, что Насир имел семью и жил в Марве вместе с женой и ребёнком. Особое внимание в этот период уделяется созданию панегирических касид, написанных, по словам автора, в честь губернатора Марва и султана Махмуда. Хотя в научной литературе и поэтическом наследии самого Насира Хусрава не обнаружено панегирических произведений, роман утверждает наличие таких текстов. Несмотря на роскошные условия жизни, Насир постоянно пребывал в интеллектуальном поиске, погружённый в чтение и философские размышления.

Однажды, находясь на службе, он видит необычный сон, который производит глубокое впечатление и становится поворотным моментом его духовной биографии. Вдохновлённый увиденным, он принимает решение

отправиться в необычное путешествие. Сопровождаемый благословением фатимидского халифа и получив высокий титул «Худжат» («Доказательство веры»), Насир возвращается в родные края. По словам автора романа: «Насир вернулся в Хорасан в новом статусе, но регион уже находился под контролем сельджуков. На первых порах, в деревнях и сёлах, он с жаром проповедовал исмаилизм, читал нравоучительные касиды, которые слушатели охотно переписывали» [109, 166].

Однако его новые взгляды не нашли понимания среди земляков, включая родного брата Абдулфатха, который позволял себе в его адрес злословие и доносы. Понимая, что не сможет оставаться в родном краю, Насир принимает решение покинуть его навсегда. Получив благословение отца, он отправляется в путь вместе с женой и дочерью. «На следующее утро Насир вместе с семьёй направился в сторону Балха. Его друг Абдумалик встретил его и разместил во временном жилище среди сада за городом, пригодном для проживания до самой осени» [109, 201].

Даже здесь Насиру не удаётся обрести покой. В городе распространялись слухи, которые не давали ему спокойно жить. Тем не менее он сохранял круг друзей, с которыми еженедельно проводил беседы. Преследование со стороны сельджукских властей усилилось. Дошло до того, что: «Чагрибек направил приказы во все деревни и города с требованием арестовывать каждого, кто носит имя Насир, пока не будет установлено, кто из них тот самый поэт. В результате более трёхсот человек оказались заключёнными, среди которых было семь Насиров» [109, 218].

Несмотря на это, слава Насира Хусрава распространилась по всему Хорасану. В отдалённых горных районах ещё оставались последователи исмаилизма, которые мечтали о его возвращении. В связи с этим правитель Бадахшана Али ибн Асад отправляет к нему своего представителя с приглашением: «…Насир, ожидая времени молитвы, обратил внимание на незнакомца во втором ряду. В душе у него мелькнула мысль: вот тот, кто меня ищет. Когда молитва завершилась, не дожидаясь, он прошёл во двор,

где вскоре появился этот человек, приветствовал Насира с почтением и поцеловал ему руку.

– Я посланник шаха Бадахшана…

– Шаха Бадахшана?

– Да. Я прибыл с поручением пригласить Шаха Насира в наши земли» [109, 225].

Насир принимает приглашение и навсегда покидает родные места, направляясь в Бадахшан. Здесь он удостаивается высокого почёта и уважения, и, как повествует роман, до конца жизни остаётся в горной местности Юмгон: «Шах Бадахшана вместе с приближёнными устроил торжественный приём в специально построенной резиденции, украшенной резными колоннами и сводами. Для Худжатульислама Насира Хусрава был накрыт изысканный стол в знак особого уважения» [109, 229].

Биография Насира Хусрава в романе «Ёри гор» подаётся в художественном ключе. Автор стремится к созданию образа через яркие повествовательные средства, насыщенные поэтической образностью и психологической глубиной. Однако роман отличается от научных исследований рядом существенных расхождений. Во-первых, здесь утверждается, что Насир имел семью, что не подтверждается ни историческими источниками, ни современными исследованиями. Во-вторых, упоминается, что он писал панегирические касиды, в то время как в сохранившихся текстах Насир категорически отвергает жанр восхваления правителей. В-третьих, сцена с приглашением шаха Бадахшана и направлением посланца, вероятно, представляет собой художественную фантазию автора.

Тем не менее, художественные произведения, посвящённые Насиру Хусраву, позволяют глубже понять масштабы его личности. Независимо от литературной формы, поэтической или прозаической, образ Насира занимает видное место в таджикской литературе. Его фигура не только символизирует величие восточной философской мысли, но и олицетворяет народную

любовь, отразившуюся в многочисленных преданиях, рассказах и художественных произведениях. Его просветительская миссия, нравственная стойкость и глубокая эрудиция обеспечили ему бессмертие в культурной памяти народов Востока.

Таким образом, Насир Хусрав в художественных произведениях предстает как фигура, объединяющая философскую глубину, нравственное постоянство и политическую чувствительность. Его образ, получивший яркое воплощение в поэзии, драматургии и прозе, стал символом просвещённого поиска, духовного мужества и интеллектуального сопротивления в контексте национального литературного сознания. Современные таджикские писатели и поэты используют фигуру Насира Хусрава не только как историческую личность, но и как вечный культурный символ, способный вдохновлять на переосмысление духовных и этических ориентиров. В таких произведениях, как поэмы, посвящённые его жизни и учению, драматические постановки, изображающие конфликт мыслителя с властью и толпой, или романизированные биографии, акцент делается на внутренней свободе, гражданской ответственности и моральной стойкости. Таким образом, художественные тексты не просто отражают биографию Насира Хусрава, но и переформатируют её под углом современности, выявляя параллели с актуальными общественными проблемами.

Одной из ключевых черт литературного образа Хусрава становится его роль как духовного наставника и носителя универсальных ценностей, выходящих за рамки исторической эпохи. Он представлен как человек, способный противостоять несправедливости, защищая истину и подлинную веру, как бы тяжело это ни было. В этом смысле образ Насира Хусрава в литературе становится не только предметом эстетического осмысления, но и этическим ориентиром, особенно важным в условиях духовного поиска и самоидентификации современного общества. Следовательно, художественная литература, наряду с научными трудами, играет важную роль в формировании и популяризации образа Насира Хусрава как

культурного архетипа - мудреца, пророка и борца за нравственное и духовное очищение общества. Благодаря художественным интерпретациям, этот образ обретает новые смысловые измерения, отражая не только историческую значимость мыслителя, но и его актуальность для современных поколений. Писатели и поэты Таджикистана через фигуру Хусрава ведут диалог с прошлым, размышляя о настоящем и мечтая о будущем, в котором идеалы справедливости, истины и духовности вновь займут достойное место в общественном сознании. Таким образом, образ Насира Хусрава в литературе становится неотъемлемой частью культурной памяти и нравственной парадигмы таджикского народа.

Заключение

Хаким Насир Хусрав является одной из наиболее выдающихся фигур таджикской литературы и одним из ярких представителей интеллектуальной традиции таджикского народа. Его глубокомысленные и идейно насыщенные произведения с давних времён привлекали внимание не только востоковедов, но и широкой научной общественности. Уже в ранних исследованиях классической персо-таджикской поэзии, таких как труды В. Жуковского, В. В. Крымского и других, его имя упоминается как одного из ключевых представителей литературного наследия региона. Это объясняется особой стилевой и содержательной спецификой его творчества, в котором органично сочетаются поэтическое воображение, философская глубина и гуманистическая направленность. В своих стихотворных и прозаических произведениях Насир Хусрав затрагивает вопросы, сохраняющие актуальность и по сей день, и, безусловно, способные служить духовным и нравственным ориентиром для последующих поколений.

В его поэтическом диване и философских сочинениях нашли отражение основные жизненные и мировоззренческие проблемы, что позволяет отнести его к числу мыслителей, сыгравших важную роль в формировании высоконравственных идеалов и концепции здорового общества, наравне с другими выдающимися деятелями классической таджикской литературы. Именно благодаря этому Насир Хусрав на протяжении многих столетий остаётся в центре внимания как литературоведов, так и исследователей других гуманитарных дисциплин.

Обращаясь к истории изучения наследия Насира Хусрава, можно выделить несколько этапов:

а) Первоначальный этап опирается на историко-литературные и полуфольклорные источники, представляющие собой преимущественно легендарные и компилятивные сведения. Несмотря на это, даже такие источники нередко содержат важную для исследователя информацию, требующую научной верификации и критического анализа.

б) Второй этап характеризуется появлением первых научных исследований, проведённых западноевропейскими учёными во второй половине XIX века. Эти труды стали отправной точкой для дальнейшего изучения жизни и творчества Насира Хусрава в контексте мировой науки.

в) Третий этап охватывает период советского литературоведения. Несмотря на идеологическую обусловленность большинства работ, этот период сыграл важную роль в систематизации материалов, а также в формировании научной базы для последующих исследований.

г) Четвёртый этап, охватывающий период независимости Республики Таджикистан, стал важнейшим вехам в развитии насирхусравоведения. Этот период ознаменовался кардинальными изменениями в подходах к изучению наследия Насира Хусрава, широким вовлечением отечественных специалистов и созданием благоприятных условий для подготовки, публикации и научного анализа как поэтического, так и прозаического корпуса его произведений. Значительное число текстов было переиздано, отредактировано и сделано доступным для исследователей.

Несмотря на достигнутые успехи, следует признать, что научное исследование наследия Насира Хусрава далеко не завершено. В его биографии остаются невыясненные моменты и белые пятна, вызывающие многочисленные вопросы. Особенно это касается ряда эпизодов из его жизни, философских воззрений и терминологического аппарата его сочинений. Также определённые аспекты его философского наследия всё ещё требуют углублённого анализа и интерпретации с позиции современной науки.

Учитывая основную цель настоящей диссертационной работы, заключающуюся в комплексном исследовании жизни и творчества Насира Хусрава, а также эволюции научной дисциплины насирхусравоведения на территории бывшего Советского Союза, сформулированы следующие выводы:

1. Биографические исследования, являясь неотъемлемой частью

литературоведения, играют ключевую роль в осмыслении творческого наследия писателя через призму его личной жизни, историко-культурного контекста и мировоззренческих ориентиров. В контексте насирхусравоведения на территории бывшего Советского Союза биографический подход не только способствует более глубокому пониманию художественных произведений самого Насир Хусрава, но и выполняет важную функцию сохранения культурной памяти, формирования национального самосознания и укрепления духовных ценностей. В условиях постсоветского переосмысления идентичности биографический жанр приобрёл особую актуальность как научный, воспитательный и идеологически значимый инструмент.

2. Биография писателя в современном литературоведении утвердилась как многогранный, междисциплинарный феномен, выходящий за рамки простого документального жизнеописания. Её исследование представляет собой не только способ установления биографических фактов, но и ключ к пониманию духовного, философского и художественного мира автора. Анализ биографии как формы нарратива, сочетающей документальность, художественность и культурную интерпретацию, особенно важен при изучении таких личностей, как Насир Хусрав, чья жизнь и творчество находятся на пересечении религиозной мысли, литературной традиции и исторического контекста. И поэтому биография писателя становится не просто теоретической проблемой, но и важнейшим инструментом научного осмысления литературы как отражения личностного и социокультурного опыта.

3. Комплексное изучение творчества Насир Хусрава требует применения целого ряда методологических подходов, исторического, системного, текстологического, сравнительного и субъективно-объективного, с учётом биографического, философского и культурного контекста его эпохи. Только всесторонний анализ, основанный на принципах историзма, комплексности и системности, позволяет глубоко раскрыть

идейно-художественное содержание его наследия и объективно оценить значение поэта как важнейшей фигуры в истории таджикско-персидской литературы, оказывающей влияние на развитие гуманитарного знания и формирование национального самосознания.

4. История изучения личности и наследия Насир Хусрава на территории бывшего Советского Союза результат многовекового научного поиска, в котором легенды, мифы и идеологически окрашенные нарративы переплетаются с достоверными фактами. Уже в раннесредневековых источниках Насир Хусрав изображался как фигура противоречивая: с одной стороны мудрец, поэт, философ и государственный деятель, с другой сектант и еретик. Эти противоположные оценки продолжают сосуществовать в научной и литературной традиции вплоть до наших дней. Однако благодаря усилиям ученых как дореволюционного, так и советского и постсоветского периодов, был заложен фундамент объективного осмысления его роли в истории таджикской культуры и философии. Современные исследования всё более акцентируют внимание на подлинной глубине и многоаспектности наследия Хакима Насир Хусрава, отделяя миф от действительности и восстанавливая историческую правду на основе достоверных текстологических и архивных источников.

5. Изучение биографии и творческого наследия Насир Хусрава на территории бывшего Советского Союза свидетельствует о глубоком и устойчивом интересе научной и литературной общественности к его личности и произведениям, несмотря на противоречивость восприятия этой фигуры в различных исторических источниках. Советские и постсоветские исследователи, опираясь на труднодоступные рукописные и архивные материалы, внесли значительный вклад в систематизацию, анализ и критическую интерпретацию как его поэтического, так и философского наследия. Их работы стали неотъемлемой частью общего процесса демифологизации образа Хусрава и позволили по-новому оценить его значение как поэта-философа, идеолога исмаилизма и крупного

представителя персидско-таджикской литературы. В этом контексте советская и постсоветская научная традиция сыграла решающую роль в создании объективного, научно выверенного портрета Насир Хусрава, отличающегося от идеологизированных и предвзятых интерпретаций средневековых хроник.

6. Исследования, посвящённые Насир Хусраву на территории бывшего Советского Союза, охватывают широкий спектр тем, от анализа его поэзии и философии до осмысления его места в исламской традиции и культуре. Наиболее значимые труды отечественных и зарубежных учёных продемонстрировали устойчивый интерес к его личности как к мыслителю, поэту и представителю исмаилитской традиции. Благодаря усилиям исследователей, таких как Маҳдӣ Муҳаққиқ, Ғ. Ашӯров, Х. Шарифов, Т. Мардонӣ и других, было проведено глубокое и многоплановое осмысление философского, религиозного и литературного наследия поэта. Эти труды не только обогатили науку новыми интерпретациями, но и способствовали формированию целостного представления о Насир Хусраве как об одном из крупнейших мыслителей исламского Востока.

7. Научные исследования, проведённые на территории бывшего Советского Союза, свидетельствуют о глубокой философской значимости творчества Насир Хусрава и устойчивом интересе к его наследию как в советский, так и в постсоветский периоды. Внимание исследователей было сосредоточено на ключевых аспектах его философии, онтологии, гносеологии, этике, символизме, взаимодействии разума и веры, а также теории излучения (эманации). Особенность философской мысли Хусрава, синтез религиозного (исмаилитского) и рационального подходов, позволила исследователям рассматривать его как основоположника оригинальной таджикской философской школы. Исследования отечественных учёных, таких как [45, 102, 169, 224] и др., внесли значительный вклад в раскрытие глубины и системности его философских взглядов, при этом большинство из них подчёркивают, что изучение наследия Хусрава продолжает оставаться

актуальным как с точки зрения истории философии, так и в контексте формирования современного культурного и национального самосознания.

8. Поэтическое наследие Насир Хусрава, представляющее собой уникальное слияние философской мысли, религиозной убеждённости и дидактического подхода, занимает особое место в таджикско-персидской литературе. Его диван это не просто собрание стихов, но и выразительный носитель мировоззренческих идей, моральных принципов и стремления к духовному совершенству. Отказавшись от лирических тем и придворной поэзии, он утвердил новый тип поэта-мыслителя, педагога и критика общества. Несмотря на утрату части его произведений, сохранившиеся тексты свидетельствуют о высоком художественном и интеллектуальном уровне поэзии Насир Хусрава, а также об её значительном влиянии на развитие философско-дидактической поэтической традиции в литературе региона.

9. Насир Хусрав, наряду с выдающимся вкладом в философию и поэзию, проявил себя как глубокий и новаторский прозаик XI века, сформировав эстетические и стилистические основы таджикской прозы средневековья. Его прозаические произведения, особенно «Сафарнома», представляют собой не только выдающийся пример художественного мастерства, но и философско-культурный документ своей эпохи. Для Хусрава писательство было не просто искусством слова, но духовным и интеллектуальным актом, через который он стремился к раскрытию истины, воспитанию нравственности и передаче универсальных знаний.

10. Деятельность Насир Хусрава как проповедника представляет собой важнейший аспект его наследия, в котором органично сочетаются религиозная миссия, философская глубина и нравственные ценности. Его проповедь идей исмаилизма в Хорасане, Мозандарране, Нишапуре и других регионах бывшего Восточного Ирана носила не только теологический, но и социально-воспитательный характер, опираясь на принципы справедливости, разума, добродетели и гуманизма. Несмотря на преследования, он не

отказался от своей миссии, оставив значительный вклад в формирование духовного и интеллектуального пространства региона. Исследования показывают, что Насир Хусрав использовал поэзию как мощное средство религиозной и этической пропаганды, а его проповедническое наследие имеет долговременное значение для изучения истории исмаилизма, исламской мысли и таджикской культуры.

11. Насир Хусрав предстает в истории как выдающийся проповедник исмаилизма, чья миссионерская деятельность была неотъемлемой частью его жизни и творчества. Его проповедь, основанная на глубоких религиозных, философских и нравственных принципах, направлена на распространение идей веры, справедливости и гуманизма, несмотря на тяжелые гонения и преследования. Важной особенностью его деятельности является сочетание религиозного учения с акцентом на разум, познание и нравственное совершенствование, что делает Насир Хусрава уникальным явлением в культурной и духовной истории региона. Его проповедническая работа оставила значительный след в развитии исмаилитской традиции и таджикско-персидской литературы, подчёркивая неразрывную связь между религией, этикой и философией.

12. Изучение наследия Хакима Насир Хусрава в советском литературоведении прошло несколько этапов, отражающих развитие как отечественной, так и зарубежной науки. В советский период особое внимание уделялось систематизации биографических и библиографических данных, историко-культурному контексту и философско-религиозным аспектам его творчества. Советские исследователи, от первых востоковедов начала XX века до ученых второй половины столетия, внесли значительный вклад в раскрытие личности поэта, его роли как мыслителя, поэта и проповедника исмаилизма. В трудах таких ученых, как [66, 75, 103, 178] и других, были проанализированы социально-политические реалии эпохи, философские взгляды и литературное наследие Насир Хусрава, что позволило интегрировать его творчество в более широкий контекст

культурной и религиозной истории региона. Советская наука создала прочную основу для дальнейших исследований и понимания уникального значения Насир Хусрава в таджикско-персидской литературной традиции и истории исмаилизма.

13. В советский период исследование творчества Насира Хусрава развивалось в условиях сильного идеологического давления, что существенно сказывалось на интерпретации его жизни и произведений. Основное внимание учёных того времени было сосредоточено на философских и критических аспектах творчества поэта, которые воспринимались через призму марксистско-ленинской идеологии и интересов рабочего класса. В результате, многие концепции и выводы носили идеологически обусловленный характер, а ряд важных вопросов, таких как точные биографические данные и полный корпус произведений, оставались недостаточно исследованными или искажёнными. Вместе с тем, советская школа насирхусравоведения заложила фундамент для дальнейших более объективных и комплексных исследований, подчеркнув значение гуманистического и прогрессивного начала в творчестве поэта, что сохраняет актуальность и в современных научных подходах.

14. В советский период изучение творчества Насира Хусрава проходило под сильным влиянием господствующей идеологии, что во многом определяло направленность и интерпретацию его произведений. Исследователи того времени стремились представить поэта в ключе, соответствующем идеологическим запросам эпохи, как философа-рационалиста, критикующего феодализм и религиозные суеверия, что позволяло использовать его наследие в целях просветительства и воспитания. Вместе с тем, такие подходы часто сопровождались идеологической предвзятостью и неполнотой научной базы, что приводило к искажению отдельных аспектов биографии и творчества поэта. Несмотря на эти ограничения, советская школа насирхусравоведения заложила прочный фундамент для дальнейших исследований, открыв новые темы и привлекая

внимание к социально-философскому измерению наследия поэта, что актуально и востребовано в современных гуманитарных исследованиях.

15. Период независимости Таджикистана стал новым этапом в развитии насирхусравоведения и классического таджикско-персидского литературоведения в целом, открыв широкие возможности для глубокого, комплексного и свободного от идеологических ограничений исследования наследия выдающихся поэтов и мыслителей. Государственная поддержка науки и культуры, активизация международного научного и культурного сотрудничества, а также формирование новой национальной идентичности способствовали переосмыслению и популяризации классической литературы как важнейшего компонента национального самосознания и культурного потенциала народа. В условиях независимости таджикские учёные заложили основы современной научной школы, объединяющей филологию, философию и культурологию, что позволило вывести таджикское литературоведение на качественно новый уровень и интегрировать его в глобальный гуманитарный дискурс.

16. В период государственной независимости Республики Таджикистан существенно возрос интерес к творческому и философскому наследию Насира Хусрава, что послужило толчком к проведению масштабных текстологических исследований и изданию его произведений в новых, критически выверенных редакциях. Несмотря на значительный прогресс в публикации и научном осмыслении текстов великого мыслителя, остаются актуальными задачи дальнейшей системной работы по установлению подлинности, исправлению редакторских ошибок и комплексному комментированию, что требует междисциплинарного подхода и привлечения современных методик филологии, кодикологии и герменевтики. Процессы научного издания и текстологического анализа произведений Насира Хусрава продолжают играть ключевую роль в сохранении и популяризации национального культурного наследия, укреплении исторической

преемственности и формировании современного таджикского национального самосознания.

17. Образ Насира Хусрава в художественной литературе на территории бывшего Советского Союза представлен как многогранный символ национального самосознания, духовного поиска и нравственного идеала. Через поэзию, прозу, драматургию и фольклор его личность осмысливается не только как исторический деятель и философ, но и как культурный архетип, воплощающий высшие нравственные и интеллектуальные ценности. Художественные произведения дополняют научное понимание Насира Хусрава, придавая его образу новые смысловые измерения и усиливая его влияние на современное литературное и культурное сознание. Художественная традиция играет важную роль в сохранении и популяризации наследия великого мыслителя, делая его фигуру живой и актуальной для последующих поколений.

18. Насир Хусрав в художественных произведениях предстает как фигура, объединяющая философскую глубину, нравственное постоянство и политическую чувствительность. Его образ, получивший яркое воплощение в поэзии, драматургии и прозе, стал символом просвещённого поиска, духовного мужества и интеллектуального сопротивления в контексте национального литературного сознания.

19. Современные таджикские авторы - поэты, драматурги, романисты обращаются к фигуре Насира Хусрава не только как к выдающемуся мыслителю XI века, но и как к живому духовному ориентиру, образу, способному говорить со временем. В поэтических произведениях он предстаёт как поэт-пророк, устремлённый к высшим истинам и борющийся с тьмой невежества. В драматургии он часто изображается как трагическая фигура, одинокий мудрец, стоящий в оппозиции к политическим интригам и духовной деградации общества. В прозе же особенно подчёркивается внутренняя борьба Хусрава, его путь сомнений, изгнания и прозрения, всё

это делает его ближе современному читателю, ищущему ответы на экзистенциальные и социальные вопросы.

20. Насирхусравоведение оформилась как самостоятельная научная дисциплина, охватывающая различные аспекты жизни и творчества Насира Хусрава, от филологии и текстологии до философии, религиоведения и культурологии. Эта дисциплина имеет как научное, так и прикладное значение для гуманитарной сферы в целом. Насирхусравоведение как область гуманитарного знания имеет стратегическое значение: оно способствует углублению научных представлений о исламской философии, классической таджикской литературе, религиозной мысли Востока и служит основой для формирования культурной политики, образовательных программ и межкультурного диалога.

Библиография

1. Исторические источники на русском и таджикском языках

1. Аттор, Ф. Мазҳар-ул-аҷоиб / Фаридаддин Аттори Нишопурӣ. Бо тасҳеҳ ва муқаддимаи Аҳмади Хушнавис. -Теҳрон: Интишороти Санофӣ, 1374. -306 саҳ.
2. Гардезӣ, М. Зайн-ул-ахбор / Абусаид Муҳаммади Гардезӣ. – Душанбе: Бухоро, 2014. - 416 саҳ.
3. Гуҳаррез, А. Силки гуҳаррез / Гуҳаррез валади Абдунабӣ. Мураттиб Қудратбек Элчибеков. – Душанбе: Дониш, 2018. -160 саҳ.
4. Рӯдакӣ, А. Девон / Абуабдуллоҳи Рӯдакӣ. - Душанбе: Бухоро, 2015. - 332 саҳ.
5. Самарқандӣ, Д. Тазкират-уш-шуаро / Давлатшоҳи Самарқандӣ. – Теҳрон: Интишороти Шоҳобод, 1338. -232 саҳ.
6. Самарқандӣ, Д. Чаҳор мақола / Низомии Арӯзии Самарқандӣ. Бо кӯшиши Х. Шарифов ва У. Тоҳиров. – Душанбе: Нашриёти Ирфон, 1986. -160 саҳ.
7. Хусрав, Н. Ваҷҳи дин / Носири Хусрав. – Теҳрон: Интишороти асотир, 1373. - 304 саҳ.
8. Хусрав, Н. Ваҷҳи дин / Носири Хусрав. – Берлин: Коваён, 1373. - 304 саҳ.
9. Хусрав, Н. Девони ашъор / Носири Хусрав, бо кӯшиши Саид Насруллои Тақво. – Теҳрон: Интишороти донишгоҳи Теҳрон, 1372. - 694 саҳ.
10. Хусрав, Н. Девони ашъор / Носири Хусрав. Дар ду ҷилд. Бо кӯшиши Амриядони Алимардон ва Нурмуҳаммади Амиршоҳӣ. - Душанбе: Нашриёти Шуҷоиён, 2009. - 1400 саҳ.
11. Хусрав, Н. Хон-ул-ихвон / Носири Хусрав. - Душанбе: Адиб, 2012. -331 саҳ.
12. Хусрав, Н. Девони ашъор / Носири Хусрав. Бо тасҳеҳи Маҳдии Муҳаққиқ ва Муҷтабо Минавӣ. –Теҳрон: Интишороти Донишгоҳи Теҳрон, 1372. - 692 саҳ.
13. Хусрав, Н. Ҷомеъ-ул-ҳикматайн / Носири Хусрав. - Душанбе: Эр-граф, 2011. – 296 саҳ
14. Хусрав, Н. Гулчине аз девони ашъор / Носири Хусрав. Бо кӯшиши Камол Айнӣ. – Сталинобод: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1957. - 178 саҳ.
15. Хусрав, Н. Зод-ул-мусофирин / Носири Хусрав. – Душанбе: Нодир, 2005.- 418 с.
16. Хусрав, Н. Избранние / Носири Хусрав, перевода Муса Диноршоева. – Душанбе: Издательство-Полиграфическом центре, 2003. - 349 стр.
17. Хусрав, Н. Каломи пир / Носири Хусрав, ҷилди 2. – Покистон: Донишгоҳи Карочӣ, 1989. - 116 саҳ.
18. Хусрав, Н. Книга путушествия / Носири Хусрав перевода Семёнова А. А.- Москва: Наука, 1922. - 202 стр.
19. Хусрав, Н. Куллиёт / Носири Хусрав ҷилди 2. Бо кӯшиши Аликул Девонақулов ва Амриядон Алимардонов. – Душанбе: Нашриёти Ирфон, 1991. - 636 саҳ.
20. Хусрав, Н. Кушоиш ва раҳоиш / Носира Хусрав. – Душанбе: Эр-граф, 2003. -124 саҳ.
21. Хусрав, Н. Лирика / Носири Хусрав. –Душанбе: Дониш, 1979. - 430 саҳ.

22. Хусрав, Н. Равшаноинома / Носири Хусрав.–Хоруғ: нашриёти Помир, 1992. - 32 саҳ.
23. Хусрав, Н. Сафарнома / Носири Хусрав, бо муқаддима ва тавзеҳоти С. Ҷонбобоев. – Душанбе: Бухоро, 2014. - 284 саҳ.
24. Хусрав, Н. Сафарнома / Носири Хусрав, бо ҳавошӣ ва таълиқот Муҳаммад Дабири Саёқӣ. –Теҳрон: Коваён, 1354. - 464 саҳ.
25. Хусрав, Н. Саодатнома / Носири Хусрав. – Хоруғ: Нашриёти Помир, 1991. - 35 саҳ.
26. Хусрав, Н . Ҷомеъ-ул-ҳикматайн / Носира Хусрав. –Теҳрон: Нашриёти Ҷавоҳир, 1362. - 362 саҳ.
27. Хусрав, Н. Куллиёт [дар се ҷилд, ҷилди 2] / Носири Хусрав. - Душанбе: Ирфон, 2003. - 948 саҳ.
28. Хусрав, Н. Осори баргузида / Носири Хусрав. [Саодатнома, Қитъа, Сафарнома]. - Хуҷанд: Нашриёти Анис, 2003 - 42 саҳ.
29. Ҷомӣ, А. Баҳористон / Абдураҳмони Ҷомӣ. Бо кӯшиши А. Афсаҳзод. – Душанбе: Адиб, 2014. - 208 саҳ.

2. Научные литературы

30. Абдусаттор, А. Арабият ва адабиёти аҳди Ғазнавиён / Абдушукури Абдусаттор. –Душанбе: Бухоро, 2001. -219 саҳ.
31. Абибов, А. Чашмаи Носир [Ривоятҳои халқӣ дар бораи Носири Хусрав] / Амирбек Абибов // Илм ва адабиёт. - 1990. № 11. - Саҳ 9-11.
32. Аверинцев, С.С. Поэтика ранневизантийской литературы / С. С. Аверинцев. - М.: Наука, 1977. - 320 стр.
33. Аверинцев, С.С. Плутарх и античная биография: к вопросу о месте классика жанра в истории жанра / С.С. Аверанцев. -М.: Наука, 1973. - 279 стр.
34. Айнӣ, С. Ёддоштҳо / Садриддин Айнӣ. - Душанбе: Ирфон, 1961. - 220 саҳ.
35. Айнӣ, К. Ҳаким Носири Хусрави Қубодиёнӣ. (Гулчине аз девони ашъор) / Камол Айнӣ. – Сталинобод: Дониш, 1957. - 280 саҳ.
36. Айнӣ, К. Бист гуфтор аз маънавият / Камол Айнӣ. - Душанбе: Адиб, 2004.
- Саҳ. 75-88.
37. Айнӣ, С. Намунаи адабиёти тоҷик / Садриддини Айнӣ. – Душанбе: Адиб, 2010. - 448 Саҳ.
38. Алидоншоев, Д. Назаре ба як «Насиҳатнома»-и Ҳаким Носири Хусрави Қубодиёнӣ / Дилбаршо Алидоншоев // Дирӯз, имрӯз ва фардо. -Хуҷанд: Нашриёти ношир, 2005. - Саҳ. 197-200.
39. Алимшоев, С. Асрори сафарномаҳо ва «Сафарнома»-и Носири Хусрав / Салимшо Алимшо // Дирӯз, имрӯз, фардо. - Хуҷанд: Нашриёти Ношир, 2005. - Саҳ. 324-334.
40. Алимардонов, А. Кӯшишҳои тағйиру таҳрифи симои Носири Хусрав ва осору афкори ӯ дар тайи қарнҳо /Алимардони Амрияздон // Дирӯз, имрӯз, фардо. - Хуҷанд: Нашриёти Ношир, 2005. - Саҳ. 307-320.

41. Арабзода, Н. Исмаилитская философия Носира Хусрава / Арабзода Нозир. - Душанбе: Дониш, 1997. - 238 саҳ.
42. Арабзода, Н. Ҷаҳони андешаи Носири Хусрав / Нозир Арабзода. - Душанбе: Нашриёти Нодир, 2003. - 258 саҳ.
43. Арабзода, Н. Мир идей и размышлений Носира Хусрава / Нозир Арабзода. – Душанбе: Нашриёти Ношир, 2003. - 263 саҳ.
44. Арабзода, Н. Андарзи ҳакими Қубодиёнӣ / Нозир Арабзода // Садои шарқ. –Душанбе, -1989. № 12. - Саҳ. 124-130.
45. Арабзода, Н. Ҳаракат аз диди Носири Хусрав / Нозирҷон Арабзода // Илм ва адабиёт. -1995. № 5. - Саҳ 45-47.
46. Арабзода, Н. Шаккокии Носири Хусрав / Н. Арабзода // Адаб. – 1995. № 5. - Саҳ. 53-59.
47. Арабзода, Н. Нубуват ва имомат аз назари Носири Хусрав / Нозир Арабзода // Илм ва ҳаёт. - 1993. № 7-8. - Саҳ. 29-31.
48. Арабзода, Н. Рационалистические тенденции в философии Носира Хусрава / Нозир Арабзода // Дирӯз, имрӯз ва фардо. – Хуҷанд: Нашриёти Ношир, 2005. - Саҳ. 126-130.
49. Ашуров, Ғ. Ақидаҳои фалсафии Носири Хусрав / Ғафор Ашуров. - Душанбе: Дониш, 1988. - 278 саҳ.
50. Аъзамзод, С. Мунозираҳо роҷеъ ба Носири Хусрави Қубодиёнӣ дар Тоҷикистон [солҳои 30-40-уми саддаи 20-и мелодӣ] / Субҳони Аъзамзод // Маҷмӯаи мақолоти ҳамоиши Ҳаким Носири Хусрави Қабодиёнӣ. Донишгоҳи шаҳиди Биҳиштӣ, Донишгоҳи адабиёт ва улуми инсонӣ, 20-21 Урдибиҳишт. -1394. Саҳ. 1132- 1134.
51. Аҳмад, Ҷ. Носири Хусрави Балхӣ. Зиндагинома ва осор / Ҷовид Аҳмад, дар кит.: Юмгон. Деҳлӣ, 2000. - Саҳ. 100-119.
52. Бандалиева, Ш. Ақл илм – маншаи фалсафаи ахлоқии Ҳаким Носири Хусрав / Ш. Бандалиева // Дирӯз, имрӯз ва фардо // – Хуҷанд: Нашриёти ношир, 2005. - Саҳ. 37-44.
53. Бандалиева, Ш. Сравнительное изучение философско-этических и социальных воззрений Аристотеля и Носира Хусрава / Ш. Бандалиева // Известия Академии наук Республики Таджикистан. -2017. - Стр. 45-50.
54. Бандалиева, Ш. Сопоставление философской этики Насира Хусрава с этическим учением мутазилизма / Ш. Бандалиева // Сборник статьей республиканского симпозиума «Экономика и наука Горно-Бадахшанской автономной области: вчера, севодня и завтра». – Хорог. 2005. – Стр. 125-129.
55. Бақоев, М. Пятая памирская экспедиция по сбору восточных рукописей / Народы Азии и Африки [История экономика, культур]. - Москва: Издательство Наука, 1964. - 212 стр.
56. Барахов, В.С. Литературный портрет (Истоки, поэтика, жанр) / В.С. Барахов. - Л.: Наука, 1985. -312 стр.
57. Барзинмеҳр, А. Носири Хусрав дар лобалои тазкираҳо /Абдулғании Барзинмеҳр. - Пешовар: Анҷумани нашронии дониш, 1383. - 209 саҳ.

58. Барт, Р. Смерть автора, пер. с франц / Ролан Барт. — М.: Прогресс, 1990. - 72 стр.
59. Бахтин, М.М. Проблемы поэтики Достоевского / Михаил Михайлович Бахтин. — М.: Искусство, 1975. - 398 стр.
60. Бахтин, М.М. Собрание сочинений в 7 томах / М.М. Бахтин. - М.: Русское слово, 1996-2000. - 731 стр.
61. Бекзода, К. Носири Хусрав ва муаммои фалсафаи миллӣ / Комил Бекзода // Дирӯз, имрӯз ва фардо. – Хуҷанд: Нашриёти ношир, 2005. - Саҳ. 44-50.
62. Бекзода, К. Носири Хусрав ва муаммои фалсафии миллӣ / Комил Бекзода // Адабиёт ва санъат. – 2003. Апрел, №27. - Саҳ. 11.
63. Бекзода, К. Фидокориҳои Носири Хусрав / Комил Бекзода // Фалсафаи марг ва зиндагӣ. - Душанбе: Нашриёти Дониш, 2015. - Саҳ. 269-274.
64. Белинский, В.Г. Избранные литературные критики. — М.: Гослитиздат, 1959. — 512 саҳ.
65. Бертелс, И. Арзишҳои мероси-адабии Носира Хусрав роҷеъ ба даъвати Носири Хусрав дар Бадахшон / Иоганн Эдуардович Бертелс, // Ҷовидон хирад, шумораи аввал. -1354. - Саҳ. 31- 41.
66. Бертелс, И. Носири Хусрав ва исмоилия / Иоганн Эдуардович Бертелс. – Теҳрон: Интишороти фарҳангии Эрон, 1375. – 400 саҳ.
67. Бертельс, Е.Э. Очерки по истории персидской литературы / Евгений Эдуардович Бертельс. - Ленинград: Издания Ленинградского восточного института имени А.С. Енукидзе, 1928. - 238 стр.
68. Бертельс, Е.Э. История литературы и культуры Ирана / Евгений Эдуардович Бертельс. - Москва: Издательство Наук, 1988. - 764 стр.
69. Бертельс, И. Носира Хусрав и исмаилизм / Иоганн Эдуардович Бертелс. – Москва: Издательство фосточной литературы, 1959. - 265 стр.
70. Бертельс Е.Э. История персидко-таджикской литературы / Евгений Эдуардович Бертельс. - Москва: Наук 1960. - 237 стр.
71. Бозоров, Н. «Сафарнома»-и Насир Хусрав – асари публисистӣ / Н. Бозоров Н. // Паёми Донишгоҳ миллӣ (маҷаллаи илмии Донишгоҳи миллии Тоҷикистон). – 2000, № 3. - Саҳ. 157-162.
72. Бобоев, Ф. Чеҳраи Муҳаммади Мустафо ва Алии Муртазо дар қасоиди Носири Хусрав / Файзуллоҳ Бобоев // Дирӯз, имрӯз ва фардо. Хуҷанд: Ношир, 2005. - Саҳ. 142-150.
73. Болдирев, А.Н., Айнӣ, К. Адабиёти тоҷик / А.Н. Болдирев, К.Айнӣ. - Душанбе: Нашриёти Ирфон, 1966, - 328 саҳ.
74. Брагинский, И.С. Из истории персидской и таджикской литература [избранные работы] / Иосиф Самуилович Брагинский. - Москва: Издательство Наука, 1972. - 564 стр.
75. Браун, Э. Таърихи адабиёти Эрон [Аз Фирдавсӣ то Саъдӣ]. Ҷ 1. / Эдуард Браун. - Теҳрон: Интишороти марворид, 1341. - 540 саҳ.
76. Бузургзода, Л. Носир Хусрав-Искатель правды и справедливости / Лутфулло Бузургзода. // Носир Хусрав. Избранное. – Сталинобод: Государственное издательство Таджикской ССР, 1949. – Стр 13-25.

77. Валевский, А. Биографика как дисциплина гуманитарного цикла / А. Валевский // Лица: биографический альманах. Вып. 6. -М.; СПб., 1995. - Стр. 32.
78. Вайси, А. Носири Хусрав / Вайси Азиз. - Душанбе: Ирфон, 2007. - 29 саҳ.
79. Валевский, А.Л. Основания биографики А.Л. Валевский. - Киев: Наукова думка, 1993. -110 стр.
80. Валевский, А. Л. Биографика как дисциплина гуманитарного цикла / А. Л. Валевский // Лица: биографический альманах. Вып. 6. -М.; СПб., 1995. - Стр. 32
81. Вера Мильчина**.** Россия и Франция. Дипломаты. Литераторы. Шпионы Вера Мильчина. - Санкт-Петербург: Гиперион, 2006. - 524 стр.
82. Восифӣ, З. Бадоеъ-ул-вақоеъ / Зайниддин Восифӣ — Бухоро: Фарҳанг, 1957. - 240 саҳ.
83. Воҳидов, С. Шинохти Носири Хусрав дар ховари Олмон / Синавбари Воҳид // Дирӯз, имрӯз фардо. - Хуҷанд: Нашриёти Ношир, 2005. - Саҳ. 335-339.
84. Геннет, Дж. Автор и авторство / Джонсон Геннет. Пер. с англ. — М.: Академический проект, 2003. - 320 стр.
85. Гинзбург, Л.Я. Записные книжки / Л.Я. Гинзбург. – М.: Искусство-СПб, 1999. -465 стр.
86. Гинзбург, Л.Я. О литературном герое / Л.Я. Гинзбург. - Л.: Советский писатель, 1979. - 224 стр.
87. Громова, Н.В. “Жизнь замечательных людей” как жанрово-просветительский феномен / Н.В. Громова // Вопросы литературы. -2012. №3. - Стр. 105-112.
88. Ғафуров, Б. Тоҷикон / Бобоҷон Ғафуров. –Душанбе: Нашриёти муосир, 2020. - 975 саҳ.
89. Ғаффоров, У. «Сафарнома»-и Носири Хусрав-ҳамчун манбаи муҳимми таърихӣ-ҷуғрофӣ / Усмонҷон Ғаффоров // Дирӯз, имрӯз фардо. - Хуҷанд: Нашриёти Ношир, 2005. - Саҳ. 340-343.
90. Ғаффорӣ, В. Эмомалӣ Раҳмон дар оинаи замон / Воҳид Ғаффорӣ. - Душанбе: ЭР-граф, 2012. - 324 саҳ.
91. Даштӣ, А. Тасвире аз Носири Хусрав / Алии Даштӣ. - Теҳрон: Интишороти Заввор, 1383. - 347 саҳ.
92. Демченко, А.А. Научная биография писателя как тип литературоведческого исследования / Адольф Андреевич Демченко // Известия Сарат. Ун-та. Серия Филология. Журналистика. - 2014. Т. 13, вып. 3. - Стр. 52-61.
93. Деррида, Ж. Письмо и различие Пер. с франц / Жак Деррида. - М.: Прогресс, 1990. — 368 стр.
94. Диноршоев, М. Носири Хусрав ва нақши ӯ дар таърихи тамаддун / Мусо Диноршоев // Дирӯз, имрӯз, фардо. - Хуҷанд: Нашриёти Ношир, 2005. - Саҳ. 5-6.
95. Диноршоев, М. Насир Хусрав и его наследие / Мусо Диноршоев // Дирӯз,

имрӯз ва фардо. – Хуҷанд: Нашриёти Ношир, 2005. - Саҳ. 111-125.

96. Дмитрий Лихачёв («Человек в литературе Древней Руси» / Дмитрий Лихачёв -М.-Л.:Издательство АН СССР, 1958. -186 стр
97. Додихудоев, Х.Д. Культура и цивилизация. Истины и парадоксы традиций / Хаёлбек Додихудоев. - Душанбе: Издательство Таджикско-Российского Славянского Университета. Т.1.Ҷ.1, 2006. - 354 стр.
98. Додихудоев, Х.Д. «Разум не может представит творца» [Коран с точки зрения Носири Хусрава]. / Х.Д. Додихудоев. Шелковый путь, // Альманах [выпуск первый]. – Душанбе: Ирфон, 1990. - 352 стр.
99. Додихудоев, Х. Исмоилия ва озодандешии Шарқ / Х. Д. Додихудоев. – Душанбе: Маориф, 1989. - 280 саҳ.
100. Додихудоев, Х.Д. Философская Исмаилизма / Х. Д. Додихудоев. - Душанбе: Эр-граф, 2014. - 459 стр.
101. Додихудоев, Х.Д. Мировоззрение исмаилитов / Х. Д. Додихудоев // Тезисҳои маърӯзаҳои илмӣ дар конференсияи ҷавонон. – Душанбе: Бухоро, 1966. - Саҳ. 118-119.
102. Додихудоев, Х.Д. Основные черты философии исмаилизма / Х.Д. Додихудоев // Известя АН Таджикской СР. Отделение общественных наук. -1972. №3 [69]. - Стр. 88-95.
103. Додихудоев, Х.Д., Тавуров, Қ. Саид Сухроби Вали о первоначальных мира и материи / Х.Д. Додихудоев // Паёми Донишгоҳи Хоруғ. – 2017. №4. Стр. 132-138.
104. Додыхудоева, Л. Носири Хусрав: Испытание избранности / Лола Додхудоева // Дирӯз, имрӯз, фардо. - Хуҷанд: Нашриёти Ношир, 2005. - Саҳ. 289-299.Додыхудоева, Л. Р., Рейснер, М.Л. Носира Хусрава: Концепция поэтического творчество / Л. Р. Додыхудоева, М.Л. Рейснер. - Москва: Издательство наук, 2004. - 97 стр.
105. Додыхудоева, Л. Р., Рейснер, М.Л. Поэтический язык как средство проповеди: Консепсия Благого слова в творчестве Носира Хусрава / Л. Р. Додыхудоева, М.Л. Рейснер. - Москва: Наталис, 2007. - 384 стр.
106. Жданов, В. Неизвестный Толстой. Тайная жизнь гения / В. Жданов. -М.: Экскмо-Алгоритм, 2010. – 448 стр.
107. Жуковский, В. А. Песни Носира Хусрава / В. А. Жуковский // Русского археологического общества. СПБ. 1889 [1890]. Выпуск 3-4. - Стр. 389-393.
108. Забеуллоҳ, С. Таърихи адабиёт дар Эрон, ҷилди 2. / Забеуллоҳи Сафо. – Теҳрон: Интишороти Фирдавсӣ, 1384.- 413 саҳ.
109. Зоҳир, А. Ёри ғор, роман / Аброр Зоҳир. - Душанбе: Ирфон, 2013. - 233 саҳ.
110. Иванов, В.В. Носири Хусрав ва исмоилиён / В. В. Иванов. – Лейдин: Брил, 1948. - Саҳ. 409-463.
111. Илолов, М. Мавзуи ақлу илм дар осори Носири Хусрав ва мувозинати онҳо дар илми муосир / Мамадшо Илолов // Дирӯз, имрӯз, фардо. - Хуҷанд: Нашриёти Ношир, 2005. - Саҳ. 201-205.
112. Казанцева, Г.В. Беллетризованные биографии В.П. Авенариуса "Пушкин" и "Михаил Юрьевич Лермонтов": история, теория, поэтика жанра (канд. диссертация) – М.: Флиинта, - Наук, 2007. - 164 стр.

113. Карамшоев, Д. Аз забондонию суханварии Носири Хусрав / Карамшо Додхудо // Дирӯз, имрӯз фардо. - Хуҷанд: Нашриёти Ношир, 2005. - Саҳ. 416-424.
114. Карамхудоев, Шукрат. Тазоди фикрӣ дар қасидаи «Мунозира бо худо» ва эҷодиёти дигари Носири Хусрав / Шукрат Карамхудо // Дирӯз, имрӯз ва фардо. - Хуҷанд: Нашриёти ношир, 2005. - Саҳ. 150-157.
115. Карамхудоев, Ш. Х. Носири Хусрав ва Ҷалолиддини Румӣ (таҳлили муқоисавии ақидаҳои динӣ-фалсафӣ). – Душанбе: Нашриёти Андалеб, 2015. - 192 саҳ.
116. Книжников, В.В. Нарратология: теория и практика. — СПб.: Алетейя, 2014. - 350 саҳ.
117. Каландаров, Х.С. Исмаилизм и персидско-таджикская литература X-XII вв. (к проблеме взаимодействия религиозного и художественного мышления) / Х. С. Каландаров. – Душанбе: Сифат-Офсет, 2021. - 499 стр.
118. Каландаров, Х.С. Диспут Насир Хусрав и Кисаи // Словесность. Научный журнал Института литературы, востоковедения и письменного наследия им. Рудакӣ АН РТ / Хоким Каландаров. - 2012. № 2.– Стр. 65-85.
119. Каландаров, Х.С. Причины и предпосылки приверженя Насира Хусрава исмаилизму / Хоким Каландаров // Вестник педагогического университета. Серия обшественных, гуманитарных и филологических наук. – Душанбе: Издание Таджикского государственного педагогического университета им. Садриддина Айнӣ. – 2014. № 1 [56]. – Стр. 3-6.
120. Каландаров, Х.С. Религиозние мотивы и содержания поэзии Насира Хусрава / Х. Каландаров // Вестник педагогического университета. Серия общественных, гуманитарных и филологических наук. – Душанбе: Издание Таджикского государственного педагогического университета им. Садриддина Айнӣ. – 2013. № 6 [55]. – Стр. 16-25.
121. Қаландаров, Ҳ.С. Сабабҳо ва заминаҳои гироиши Носири Хусрав ба тариқаи исмоилӣ / Ҳоким Қаландаров // Паёми донишгоҳи омӯзгорӣ. – 2014. № 1 [56]. - Саҳ. 3-6.
122. Қаландариён, Ҳ. С. Мафҳум ва мазомини мазҳабии ашъори Носири Хусрав. / Ҳ. Қаландариён // Паёми донишгоҳи омӯзгорӣ. - 2013. № 6 [55]. - Саҳ. 16-24.
123. Қаландариён, Ҳ. С., Беронов Ҷ.С. Таҳқиқоти биографӣ дар адабиётшиносӣ / Ҳ. Қаландариён, Ҷ.С. Беронов // Паёми донишгоҳи Хоруғ. - 2025. № 1[01]. - Саҳ 85-90.
124. Қаландаров, Ҳ.С. Рӯдакӣ ва исмоилия / Ҳ.С. Қаландаров. - Душанбе: Эр-граф, 2012. - 235 саҳ.
125. Қосим, И. Тасвири шаҳрҳои асримиёнагӣ дар «Сафарнома»-и Носири Хусрав / Икром Қосим // Маориф ва маданият. – 1960, № 5. - Саҳ. 3.
126. Корнеева, Т.Г. Носир Хусрав: биография, и творчество философа-исмаилита / Татьяна Георгиевна Корнеева // Философия и култура 6 [90] - Москва: НБ-медиа, 2015. - 864 стр.

127. Корнеева, Т.Г. Обоснование концепции имомата в философии Насира Хусрава / Татьяна Георгиевна Корнеева // Политика и общество. № 7 [127]. - Москва: НБ-медиа, 2015. - Стр. 930- 937.
128. Корнеева, Т.Г. Персоязычная философская терминология Насира Хусрава / Татьяна Георгиевна Корнеева // Ислам в современном мире. №1. Том 14. -Москва: НБ-медиа, 2018. - Стр. 113-124.
129. Корнеева, Т.Г. Мост сират как путь к истине: Истолкование Насира Хусрава / Татьяна Георгиевна Корнеева // Вестник РУДН. Серия философия. - 2018. № 2. Том 22. - Стр. 226-235.
130. Краткая литературная энциклопедия. В 9 томах. -М.: Наук, 1962. Т. 1. - С. 619-620.
131. Крымский, А.Ё. Истрия Персии, её литературы и дервышеской теософии / Крымский. – Москва: Наук, 1915. - 783 саҳ.
132. Крымский, А. Историая перси / Александр Крымский. - Санк-Петербург: Наука, 1916. - 670 стр.
133. Қубодиёнӣ, Р. Чор сухан аз Носири Хусрави Қубодиёнӣ / Раҳими Қабодиёнӣ. –Теҳрон: Интишороти байналмилалии алҳудо, 1382. - 170 саҳ.
134. Қудус, Ҷ. Роҳи наҷот [Фоҷиаҳо] / Ҷумъа Қудус. – Душанбе: Авасто, 2003. - 87 саҳ.
135. Қулматов, Н. Андешаҳои илмии Носири Хусрав / Нозир Қулматов // Мактаби советӣ. – 1988. № 3. – Саҳ. 24-27.
136. Қулматов, Н. Ҷавҳарияти ҷисм, модда ва сурат аз назари Носири Хусрав / Нозирҷон Қулматов // Илм ва ҳаёт. – 1994. № 6. - Саҳ. 9-11.
137. Қулматов, Н. Тавсифи категорияи макон дар фалсафаи Носири Хусрав / Нозирҷон Қулматов //Ахбори Академияи илмҳои РСС Тоҷикистон [серия философия, иқтисод ва ҳуқуқшиносӣ]. -1988. № 1 [9]. - Саҳ. 15-17.
138. Қулматов, Н. Зарурати маърифати олам аз назари Носири Хусрав / Нозирҷон Қулматов //Ахбори Академияи илмҳои РСС Тоҷикистон [серия философия, иқтисод ва ҳуқуқшиносӣ]. -1989. № 1 [16]. - Саҳ. 3-8.
139. Қулматов, Н. Муҳити маърифат / Нозир Қулматов // Садои шарқ. -1986. № 12. - Саҳ. 113-120.
140. Қулматов, Н. Зарурати маърифати олам аз назари Носири Хусрав / Нозир Қулматов // Ахбори академияи фанҳои РСС Тоҷикистон. Серия философия, иқтисодӣ, ҳуқуқшиносӣ. -1989. № 4 [16], июл-сентябр. - Саҳ. 3-8.
141. Қурбонхонова, Н. Мавқеи тамсил ва талмеҳ дар ашъори Ҳаким Носири Хусрав / Нуриҷаҳони Қурбонхон // Дирӯз, имрӯз фардо. - Хуҷанд: Нашриёти Ношир, 2005. - Саҳ. 499-503.
142. Лакшин, В.Я., Островский А.Н. Проблемы научной биографии: автореф. дис. ...д-ра филол. наук. –М: Издательство АН СССР, 1981. - 217 стр.
143. Лихачёв, Д. Человек в литературе Древней Руси. / Дмитрий Лихачёв. - М.-Л.: Издательство АН СССР, 1958. -186 стр.

144. Лосиевский, И. Я. Научная биография писателя: проблемы интерпретации и типологии: [Монография] / И. Я. Лосиевский; Харьк. гос. пед. ун-т им. Г. С. Сковороды. - Харьков: Крок, 1998. - 424 стр.
145. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста / Ю.М. Лотман. — М.: Искусство, 1970. — Стр. 14.
146. Лотман, Ю. М. Избранные статьи. Т.1 / Ю. М. Лотман // Статьи по семиотике и истории культуры -Таллин: Александра, 1992. -Стр. 562–572.
147. Лотман, Ю. М. О русской литературе: Статьи и исследования (1958-1993). История русской прозы. Теория литературы. / Ю. М. Лотман, [Вступ. ст. И. А. Чернова]. - СПб.: Искусство-СПб., 1997. - 845 стр.
148. Мактаби давлатдории Эмомалӣ Раҳмон: масъалаҳои ташаккул ва рушд. Академияи идоракунии давлатии назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон, ҷилди 5. – Душанбе: Ношир, 2023. - 487 саҳ.
149. Малышева, Д.Б. Исмаилиты / Д.Б. Малышева // Вопросы истории. №2. Феврал. – Москва: Издательство правда. 1977. - Стр. 138-149.
150. Мамадҷонова, М. Символизм в воззрениях Насира Хусрава и Джалолиддина Руми / Мухиба Мамаджонова // Дирӯз, имрӯз ва фардо. - Хуҷанд: Нашриёти ношир, 2005. - Стр. 181-187.
151. Мандельштам, О. Э. Лекции по поэзии / О. Э. Мандельштам. — М.: Художественная литература, 1991. - 256 стр.
152. Мардонӣ, Т. Насир Хусрав и арабоязычная культура / Тоджиддин Мардони. – Душанбе: Типография Пайванд, 2005. - 139 стр.
153. Мастибеков, О. Консепсияи маърифат дар андешаи Носири Хусрав ва Насириддини Тусӣ / Отамбек Мастибеков // Дирӯз, имрӯз ва фардо. – Хуҷанд: Нашриёти Ношир, 2005. - Саҳ. 67-74.
154. Маъниёзов, А., Шарифов, Х. Ҳакими суханвар / Абдулқодир Маъниёзов, Худоӣ Шарифов. -Душанбе: Нашриёти Деваштич, 2003. - 232 саҳ.
155. Мильчина, В. Россия и Франция. Дипломаты. Литераторы. Шпионы / Вера Мильчина, - Санкт-Петербург: Гиперион, 2006. -524 стр.
156. Мирзозода, Х. Таърихи адабиёти тоҷик / Холиқ Мирзозода, китоби 2. – Душанбе: Маориф, 1977. - 489 саҳ.
157. Мирзозода, Х. Таърихи адабиёти тоҷик / Холиқ Мирзозода. китоби 1 қисми 2. – Душанбе: Маориф, 1987. - 487 саҳ.
158. Мирзоҳасанов, Л. Шеъру шоирӣ аз нигоҳи Носира Хусрав / Лаълҷуба Мирзоҳасанов // Дирӯз, имрӯз ва фардо. – Хуҷанд: Нашриёти Ношир, 2005. - Саҳ. 425-434.
159. Мирсаидов, Б. Симои Носири Хусрав дар адабиёти муосир / Б. Мирсаидов // Маҷмӯаи мақолоти ҳамоиши Ҳаким Носири Хусрави Қабодиёнӣ. Донишгоҳи шаҳиди Биҳиштӣ, Донишгоҳи адабиёт ва улуми инсонӣ, 20-21 Урдибиҳишт. - 1394. - Саҳ. 1122-1131
160. Мирхоҷа, А. Даъвати Носир /Ато Мирхоҷа. - Душанбе: ЭР-граф, 2020. - 51 саҳ.
161. Миршакар, М. Асарҳои мунтахаб / Мирсаид Миршакар. – Душанбе:

Ирфон, 1982. - 495 саҳ.

162. Мирҳасанов, Г. Баъзе таносуботи ақлу нафс дар «Зод-ул-мусофирин» / Гулҳасан Мирасан // Дирӯз, имрӯз ва фардо. – Хуҷанд: Нашриёти Ношир, 2005. - Саҳ. 49-53.
163. Муллоаҳмадов, М., Ҷоннисорӣ, Н. Рӯдакӣ ва суханварони ҳамрӯзгори ӯ / Мирзо Муллоаҳмадов ва Носири Ҷоннисорӣ. – Теҳрон: Нашриёти Донишгоҳи Завор, 1387. - 264 саҳ.
164. Муллоахмадов, М. Фуруги Бастоми и его газели / М.Муллоахмадов / - Душанбе: Дониш, 1987. - 88 стр.
165. Муродова, Т. Философии Носира Хусрава [на основы Джомеъ-ул-ҳикматайн]. Монография / Тоджиниссо Муродова. - Душанбе: Дониш, 1994. - 85 стр.
166. Муродова, Т. «Джомеъ-ул-хикматайн» - Носира Хусрава как философский труд. (Афтореферат) / Тоджиниссо Муродова. - Алма-ата: БЦ МТС, 1985. -18 стр.
167. Муродова, Т. Социально-этического взгляды Носира Хусрава / Тоджиниссо Муродова. // Материали по истории таджиского народа. – Ленинобод: Интишороти донишгоҳи Хуҷанд, 1989. - Стр. 74-76.
168. Муродова, Т. Характеристика чувственного и рационального познания в философии Носира Хусрава / Тоджиниссо Муродова // Известия АН Таджиского РСС [серия философия, экономия и правоведении]. -1989. № 1. - Стр. 3-8.
169. Муродова, Т. Категории движения пространства и времени философии Носира Хусрава / Тоджиниссо Муродова // Известия АН Таджикского ССР [серия экономия и проведении]. -1986. №4. - Стр. 14-19.
170. Муродова, Т. Основные положения философии Носира Хусрава / Тоджиниссо Муродова // Ахбороти Академияи фанҳои РСС Тоҷикистон [Серия философия, иқтисодиёт, ҳуқуқшиносӣ]. -1987. № 4 [16] июл-сентябр. -Стр. 9-14.
171. Муродова, Т. О некоторых аспектов проблемы субстанции с точки зрения Авиценна и Носира Хусрава / Тоджиниссо Муродова // Торжество разума [материали международного сессии посвящена 1000 садня рождения Абуали ибн Сино]. -1989. -Стр. 89-93.
172. Муродова, Т. К характеристике чувственного и рационального познания в философской концепции Носира Хусрава / Тоджиниссо Муродова // Известия Академии наук Таджикской ССР [серия философия, экономика, правоведении]. -1988. № 1 [9]. - Стр. 3-8.
173. Муродова, Т. О некоторых аспектах натурфилософии Носира Хусрава [на основе Джомеъ-ул-хикматайна] / Тоджиниссо Муродова // Известия Академии наук РСС Таджикистан, отделе Общественных наук. -1983. № 2 [116]. -Стр. 112-117.
174. Мусулмониён, Р.Қ. Нигоҳи Носири Хусрав ба шеъри худ / Раҳим Мусулмониёни Қубодиёнӣ // Дирӯз, имрӯз фардо. - Хуҷанд: Нашриёти Ношир, 2005. - Саҳ. 442-447.

175. Мусулмониён, Р. Пораи Самарқанд (Бозшинохти Ҳаким Носири Хусрави Қубодиёнӣ бо роҳнамоии осораш) / Раҳим Мусулмониён. - Теҳрон: Дафтари нашри фарҳанги исломӣ, 1378. - 197 саҳ.
176. Муҳаққиқ, М. Таҳлили ашъори Носира Хусрав (оёти қуръонӣ, аҳодис ва амсол) / Маҳдии Муҳаққиқ. –Теҳрон: Макази фарҳангии Эрон, 1432. - 325 саҳ.
177. Муҳаммадхоҷаев, А. Таъвил аз нигоҳи Носири Хусрав ва тасаввуф / Аҳмадҷон Муҳаммадхоҷаев // Дирӯз, имрӯз ва фардо. - Хуҷанд: Нашриёти Ношир, 2005. - Саҳ. 158-164.
178. Назариев, Р. Аллегорическая интерпретация философских и теологических проблем в исмаилизме / Рамазон Назариев. – Душанбе: Дониш, 2008. – 219 стр.
179. Назариев, Р. Социальная философия «Ихван ас-сафа» и Насира Хусрава (сравнительный анализ) / Рамазон Назариев. – Душанбе: Ирфон, 2011. – 329 - Стр.
180. Назариев, Р. Древнегреческая философия и ее влияние на «Ихван ас-сафа» и Насира Хусрава (на примере социальных идей) // Известия Академии наук Республики Таджикистан. Серия: философия и право. 2008. № 4. - Стр. 14 -20.
181. Назариев, Р. Проблемы власти и политики во взглядах Насира Хусрава // Известия Академии наук Республики Таджикистан. Серия: отделение общественных наук. 2008. №2. - Стр. 74-80
182. Назариев, Р. Некоторие аспекти морально-этических норм и принципов в воззрениях Насира Хусрава // Вестник Московского государственного университета культури и искусств, 2009, № 4. – Стр. 54-60.
183. Назариев, Р. Некоторые аспекты морально-этических норм и принципов в воззрениях Насира Хусрава // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2009. №4. - Стр. 66-71.
184. Назариев, Р. Идея о Боге во взглядах Насира Хусрава и Рене Декарта // Вестник Таджикского национального университета. 2009. № 3 (51). - Стр. 99-105.
185. Назариев, Р. Концепция микро и макрокосма во взглядах Николая Бердяева и Насира Хусрава (сравнительный анализ) // Ишрак, № 4., Москва, 2013. - Стр. 120-134;
186. Назариев, Р. «Разрешение и спасение» как философское наследие Насира Хусрава // Насир Хусрав. Разрешение и спасение, Душанбе, 2016. - Стр. 5- 15.
187. Назариев, Р. Дин ва дунёи инсон аз нигоҳи Носири Хусрав / Рамазон Назариев // Дирӯз, имрӯз, фардо – Хуҷанд: Нашриёти Ношир, 2005. - Саҳ. 53-58.
188. Назариев, Р. Аллегорическая интерпретация философско-теологическхи проблем в исмаилизме / Рамазон Назариев. Дис. канд.филос. наук. - Душанбе, 2000. -156 стр.

189. Назариев, Р., Назарамонов, Ш. Фарҳанги забони Носири Хусрав / Р. Назариев, Ш. Назарамонов. - Душанбе: Андалеб, 2015. – 416 саҳ.
190. Назриев, Ҷ. Носири Хусрави Қубодиёнӣ-абармарди майдони илму адаб ва ихлос / Ҷурабек Назрӣ // Дирӯз, имрӯз, фардо. –Хуҷанд: Нашриёти Ношир, 2005. - Саҳ 9-12.
191. Назриев Ҷ., Алимардонов А. Носири Хусрав – мутафаккиру шоири ҳақиқатҷӯ, хирадсаро ва инсонгаро. / Ҷурабек Назрӣ, Амрияздони Алимардон // Дирӯз, имрӯз фардо. - Хуҷанд: Нашриёти Ношир, 2005. - Саҳ. 435-441.
192. Назриев, Ҷ., Девонақулов А. Панди падар-хирмани зар / Назриев Ҷурақул, Аликул Девонақулов // Дирӯз, имрӯз ва фардо. - Хуҷанд: Нашриёти ношир, 2005. - Саҳ. 206-220.
193. Намунаҳои адабиёти тоҷик. Зери назари Абулқосими Лоҳутӣ. - Сталинобод: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1953. 489 саҳ.
194. Нафисӣ, С. Муҳити зиндагӣ ва аҳволу ашъори Рудакӣ / Саид Нафисӣ. Бо кушиш ва тасҳеҳи Ҷаъфари Ранҷбар. – Душанбе: Ирфон, 2009. - 784 саҳ.
195. Ниёзов, С. Носири Хусрав. Дирӯз, имрӯз, фардо дар андешаҳо / Сарфароз Ниёзов // Дирӯз, имрӯз ва фардо. –Хуҷанд: Нашриёти ношир, 2005. - Саҳ. 13-25.
196. Никитина, В. Оид ба масъалаи маҳорати бадеии Носири Хусрав / В. Никитина // Шарқи сурх – 1957, № 8, - Саҳ. 111-122.
197. Нозим, Ҳ. Носири Хусрави Қабодиёнӣ / Ҳ. Нозим // Газетаи муаллимон. -1939. 1-1. - Душанбе. – Саҳ. 1-4.
198. Обидов, И., Мухторов, М. Таърихи халқи тоҷик [китоби дарси барои синфҳои 8-10] / Обидов, И., Мухторов М. - Сталинобод: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1959. - 289 саҳ.
199. Офаридаев, Н. Юмгон: Ташреҳи таърихӣ-забоншиносии ном / Назрӣ Офаридаев // Дирӯз, имрӯз, фардо. - Хуҷанд: Нашриёти Ношир, 2005. - Саҳ. 321-324.
200. Охонниёзов, В.Д. Ҳақиқат ва ривоят дар достони “Исёни хирад” -и Мирсаид Миршакар / В.Охонниёзов // Масъалаҳои илмҳои гуманитарӣ [маҷаллаи илмии Институти илмҳои гуманитарӣ ба н. академик Б.Искандарови АМИТ]. -2022, № 1. – Саҳ. 59-69.
201. Охонниёзов, В.Д. Заминаҳои монандии тасвири инсон дар ашъори Носири Хусрав ва Неъматуллоҳи Валӣ / В. Д. Охониёзов // Паёми Донишгоҳи давлатии Қурғонтеппа ба н. Носири Хусрав. -2018. №1 / 2 [53]. – Саҳ. 5-10.
202. Охонниёзов, В. Д. Ҳамоҳангии “ҷаҳони”-и Ҳаким Носири Хусрав бо “ҷаҳон”-и Устод Рӯдакӣ / В.Д. Охониёзов // Суханшиносӣ [маҷаллаи илмӣ], ИЗА ба н. Рудакӣ, АИ ҶТ. -2018. № 4. – Саҳ. 80-89.
203. Охонниёзов, В.Д. Ғараз аз тасвири табиат ва Наврӯз дар як қасидаи Носири Хусрави Қубодиёнӣ / В.Д. Охониёзов // Номаи Донишгоҳи давлатии Хуҷанд ба н. Б.Ғафуров, силсилаи илмҳои гуманитарӣ. -2018. № 4 [57]. – Саҳ. 123-127.

204. Охонниёзов, В.Д. Мафҳуми ҳаҷ ва вазифаи ҳоҷӣ аз нигоҳи Носири Хусрави Қубодиёнӣ / В.Д. Охониёзов // Дин ва ҷомеа, №6 [63]. – 2019, № 6. - Саҳ. 13-14.
205. Охонниёзов, В.Д. Тасвири ҷашнҳои Наврӯз ва Меҳргон дар қасоиди Носири Хусрави Қубодиёнӣ / В.Д. Охониёзов, А. Шафтолиев // Маҷмӯаи мақолаҳои Конференсияи Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. -2020. – Саҳ. 63 – 72.
206. Охонниёзов В.Д. Андешаҳои ватанпарварона дар масъалаҳои эътиқодии Носири Хусрав / В.Д. Охонниёзов // Маводи Конференсияи илмӣ-амалӣ ҷумҳуриявӣ дар мавзӯи “Рушду таҳаввули жанри қасида дар адабиёти тоҷик” бахшида ба бузургдошти Ҳаким Носири Хусрави Қубодиёнӣ ва 80 солагии профессор Икромов Искандар. -2023. – Саҳ. 72-78.
207. Петровская, И.Ф. Биографика. Введение в науку и обозрение источников биографических сведений о деятелях России 1801-1917 гг. / И.Ф. Петровская. - Санкт-Петербург: Логос, 2003. - 488 стр
208. Писарев, Д.И. Собрание сочинений / Д.И. Писарев. — М.: Наука, 1953. — 400 стр.
209. Плутарх, Л.М. Сравнительные жизнеописания / Л.М. Плутарх. -М.: Наука, 1994. -702 стр.
210. Раҳмонов, Ш. Мулоҳизаҳои Носири Хусрав дар бораи шеъру шоирӣ / Шоҳзамон Раҳмон // Дирӯз, имрӯз фардо. - Хуҷанд: Нашриёти Ношир, 2005. - Саҳ. 448-456.
211. Раҳмонов, Ш. Қубодиён сарзамини Тус ва Рашки қамар / Шоҳзамони Раҳмон. - Душанбе: Адиб, 2011. - 217 саҳ.
212. Раҳмонов, Ш. Алломаи шеър ва маърифат / Шерзамон Раҳмон // Феҳристи осори Носири Хусрави Қубодиёнӣ. - Душанбе: Деваштич, 2004. - Саҳ. 9-24.
213. Раҳимов, Б. Баъзе масъалаҳои тарбиявӣ дар Саодатнома ва Равшаноиномаи Носири Хусрав / Б. Раҳимов // Очеркҳо оид ба филология, ҷилди 4, нашри 1. – Душанбе: Дониш, 1958. - 239 саҳ.
214. Раҳмон, Э. Тоҷикон дар оинаи таърих (Аз Ориён то Сомониён) – Эмомалӣ Раҳмон. -Душанбе: «Ирфон». 2009. - 432 саҳ.
215. Раҳмон, Э. Чеҳраҳои мондагор / Эмомалӣ Раҳмон. – Душанбе: ЭР-граф, 2023. - 422 саҳ.
216. Раҳмон, Э. Уфуқҳои истиқлол / Эмомалӣ Раҳмон. – Душанбе: Ганҷи-Нашриёт, 2018. - 158 саҳ.
217. Раҳмонов, Э.Ш. Суханронии Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон Э.Ш.Раҳмонов бахшида ба 12-солагии истиқлолияти Ҷумҳурии Тоҷикистон ва 1000 солагии зодрӯзи Носири Хусрав / Э.Ш. Раҳмонов // Ҷумҳурият аз 3 сентябри соли - 2003. - Саҳ. 1-2.
218. Рейснер М.Л. Метод аллегорического комментирования корана *[та'вил]* и символический язык персидской поэзии XI-XII вв / М.Л. Рейснер // Вестник Московского университет им Ломоносова. сер. востоковедение. - 2003. №1/4. - Стр 25-36.

219. Рейснер, М.Л. Носир-и Хусрав, поэзии и проповеды / М.Л. Рейснер // Доклад-научная конференция Ломоносовский чтения. Апрель. – Москва: Наталис, 2004. – Стр. 134-140.
220. Рейснер, М. Додыхудоева, Л. Поэтический язык как средство проповеди концепция Благого Слова в творчестве Насира Хусрава / М. Л. Рейснер, Л. Р. Додыхудоева. - Москва: Наталис, 2007. – 383 стр.
221. Ризвоншоева Г. Симои Ҳаким Носири Хусрав дар ривояту афсонаҳо / Гулнисои Ризвоншо // Дирӯз, имрӯз фардо. - Хуҷанд: Нашриёти Ношир, 2005. - Саҳ. 576-580.
222. Рипко, Я. Таърихи адабиёти Эрон / Ян Рибко. - Теҳрон: Интишороти байналмилалии ал Ҳудо, 1356. - 230 саҳ.
223. Риёҳӣ, М. А. Кисоии Марвазӣ. Зиндагӣ, андеша ва шеъри ӯ. Муҳаммад Амин Раёҳӣ. - Теҳрон: Пажуҳиши илмӣ, 1373. –158 саҳ.
224. Рузӣ, А. Носири Хусрав ва фарҳанги мардум / Аҳмад Рузӣ //Маҷмӯаи мақолоти ҳамоиши Носири Хусрави Қабодиёнӣ. Донишгоҳи шаҳиди Биҳиштӣ, Донишгоҳи адабиёт ва улуми инсонӣ, 20-21 Урдибиҳишт. -1394. - Саҳ. 1136- 1155.
225. Рыбников, Н.А. Биографии и их изучение / Н.А. Рыбников. -М.: типография Н. Желудковой, бибилиотека биографического института, 1920. -47 с.
226. Садрӣ, С. Рӯдакӣ. Шеърҳо. Бо муқаддима, тартиб ва тавзеҳи Усмон Каримов ва Садрӣ Саъдиев / С. Саъдиев. -Душанбе: Ирфон, 1972. - 222 саҳ.
227. Саидиброҳимов, Ш. Системаи дидактикии Носири Хусрав / Ш. Саидиброхимов. - Душанбе: Ирфон, 2014. - 172 саҳ.
228. Саидиброҳимов Ш. Хирад ҳамчун хориқаи миллӣ дар тафсири мутафаккирони форсу тоҷик [асрҳои 10-11] / Ш. Саидиброҳимов. - Душанбе: Сифат-офсет, 2023. - 364 саҳ.
229. Саидзода, Ҷ. Сиголиш ва рӯҳиёти миллӣ дар ашъори Носири Хусрав / Ҷамолиддин Саидзода // Ҷавонони Тоҷикистон. -2003. 6. 08. № 23. - Саҳ. 6-8.
230. Саркоров, Н. Ҳаёт ва эҷодиёти Носири Хусрави Қубодиёнӣ / Саркоров Наврӯз. –Душанбе: Имперал-Групп, 2007. - 319 саҳ.
231. Сатторзода, А. Такмилаи бадеии форсии тоҷикӣ / Абдунабӣ Сатторзода. –Душанбе: Адиб, 2011. - 287 саҳ.
232. Сатторзода, А. Кӯҳна ва нав (Дар шеър, нақд ва забон) / Абдунабӣ Сатторзода. - Душанбе: Адиб, 2004. - 286 саҳ.
233. Сатторзода, А. «Хубсухани» Носири Хусрав: Андешаҳои ӯ дар перомуни шеър / Абдунабӣ Сатторзода // Кӯҳна ва нав (Дар шеър, нақд ва забон). - Душанбе: Адиб, 2004. - Саҳ. 135-153.
234. Семёнов, А.А. Противоречия в учении о переселении душ у памирских исмаилитов и у Насыр-и – Хусрова / А.А. Семенов. Бюллетення Средне-Азиатского Государственного Университета. № 9. Тошкент: Издательство академии наук, 1925. -16 стр.

235. Семёнов, А.А. Насыр Хусрав о мире духовном и материальном / А.А. Семёнов. – Ташкент: Издательство академии наук,. - 50 стр.
236. Семёнов, А.А. Противоречие во взглядах на переселение душ у Памирских исмаилитов и Насыра Хусрава / А.А. Семенов. // Бюллетения Средне-Азиатского Государственного Университета. № 9. – Тошкент: Издательство академии наук, 1925. - 16 стр.
237. Семёнов, А.А. К догматике помирского исмаилизма [11 глава «Лицо веры» Насыр-и Хосрава] / А.А. Семенов –Ташкент, 1926. Издательство академии наук, -50 стр.
238. Семёнов, А.А. Критика и Библиография / А.А. Семенов. // Иран. Издательство академии наук СССР. – Ленинград: Издательство академии наук СССР, 1927. -18 стр.
239. Семёнов, А.А. Шугнанско-исмаилитская редакция «Книга Света» Насира Хосрова / А.А. Семенов // Записки коллеги востоковедов. Том 5. – Ленинград: Издательство академии наук СССР, 1930. -23 стр.
240. Сирус, Ш. Сабкшиносии шеър / Шамисо Сирус. – Машҳад: Интишороти Фирдавсӣ, 1374. - 430 саҳ.
241. Субҳон, А. Афкори адабии тоҷикӣ дар охирҳои саддаи 19 ва нимаи аввали саддаи 20 / Аъзамов Субҳон. Дис. док. – Хуҷанд: Нашриёти Ношир, 2024. - 360 саҳ.
242. Сулаймон, А. Вожа ва таркибҳои баёнгари мафҳуми сухан / Сулаймон Анварӣ // Дирӯз, имрӯз фардо. - Хуҷанд: Нашриёти Ношир, 2005. - Саҳ. 457-466.
243. Сулаймонов, С. Нақши Носири Хусрави Қубодиёнӣ дар ташаккул ва такомули забони фалсафаи форсӣ [тоҷикӣ] / Сулаймонов Сайидраҳмон // Дирӯз, имрӯз фардо. - Хуҷанд: Нашриёти Ношир, 2005. - Саҳ. 467-473.
244. Сулаймонова, Л. Шоир ва мутафаккири бузург / Л. Сулаймонова // Занони Тоҷикистон. Душанбе. -1958. № 4. Апрел. Саҳ. 20.
245. Сутаева, З. Р. Жанровые особенности автобиографической и мемуарной прозы: На материале творчества А.С. Пушкина, П.А. Вяземского, Н.Г. Чернышевского: автореферат дис…кандидата филологических наук: 10.01. 08 / Ин-т мировой лит-ры / З. Р. Сутаева. – Москва: Наук, 1998. - 197 стр.
246. Таваккалов, Ҳ. Мадҳиясароӣ ва Ҳаким Носири Хусрав / Ҳайдармамад Таваккалов // Дирӯз, имрӯз фардо. - Хуҷанд: Нашриёти Ношир, 2005. - Саҳ. 580-584.
247. Танеева-Саломатшоева, Л. Тафсири ҳуруфи қуръонӣ дар рисолаи «Хон-ул-ихвон»-и Носира Хусрав ва таъсири он ба ашъори тасаввуф / Лола Танеева-Саломатшоева // Дирӯз, имрӯз ва фардо. – Хуҷанд: Нашриёти Ношир, 2005. - Саҳ. 131-134.
248. Таниева-Саломатшоева, Л. Толкование коранических букв «алиф, лам, мим» ва трактате «Хон-ул-ихвон» Насира Хусрава и его влияние на суфийскую поэзию / Лола Саломатшоева // Дирӯз, имрӯз ва фардо – Хуҷанд: Нашриёти Ношир, 2005. - Стр. 131-134.

249. Тақизода, С. Таҳқиқе дар аҳвол ва осори Носира Хусрави Қабодиёнӣ / Сайид Ҳасани Тақизода. – Теҳрон: Чопхонаи Ромин, 1379. - 212 саҳ.
250. Таърихи фалсафаи тоҷик, [аз қадим то асри 20] ҷилди 2. Зери назари Абдуғафор Шарипов. - Душанбе: Дониш, 2016. - 865 саҳ.
251. Тоҳирӣ, Қ. Ҳикматсарои Хуросон / Хоҷа Қурбон Тоҳирӣ. -Душанбе: Ирфон, 2016. - 157 саҳ.
252. Турсун, А. Ҳакимони ҷаҳонро мижа хунполост / Акбар Турсун. // Фараж. -2018. № 15. 2/93. Чоршанбе, 11 апрел. - Саҳ. 12.
253. Улуғзода, С. Намунаҳои адабиёти тоҷик / Сотим Улуғзода. - Сталинобод: Комбинати полиграфӣ, 1939. - 356 саҳ.
254. Фозилов, Д. Андешае чанд оид ба забон ва услуби «Сафарнома»-и Ҳаким Носири Хусрав / Дорғабек Фозилов // Дирӯз, имрӯз фардо. - Хуҷанд: Нашриёти Ношир, 2005. - Саҳ. 474-478.
255. Фозилов, Д. Баъзе хусусиятҳои луғавии «Сафарнома»-и Насири Хусрав / Д.Фозилов // Паёми Донишгоҳ. № 3, силсилаи 2. - 2002. – Саҳ.32-36.
256. Фозилов, Д. «Сафарнома»- сарвати забони форсии тоҷикӣ /Д. Фозилов // газетаи Бадахшон. Нашри махсус ба муносибати ҳазораи Носири Хусрав. - 2003. - Хоруғ. - Саҳ. 7.
257. Фуко, М. Археология знания / М. Фуко. — М.: Прогресс, 1992. - 370 стр.
258. Хализев, В. Е. Теория литературы / В.Е. Хализов. — М.: Высшая школа, 2000. - Стр. 55.
259. Хализев, В.Е. Теория литературы / В.Е. Хализев. -Москва: Издательский цент Академия, 2013. - 432 стр.
260. Холиков, А.А. Биография писателя как жанр / А.А. Холиков // Учебное пособие. -М.: Либроком, 2010. - 96 стр.
261. Холикназарова, С. Ономастическое пространство поэзии Носира Хусрава / С. Холикназарова. – Душанбе: Эр-граф, 2019. – 179 стр.
262. Холикназарова, С. Употребление антропонимов в касыдах Насира Хусрава. / С. Холикназарова // Вестник Хорогского государственного университета. им. М. Назаршоева, Гуманитарные науки. – 2010, серия 2, - №8. Стр. 67 - 71.
263. Холикназарова, С. К вопросу об употреблении топонимов в поэзии (касыдах) Насира Хусрава. / С. Холикназарова // Вестник Хорогского государственного университета. им. М. Назаршоева, Гуманитарные науки. – 2012, серия 2, - №10. Стр. 61 - 66.
264. Хонсбергер, А.С. Носири Хусрав-лаъли Бадахшон / Алис. С. Хонсбергер. -Душанбе: Нодир, 2003. - 328 саҳ.
265. Хоҷаев, Қ.Т. Педагогические взгляды мыслителей Таджикского народа в 11 веке / Қ.Т. Хоҷаев // [афтореферат]. Н. и. ф. –Душанбе: Дониш, 2006. - 40 саҳ.
266. Хоҷаев, Қ. Т. Ҳикматсарои Хуросон / Тоҳир Хоҷа Қурбон. – Душанбе: Дониш, 2016. - 160 саҳ.

267. Ҳалимов, Ҳ. Ақидаҳои панду ахлоқӣ дар эҷодиёти Носири Хусрав // Масъалаҳои филология ва робитаҳои адабӣ. - Самарқанд: Университети давлатии Самарқанд ба номи Алишери Навоӣ, 1977. -238 саҳ.
268. Ҳилолиев, А. Мубораки Вахонӣ идомадиҳандаи суннати ақлонии Носири Хусрав дар Бадахшон. Абдумамад Ҳилолӣ // Дирӯз, имрӯз, фардо. -Хуҷанд: Нашриёти Ношир, 2005. - Саҳ. 611-619.
269. Ҳоҷибеков, Э. Инъикоси маълумоти таърихӣ ва баъзе ақидаҳои гуманистӣ дар ашъори Ҳаким Носири Хусрав / Элбон Ҳоҷибеков // Дирӯз, имрӯз, фардо. - Хуҷанд: Нашриёти Ношир, 2005. - Саҳ. 241-258.
270. Ҳоҷибеков Э. Роҷеъ ба суннати мазҳабии мардуми Бадахшон / Элбон Ҳоҷибеков // Дирӯз, имрӯз, фардо. - Хуҷанд: Нашриёти Ношир, 2005. - Саҳ. 605-610.
271. Ҳусейнзода, Ш. Адабиёти тоҷик [барои синфи 8]. Шарифҷон Ҳусайнзода. -Душанбе: Нашриёти Маориф, 1982. - 389 саҳ.
272. Ҳусейнзода, Ш. ва Маҳвашев И.Н.. Адабиёти тоҷик [китоби дарси барои синфи 8]. Шарифҷон Ҳусейнзода ва И.Н. Маҳвашев. - Сталинобод: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1950. - 289 саҳ.
273. Ҳусейнзода, Ш., Болдирев, А.Н. Айн, К. Таърихи адабиёти тоҷик [барои синфи 9]. Шарифҷон Ҳусейнзода. - Душанбе: Нашриёти Ирфон, 1966. - 286 саҳ.
274. Ҳусейнзода, Ш. Шарифов, Х. Фанни шеър / Шарифҷон Ҳусензода, Худоӣ Шарифов. – Душанбе: Ирфон, 1978, - 190 саҳ.
275. Ҳуҷҷат, Фаслномаи адаби-фарҳангӣ, апрел-июн 1990. - 118 саҳ.
276. Чароғабдолов, А. Ҳаракату замон аз назари Носири Хусрав дар таносуби афкори имрӯза / Алишои Чароғабдол // Дирӯз, имрӯз, фардо. -Хуҷанд: Нашриёти ношир, 2005. - Саҳ. 221-227.
277. Чароғабдол, А. Ҳақиқати таърих ва рамз дар достони «Исёни хирад» -и Мирсаид Миршакар Алишои Чароғабдол // Паёми Донишгоҳи Хоруғ. – 2000. бахши 2. № 2. - Саҳ 75-82.
278. Ҷамшедов, П. Баррасии олимони Русия ба эҷодиёт ва шахсияти Носири Хусрав / Парвона Ҷамшедов // Дирӯз, имрӯз фардо. - Хуҷанд: Нашриёти Ношир. 2005. - Саҳ. 344-354.
279. Ҷаъфариён, Ҳ. Пуле байни адабиёт ва таърих / Ҳабиба Ҷаъфариён // Адабиёти достонӣ. Обон ва озар. -1385, шумораи 104. - Саҳ. 35-38.
280. Ҷонбобоев, С. Носири Хусрав роҷеъ ба ҳолатҳои инсонӣ / Сунатулло Ҷонбобоев // Дирӯз, имрӯз, фардо. - Хуҷанд: Нашриёти Ношир, 2005. - Саҳ. 259-269.
281. Шанбезода, Ҳ. Хотираҳо / Ҳайрат Шанбезода. - Душанбе: Ирфон, 1987. - 167 саҳ.
282. Шаҳбозов, М. Маҳбубияти Носири Хусрав дар Бадахшон / Мирганд Шаҳбозов // Дирӯз, имрӯз фардо. -Хуҷанд: Нашриёти Ношир, 2005. Саҳ. 602-605.
283. Шакармамадов, Н. Ҳаким Носири Хусрав дар тасаввури мардум / Шакармамади Нисормамад // Дирӯз, имрӯз фардо. - Хуҷанд: Нашриёти Ношир, 2005. - Саҳ. 592-598.

284. Шакармамадов, О. Ривоят ва афсонаҳо доир ба Носири Хусрав дар осори хаттӣ / Ориф Шакармамадов // Дирӯз, имрӯз фардо. - Хуҷанд: Нашриёти Ношир, 2005. - Саҳ. 599-602.
285. Шакармамадов, Н. …Чу лаъл дар кӯҳсор аст… / Нисор Шакармамадов. // Садои мардум. -2003. № 72. Чоршанбе 2. 06. - Саҳ 4.
286. Шамисо, С. Анвои адабӣ / Сирус Шамисо. – Теҳрон. 137. - 399 саҳ.
287. Шарифов, Х. Ҳусни ҷаҳон дар шеъри Носири Хусрав / Худоӣ Шарифзода // Дирӯз, имрӯз фардо. - Хуҷанд: Нашриёти Ношир, 2005. - Саҳ. 478-499.
288. Шарифов, Х. Каломи бадеъ / Худоӣ Шарифов. – Душанбе: Маориф, 1991. -160 саҳ.
289. Шарифов, Х. Рози ҷахон / Худоӣ Шарифов. – Душанбе: Нашриёти Ношир, 2004. - 352 саҳ.
290. Шарифов, Х. Сухане аз адабиёти миллӣ [маҷмӯи мақолаҳо] / Худоӣ Шарифов. – Душанбе: Нашриёти Ношир, 2009. - 477 саҳ.
291. Шарифов, Х. Услуб ва камолоти сухан / Худоӣ Шарифов. – Душанбе: Ирфон, 1985. – 172 саҳ.
292. Шарифов, Х. Функсияи маърифатии қасида / Худоӣ Шарифов // Ёдбуди устод Рӯдакӣ. –Душанбе: Дониш, 1978. -115 саҳ.
293. Шарифов, Х. Ҳакими суханвар / Худоӣ Шарифов. – Душанбе: Эр- граф, 2003. - 232саҳ.
294. Шарифов, Х. Шоир ва шеър / Худоӣ Шарифов. – Душанбе: Эр-граф, 1998. - 230 саҳ.
295. Шафтолиев, А. Д. Тасвири ватан дар партави масъалҳои адолати иҷтимоӣ ва худшиносии миллӣ дар ашъори Носири Хусрав / А.Д. Шафтолиев // Маводи Конференсияи илмӣ-амалӣ ҷумҳуриявӣ дар мавзӯи “Рушду таҳаввули жанри қасида дар адабиёти тоҷик” бахшида ба бузургдошти Ҳаким Носири Хусрави Қубодиёнӣ ва 80 солагии профессор Икромов Искандар. – Бохтар, 2-уми декабри с. 2023. – саҳ. 251-257.
296. Шохуморов, А. Стерила времени / Шохуморов Абусаид. – Душанбе: Дониш, 1991.- 45 стр.
297. Шохуморов, А. Священная лампада / Абусаил Шохумор // Дирӯз, имрӯз, фардо. - Хуҷанд: Нашриёти ношир, 2005. - Стр. 656-670.
298. Шохуморов, А. Консепсия познания Носира Хусрава / Абусаид Шохумор. – Душанбе: Дониш, 1990. 187 стр.
299. Шоҳзодамуҳаммадов, У. Суннати «Чароғравшан» - ойини исломии исмоилиёни Осиёи Марказӣ / Умеди Шоҳзодамуҳаммад // Дирӯз, имрӯз фардо. - Хуҷанд: Нашриёти Ношир, 2005. - Саҳ. 585-591.
300. Эдельман, А. Носира Хусрава и его мировоззрения / А. Эдельман. - Москва: Прогрес, 1987. -231 стр.
301. Эдельман, А. Некоторые данные о научных и философских взглядах Носира Хусрава / А. Эдельман // Известия. АН. Таджикистан ССР. -1953. № 4. - Стр. 155-159.

302. Эделман, А. Шоир, мутафаккир, сайёҳ ва ходими бузурги ҷамъиятии тоҷик дар асри 11 Носири Хусрав / А. Эдельман // Мактаби советӣ. -1952. № 11-12. -Душанбе. - Саҳ. 32-44.
303. Элчибеков, Қ. Истоки легенд о Насир Хусраве / Қудратбек Элчибек // Дирӯз, имрӯз фардо. - Хуҷанд: Нашриёти Ношир. 2005. -Саҳ. 402-407.
304. Элчибеков, Қ. Маншаи ривоёт дар бораи Носири Хусрав / Қудратбеки Элчибек. // Номаи пажуҳишгоҳ. №4. - Душанбе: Нашриёти Ирфон. - Саҳ. 181-189.
305. Эмельянова, Н. Насир Хусрав: свет знания, озаряюҳий истории народов Памира. / Надежда Эмельяновна // Дирӯз, имрӯз, фардо. - Хуҷанд: Нашриёти ношир, 2005. - Стр. 651-656.
306. Энсиклопедияи советии тоҷик. Ҷ. 7. – Душанбе: Дониш, 1987. -1887 саҳ.
307. Энцеклопедический словарь литературоведа. - Москва: Педагогика. 1988. - 977 саҳ.
308. Эренбург, И. Г. Люди, годы, жизнь. Воспоминания о жизни в 6 томах [частично 7-й том]. -М.: Советский писатель, 1961-1966; полное издание в 3 т., 1990).
309. Этте, Ҳ. Таърихи адабиёти форсӣ / Ҳермон Эте. –Теҳрон: Нашриёти таҳқиқотии фарҳангии байналмилалӣ, 1958. - 365 саҳ.
310. Яъқубов, Ю. Саҳифаҳо аз таърихи ватани Носири Хусрави Қубодиёнӣ / Яъқубов Юсуф // Дирӯз, имрӯз, фардо. - Хуҷанд: Нашриёти Ношир, 2005. - Саҳ. 228-240.

Адабиёт ба забони англисӣ:

311. Anderson, B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism / Anderson, Benedict. - London: Verso, 1983; revised edition 1991. - pp. 36–50.
312. Barker, R. Structuralism and Literature / R. Darker. — Moscow: Nauka, 1987. - 275 p.
313. Hirsch, E.D. Authorial Intention and the Meaning of Text / E.D.Hirch // New Criticism, 1967. - 7 p.
314. Mercer, K. Biography and Literature / K. Mercer, Theoretical Approaches. - London: Routledge, 2010. - 290 p.
315. Stefan Z. Maria Stuart. Wien [Reichner] / Zweig Stefan. - London: Routledge, 1935. - 488 p.
316. Williams, R. Key Ideas in Literary Theory / R. Williams. - Moscow: Progress, 2000. - 315 p.
317. Eco, U. The Open Work / U. Eco. - M.: Iskustyo, 1987. - 250 p.